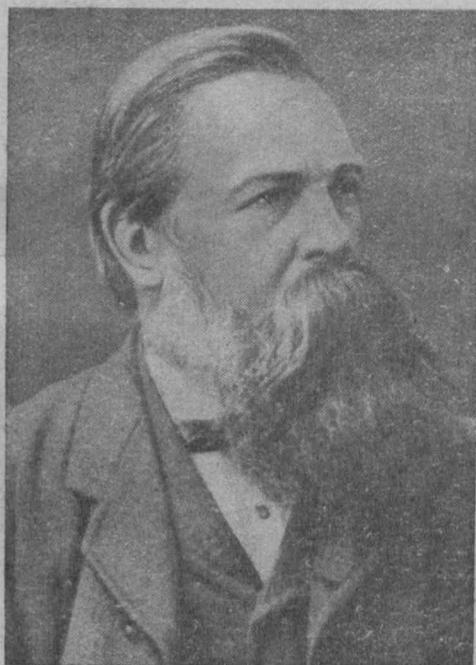

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА

5

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

СО Д Е Р Ж А Н И Е

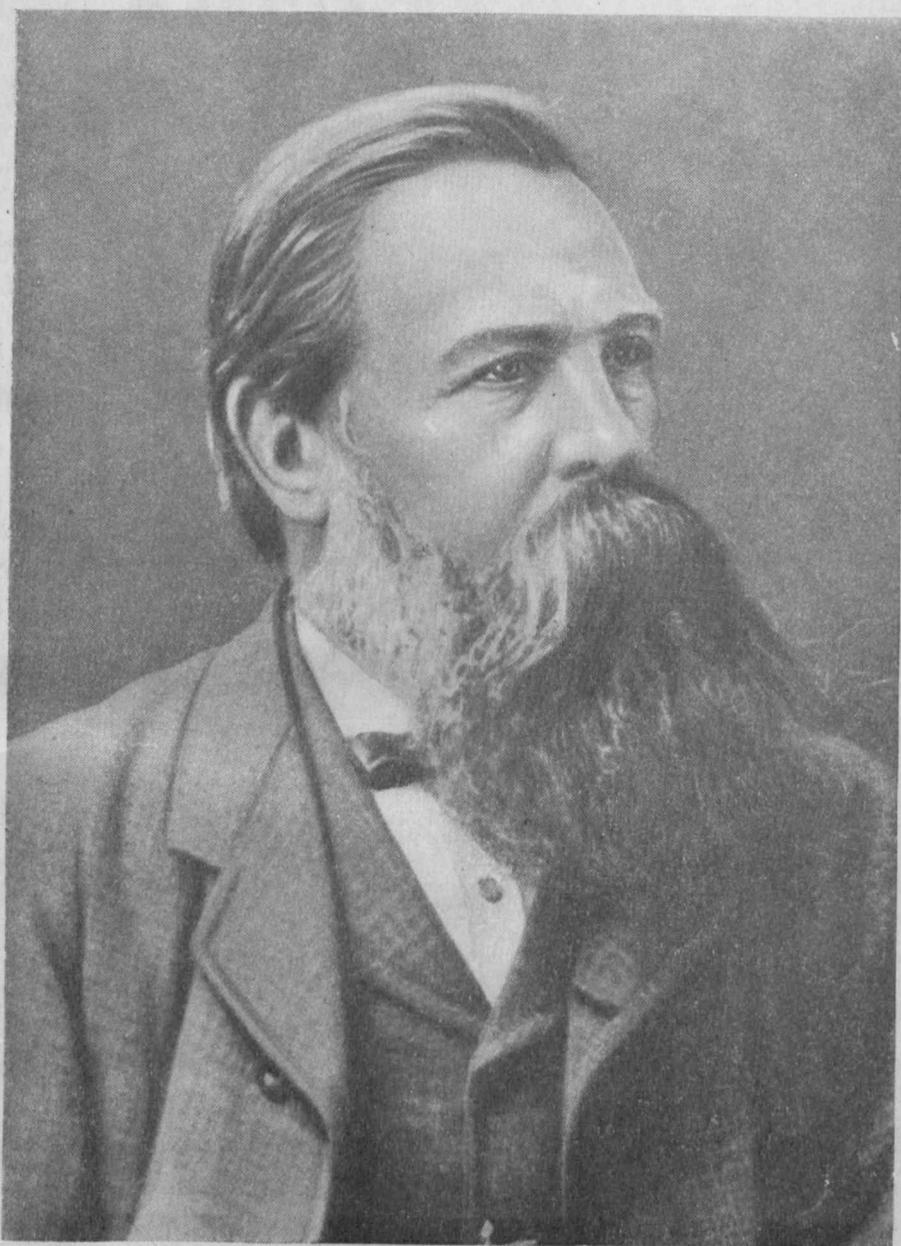
Передовая — Конгресс боевого единства рабочего класса	1
Приветствие товарищу Сталину	13
Приветствие VII конгрессу Коммунистического Интернационала	15
А. Стецкий — К 40-летию со дня смерти Ф. Энгельса	17
В. Адоратский — Сообщение Института Маркса — Энгельса — Ленина об издании работ Энгельса	20
Е. Пашуканис — Энгельс как теоретик марксизма и борец за революционный марксизм	29
М. Митин — Энгельс и диалектический материализм	41
П. Юдин — Великое творение	60
А. Максимов — О переводе «Диалектики природы» Ф. Энгельса	78
П. Олешинский — Положение рабочего класса и рост производительных сил	96
М. Азарин — Энгельс об уничтожении противоположности между городом и деревней	115
А. Душак — Энгельс и вопросы войны	133
Ф. Константинов — Царская цензура о произведениях Ф. Энгельса	153

С НАУЧНОГО ФРОНТА

Х. Коштоянц — О XV международном конгрессе физиологов	166
Н. Днепровский — О Пулковской обсерватории и ее отделении в Николаеве	187
Д. Игнатов — О работе Московского марксистско-ленинского университета научных работников	199

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. Разумовский — Об очерках «В свете марксизма»	205
Н. Проппер — О книге Сперанского «Элементы построения теории медицины»	219

1820—1895

ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

1935 г.

сентябрь—октябрь

№ 5

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая—Конгресс боевого единства рабочего класса против фашизма и войны (1). Приветствие товарищу Сталину (13). Приветствие VII конгрессу Коммунистического интернационала (15). А. Стецкий—К 40-летию со дня смерти Фридриха Энгельса (17). В. Адоратский—Сообщение Института Маркса—Энгельса—Ленина об издании работ Энгельса (20). Е. Пашуканис—Энгельс как теоретик марксизма и борец за революционный марксизм (29). М. Митин—Энгельс и диалектический материализм (41). П. Юдин—Великое творение (60). А. Максимов—О переводе «Диалектики природы» Энгельса (78). П. Олешинский—Положение рабочего класса и рост производительных сил (96). М. Азарин—Энгельс об уничтожении противоположности между городом и деревней (115). А. Душак—Энгельс и вопросы войны (133). Ф. Константинов—Царская цензура о произведениях Ф. Энгельса (153). С НАУЧНОГО ФРОНТА: Х. Коштоянц—О XV международном конгрессе физиологов (166). Н. Днепровский—О Пулковской обсерватории и ее отделении в Николаеве (187). Д. Игнатов—О работе Московского марксистско-ленинского университета научных работников (199). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ: И. Разумовский—«В свете марксизма («A la lumière du marxisme») (205). Н. Проппер—«Элементы построения теории медицины». Сперанский А. Д. Изд. 1935 г. (219).

Конгресс боевого единства рабочего класса против фашизма и войны

VII всемирный конгресс Коммунистического интернационала войдет в историю мирового рабочего движения как событие величайшего значения.

«Конгресс заложил основы такой широкой мобилизации сил всех трудящихся против капитализма, какой не было никогда в истории борьбы рабочего класса» (Димитров). Эти основы мобилизации революционных сил заключаются в новой тактической установке Коммунистического интернационала, направленной на организацию единства рабочего класса, создание единого пролетарского фронта и единого фронта всех трудящихся против реакци и наступления финансового капитала, против шистского варварства и новой империалистической войны.

И теоретическое и практическое значение работ конгресса поистине омно. Решения конгресса и доклады на нем представляют собой блестяе, мастерские образцы марксистского анализа новой конкретной исторической ситуации. Они бросают яркий свет на актуальные задачи, стоящие ед международным рабочим классом, на условия, при соблюдении которых яя штурма, зреющая в сознании масс (Сталин), сможет воплотиться ешающий штурм капитализма сплоченной революционной армией пролетариата и всех трудящихся. Они выявляют сложность и гибкость тактики олетарской борьбы, вооружая рабочий класс и его коммунистические

партии против всякого рода односторонних, стандартных схем, шаблонов и извращений в применении основ революционной тактики, против подмены общими, абстрактными лозунгами конкретного изучения особенностей борьбы в каждой отдельной стране и в особых исторических условиях.

Решения конгресса неизмеримо обогащают опыт нашей теоретической и революционно-практической борьбы на два фронта: как против правой реформистской опасности, непонимания, недооценки и отрицания самостоятельных задач, революционной четкости и необходимой последовательности в руководстве классовой борьбой со стороны компартий, так и в особенности против сектанства, которое получило в свое время уничтожающую критику со стороны Ленина, но которое, к сожалению, и до сих пор нередко служит источником серьезных ошибок и приносит сильнейший вред рабочему движению.

Новая тактическая линия Коммунистического интернационала целиком и полностью базируется на учении Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина о тактике классовой борьбы, вытекает с абсолютной необходимостью из изменившихся условий развития мирового рабочего движения и из конкретного опыта борьбы рабочего класса с фашизмом.

Конгресс констатировал, что соотношение классовых сил в мировом масштабе все более изменяется в сторону роста сил революции и ослабления сил капитализма. Решающее влияние на изменение соотношения классовых сил за истекшие со времени VI конгресса 7 лет оказало и еще в большей степени будет оказывать укрепление социализма в СССР и рост могущества нашего пролетарского государства. Под руководством ВКП(б), ленинского ЦК партии и великого Сталина и при активной поддержке пролетариата всего мира на одной шестой части света, в СССР, окончательно и бесповоротно победил социализм. Социалистическая индустриализация превратила СССР из отсталой, аграрной страны в страну передовой промышленности, металлургии, машиностроения, авио-автотракторостроения. СССР быстро становится страной электричества и химии. Успешно проведена коллективизация сельского хозяйства. Социалистический сектор уже охватил 95,81% общенароднохозяйственного фонда. Не только рабочие, но и крестьянство, вступившее в колхозы, являются непосредственными участниками социалистического строительства. На первый план выдвинулись коренное улучшение материального положения и повышение культурного уровня трудящихся. Результатом и вместе с тем предпосылкой дальнейшего развертывания социализма являются расширение советской демократии, воспитание нового поколения людей с новым, социалистическим сознанием, бодрых и неустанных в труде, целеустремленных и преодолевающих на своем пути любые препятствия.

На основе побед социалистической индустрии и социалистической передки сельского хозяйства, на основе новой техники и выросла необычайно мощь Красной армии, значительно повысились международное значение Советского союза и его влияние на ход развития классовой борьбы.

Доклад тов. Мануильского об этих победах партии Ленина — Сталина был восторженно встречен VII конгрессом Коммунистического интернационала, подчеркнувшим значение СССР для всего полуторамиллиардного угнетенного и поработанного человечества стран капитала.

«Наша сила и наши достижения, — говорил тов. Мануильский, — принадлежат не только народам СССР, не только коммунистическому авангарду, но и рабочему классу всех стран и рабочим, примыкающим к Амстердамскому объединению профсоюзов, и рабочим, идущим за партиями II интернационала, и рабочим неорганизованным, и рабочим загнанным принуждением в фашистские организации. Наши социалистические достижения являются достоянием и трудящегося населения Чапея, и негров Либерии, и ки-

тайцев, и индусов, и малайцев, достоянием трудящихся всего мира, без различия наций и рас, языка и цвета кожи, всех тех, кто борется против эксплуатации и угнетения. И миллионы людей сплачиваются все теснее вокруг СССР—отечества трудящихся всех стран, ибо они начинают понимать, что как в условиях мира, так и в условиях войны интересы укрепления СССР, усиления его могущества, обеспечения ему победы на всех участках борьбы совпадают полностью с интересами всех трудящихся в их борьбе против эксплуататоров, способствуют торжеству мировой пролетарской революции».

VII конгресс Коммунистического интернационала дал восторженную единогласную оценку итогов социалистического строительства в СССР. Конгресс отметил исключительно важное, всемирное значение этой победы социализма для революционирования сознания трудящихся, для подрыва устоев капитализма, для укрепления дела мира. И победа эта, одержанная рабочим классом и колхозным крестьянством СССР под руководством лучшего соратника великого Ленина, мудрого вождя трудящихся всего мира товарища Сталина, «вызывает глубокий переворот в сознании и трудящихся всех стран: она убеждает широчайшие массы социал-демократических рабочих и рабочих других направлений в необходимости общей борьбы за социализм и играет роль решающего фактора в деле осуществления боевого пролетарского единства, она разрушает веками вкоренявшиеся представления и понятия о вечности и незыблемости капиталистических порядков, обнажает банкротство буржуазных теорий и проектов «обновления» капиталистического общества, оказывает на трудящиеся массы революционизирующее воздействие, внушает им уверенность в своих силах и убеждение в необходимости и практической возможности свержения капитализма и построения социализма» (из резолюции VII конгресса по докладу тов. Мануильского).

Победа социализма в СССР, этот новый фактор в истории человечества, создает новую политическую обстановку и новое соотношение классовых сил на международной арене. На живом примере строительства и победы социализма на одной шестой части света, в СССР, широчайшие массы рабочих и угнетенных народов капиталистических стран убеждаются в необходимости и практической возможности свержения капитализма и построения социализма. Они убеждаются в необходимости всеми силами защищать СССР—отечество всех угнетенных, оплот мировой революции, опору против политики воинствующего империализма и фашизма.

Вместе с экономической, политической и военной мощью необычайно вырос авторитет СССР как великой мировой державы, воздействующей на ход мировой политики. Опирающаяся на мощь Красной армии последовательная политика мира, проводимая СССР, превратила СССР в могучий оплот мира, центр сплочения народов и государств, желающих сохранения мира. Расцвет социалистической культуры превратил СССР в подлинный передовой авангард всего культурного человечества, в крупнейший форпост мировой науки, литературы и искусства.

«С победой социализма СССР стал великой государственно-политической, экономической и культурной силой, воздействующей на мировую политику, стал центром притяжения и сплочения всех народов, страны даже государств, заинтересованных в сохранении международного мира, стал оплотом трудящихся всех стран против угрозы войны, могучим орудием сплочения трудящихся всего мира против мировой реакции.

Победа социализма, превратив СССР в силу, приводящую в движение

широкие слои населения, классы, нации, народы и государства, означает новый крупнейший сдвиг в соотношении классовых сил в мировом масштабе в пользу социализма, в ущерб капитализму, начало нового этапа в развитии мировой пролетарской революции» (из резолюции VII конгресса по докладу тов. Мануильского).

Другим важным фактором, вызвавшим изменение в расстановке классовых сил, является крупнейший в истории капитализма экономический кризис, переживаемый капиталистическим миром. Народные массы разорены. Десятки миллионов безработных обречены на голод и вымирание. Там, где производство на базе военной конъюнктуры перешагнуло докризисный уровень (Япония, Англия), положение рабочего класса не улучшилось, а, наоборот, ухудшилось. Повсюду в капиталистических странах продолжается наступление капитала на рабочий класс.

Капиталистический мир ищет выхода из своих противоречий в дальнейшем наступлении на рабочий класс и на жизненный уровень всех трудящихся, в фашизме, этой открытой террористической диктатуре наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала, в новой мировой империалистической войне за новый передел мира, в нападении на СССР. Все эти явления сильно обострились в связи с приходом к власти германского фашизма, этого ударного кулака международного капитализма, этой наиболее реакционной разновидности фашизма.

Товарищ Сталин еще на XVII съезде партии говорил: «Шовинизм и подготовка войны, как основные элементы внешней политики, обуздание рабочего класса и террор в области внутренней политики, как необходимое средство для укрепления тыла будущих военных фронтов,— вот что особенно занимает теперь современных империалистических политиков.

Не удивительно, что фашизм стал теперь наиболее модным товаром среди воинствующих буржуазных политиков. Я говорю не только о фашизме вообще, но прежде всего о фашизме германского типа, который неправильно называется национал-социализмом, ибо при самом тщательном рассмотрении невозможно обнаружить в нем даже атома социализма»¹⁾.

Фашизм обозначает физическое истребление лучших сынов рабочего класса, его вождей и организаторов в тюрьмах и концентрационных лагерях; фашизм уничтожает все политические и культурные организации рабочих и их условия жизни и работы ставит в полную зависимость от буржуазии и ее произвола.

«Злодейский германский фашизм превращает в кровавую массу мужей в присутствии их жен, матерям посылает в почтовых пакетах пепел убитых сыновей. Стерилизация превращена в политическое средство борьбы. Захваченным антифашистам в камерах пыток насильно впрыскивают отравляющие вещества, ломают руки, выбивают глаза, подвешивают, накачивают их водой, вырезают на живом теле фашистскую свастику» (Д и м и т р о в).

Но мы знаем, что наступление фашистской реакции — признак не силы, а слабости международной буржуазии.

Наступление фашизма требует пересмотра и проверки тактических методов революционной борьбы, изучения наиболее уязвимых сторон фашистской организации. Наступление фашизма ставит вновь со всей силой вопрос об объединении всего рабочего класса в борьбе с фашистской реакцией. Вот почему задачи Коммунистического интернационала в борьбе с фашизмом стали в центр внимания конгресса.

Тов. Димитров в исключительно ярком и содержательном докладе дал

¹⁾ И. Сталин «Вопросы ленинизма». 10-е изд., стр. 545.

исчерпывающую характеристику фашизма и методов борьбы с ним. Доклад тов. Димитрова, величайшего антифашистского трибуна и рулевого Коммунистического интернационала, представляет собой мастерской образец марксистско-ленинского теоретического анализа, поучительный пример того, как нужно применять диалектический метод к конкретной ситуации, в самой сложной обстановке классовой борьбы.

Тов. Димитров показал со всей убедительностью, что победа фашизма отнюдь не является неизбежной, что при наличии единства действий рабочего класса наступление фашизма может быть и должно быть отбито. Можно загородить дорогу фашизму, говорил тов. Димитров, боевой активностью и сплоченностью самого рабочего класса, организацией трудящихся масс города и деревни, наличием сильной революционной партии пролетариата, правильной политикой рабочего класса в отношении крестьянства и мелкобуржуазных масс города и бдительностью революционного пролетариата в отношении фашизма. В прошлом у рабочего класса и ряда коммунистических партий этих качеств было недостаточно. Теперь же рабочий класс на собственном опыте борьбы с фашизмом и на собственных ошибках уже понял, как можно загородить дорогу фашизму и как нужно идти в контратаку на фашизм.

Как показал опыт Франции и ряда других стран, могучим средством борьбы с фашизмом и победы над ним является тактика единого фронта. На базе единого пролетарского фронта коммунистических и социал-демократических рабочих коммунисты должны переходить к следующему шагу: к созданию широкого антифашистского народного фронта, объединяющего под руководством рабочего класса мелкую буржуазию города, крестьянство и трудящиеся массы угнетенных национальностей. Величайшей опасностью для успехов революционной борьбы являются политика сектантства, отказ работать в реформистских профсоюзах, массовых фашистских и др. организациях, отказ от объединения усилий «левых» политических партий в борьбе с фашизмом, отказ от защиты завоеваний буржуазной демократии и недооценка буржуазно-демократических форм для развертывания массового движения пролетариата.

Весь доклад тов. Димитрова с убедительностью ставит по-новому — в условиях новой международной обстановки и расстановки классовых сил — вопрос о тактике единого фронта, о правильном подходе к социал-демократии, к работе в реформистских союзах, об участии в правительстве единого народного фронта и т. д. Отмечая полный крах II интернационала, банкротство его вождей, процесс революционирования социал-демократических рабочих, тов. Димитров решительно и по-новому поставил вопрос о необходимости привлечения на сторону единого фронта широких социал-демократических масс.

Очень ярким примером действенности единого фронта является совместное выступление коммунистических и социал-демократических рабочих Франции, которым удалось успешно отбить первые атаки фашизма и тем самым показать международному пролетариату практический путь единства рабочего движения.

VII конгресс Коммунистического интернационала перед величайшей угрозой фашизма указал, что «осуществление единого фронта борьбы рабочего класса представляет на нынешнем историческом этапе главную, ближайшую задачу международного рабочего движения» (из резолюции VII конгресса по докладу тов. Димитрова).

Коммунисты не могут ограничиваться одним общим призывом к борьбе за пролетарскую диктатуру. В сложнейшей текущей обстановке они должны указывать массам, «что им делать сегодня», какие непосред-

ственные экономические и политические интересы стоят перед массами, что укрепляет позиции рабочего класса и какие уязвимые места фашизма должны быть атакованы рабочим классом сегодня и завтра.

VII конгресс предлагает коммунистическим партиям капиталистических стран «добиваться совместных выступлений с социал-демократическими партиями, реформистскими профсоюзами и другими организациями трудящихся против классовых врагов пролетариата на основе кратковременных и длительных соглашений», формы которых должны определяться конкретными условиями борьбы рабочего класса и той организации, в которой работают коммунисты. Компартии при этом не должны останавливаться перед созданием таких форм, как единые массовые политические партии, единые профсоюзы и правительство пролетарского единого фронта или антифашистского народного фронта. В любых организациях (партийных, профсоюзных, молодежи, женщин, кооперативных, спортивных, массовых фашистских и т. д.) коммунисты должны работать в массах, решительно преодолевая в своей прежней практике работы сектантство, неизбежно приводящее к самоизоляции, к отрыву от масс.

Особое внимание должно быть обращено на молодежь, откуда главным образом фашизм вербует ударные отряды. VII конгресс настойчиво предлагает преодолеть имеющуюся сектантскую замкнутость комсомольских организаций, обязав комсомольцев «войти во все созданные буржуазно-демократическими, реформистскими и фашистскими партиями, а также религиозными объединениями массовые организации трудящейся молодежи...»

С особой силой VII конгрессом подчеркивается необходимость единства профдвижения в национальном и в международном масштабах на основе классовой борьбы и профсоюзной демократии.

«Мы стоим решительно за восстановление единства профсоюзов в каждой стране и в международном масштабе, мы за единые профсоюзы в каждом производстве, за единое профдвижение в каждой стране, мы за единые интернационалы по производствам, мы за единый Интернационал профсоюзов на основе классовой борьбы», — так решительно заявляют миллионы революционных рабочих устами своего испытанного рулевого тов. Димитрова с трибуны VII конгресса.

Все это означает, что обстановка работы коммунистов капиталистических стран осложняется и изменяется: им предстоит в единой организационной системе (вплоть до коалиционных партий и единой профсоюзной организации) вести массы против фашизма и вести ожесточенную борьбу против оппортунизма партийного и профсоюзного руководства II и Амстердамского интернационалов как идеологии и практики классового сотрудничества с буржуазией, показывать социал-демократическим массам лживость их вождей, расхождение их программных положений, их платформ с их практикой, терпеливо разъяснять принципы и программу коммунизма.

VII конгресс Коммунистического интернационала с особой силой подчеркнул необходимость решительной борьбы братских компартий на два фронта против оппортунизма. Он указал на необходимость энергичной борьбы «за искоренение всех остатков сектантства, являющегося в данный момент чрезвычайно серьезной помехой для проведения действительно массовой большевистской политики коммунистических партий».

В. И. Ленин в своей исторической работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» давал очень четкие директивы коммунистическим партиям о необходимости использования легальных возможностей и работы коммунистов в реакционных профсоюзах.

«Как раз нелепая «теория» неучастия коммунистов в реакционных профсоюзах, — писал он, — показывает наиболее наглядно, как легкомысленно эти «левые» коммунисты относятся к вопросу о влиянии на «массы», как злоупотребляют они своими выкриками насчет «массы». Чтобы уметь помочь массе и завоевать симпатии, сочувствие, поддержку «массы», надо не бояться придинок, подножек, оскорблений, преследований со стороны «вождей» (которые, будучи оппортунистами и социал-шовинистами, в большинстве случаев прямо или косвенно связаны с буржуазией и с полицией) и обязательно работать там, где есть масса»¹⁾.

Эти замечательные указания Ленина исключительно актуальны и в настоящее время, в обстановке фашистского варварства и угрозы империалистической войны, когда «детская болезнь левизны» в ряде случаев является уже вкоренившимся пороком.

Конгресс наряду с борьбой против самодовольного сектанства также указал, что «коммунисты должны усилить бдительность в отношении опасности правого оппортунизма и вести решительную борьбу против всех его конкретных проявлений, имея в виду, что при широком применении тактики единого фронта правая опасность будет нарастать».

Наступление фашизма есть вместе с тем приближение и рост угрозы новой мировой империалистической войны. Война за новый передел мира, за колонии, за расчленение СССР — в этом фашизм видит выход из внутренних противоречий. Бешеная подготовка к войне, неслыханный рост вооружений, неустанная пропаганда милитаризма и шовинизма — таковы те факты, которые конгресс констатировал в резолюции по докладу тов. Эрколи.

«Германские фашисты, являющиеся главными поджигателями войны, — отмечает резолюция конгресса, — стремятся к гегемонии германского империализма в Европе и ставят вопрос об изменении европейских границ посредством войны за счет своих соседей. Авантюристические планы германских фашистов имеют в виду военный реванш против Франции, раздел Чехословакии, аннексию Австрии, уничтожение самостоятельности прибалтийских стран, нападение на Советский союз, отторжение от СССР Советской Украины. Германский фашизм требует для себя колоний, стремясь разжечь настроения в пользу всемирной войны за новый передел мира. Все эти затеи зарвавшихся зачинщиков войны способствуют обострению противоречий между капиталистическими государствами и создают беспокойство во всей Европе» (из резолюции VII конгресса по докладу тов. Эрколи).

Японский империализм своей военной оккупацией Манчжурии и Северного Китая уже положил начало новому переделу мира. Его грабительский поход, направленный прежде всего против китайского народа, одновременно является подготовкой плацдарма для ведения контрреволюционной войны против Советского союза и Советского Китая.

Итальянский фашизм от грозных ультиматумов уже перешел к конкретному пересмотру границ колониальных владений методами военного захвата. Итальянский фашизм добивается монопольного порабощения Абиссинии, расширения своих африканских колоний и соединения Эритреи и Итальянского Сомали. Пытаясь смягчить свои противоречия в Африке с Францией, он наталкивается, однако, на английские «интересы» в Абиссинии.

Порабощение Абиссинии Италией даст возможность Италии в последую-

¹⁾ В. И. Ленин «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». 10-е изд., стр. 31.

щем поставить вопрос о господстве Англии над Суэцким каналом, который является ключом для решения всей колониальной проблемы.

Во что выльется вся эта авантюра итальянского фашизма? Совершенно ясно, что английский империализм свои позиции в колониях без решительного боя не сдаст и африканские дела с помощью империалистов и других стран легко могут перерасти в новую мировую империалистическую войну.

Империалисты всех стран отнюдь не заинтересованы в локализации войны в границах Абиссинии. В особенности германский фашизм, пользуясь любыми средствами, готов навязать человечеству новую империалистическую бойню и организовать крестовый поход против Советского союза.

Угроза фашизма и империалистической войны растет изо дня в день.

Единственная сила, способная предотвратить новую империалистическую войну, заключается в едином фронте широчайших масс и в последовательной политике мира СССР, организующей все народы против империалистической войны.

VII конгресс призвал рабочий класс и трудящихся всех стран на борьбу с военной опасностью, за укрепление мира, на поддержку мирной политики СССР. Единство рабочего класса, тактика единого фронта должны быть могучими орудиями борьбы за мир.

Перед коммунистами колониальных и полуколониальных стран конгресс выдвинул задачу «по созданию антиимпериалистического народного фронта» против империалистической эксплуатации, за изгнание империалистов из своих стран.

Единый фронт против наступления капитализма и фашизма встречает горячую поддержку рабочих капиталистических стран. Рабочий класс на опыте своей борьбы убеждается, что фашизм и империалистическая война — не фатальное явление, что можно отбить фашизм и потушить пожар надвигающейся новой империалистической войны.

VII конгресс Коммунистического интернационала заявил открыто перед всем миром: «В случае же возникновения новой мировой империалистической войны, вопреки всем стараниям рабочего класса предотвратить ее, коммунисты будут стремиться повести противников войны, организованных в борьбе за мир, на борьбу за превращение империалистической войны в войну гражданскую, против фашистских поджигателей войны, против буржуазии, за свержение капитализма» (из резолюции VII конгресса по докладу тов. Эрколи).

Умелое и правильное проведение политики единого фронта ни в коем случае не должно означать капитуляцию перед реформизмом, утерю самостоятельности компартий и отказ от последовательно-революционных принципов.

Совершенно ясно, что коммунисты не могут ни на одну минуту отказаться от своей самостоятельной работы по пропаганде ленинизма, организации и мобилизации масс в свои ряды, завоевания большинства рабочего класса на сторону коммунизма.

Организация единого фронта и предстоящие задачи требуют от коммунистических партий всемерного организационного и идейного укрепления своих рядов, гибкости и большевистской инициативы партийных организаций и отдельных товарищей. Иначе неизбежны прежние ошибки сектантского порядка, а также и ошибки правооппортунистического характера и хвостизма, иначе неизбежны поражения рабочего класса. Никогда нельзя забывать слов товарища Сталина: «Победа революции и никогда не приходит сама. Ее надо подготовить и завоевать, а завоевать ее может только сильная пролетарская революционная партия». Для того чтобы создать единый фронт про-

тив фашизма и войны и вести этот фронт в бой, сами коммунисты идейно и организационно должны быть сплочены и сильны.

Коммунистический интернационал вырос и окреп за последние годы в идейно-организационном отношении. Со времени VI конгресса число членов мировой коммунистической партии выросло с 1676 тыс. до 3148 тыс. Несмотря на кровавый террор число членов партии в капиталистических странах возросло с 445 300 до 758 500. Число партий, примыкающих к Коммунистическому интернационалу, возросло с 65 до 76. Ныне количество всех коммунистов и членов Коммунистического союза молодежи достигает 6800 тыс. Идейный и организационный рост коммунистических партий, не говоря уже о ВКП(б), чрезвычайно велик. Тем выше, однако, к ним требования, предъявляемые современной обстановкой.

Из сложности обстановки классовой борьбы и из задач осуществления единства боевого пролетарского фронта вытекает с особой остротой вопрос о коммунистических кадрах, впитавших в себя теорию большевизма, практически проводящих ее в действительность и умеющих сочетать революционные перспективы с непосредственными актуальными задачами борьбы, проявлять инициативу и самостоятельность при разрешении наиболее сложных вопросов. В этой связи нельзя не напомнить заветы Ленина в той же книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»: «Надо иметь собственные головы на плечах, чтобы в каждом отдельном случае уметь разобраться. В том-то и состоит, между прочим, значение партийной организации и партийных вождей, заслуживающих этого звания, чтобы длительной упорной, разнообразной, всесторонней работой всех мыслящих представителей данного класса вырабатывать необходимые знания, необходимый опыт, необходимое, кроме знания и опыта, политическое чутье для быстрого и правильного решения сложных политических вопросов»¹⁾.

VII всемирный конгресс демонстрировал исключительную идейную монолитность и сплоченность Коммунистического интернационала. На незыблемой основе марксизма-ленинизма конгресс наметил Коммунистическому интернационалу новые пути, сочетающие революционный героизм с подлинным революционным реализмом. Единство рабочего класса, единый фронт всех революционных сил против наступления финансового капитала и фашизма, против империалистической бойни, за диктатуру пролетариата и за жгучие интересы и нужды широчайших масс — вот основы решений конгресса.

Конгресс обратил серьезнейшее внимание «на необходимость систематической идеологической борьбы против фашизма» (из резолюции VII конгресса по докладу тов. Димитрова). В своем докладе тов. Димитров заострил эту проблему в трех основных направлениях: 1) необходимо своевременно и достаточно полно реагировать на самые реакционные, хотя могущие показаться нелепыми и сумасбродными, проявления фашистской идеологии, давать решительный отпор социальной демагогии фашизма; 2) уделять серьезное внимание вопросам и с т о р и и каждого народа, вскрывать фашистские фальсификации истории и давать народным массам правильное марксистско-ленинское представление об их прошлом, увязывая их теперешнюю борьбу с их революционными историческими традициями; 3) выбить из рук фашизма такое сильнейшее оружие, как использование им национальных чувств трудящихся масс, поднять на должную теоретическую высоту изучение и понимание национального вопроса, ведя борьбу на два фронта: как с буржуазным национализмом и шовинизмом, так и с национальным нигилизмом — против недооценки национальных форм

¹⁾ В. И. Ленин «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», стр. 44.

социалистической культуры, против несерьезного отношения к национальным чувствам и национальной гордости каждого народа.

Тов. Димитров совершенно справедливо указал, что наши теоретические работники, институты позорно мало делают для идеологического разоблачения фашизма. Работники теоретического фронта должны признать, что в течение известного периода в их рядах нередко имела место явная недооценка всего значения теоретической борьбы с фашизмом. Процесс революционизирования социал-демократических рабочих не только не исключает, но «делает еще более необходимым серьезную, обоснованную критику реформизма, социал-демократизма как идеологии и практики классового сотрудничества с буржуазией» (из резолюции VII конгресса по докладу тов. Димитрова). Однако совершенно очевидно, что в новой сложившейся обстановке разоблачение социал-демократических теорий должно умело сочетаться с борьбой непосредственно против фашистской идеологии.

Исключительной важности задачи стоят, в частности, перед нашими марксистскими историками. Тов. Димитров вскрыл в своем докладе яркие факты фальсификации фашистами исторической науки. Германский фашизм стремится изобразить все прошлое историческое развитие Германии как «закономерную» подготовку возникновения «третьей империи» и ее «вождя». При этом фашизм представляет себя в качестве преемника всех лучших традиций немецкого народа, всего героического прошлого Германии. Великие теоретики, поэты, философы, за исключением лиц явно «неарийского» происхождения вроде Гейне, зачисляются при этом в предшественники фашизма. Итальянские фашисты беспокоят с той же целью тень Гарибальди, французские «боевые кресты» взывают к образу Жанны д'Арк и т. п. Социальная демагогия фашизма находит себе питательную почву в национальных чувствах мелкой буржуазии, крестьянства, в темноте народных масс.

Наши историки должны создать, наконец, марксистски выдержанные и в то же время достаточно популярные работы по истории каждого народа, приняв во внимание эти национальные чувства и переживания масс и дав трудящимся массам подлинное, яркое и образное представление о его подлинно национальных героях, об их действительной роли, о вождях крестьянских восстаний, о действительно социальном классовом смысле народных легенд и сказаний, воспевавших упорный труд человека в его борьбе с природой и его сопротивление угнетателям.

Критика философии и социальной «теории» фашизма только начинается и должна быть значительно углублена и расширена. Большая работа выпадает и на долю историков философии: им придется всерьез заняться разоблачением исторических фальсификаций фашизма по отношению к таким мыслителям, как Гегель, Лейбниц и др., которых фашистские теоретики усиленно и безосновательно прочат в свои духовные праотцы. Критика философии фашизма должна развертываться при этом в неразрывной связи с основными актуальными задачами революционного рабочего движения, намеченными конгрессом.

Решениями конгресса выражены воля, чаяния и нужды миллионов трудящихся всего мира. Коммунистические партии капиталистических стран на основе этих решений смогут вовлекать все более широкие массы в революционную классовую борьбу и подводить их к пролетарской революции. И на этой же основе они смогут изжить свою изолированность от масс и изолированность рабочего класса от его естественных союзников в борьбе с фашизмом.

Идея единого фронта с коммунистами во главе уже проверена практикой классовой борьбы. Путь освобождения мирового рабочего класса от капиталистического рабства полностью подтвержден победой социализма в

СССР. Путь освобождения угнетенных масс колониальных стран от двойного рабства освещается героической борьбой советской власти и красной армии Китая. Путь освобождения всего человечества от пут капитала озарен мощным прожектором — учением Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, проведенным и претворенным в действительность рабочим классом СССР под руководством Ленина и Сталина.

«И если, — как сказал тов. Вильгельм Пик, — от первой настоящей буржуазной революции — Великой французской революции 1789 г. — до наступления того времени, когда по всей Европе пронеслась волна буржуазных революций, окончательно уничтожившая власть феодализма, потребовалось неполных 50 лет, то от победы первой социалистической революции — Великой Октябрьской революции 1917 г. — до победы социализма во всем мире потребуются не большие, а значительно меньшие сроки».

Под знаменем Коммунистического интернационала, под руководством вождя мирового пролетариата товарища Сталина и первого рулевого Коммунистического интернационала, великого антифашистского трибуна товарища Димитрова пролетариат и трудящиеся массы капиталистических стран и колониальные и угнетенные народы сумеют найти путь своего избавления от капитализма, от кошмара империалистической войны и фашистской реакции.

5 августа 1935 г. в Москве состоялось торжественное заседание, посвященное сорокалетней годовщине со дня смерти Ф. Энгельса, созванное Дирекцией Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б), Президиумом Коммунистической академии и Отделом культуры и пропаганды ленинизма МГК ВКП(б).

На этом заседании были заслушаны:

1. Вступительное слово тов. Стецкого.
2. Сообщение Института Маркса—Энгельса—Ленина об издании работ Энгельса—тов. Адоратского.
3. Энгельс как теоретик марксизма и борец за революционный марксизм—доклад тов. Пашуканиса.
4. Энгельс и диалектический материализм—доклад тов. Митина.

От имени торжественного заседания были посланы приветствия вождю мирового пролетариата товарищу Сталину и заседавшему в Москве VII конгрессу Коммунистического интернационала.

Приветствия и стенограммы вступительного слова и докладов печатаются ниже.

Приветствие товарищу Сталину

Дорогой товарищ Сталин!

Торжественное собрание московского партийного актива, посвященное славной памяти Фридриха Энгельса, шлет тебе — любимому вождю мирового пролетариата — свой горячий коммунистический привет!

40 лет тому назад со смертью Энгельса мировой пролетариат лишился величайшего революционного мыслителя, гениального и пламенного борца, вместе с Марксом создавшего великое учение научного социализма, вместе с Марксом посвятившего всю свою замечательную жизнь классовой борьбе пролетариата за уничтожение капиталистического строя, за торжество социализма.

Революционные пролетарии всего мира свято чтят память Маркса и Энгельса, которые «научили рабочий класс самопознанию и самосознанию и на место мечтаний поставили науку». Учение Маркса и Энгельса указало пролетариату единственно правильный путь к социализму — путь диктатуры пролетариата.

Угнетатели и эксплуататоры и их презренные социал-оппортунистические слуги не раз собирались со смертью Маркса и Энгельса похоронить и марксизм, трепеща перед его гигантской революционной силой. Но уже у изголовья умершего Энгельса во весь свой исполинский рост поднялся могучий гений Ленина. Знамя пролетарской революции из рук умершего Энгельса перешло в единственно достойные руки гениального вождя пролетариата — Л е н и н а, открывшего новую эпоху борьбы за победу социализма.

Ленину пролетариат обязан развитием и обогащением учения Маркса и Энгельса. Ленинизм явился дальнейшим развитием марксизма, ленинизм вооружил пролетариат для победоносного штурма капитализма.

Ленин умер, но жив ленинизм, и высоко над героическими армиями пролетариев всех стран реет знамя марксизма-ленинизма, знамя коммунизма.

Это знамя несешь ты, наш дорогой вождь, смело и бесстрашно, через бури и невзгоды жесточайших классовых битв, сплачивая миллионы бойцов для окончательного разгрома капитализма.

Под этим знаменем растишь и укрепляешь ты, товарищ С т а л и н, нашу партию в духе подлинной марксо-ленинской идейности, ненависти к врагам рабочего класса и непримиримости ко всем его пособникам.

Под этим знаменем, под твоим руководством пролетарская диктатура

разгромила капиталистические классы в нашей стране и победоносно осуществляет полное уничтожение причин, порождающих классовое различие и эксплуатацию.

Ленинское учение о построении социализма в одной стране, блестяще развитое и практически примененное тобой, товарищ Сталин, стало могучим оружием разгрома контрреволюционных троцкизма и зиновьевщины и оппортунизма всех мастей, оружием победоносного социалистического строительства, оружием классовых битв во всем мире.

Великие исторические победы пролетариата, возглавляемые тобой, наш дорогой вождь и учитель, достойно начертали твое имя на нашем великом знамени рядом с незабываемыми учителями и вождями мирового пролетариата Марксом, Энгельсом, Лениным.

В борьбе и боях, продолжаешь ты развивать, дополнять и обогащать теорию Маркса — Энгельса — Ленина.

И наше непобедимое знамя вздымается все выше, указывая всем угнетенным путь к свержению капиталистического владычества!

И наше революционное учение все более ярким пламенем зажигает сердца миллионов борцов за мировую социалистическую революцию!

Вместе с распадом капиталистического мира рассыпаются в прах все теории и теориейки идеологов буржуазного общества и бандитского режима фашизма, в то время как великое учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина уже воплощено в гигантской социалистической индустрии, бесповоротно победившем колхозном строе, бурном росте новой, социалистической культуры, в миллионах поднявшихся к новой жизни творцов социалистического общества, в их бессмертных героических подвигах. Наше учение побеждает и окончательно победит во всем мире.

Да здравствует великое непобедимое знамя Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина!

Да здравствует любимый вождь и учитель мирового пролетариата — товарищ Сталин!

Приветствие VII Всемирному конгрессу Коммунистического Интернационала

В день сорокалетия со дня смерти Фридриха Энгельса — великого учителя и вождя мирового пролетариата, борца за революционный марксизм, неутомимого боевого знаменосца пролетарского Интернационала — торжественное заседание московского партактива шлет пламенный привет всем братским коммунистическим партиям и VII Всемирному конгрессу Коммунистического Интернационала — революционному штабу международного пролетариата.

Огненными буквами вписано в историю Интернационала имя Энгельса, одного из организаторов и вождей Первого международного товарищества рабочих. В борьбе против реформизма и оппортунизма и мелкобуржуазной революционности Маркс и Энгельс выковали мировую пролетарскую партию. После распада I Интернационала Энгельс указал, что следующий Интернационал должен быть чисто коммунистическим Интернационалом. II Интернационал не оправдал этой надежды. Его деятели опошлили и извратили марксизм и предали интересы рабочего класса.

Борьбу Маркса и Энгельса за мировую пролетарскую партию продолжил Ленин. Он возродил революционное содержание марксизма, замуравленное оппортунистами II Интернационала, он развил марксизм дальше в новых условиях капитализма и классовой борьбы пролетариата. Ленин создал партию нового типа, организовал Коммунистический Интернационал, повел рабочий класс по пути Маркса и Энгельса к победе диктатуры пролетариата.

Великая Октябрьская революция, совершенная рабочим классом под руководством Ленина и Сталина, открыла новую эпоху — эпоху III Интернационала. Великий Октябрь «знаменует победу марксизма над реформизмом, победу ленинизма над социал-демократизмом, победу III Интернационала над II Интернационалом» (Сталин).

Ленин и Сталин понесли знамя Маркса и Энгельса к новым невиданным победам. III, Коммунистический Интернационал — великое Международное товарищество рабочих, подлинно мировая партия пролетариата.

Всемирно-исторические победы социализма, одержанные рабочим классом нашей социалистической родины под руководством великого Сталина, показывают рабочему классу всего мира пути освобождения от капитали-

стического гнета и империалистических войн, фашистского варварства, нищеты и голода.

СССР — гордость и слава мирового пролетариата. Победы страны диктатуры пролетариата сплачивают вокруг партий Коммунистического Интернационала пролетариев капиталистических стран и трудящихся колоний. Победа социализма в СССР укрепляет силы мировой революции и мобилизует рабочий класс и трудящихся колоний и зависимых стран на освободительную борьбу против империализма.

«Идея штурма зреет в сознании масс».

Перед лицом назревающего в ряде стран революционного кризиса Коммунистический Интернационал является единственной организацией, преодолевающей в рабочем классе раскол, вызванный изменой II Интернационала, сплачивающей массы рабочего класса на борьбу против фашизма, против поджигателей войны, на борьбу за свержение господства капитализма, на борьбу за диктатуру пролетариата.

VII конгресс Коммунистического Интернационала, его исторические решения вызовут новую волну революционного подъема рабочих масс, еще большую их решимость и готовность к новым схваткам, к новым ожесточенным боям против капитала, против фашизма, за социализм.

Фашизм или социализм? — так поставлен историей вопрос. Успехи единого фронта, начало ликвидации раскола в рабочем движении приближают день победы рабочего класса. Под великим непобедимым знаменем Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина — под знаменем Коммунистического Интернационала — трудящиеся всего мира сметут с лица земли фашизм, а вместе с ним и капитализм и создадут социалистическое общество во всем мире.

Да здравствует VII Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала!

Да здравствует любимый вождь международного пролетариата, гениальный продолжатель дела Маркса, Энгельса, Ленина — великий Сталин!

К 40-летию со дня смерти Фридриха Энгельса

(Вступительное слово)

А. Стецкий

Товарищи, 40 лет назад, 5 августа 1895 г., в Лондоне скончался Фридрих Энгельс—друг и соратник Карла Маркса, вождь и теоретик революционного пролетариата.

Вся деятельность Энгельса была связана неразрывными узами с его великим другом Карлом Марксом.

«После своего друга Карла Маркса,—говорит Владимир Ильич Ленин,—Энгельс был самым замечательным ученым и учителем современного пролетариата во всем цивилизованном мире. С тех пор, как судьба столкнула Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом, жизненный труд обоих друзей сделался их общим делом. Поэтому для того, чтобы понять, что сделал Фридрих Энгельс для пролетариата, надо ясно усвоить себе значение учения и деятельности Маркса в развитии современного рабочего движения»¹).

Имя Энгельса, таким образом, неотделимо в нашем сознании от имени Маркса: они вместе создали великую теорию пролетариата.

Маркс и Энгельс впервые дали пролетариату сознание его собственного положения, его классовых интересов, сознание условий его освобождения.

Они впервые показали, что пролетариат, который есть необходимое порождение капиталистического строя, вместе с тем есть тот класс, исторической задачей которого является освобождение человечества от всякой эксплуатации и всякого рабства.

Маркс и Энгельс впервые в своих научных трудах показали, что коммунизм есть результат развития производительных сил современного общества и что вместе с тем он может быть достигнут лишь через пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата.

Это великое учение было создано рука об руку Марксом и Энгельсом. Энгельс помогал Марксу во всех его трудах. Маркс обращался к Энгельсу за советами и помощью во всех трудных случаях, и, заканчивая свое великое творение — «Капитал», Маркс обращается к своему другу с самыми трогательными словами благодарности за помощь, за то, что сделал Энгельс, участвуя в создании этого великого творения.

Фридрих Энгельс—гениальный мыслитель пролетариата, образованнейший человек своего времени. Этот всесторонне образованный борец, ученый и революционер обладал знаниями множества языков, был глубоко сведущ и в вопросах политики, экономики и истории, был величайшим знатоком философии и естествознания. Занимался он и военным делом.

¹) Ленин «Маркс—Энгельс—марксизм», стр. 47. Партиздат. 1935.

Он внес и собственный вклад в сокровищницу коммунизма. Его труды, как «Анти-Дюринг», «Диалектика природы», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и ряд других произведений, вошли в сокровищницу коммунизма. Знание этих произведений обязательно для всех, кто изучает теорию марксизма-ленинизма.

«Диалектика природы» является теперь настольным пособием для наших ученых, академиков, для тех, кто занимается естественными науками.

Энгельсу мы обязаны тем, что величайшее произведение, которое вооружило пролетариат его революционной теорией, знанием законов возникновения, развития и гибели капиталистического общества,—«Капитал», вышедший при жизни Маркса только частью, что это произведение появилось в свет полностью во всех своих остальных частях лишь благодаря той упорной, гигантской работе, которую провел Энгельс по изданию II и III томов «Капитала». Только он, ближайший друг Маркса, человек, который знал не только общий ход мыслей Маркса, но который знал и каждое движение этой мысли, только он мог исполнить эту гигантскую работу по завершению научного творения Маркса. Энгельс был не только мыслителем и ученым: подобно своему великому другу, он был боевым пролетарским революционером. В молодости он участвовал в боях на революционных баррикадах, он изучал военное дело не зря, не из простого интереса: он изучал его, готовясь к будущим битвам, битвам пролетарской революции.

При жизни Маркса и вместе с ним Энгельс участвовал в создании I интернационала, он вел непримиримую борьбу с оппортунизмом в этом Интернационале, с агентурой буржуазии, которая проникла в рабочее движение. И постоянно в этой борьбе Энгельс подчеркивал основную мысль о том, что пролетариат может победить, только организовавшись для совершения социалистической революции, для завоевания пролетарской диктатуры. Он постоянно подчеркивал значение пролетарской диктатуры, этого стержня революционной теории пролетариата. Энгельс до конца дней своей жизни сохранил свежесть, ясность ума и непоколебимость пролетарского революционера.

Прошу почтить память нашего учителя и вождя Фридриха Энгельса вставанием. (Присутствующие встают. Оркестр исполняет траурный марш.)

Товарищи, Энгельс умер на той исторической грани, когда капитализм вступил в новую стадию, в стадию империализма. Эта стадия поставила целый ряд новых вопросов стратегии, тактики и теории пролетариата. И здесь великим продолжателем дела Маркса и Энгельса явился Ленин, который в этих новых условиях, в условиях империализма, развил марксистскую теорию, дал анализ эпохи империализма, создал учение о партии нового типа, о партии пролетариата, развил учение Маркса и Энгельса о пролетарской диктатуре.

Ленин, и только Ленин, не только дал анализ империалистической стадии капитализма, дал анализ империалистических войн, но и выдвинул лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую.

Именно Ленину принадлежит та всемирно-историческая заслуга, что он открыл истину о возможности в новых условиях эпохи империализма победы социализма в одной стране.

Вся теория Маркса—Энгельса получила дальнейшее развитие в гениальнейших трудах Ленина. Под его руководством и под руководством Сталина пролетариат не только сделал целый ряд крупнейших завоеваний, но он свершил то историческое дело, которое было завещано Марксом—Энгельсом,—дело свержения буржуазии, дело завоевания пролетарской диктатуры.

И в настоящее время мы видим, как великая цель, за которую боро-

лись Маркс и Энгельс, за которую боролся Ленин,—эта великая цель социалистической революции, построения социалистического общества осуществляется на наших глазах в жизни. Она осуществляется усилиями пролетариата Советского союза. Пролетариат Советского союза, следуя учению Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, поставил своей непосредственной задачей завершение построения полностью социалистического общества в ближайшие же годы.

Под руководством Сталина мы не только свершаем эту величайшую историческую задачу: под руководством Сталина и вся теория марксизма-ленинизма получает дальнейшее развитие, поднимается на новую ступень.

Пролетариат в настоящее время вооружен знанием не только законов развития капиталистического общества. Он не только знает пути и средства, как завоевать пролетарскую диктатуру и как свершить социалистическую революцию. Нет, товарищи, под руководством Сталина мы получили в настоящее время дальнейшее развитие теории марксизма-ленинизма, которая говорит революционному пролетариату и о том, как строить и построить социалистическое общество. Эта теория освещает в настоящее время перед нами труднейшие пути от капитализма к социализму.

Товарищи, великие идеи Маркса находят воплощение не только в нашей стране, в нашей героической борьбе за социализм. Нет, они находят воплощение и на VII конгрессе Коммунистического интернационала, где собраны все лучшие представители мирового пролетариата, которые идут под великим непобедимым знаменем Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

На родине наших учителей, в Германии, временно восторжествовала озверевшая фашистская реакция, которая хочет в крови и грязи затопить пролетарское движение. Это им не удастся! Идеи Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина живут в сердцах германских пролетариев, и мы уверены, что германская коммунистическая партия свершит свое историческое дело и несмотря ни на какие препятствия дело коммунизма восторжествует и в Германии. (А п л о д и с м е н т ы.)

Да здравствует победа коммунизма во всем мире!

Да здравствует Коммунистический интернационал!

Да здравствует великий С т а л и н—продолжатель дела Маркса—Энгельса—Ленина! (Б у р н ы е п р о д о л ж и т е л ь н ы е а п л о д и с м е н т ы . В с е в с т а ю т .)

Сообщение Института Маркса—Энгельса— Ленина об издании работ Ф. Энгельса

В. Адоратский

Жизнь и деятельность Энгельса неразрывно слились с жизнью и деятельностью Маркса. «На страницах истории их имена будут связаны навеки» (Лафарг «Воспоминания о Марксе»). Невозможно поэтому, говоря об Энгельсе, о его работах и их издании, не сказать о Марксе, не коснуться вопроса о взаимоотношениях двух вождей всемирной рабочей революции, двух основоположников научного коммунизма.

40 лет назад, в 1895 г., Ленин в своей статье—некрологе о Ф. Энгельсе—писал: «Старинные предания рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе».

Энгельс сам, говоря много раз о своих взаимоотношениях с Марксом, постоянно подчеркивал, что в их совместной политической и научной работе Марксу принадлежало первое место. В предисловии к «Коммунистическому манифесту», написанном Энгельсом вскоре после смерти Маркса, Энгельс считал нужным определенно заявить, что не он, а Маркс является автором идей, развитых в этом произведении. Но в то же время Энгельс отмечает, что он самостоятельно шел по пути выработки именно этих же взглядов.

В другом месте (в брошюре «Людвиг Фейербах») Энгельс говорит, что хотя он самостоятельно содействовал как обоснованию, так и преимущественно разработке теории, но огромнейшая часть основных, руководящих мыслей, особенно в области истории и экономики, и, еще больше, их окончательная отчетливая формулировка принадлежат Марксу.

«Маркс стоял выше, видел дальше, обозревал больше и скорее всех нас,—говорит Энгельс.—Маркс был гений, мы, в лучшем случае, таланты. Без него наша теория далеко не была бы теперь тем, что она есть. Поэтому она справедливо называется его именем».

Это верно, что, работая со своим гениальным другом, Энгельс занимал второе место («играл вторую скрипку», как он сам выразился в письме Беккеру от 15/X 1884 г.). Но не надо забывать, что это второе место было рядом с одним из величайших гениев человечества. Энгельс сам по себе представляет огромную величину: он был великим революционером, крупнейшим ученым, глубоким исследователем, новатором в ряде областей человеческого знания, блестящим полемистом, неустрашимым борцом за пролетарское дело.

Есть некоторые работы, которые приписывались Марксу, а потом выяснилось, что автор их—Энгельс, например «Революция и контрреволюция в Германии». Есть ряд крылатых слов, кратких и ярких изречений, которые любил цитировать Ленин, как например: «наше учение—не догма, а руководство к действию». Это и ряд подобных изречений принадлежат Энгельсу. Формулируя

идеи научного коммунизма, Энгельс делал это с такой силой, с таким талантом, что его формулировки необыкновенно верно, ясно, сжато и точно выражали учение Маркса. Энгельс сам был соавтором идей, выдвинутых Марксом.

«Для правильной оценки взглядов Маркса, — говорит Ленин, — безусловно необходимо знакомство с произведениями его ближайшего единомышленника и сотрудника Фридриха Энгельса. Нельзя понять марксизм и нельзя целно изложить его, не считаясь со всеми сочинениями Энгельса» (Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 43. Из статьи «Карл Маркс»).

Энгельс был крупнейшим ученым, сумевшим сказать свое слово в ряде научных областей.

В молодые годы, еще до того, как Маркс начал свои занятия политической экономией, в 1844 г., Энгельс написал статью, в которой подвергал критике экономические категории; Маркс называет эту статью гениальной. В области политической экономии Марксу неоспоримо принадлежит первое место. Энгельс с такой полнотой не разрабатывал вопросы этой науки, как это сделал Маркс, «опрокинувший всю старую экономическую науку» (Энгельс в письме к Каутскому от 11/VII 1884 г. Соч. Т. XXVII, стр. 394). Но смело можно утверждать, что, не будь Энгельса, Маркс не написал бы своего «Капитала»: без дружеской поддержки Энгельса он погиб бы в тисках нужды и, кроме Энгельса, никто не смог бы справиться с труднейшей задачей издания рукописей II и III томов «Капитала» и переиздания I тома согласно инструкциям, оставленным Марксом. Работая над переизданием I тома «Капитала», Энгельс писал Зорге, что это «каторжная работа». Надо было делать добавления и изменения по французскому изданию, а французский текст несколько упрощен по сравнению с немецким изданием. «По-немецки Маркс никогда не стал бы так писать», — говорит Энгельс (письмо Зорге от 29/VI 1883 г.). Энгельсу пришлось произвести огромную и трудную работу, чтобы дать немецкий текст I тома (3-го и 4-го изданий). Энгельс смог это сделать наилучшим образом, а также издать II и III томы «Капитала», о которых Ленин говорит, что это «труд двоих — Маркса и Энгельса». В течение долговременной совместной работы с Марксом Энгельс овладел в совершенстве приемами добросовестнейшей, основательной научной работы, обеспечивающей безупречно высокое качество продукции.

В письме Бебелю от 24/VII 1885 г. Энгельс сам говорит, как много дало ему сотрудничество с Марксом. До совместной работы с Марксом у него, по его словам, не было еще опыта, «что значит действительно научная работа», и только у Маркса он «научился тому, как нужно работать».

Небольшая иллюстрация метода работы Энгельса по изданию «Капитала»: 3 декабря 1891 г. он писал Каутскому, что целый месяц не отвечал на его письмо. Причина этого в том, что он вплотную принялся за работу над самой трудной частью III тома «Капитала» (денежный капитал, банки, кредит и т. д.). «Мне придется, — пишет Энгельс, — основательно поработать, не допуская никаких перерывов, придется снова просмотреть литературу, — словом, быть совершенно в курсе дела — вероятно, для того, чтобы в конце концов оставить почти все в том виде, как оно есть, но зато в полной уверенности, что я не сделал ни прямо, ни косвенно ни одной ошибки».

Вот образец добросовестной научной работы, работы издателя. Вот пример того, как надо ее вести, какая требуется для этого квалификация.

«Маркс гордился своим другом, — говорит Лафарг в своих воспоминаниях. — Он приходил в восторг от необыкновенной разносторонности его научных познаний».

Вот отзыв Маркса об Энгельсе в одном из писем 50-х годов в Америку, когда речь шла о сотрудничестве Энгельса в газете: «Он настоящий энцикло-

педист, работоспособен во всякое время дня и ночи,.. пишет быстро и находчив как чорт!»

Только благодаря неизменной, самоотверженной, дружеской поддержке и активной помощи Энгельса Маркс смог выполнить дело своей жизни: разработать свои гениальные идеи, заложить основы организации, стратегии и тактики пролетарской партии, создать науку, теорию, которая стала «величайшей силой рабочего движения» (С т а л и н).

В тяжелых условиях эмигрантской жизни, переживая потерю своего ребенка, Маркс писал Энгельсу 12 апреля 1855 г.: «При всех ужасных муках, пережитых за эти дни, меня всегда поддерживала мысль о тебе и твоей дружбе и надежда, что мы вдвоем еще сможем сделать на свете что-либо разумное».

Заканчивая корректуру I тома «Капитала», Маркс писал Энгельсу 16 августа 1867 г., что только благодаря ему он заканчивает свой труд: «Без твоей готовности к жертвам для меня я не был бы в состоянии произвести огромные работы для трех томов».

Поддержку Марксу Энгельс мог обеспечить только тем, что 20 лет провел на ненавистной ему работе в конторе фирмы «Эрмен и Энгельс» в Манчестере.

Дочь Маркса Элеонора (Тусси) гостила у Энгельса в Манчестере летом 1869 г., как раз тогда, когда он заканчивал свое «вавилонское пленение». Ей было тогда 14 лет. 20 лет спустя в своей статье к 70-летию Энгельса (ноябрь 1890 г.) она вспоминала об этом: «Никогда не забуду, как он утром, надевая сапоги, чтобы пойти последний раз в контору, с торжеством воскликнул: «В последний раз!» Несколько часов спустя мы стояли у ворот, поджидая его, и видели, как он, возвращаясь оттуда, шел по небольшому полю, расположенному перед домом, где он жил. Он кидал в воздух свою палку, пел и смеялся от всей души. Мы потом сели за стол, накрытый по-праздничному, пили шампанское и были счастливы. Я была тогда слишком еще молода, чтобы понимать, а теперь без слез не могу об этом вспомнить».

Нельзя не отметить здесь также и громадной работы, проделанной Энгельсом для того, чтобы пропагандировать «Капитал» Маркса, содействовать его распространению, разрушить тот гнусный заговор, с одной стороны, клеветы, с другой стороны, замалчивания, которые организовала буржуазия вокруг имени и произведений Маркса

Энгельс написал целый ряд рецензий на «Капитал», и в значительной мере его энергия и деятельность способствовали тому, чтобы продвинуть к читателю это основное, гениальное произведение научного коммунизма.

И не только в научной, но и в практической работе Энгельс был незаменимым соратником и другом. В революции 1848—1849 г., в борьбе с представителями вульгарной демократии в эмиграции (см., например, написанную в 1852 г. Энгельсом вместе с Марксом и оставшуюся тогда не опубликованной рукопись «Великие люди эмиграции»), в I интернационале в борьбе с бакунизмом и прочими формами и видами оппортунизма, в деле руководства рабочей партией Германии — всюду Энгельс был активнейшим борцом за пролетарскую партию.

После смерти Маркса он энергично до конца своих дней продолжал вести борьбу за их общее дело, за революционный марксизм. И в то же время Энгельс занялся изданием работ Маркса, отложив свои собственные работы, не закончив их. А работы Энгельса представляют огромную самостоятельную научную ценность.

Энгельс был крупнейшим, выдающимся философом. В предисловии к «Анти-Дюрингу» он писал: «Маркс и я были, пожалуй, единственными людьми, которые из немецкой философии спасли сознательную диалектику, перенеся ее в материалистическое понимание природы и истории».

В этом деле очищения диалектики от идеализма, переработки ее в материалистическом духе, большая доля принадлежит Энгельсу. Изложение основ марксистского мировоззрения — диалектического материализма — Энгельс сделал блестяще. Его «Анти-Дюринг» был и будет одной из основных книг, по которой изучали и будут изучать диалектический материализм.

Специально занимаясь вопросами естествознания, Энгельс, мастерски владеющий диалектикой, непоколебимый представитель материалистического мировоззрения, дал в своих рукописях и заметках о диалектике природы ряд ценнейших руководящих указаний (в математике, физике, химии, биологии), указаний, которые учат специалистов, недостаточно знакомых с диалектикой, как овладеть этим методом, без которого никакое движение вперед в науке невозможно.

В своих крупных работах (таких, как «Людвиг Фейербах», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и др.), в ряде блестящих статей и писем, освещающих как конкретные вопросы исторического развития, так и общие вопросы исторического материализма, Энгельс дал ценнейшие указания историкам, как надо применять диалектический материализм в исторических исследованиях.

Наряду с этим он дал ряд исторических работ, в которых осветил отдельные эпохи всемирной истории.

В блестящей статье «Роль труда в процессе развития обезьяны в человека» Энгельс осветил вопрос о происхождении человека. Вопросы первобытной истории и истории античной древности освещены частью в упомянутой уже книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

В трех статьях Энгельса: «Бруно Бауэр и раннее христианство» (1882 г.), «Книга откровения» (1883 г.), «К истории раннего христианства» (1894 г.) — превосходно освещено происхождение и развитие христианства.

Но особенно много внимания в работах Энгельса уделено истории Германии. Если бы собрать все это вместе, образовалось бы, вероятно, не менее 2—3 обемистых томов. Эти работы Энгельса освещают историю Германии начиная с древнейших времен (рукопись «К истории древних германцев») и кончая историей современной Энгельсу Германии («Революция и контрреволюция в Германии», «Роль насилия в истории Германии за последние 30 лет» (рукопись 1888 г. — незаконченная работа—IV глава к отдельному изданию трех глав из «Анти-Дюринга» о «теории насилия»).

Ряд работ Энгельса посвящен специально истории немецкого крестьянства: «Крестьянская война в Германии 1525 г.» (1850 г.), «Марка (история крестьянской общины в Германии) (1882 г.), «К истории прусского крестьянства» (из предисловия к книге В. Вольфа «Силезский миллиард») (1885 г.), «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» (1894 г.).

Наконец, необходимо особо отметить занятия Энгельса филологией и военными науками.

Несколькими языками (немецким, английским, французским) Энгельс владел в совершенстве: он говорил и писал на них. Но кроме того ему были знакомы чуть ли не два десятка языков. Он изучал их грамматику и знаком был с ними настолько, что мог на этих языках читать различную литературу.

Энгельс знал ряд германских языков (древнегерманские наречия; древнескандинавские, датский, голландский), кельтские наречия, романские языки (итальянский, испанский, португальский, румынский), славянские языки (русский, чешский, польский, сербский), персидский язык (читал в подлиннике Гафиза — письмо Марксу от 6 июня 1853 г.). Он знал классические языки древности: латинский и греческий — и был знаком с древнееврейским. В Институте есть рукопись 1841 г. — доклад о «Книге откровения» («Апокалипсис» Иоанна) и материалы к этому докладу, в которых собрано большое количество выписок на древних языках. Для издания этой рукописи надо бу-

дет привлечь специалистов. Этот доклад Энгельс читал в семинаре берлинского профессора Бенари в 1841 г., когда он в Берлине отбывал воинскую повинность. Энгельс играл видную роль в кружке левых гегельянцев, занимался различными искусствами и науками, в том числе критическим изучением источников первобытного христианства. 43 года спустя Энгельс использовал проработанный им тогда материал для статьи «Книга откровения», напечатанной в 1883 г. на английском языке в журнале «Progress».

От тех же ранних времен Энгельс сохранил также и еще одно увлечение, приведшее к тому, что он стал крупным специалистом еще в одной области — именно в области военной науки.

В тесном кругу ближайших друзей, в кругу семьи Маркса Энгельс получил прозвище «Генерал» (причем это слово произошло по-английски: «дженерал»). Во время франко-прусской войны он в своих статьях, печатавшихся в английской газете «Pall-Mall» без подписи автора, предсказал битву при Седане и разгром французской армии. Одна из дочерей Маркса назвала его за это «General staff» («генеральный штаб»), и с тех пор за ним удержалось прозвище «General». Энгельс написал огромное количество работ по военным вопросам. Все вместе эти работы составят ряд томов.

В годы революции 1848—1849 в «Новой рейнской газете» Энгельс давал систематически обзоры и оценку всех военных событий (например: статьи об июньском восстании в Париже, о венгерской кампании). Все войны, происходившие в 50-х, 60-х и 70-х годах, в работах и корреспонденциях Энгельса были внимательно изучены и проанализированы. Он написал ряд статей по истории развития оружия и по истории военного дела. Его статью по истории армии (1857 г.) Маркс оценил очень высоко: «Твоя «армия» великолепна». Маркс сделал только три указания, чем следовало бы эту статью пополнить: сведениями об армиях древних азиатских народов (персы), получивших потом развитие у монгольских и тюркских народов, об армии карфагенян и об итальянском военном искусстве XV и начала XVI века.

Брошюры Энгельса «По и Рейн» (1859 г.) и «Савойя, Ницца и Рейн» (1860 г.), появившиеся без подписи автора, сыграли в свое время огромную роль в деле борьбы против бонапартизма и защиты правильной политики пролетарской партии. Они произвели также сильное впечатление и в кругах специалистов. Широко распространилось тогда мнение, приписывавшее авторство этих брошюр различным видным военным специалистам того времени.

Энгельс был первым военным теоретиком пролетарской партии, представителем политики, науки и культуры нового класса — пролетариата, которого история воспитывает в таком направлении, чтобы своей высшей техникой, высшей культурой он разбил наголову буржуазию — класс эксплуататоров, осужденный историческим развитием на гибель.

В статье «Возможности и предпосылки войны Священного союза против Франции в 1852 г.», т. е. реакционной войны против Франции как представительницы буржуазно-демократической революции, Энгельс писал:

«Современный способ ведения войны предполагает предварительную эмансипацию буржуазии и крестьянства, или, иначе говоря, он является военным выражением этого освобождения.

Освобождение пролетариата в свою очередь будет иметь свое отражение и создаст свой особый и совершенно новый военный метод. Это ясно. Можно сейчас уже до известной степени предугадать, каковы будут материальные основы этой новой системы ведения войны...

Подобно тому, как пролетарская революция в промышленности будет заключаться отнюдь не в упразднении паровых машин, а в увеличении их числа, и в военном деле задача состоит не в уменьшении массовости армий и их подвижности, а, наоборот, в поднятии и того и другого на высшую ступень» (Маркс и Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 460—461).

Когда в связи с развившимся в 1857 г. кризисом Маркс и Энгельс ожидали — как его неизбежного последствия — наступления революции, Энгельс писал Марксу, что свои теоретические и практические занятия военным делом (верховную езду он считал материальной основой своих занятий военными науками — письмо Марксу от 18 февраля 1858 г.) он надеется снова применить на практике в вооруженной борьбе за победу пролетарской революции.

Именно Энгельс в своей «Революции и контрреволюции в Германии» говорил о восстании как искусстве и сформулировал там основные правила тактики вооруженного восстания.

Под гениальным руководством Ленина, под руководством большевистской партии, применяя правила Маркса и Энгельса, пролетариат победил в Октябрьской революции.

Давая отчет о публикации работ и литературного наследства Энгельса, необходимо отметить, что публикация рукописей Энгельса представляет собой работу, неизмеримо более легкую по сравнению с задачей публикации рукописей Маркса. Рукописи Энгельса написаны значительно более разборчивым почерком, и содержание их более доступно и популярно.

Надо сказать, что литературное наследство Маркса и Энгельса, попав в руки оппортунистических вождей германской социал-демократии, оставалось подспудом, их взгляды тенденциозно извращались. Только в стране пролетарской диктатуры, под руководством партии Ленина и Сталина, были изданы ценнейшие рукописи, в том числе «Немецкая идеология», «Диалектика природы» и ряд других.

О «Немецкой идеологии» и «Диалектике природы» я здесь подробно не буду говорить: значение этих работ достаточно известно. Необходимо только сказать, что изданная в 1927 г. рукопись «Диалектика природы» была переведена неудовлетворительно.

Теперь готовится и скоро выйдет в свет новое немецкое издание «Диалектики природы» (в одном томе вместе с «Анти-Дюрингом»). В этом издании будет дан более тщательно проверенный и более правильно расположенный текст. Готовится также и новый русский перевод с этого вновь проверенного текста. Готовится также новый перевод «Анти-Дюринга», так как вполне безупречного перевода этого основного произведения Энгельса у нас еще нет.

Работа по публикации произведений Энгельса проделана уже большая. Не выпущены только еще работы Энгельса периода I интернационала — 1864—1873 гг. (т. XIII, части 1-я и 2-я) — и последних 12 лет его жизни — 1883—1895 гг. (т. XVI, части 1-я и 2-я Сочинений Маркса и Энгельса).

К периоду I интернационала относятся такие работы, как направленная против лассальянства брошюра «Прусский военный вопрос и немецкая рабочая партия» (1865 г.), статьи об австро-прусской войне 1866 г., о франко-прусской войне (1870—1871 г.), большая работа против Бакунина «Альянс социалистической демократии» (1873 г.), о которой сам Энгельс писал в письме к Зорге от 14 июня 1873 г.: «... адская работа на этом каверзном языке (брошюра была написана по-французски.—В. А.), но зато попадает в точку, и даже вы будете удивлены».

Первая часть XIII тома сейчас уже набирается. Вторую часть рассчитываем сдать осенью в набор.

В XVI том входит ряд важных работ Энгельса 1883—1895 гг. как из числа опубликованных им самим, так и из числа рукописей. Из больших работ в этот том входят: «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Роль насилия в истории Германии за последние 30 лет» — обзор истории Германии после революции 1848—1849 годов. Из малоизвестных, не опубликованных еще работ здесь надо упомянуть входящую в XVI

том незаконченную работу «К истории древних германцев», написанную в начале 80-х годов. Об этой последней работе я скажу, далее, несколько слов.

XVI том подготовлен уже настолько, что может быть выпущен в непродолжительном времени. С выходом XIII и XVI томов будет закончено полностью издание работ Энгельса. Останется лишь несколько рукописей, которые мы опубликуем в «Архиве Маркса и Энгельса».

Заканчивается также и публикация писем Энгельса. В настоящее время готовится к печати последний, XXVIII том Сочинений, содержащий письма Энгельса за 1888—1895 годы. Мы рассчитываем выпустить его в начале будущего года. Образцы писем, входящих в этот том, мы публикуем в «Большевике». До сих пор вышло семь томов полного собрания писем Маркса и Энгельса. С выходом этого последнего, восьмого тома будут изданы все письма, которые нам до сих пор удалось собрать в Институте. Это собрание писем—незаменимый источник для изучения истории, теории и политики марксизма, жизни и деятельности Маркса и Энгельса. Продолжая работу по собиранию документов Маркса и Энгельса, мы надеемся еще пополнить то, что собрано у нас, но не приходится рассчитывать, что нам удастся сильно увеличить то, что нам уже удалось собрать: основное собрано.

В заключение я хочу вкратце остановиться на еще не опубликованных и до сих пор оставшихся неизвестными рукописях Энгельса. Об одной я уже упоминал: это рукопись конца 70-х и начала 80-х годов—«К истории древних германцев». В печатном виде она занимает около восьми листов (входит в 1-ю часть XVI тома Сочинений). Энгельс использует в своей работе все источники, начиная от Цезаря и Тацита и кончая эпохой каролингов. Энгельс дает связный очерк истории развития германских племен. В состав этой работы входит также рукопись о франкском диалекте—специальное филологическое исследование, представляющее и в настоящее время большой интерес для специалистов. На исследовании данного конкретного вопроса Энгельс дает образец мастерского применения марксистского метода к изучению вопросов развития языка.

Замечательно, что в этой работе, написанной более пятидесяти лет назад, материалист-диалектик Энгельс гениально предвосхитил некоторые выводы, к которым современная филологическая наука приходит теперь (специально о франкском диалекте).

Исследование Энгельса о древних германцах сохраняет также и актуальный политический интерес. Восстанавливая действительный ход исторического развития, Энгельс разрушает всевозможные легенды, в том числе и фашистскую расовую теорию об арийцах, о расе светловолосых германцев, якобы чистой, не смешанной расе природных господ, призванных властвовать над прочими, «низшими народами».

Энгельс по языку объединяет народы в арийскую группу. Но тут же отмечает, что еще в доисторическую эпоху, когда светловолосые кельты и германцы пришли в Европу на места их теперешнего поселения, они постепенно смешались с местным черноволосым населением (баски), произошло смешение рас, и признак господствующей расы—светлые волосы—германцам приходилось восстанавливать искусственно: красить волосы в желтый цвет при помощи мыла.

Очень большой интерес представляет не опубликованная еще рукопись Энгельса об Ирландии. Ирландским вопросом и Ирландией Маркс и Энгельс всегда очень живо интересовались. В особенности же занялись они изучением Ирландии в связи с тем, что Маркс с 1868 г. стал усердно изучать для II тома «Капитала» земельные отношения, а с другой стороны,—в связи с работой в I интернационале.

Ирландский вопрос—национальный вопрос. Эксплоатация Ирландии Англией—это классический наглядный образец колониального грабежа. Для

того чтобы судить с полным знанием дела, Маркс и Энгельс, разделив между собой труд, самым тщательным образом занялись изучением социального и политического строя современной Ирландии, изучением земельных отношений, а также изучением истории Ирландии с древнейших времен, рассматривая знание истории развития данного народа как необходимую предпосылку для того, чтобы разобраться во всех подробностях современных экономических, юридических, политических, социально-бытовых отношений ирландского общества.

В результате получилось: 1) большое количество выписок из книг (Энгельс основательно проштудировал более 40 книг) с характеристикой и оценкой каждой из них и 2) рукописи, в которых излагались итоги произведенных исследований. Рукопись Маркса, посвященная Ирландии, дает характеристику Ирландии XIX века. Рукопись Энгельса «История Ирландии» состоит из двух частей: 1) подробное описание природных (географических, геологических и т. д.) условий Ирландии и 2) «Древняя Ирландия» — исторический очерк приблизительно до X века. Кроме того есть рукопись «Хронология Ирландии», начинающаяся с древнейших времен и доведенная до середины XVII века.

○ Вся работа — образец основательного, добросовестного исследования. Она характерна как пример того, какое тщательное изучение Маркс и Энгельс полагали в основу своих политических выступлений, какое глубокое исследование, какая научная добросовестность являются необходимой предпосылкой марксистского метода.

Фридрих Энгельс — верный друг и соратник Маркса, работавший с ним рука об руку в течение 40 лет, продолжатель его дела после его смерти — живет в памяти всего международного пролетариата как пламенный революционер, активный борец за победу пролетарской революции, пролетарский вождь и один из величайших мыслителей и крупнейших теоретиков пролетариата.

Вместе с Марксом Энгельс создал научный коммунизм, вместе с Марксом вел борьбу за торжество пролетарского дела, вместе с Марксом учил пролетариат, как он должен организоваться и бороться за осуществление великой исторической цели — победы коммунистической революции.

Энгельс как теоретик марксизма и борец за революционный марксизм

Е. Пашуканис

Фридрих Энгельс вошел в историю как величайший мыслитель и вождь рабочего класса, как один из основоположников пролетарского революционного коммунизма. «После своего друга Карла Маркса (умершего в 1883 г.) Энгельс был самым замечательным ученым и учителем современного пролетариата во всем цивилизованном мире»¹⁾, — писал Ленин 40 лет назад в статье, опубликованной непосредственно после смерти Энгельса и посвященной его памяти.

Энгельс, так же как и Маркс, вышел из буржуазной среды. Начало его политического развития приходится на предреволюционные годы Германии. Едва сойдя со школьной скамьи, Энгельс выступает как представитель радикальных, буржуазно-демократических и атеистических взглядов. Ненависть к самодержавно-полицейскому прусскому государству, к господству дворян и попов, к религиозному мракобесию и мещанской тупости и ограниченности бьет ключом со страниц первых юношеских работ Энгельса. Германская легенда о Зигфриде, который бросил замок отца и ушел искать подвигов, явилась для молодого Энгельса поводом, чтобы выразить эти чувства демократа-революционера, которого давит и душит полицейско-поповский строй самодержавной Пруссии и мещанская обыденщина христианско-прусской семьи. «Мы все чувствуем, — пишет Энгельс, — ту же жажду подвига, тот же бунт против традиций, который выгнал Зигфрида из замка его отца. Нам бесконечно противны вечные колебания, филистерский страх перед новым делом, мы хотим вырваться на простор свободного мира, мы хотим забыть о благоразумии и бороться за венец жизни, подвиг»²⁾.

Энгельс как революционный демократ не мог не принять участия в идейных боях, которые вели в предреволюционной Германии левые гегельянцы. Философия Гегеля стала в центре идейных битв, ибо заключающееся в ней начало движения и изменения, развития через противоречия давало основания для крайних революционных выводов. Если реакция пыталась использовать гегелевское учение о разумности всего существующего для доказательства того, что прусская монархия есть высшее совершенство и венец всего исторического развития, если к этим реакционным выводам приходил и сам Гегель как казенный философ прусской государственности, то левым гегельянкам диалектика служила для иных выводов, а именно для обоснования того, что борьба с существующим строем, с существующей действительностью «коренится в мировом законе вечного развития»³⁾.

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. I, стр. 409.

²⁾ Статья «Родина Зигфрида» помещена в 1840 г. в журнале «Телеграф».

³⁾ Ленин. Собр. соч. Т. I, стр. 411.

Чтобы отразить атаки левых гегельянцев против властей предрержащих и священного писания, в Берлинский университет в 1841 г. был выписан философ Шеллинг, впавший в реакционный мистицизм. Этому представителю философской поповщины было поручено разгромить левое гегельянство. Еще не закончился курс лекций Шеллинга, как уже появилась брошюра, в которой подвергалась критике шеллингова философия откровения и доказывалась ее несостоятельность по сравнению с учением Гегеля. Автором этой брошюры был молодой Энгельс, который отбывал военную службу в Берлине и посещал лекции Шеллинга. В то время Энгельс уже завоевал себе известность среди левых гегельянцев.

Школа гегелевской философии для Энгельса как и для Маркса сыграла большую роль. Но для того, чтобы эти величайшие достижения немецкой идеалистической философии могли стать одним из источников научного коммунизма, их надо было критически переработать. Маркс и Энгельс, выковывая мировоззрение научного коммунизма, должны были отбросить идеалистическое представление Гегеля о предвечном бытии абсолютной идеи и показать, что не развитие духа объясняет историю природы и общественной жизни, а, наоборот, дух, идеи надо объяснять из природы, из материи, из материальных условий существования человеческого общества.

В атмосфере надвигающихся революционных битв 1848 г. Энгельс чрезвычайно быстро прошел путь от радикальной буржуазной демократии к революционному научному коммунизму. Если считать со времени появления его первых статей, т. е. с 1839 г., то Энгельсу понадобилось около шести лет, чтобы выработать основы нового мировоззрения. Встречи с французскими и немецкими коммунистами, знакомство с их произведениями, собственные наблюдения над жизнью и судьбой рабочих в капиталистических предприятиях Рейнской провинции и в особенности Англии, влияние Маркса — вот что привело Энгельса на путь научного коммунизма. Энгельс несколько раньше чем Маркс стал коммунистом в смысле отрицания частной собственности на средства производства как основы эксплуатации и обогащения меньшинства за счет огромного большинства трудящихся. Но только Маркс помог ему окончательно освободиться от остатков отвлеченного этического коммунизма, исходившего не из классовых целей и классового сознания пролетариата, но из идеи общечеловеческого прогресса, осуществляемого не путем острейшей классовой борьбы, а путем распространения в обществе коммунистических идей.

Говоря в своей статье «К истории союза коммунистов» о первых встречах с германскими революционерами-пролетариями — Бауэром, Шаппером и Моллем в Лондоне в 1843 г., Энгельс указывает, что он в то время «их ограниченному «коммунизму равенства» противопоставлял немалую дозу столь же ограниченного философского высокомерия». И «все же, — добавляет Энгельс, — я никогда не забуду импонирующего впечатления, которое произвели на меня эти три настоящих человека, — в то время, когда я еще только желал стать человеком»¹⁾.

Известно, что Энгельс раньше Маркса обратился к изучению экономики капиталистического общества и положения рабочего класса.

Уже в первых своих произведениях, в «Письмах из Вупперталя» (1839 г.), Энгельс рисует нищету рабочих — текстильщиков города Эльберфельда. В 1842 г. Энгельс переехал в Англию, где поступил на службу в контору прядильного предприятия. Но он, как писал Ленин, «не только сидел в фабричной конторе, — он ходил по грязным кварталам, где ютились рабочие, сам своими глазами видел их нищету и бедствия»²⁾. Книга Энгельса «По-

¹⁾ Маркс. Избр. соч. Т. II, стр. 4.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. I, стр. 411.

ложение рабочего класса в Англии» (1845 г.) произвела потрясающее впечатление своей правдивостью и страстным обвинением капитализма и буржуазного строя. Но значение этой книги состояло вовсе не в том, чтобы вызвать филантропическое участие к бедственному положению рабочего класса. «И до Энгельса очень многие изображали страдания пролетариата и указывали на необходимость помочь ему. Энгельс первый сказал, что пролетариат не только страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение»¹).

В это время Энгельс уже сблизился с Марксом, с которым он встретился впервые в 1842 г. С 1844 г. начинается сорокалетний путь их теснейшей дружбы, совместной титанической работы и борьбы за дело пролетариата, за торжество научного коммунизма. «Пролетариат, — писал Ленин, — может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе»²).

Вместе с Марксом Энгельс в «Святом семействе» (1844 г.) и в «Немецкой идеологии» (1845 г.) дает бой той гегельянской левой, которая в интеллигентском самомнении ставила превыше всего отвлеченную созерцательную критику, оторванную от грубого и низменного практического действия, т. е. от политической борьбы.

Маркс и Энгельс с головой уходят в политическую борьбу. Они ставят своей задачей организацию пролетариата, создание коммунистической партии, вооружение рабочего класса самой передовой, самой революционной теорией. Теория революционного марксизма имеет, как указывает Ленин, три источника: в лице немецкой философии, английской политической экономии и французского социализма. Критически переработав высшие достижения предшествовавшей им науки, Маркс и Энгельс создали мировоззрение пролетариата (теорию диалектического и исторического материализма, экономическую теорию и научный коммунизм). Заслуги Энгельса в разработке всех сторон революционного марксизма огромны; его работа переплетается с работой Маркса и сливается в одно великое целое. Известно, что именно работы Энгельса в области политической экономии дали толчок Марксу к занятиям экономической наукой, из которых вырос «Капитал», это величайшее произведение человеческой мысли, содержащее в себе смертный приговор капитализму.

Настойчивость и воодушевление, с которыми Энгельс принялся за создание пролетарской партии, не смущаясь тем, что вначале приходилось вести пропаганду среди немногочисленных кружков, лучше всего показывает его историческое письмо к Марксу из Парижа от 23 октября 1846 г. о боях, которые он вел с прудонистами и с Грюном, защищавшими позицию расплывчатого мелкобуржуазного, так называемого «истинного социализма». Энгельс доказывал в этих спорах необходимость насильственной революции и разоблачал мелкобуржуазность «истинного социализма». Когда последователи Грюна пришли в негодование и заявили, что они не собрались ради «блага человечества», что «они люди прогресса, а не односторонние доктринеры», и потребовали определения коммунизма, Энгельс припер своих противников к стене, определив намерения коммунистов в следующих трех положениях:

«1. Отстаивать интересы пролетариев в противоположность интересам буржуа.

1) Ленин. Собр. соч. Т. I, стр. 412.

2) Там же, стр. 414.

2. Осуществить это посредством уничтожения частной собственности и замены ее общностью имущества.

3. Не признавать никакого другого средства для осуществления этих целей кроме насильственной демократической революции»¹⁾.

Споры продолжались три вечера, и в результате собрание 13 голосами против 2 приняло предложение Энгельса.

Так готовилась организация Союза коммунистов, первый съезд которого состоялся летом 1847 года.

По поручению Союза Энгельс набрасывает проект программы Союза коммунистов. На основе этого наброска родился написанный Марксом «Манифест коммунистической партии», духом которого «живет и движется до сих пор весь организованный и борющийся пролетариат цивилизованного мира»²⁾.

* * *

Путь Энгельса как теоретика, борца и вождя революционного пролетариата охватывает полвека напряженнейшей деятельности в разных условиях, в разной исторической обстановке. Мы видим Энгельса в первых рядах бойцов революции 1848 г. в качестве соратника Маркса в «Новой рейнской газете» и непосредственного участника вооруженных битв с реакцией в отряде Виллиха. Затем наступает период эмиграции, когда Энгельс, живя в Манчестере, был вынужден работать в торговой фирме, чтобы поддержать материально своего друга Маркса и дать ему возможность окончить его великое произведение «Капитал». В эту пору «вавилонского пленения», как называл ее Энгельс, он выступил с рядом брошюр и статей, освещающих вопросы политики, истории рабочего движения, военного дела. Энгельс помогает Марксу руководить I интернационалом, ведя борьбу с прудонистами и с последователями Бакунина. Вместе с Марксом Энгельс определяет линию поведения социалистических партий в период франко-прусской войны и Парижской коммуны 1871 года. После того как I интернационал прекратил свое существование, Маркс и Энгельс перенесли главное внимание на германское рабочее движение и германскую социал-демократическую партию, ставшую в центре мирового движения как массовая партия, в рядах которой марксизм развивался всего успешнее. Энгельс с любовью следил за ростом массовой рабочей партии, восхищался каждым ее шагом вперед, ее растущим влиянием среди пролетариата.

Если в рядах I интернационала врагами марксизма выступали последователи Прудона и Бакунина, то в германской социал-демократии приходилось преодолевать наследие лассалианства. В Лассале и лассалианстве Маркс и Энгельс беспощадно разоблачали эклектизм экономической теории, мелкобуржуазные вульгарно-демократические взгляды на государство, заигрывание с бонапартизмом, с прусской юнкерской монархией и с Бисмарком.

Приток в партию мелкобуржуазных элементов создал почву для распространения учения берлинского профессора Дюринга, который выступил с целой системой, враждебной марксизму, и пытался на основе своих теорий создать особую секту внутри рабочего движения. Энгельс выступил (в 1877—1878 г.) против Дюринга с рядом статей, которые в совокупности дали изложение всех сторон революционного марксизма: его философии, экономической теории и теории социализма. Написанная в боевом полемическом тоне, эта книга быстро стала одним из основных источников для глубокого изучения марксизма.

¹⁾ Энгельс. Письма, стр. 8, изд. 1931.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. I, стр. 413.

Книга Энгельса нанесла решительный удар влиянию Дюринга и дюрингианства в рядах германской социал-демократии.

После смерти Маркса Энгельс выступает в качестве признанного теоретика, вождя всего мирового пролетарского движения. Его советы, указания и директивы помогают расти рабочим партиям в Германии, во Франции, в Скандинавских странах, в Румынии и в России.

При возникновении II интернационала Энгельс был руководителем борьбы за революционный марксизм против оппортунистов и соглашателей. По его настоянию Парижский конгресс 1889 г. был созван под знаком борьбы против французских оппортунистов (поссибилистов), стремившихся взять в свои руки интернациональное объединение рабочих, чтобы сделать это объединение орудием своей предательской политики. В рядах II интернационала Энгельс до конца дней боролся за господство революционного марксизма.

Энгельс разгромил дюринговскую теорию насилия, подхваченную впоследствии Гумпловичем и Каутским, и дал уничтожающую критику тому буржуазному извращению марксизма, которое стремится представить его как «чисто экономическую теорию». В письмах к Блоху и Конраду Шмидту (относящихся к 1890 г.) Энгельс подчеркивает, что производство и воспроизводство действительной жизни являются определяющим моментом лишь в конечном счете, что на ход исторической борьбы оказывают влияние политическая надстройка, политические формы классовой борьбы.

Энгельсу принадлежит резкая и четкая постановка вопроса об активной, преобразующей роли диктатуры пролетариата. «К чему же мы тогда бьемся за политическую диктатуру пролетариата, — восклицает он, — если политическая власть экономически бессильна? Сила (т. е. государственная власть) — это есть точно так же экономическая потенция».

Победа социалистической реконструкции в СССР, проведенная по генеральному плану Ленина—Сталина коллективизация сельского хозяйства, ликвидация классов являются исторической проверкой этой формулы, наполняют ее конкретным содержанием.

Энгельс в своей классической работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в «Анти-Дюринге», в статьях против Бакунина и др. дал развернутую теорию происхождения государства как органа классового насилия. Вместе с Марксом он обосновал необходимость государства для пролетариата в переходный период как орудия подавления свергнутой буржуазии и построения социализма и теорию «засыпания», «отмирания» государства при развернутом коммунизме.

Доказав вместе с Марксом необходимость слома пролетариатом буржуазной государственной машины, Энгельс дал уничтожающую критику анархистской теории «взрыва» и немедленного разрушения всякого государства. Это означало бы, говорил Энгельс, «разрушить единственный аппарат, посредством которого победоносный пролетариат может осуществлять свою только что завоеванную власть, подавлять своих врагов—капиталистов, и произвести ту экономическую революцию общества, без которой вся победа должна была бы неминуемо закончиться поражением и массовым избием рабочих, как это было после Парижской коммуны»¹⁾.

Не менее решительно расправился Энгельс с буржуазно-демократическим фетишем «свободного народного государства». Письмо Энгельса к Белье 18 (28) марта 1875 г. содержит самую острую, четкую критику этой мелкобуржуазной идеализации государства. Не даром Ленин считал это письмо «одним из самых замечательных, если не самым замечательным рассуждением в сочинениях Маркса и Энгельса по вопросу о государстве».

¹⁾ Энгельс. Письмо к Ван-Паттену от 18/IV 1883 г.

Учение Маркса и Энгельса о государстве получило свое дальнейшее развитие у Ленина и Сталина. Ленин не просто возродил учение Маркса и Энгельса, погребенное оппортунистами. Исходя из опыта Парижской коммуны 1871 г. и русской революции, он открыл советскую власть как государственную форму диктатуры пролетариата, разработал и воплотил на практике учение о диктатуре пролетариата как особой форме классового союза пролетариата и крестьянства. У Ленина получило дальнейшее развитие и конкретизацию учение о диктатуре пролетариата как демократии высшего типа, демократии для трудящихся. Значение государства для переходного периода было подчеркнуто Лениным в борьбе против бухаринских попыток возродить анархистскую теорию «взрыва». Сталинский план социалистического наступления и ликвидации капиталистических элементов, решение им вопроса организации труда при социализме, знаменитые 6 условий, лозунг борьбы с мелкобуржуазной уравниловкой представляют собой одновременно этапы в практическом строительстве и в развитии теории марксизма-ленинизма. Мощное развитие советской демократии, сталинский тезис о всемирном укреплении государственной власти в целях подготовки условий для ее отмирания являются дальнейшим развитием и воплощением учения Маркса—Энгельса—Ленина о государстве на той ступени, когда диктатура пролетариата приближается к выполнению своей основной задачи — ликвидации классов.

У Маркса и Энгельса постоянно повторяется мысль о необходимости отыскания особого пути перехода мелких товаропроизводителей на рельсы социализма. В письме к Бебелю от 20 января 1886 г. Энгельс подчеркивает, что ни у него, ни у Маркса никогда не было сомнений насчет роли кооперативного производства при переходе к коммунистическому хозяйству.

Те же мысли содержит работа Энгельса по крестьянскому вопросу.

Эти отдельные указания были развернуты Лениным в целую систему, выросли в разработанный план экономической политики смычки города с деревней и социалистической переделки сельского хозяйства.

Эпоха Сталина—это эпоха выполнения ленинского завета и развития ленинского наследия, эпоха превращения крестьян, объединенных колхозами, «в строителей новой, светлой, зажиточной социалистической жизни. Победа колхозного строя—это величайшая историческая проверка марксизма-ленинизма и величайший триумф диктатуры пролетариата».

Энгельс как и Маркс уделял много внимания национальному вопросу, изучая положение угнетенных наций. В частности много внимания ими было уделено Ирландии. Маркс и Энгельс учили, что не может быть свободен тот народ, который угнетает другие народы.

В эпоху Ленина и Сталина эта формула развернута в целую систему национальной политики пролетариата; национальный вопрос перестал быть чисто европейским вопросом: он включает движение колониальных народов, которые являются резервами и союзниками коммунистической революции.

Создание мощного братского союза народов СССР, завоевание доверия у трудящихся всего мира, у всех угнетенных колониальных народов, которого добился СССР своей последовательной антиимпериалистической политикой, представляют собой применение во всемирноисторическом масштабе учения Маркса и Энгельса, продолженного и развитого Лениным и Сталиным.

Роль Энгельса как вождя рабочего класса и как борца за революционный марксизм особенно ярко вскрылась за последнее время, когда были извлечены исподспуда его письма, бичующие оппортунистов в рядах германской социал-демократии.

Вместе с Марксом Энгельс вел ожесточенную борьбу против оппортунистических шатаний, проявившихся в германской социал-демократии в конце

70-х годов, когда исключительный закон против социалистов создал более трудную обстановку для работы.

Мелкобуржуазные элементы во главе с «цюрихской троицей»: Гёхбергом, Бернштейном и Шраммом—сделали попытку свернуть партию с ее пути классовой борьбы, призывали к скромности и благонадежности, к тому, чтобы не пугать буржуазию и образованных людей революционными крайностями.

В циркулярном письме от сентября 1879 г. Маркс и Энгельс заклеямили этих людей, которые принимают программу «не для того, чтобы следовать ей в течение своей жизни, а лишь за тем, чтобы завещать ее детям и внукам». Письмо подчеркивало, что эти господа — «чуждый элемент в рабочей партии» и что «разрыв с ними — только вопрос времени».

В ряде писем к руководящим деятелям германской социал-демократической партии, в особенности к Бебелю, Энгельс как при жизни Маркса, так и после его смерти неустанно призывает иметь в виду перспективу раскола с оппортунизмом, свившим себе гнездо среди мелкобуржуазных элементов партии, в первую очередь среди литераторов и парламентариев. «Чем дальше, тем яснее становится, что большинство писательствующих членов партии в Германии состоит из оппортунистов и пролаз», — пишет Энгельс Каутскому в июле 1884 года ¹⁾.

В этом же году в письме к Бебелю Энгельс говорит о разделении партии на два лагеря — на пролетарский и буржуазный ²⁾. По поводу оппортунистических выступлений в рейхстаге депутатов Блоса и Гейзера Энгельс пишет Бебелю о «невежественных филантропах», «которых вопреки многолетним предостережениям Маркса и моим не только пустили [в партию], но и исхлопотали для них парламентские кресла» ³⁾. Энгельс яростно нападал на В. Либкнехта за то, что он примиренчески относится к оппортунистам и не может устоять «против литератора и купца, кокетничающих с социализмом» ⁴⁾.

«В такой мещанской стране, как Германия, — писал Энгельс Беккеру в 1885 г., — в партии должно быть мещанское «образованное» правое крыло, которое партия в решительный момент стряхнет».

Энгельс не только ясно видел антипролетарский, предательский характер начавшего складываться правого оппортунистического крыла, но он прямо предсказал неизбежный раскол в случае войны, когда волна шовинизма сразу же захлестнула эту мелкобуржуазную часть партии.

Большевики, партия Ленина—Сталина, Коммунистический интернационал в новых условиях и на новом этапе продолжали завещанную Марксом и Энгельсом славную традицию непримиримой борьбы со всеми проявлениями оппортунизма, этого злейшего врага рабочего класса.

Энгельс указал на одну особую и глубокую причину распространения оппортунизма в верхушке рабочего класса. «Участие в господстве на мировом рынке, — писал он в 1883 г., — было и остается экономической основой политической ничтожности английских рабочих» ⁵⁾. Английская буржуазия раньше чем буржуазия других стран обеспечила себе монополистическое владение огромными колониями и возможность подкупа колониальными сверхприбылями определенной верхушечной прослойки рабочего класса.

Ленин, давший впервые глубокий анализ империалистической стадии капитализма, вскрыл и проанализировал эти причины, благодаря которым оппортунизм приобрел особенно отвратительный и особенно опасный харак-

¹⁾ См. Архив М. и Э. Т. I/VI, стр. 265.

²⁾ Там же, стр. 274.

³⁾ Там же, стр. 257, 303.

⁴⁾ Там же, стр. 303.

⁵⁾ Там же, стр. 235.

тер, превратившись в социал-шовинизм, социал-империализм. Ленин организовал нового типа партию, которая осуществила разрыв с оппортунизмом и основала III Коммунистический интернационал, в котором воплощены лучшие заветы Маркса и Энгельса.

Ныне, к 40-летию со дня смерти Энгельса, победа социализма в СССР и ход общего кризиса капитализма доказали воочию, что единственно правильный путь — это путь революционного коммунизма. Эра реформизма, эра II интернационала, в рядах рабочего движения пришла к концу. Отстаивая революционный коммунизм, Энгельс вел беспощадную борьбу на два фронта: против мелкобуржуазного соглашательства и парламентского кретинизма и против догматического сектантства, которое вело к отрыву от масс, от массового рабочего движения.

В этой борьбе против догматического сектантства Энгельс особенно жестоко критиковал английское и американское социалистическое движение, в котором эта замкнутость, неумение подойти к массам и завоевать их проявились особенно сильно.

В одном из своих писем, относящихся к 1867 г., Энгельс приводит в пример тактику, которой придерживался I интернационал, открывший двери для всех течений пролетарского социализма (прудонистов, последователей Пьера Леру, передовых тредюнионистов), чтобы постепенно растворять и поглотить эти отдельные направления.

«Мне кажется,— пишет он в этом письме,— вся наша практическая деятельность доказала, как можно работать в контакте с общим движением рабочего класса на каждой стадии его развития, не принося в жертву и не скрывая своей собственной, четко выраженной позиции, и я боюсь, что если немцы в Америке пойдут по другому пути, то они совершат крупную ошибку»¹⁾.

Эти заветы получили применение и развитие в большевизме, в его борьбе за массы, в ленинской тактике единого фронта.

Ныне, в условиях общего кризиса капитализма, борьбы с фашизмом и угрозой империалистической войны Коминтерн под гениальным руководством товарища Сталина проводит с блестящим успехом эту же тактику, соединяющую революционную непримиримость с гибкостью, с умением привлекать и завоевывать пролетарские массы и промежуточные слои трудящихся.

С особенной силой боролся Энгельс за лозунг диктатуры пролетариата, который составляет душу революционного марксизма.

Даже лучшие из вождей рабочих партий, вроде Бебеля, сдавали позиции оппортунистам в этом вопросе. Известно, что Каутский считал ненужным спорить с Бернштейном о лозунге диктатуры пролетариата.

В 1891 г. германская социал-демократическая партия после отмены исключительного закона против социалистов переживала кризис, выразившийся в рецидиве полуанархистских антипарламентских настроений так называемых «молодых», с одной стороны, и буржуазно-демократических легалистских иллюзий, — с другой. Как водится, оппортунисты оказались особенно сильны в литературных кругах и во фракции рейхстага. Партийное руководство, в том числе и Бебель, не оказывало должного отпора оппортунизму. В этот момент Энгельс развернул энергичную борьбу с мелкобуржуазным извращением марксизма, добившись опубликования марксовской критики Готской программы, содержавшей беспощадное разоблачение лассальянства и доказывавшей, что путь к социализму лежит только через диктатуру пролетариата. Опубликование этого документа вызвало настоящий переполо-

¹⁾ Письмо Ф. Келли-Вишневецкой от 27/II 1887 г. Т. XXVII, стр. 614—615.

дох среди партийных вождей; фракция рейхстага поспешила отречься от Маркса и от диктатуры пролетариата.

В ответ на это Энгельс выпустил новое издание «Гражданской войны во Франции» Маркса со своим введением, в котором он разъяснял социал-демократическим филистерам, что «государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии».

Издаваясь над трусливым поведением социал-демократической фракции, Энгельс заканчивает свое введение следующей фразой:

«В последнее время социал-демократический филистер опять начинает испытывать спасительный ужас при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, как эта диктатура выглядит? Посмотрите на Парижскую коммуну. Это была диктатура пролетариата»¹⁾.

Эту борьбу за идею диктатуры пролетариата Энгельс продолжал в критике проекта Эрфуртской программы, главный недостаток которой он видел в том, что в ней опущен этот лозунг.

Эти эпизоды борьбы Энгельса за марксистское понимание государства как органа классового насилия, против фетишизации буржуазной демократии, за идею диктатуры пролетариата как единственного пути к социализму показывают, как глубоко проникла язва оппортунизма в тело германской социал-демократии. Но знамя революционного марксизма не склонилось со смертью Энгельса: оно перешло в единственно достойные руки В. И. Ленина. За год до смерти Энгельса знамя борьбы за диктатуру пролетариата, за победоносную коммунистическую революцию было развращено В. И. Лениным в его работе «Что такое «друзья народа». Ленинизм выступил на историческую сцену как продолжение и дальнейшее развитие марксизма, как марксизм эпохи империализма и пролетарских революций.

Оппортунистически центристское руководство германской социал-демократии принимало все меры к тому, чтобы подлинное учение Маркса и Энгельса лежало подспудом, чтобы их мысли не доходили до масс. Последнюю работу Энгельса, с которой он выступил за несколько месяцев до смерти, его введение к новому изданию марксовой «Классовой борьбы во Франции», вожди германской социал-демократии напечатали в урезанном виде, выбросив те места, которые казались им слишком революционными. На основании этого введения оппортунисты сочинили легенды об Энгельсе, который якобы в последние годы жизни перестал быть революционером и стал сторонником легальности. Возмущенный Энгельс писал Лафаргу: «Из моего введения к статьям Маркса о Франции 1848—1850 гг. он (речь идет о Либкнехте. — Е. П.) взял все, что могло послужить ему для защиты во что бы то ни стало мирной и противонасильственной тактики, которую ему с некоторого времени угодно проповедывать, особенно в настоящий момент, когда в Берлине подготавлиются исключительные законы. Между тем я рекомендую эту тактику только для Германии настоящего времени, да и то с существенными оговорками. Во Франции, Бельгии, Италии, Австрии этой тактике нельзя следовать в ее целом, а в Германии она может стать неприемлемой завтра»²⁾.

Вожди германской социал-демократии приложили все усилия, чтобы скрыть от рабочих полный текст введения и это письмо к Либкнехту, равно как аналогичное письмо к Каутскому. Зато на все лады повторялось, что Энгельс-де в своем последнем произведении полностью отказался от идеи насильственной пролетарской революции. Между тем именно в этом введе-

¹⁾ Маркс. Избр. соч. Т. II, стр. 357. 1933.

²⁾ Там же, стр. 134.

нии Энгельс провозглашает неизбежность открытых уличных боев пролетариата с буржуазией и призывает готовиться к этому решающему бою. У Энгельса нет и намека на то, что историческая тяжба между капитализмом и социализмом может разрешиться мирным, не насильственным путем, с применением одних только законных средств. Мысль Энгельса заключалась только в том, что, во-первых, изменение военной техники ставит новые задачи пролетарскому восстанию и что старая, баррикадная тактика недостаточна; во-вторых, что обострение классовой борьбы приведет к тому, что буржуазия запутается в сетях своей собственной законности и первая начнет ее нарушать, т. е. он предсказывал то, что сейчас, в период общего кризиса капитализма, стало обычным явлением во всех фашизирующихся и фашистских государствах. Учение Маркса и Энгельса, учение о диктатуре пролетариата, нашло свое дальнейшее теоретическое развитие у Ленина и Сталина. Союз советских социалистических республик является осуществлением на практике пролетарской диктатуры, является прообразом мирового Союза советских республик. Диктатура пролетариата, первый опыт которой Маркс и Энгельс видели в лице Парижской коммуны 1871 г., ныне победоносно утверждена в СССР и идет навстречу осуществлению своей цели — ликвидации капиталистических элементов и классов вообще.

Энгельс так же, как и Маркс, воплощал в своем мировоззрении, в своей политической линии интернациональные цели и задачи пролетариата. События внешней политики Энгельс рассматривал прежде всего с точки зрения интересов пролетарской революции, перспектив ее развертывания и ее победы.

Тактика Маркса и Энгельса во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. является образцом интернационалистической, пролетарской тактики. Если на первом этапе разгром Наполеона III они рассматривали как прогрессивный исторический факт, устранявший препятствия на пути национального объединения Германии, то после седанской битвы война со стороны Пруссии превратилась в династическую, грабительскую войну. На этом этапе Энгельс защищает дело национальной обороны Франции, призывая в то же время членов Интернационала бороться против шовинизма. Будучи крупным военным специалистом, Энгельс составляет и передает в Париж планы ведения оборонительной войны против Пруссии. Этот факт — лучший ответ тем социал-шовинистам и анархистам, которые клеветали на Энгельса, изображая его «истинным немцем» в духе буржуазного шовинизма.

Энгельс ставил проблемы внешней политики и войны глубоко революционно, исходя из позиций пролетарского интернационала.

Но он при этом оставался на почве условий домонополистического капитализма.

В работах Энгельса — в известном примечании в III томе «Капитала», в заметках о «бирже», напечатанных недавно в «Большевике», — содержатся указания на новые явления в экономике капитализма, которые наметились в конце XIX в. Но только Ленин, пользуясь методом Маркса, первый разработал полную теорию империализма как последней стадии капитализма. Энгельс, как и Маркс, в своих прогнозах и в своей постановке вопроса исходил из условий промышленного капитализма и потому подчеркивал необходимость победы пролетарской революции одновременно в решающих капиталистических странах Европы. Ленин установил закон неравномерности, скачкообразности развития капитализма в эпоху империализма, обосновал тезис возможности победы социализма в одной стране.

Этот тезис о победе социализма в одной стране развит товарищем Сталиным в борьбе с контрреволюционным троцкизмом и зиновьевщиной.

Теория построения социализма в одной стране служила путеводной нитью в грандиозной борьбе и стройке, развертывавшейся в СССР. Она привела к победам всемирноисторического масштаба. Она представляет новый этап в развитии марксизма, отрицающий старые формулы эпохи промышленного капитализма, ставшие непригодными в эпоху империализма.

Если бы Энгельс был жив, говорил товарищ Сталин на XV партконференции, он не стал бы цепляться за старую формулу, а, наоборот, всемерно приветствовал бы нашу революцию, говоря: «К чорту все старые формулы, да здравствует победоносная революция в СССР!»¹⁾.

Эпоха промышленного капитализма, в частности период до 1870 г., характеризуется незавершенностью буржуазно-демократических и национально-освободительных движений в Западной Европе.

Под этим углом зрения Энгельс рассматривал перспективу европейской войны, ставя в центре сокрушение феодально-крепостнической России и монархий Центральной Европы, сохранивших наибольшие остатки и пережитки абсолютизма.

Ленин впервые дал анализ империализма как последней стадии капитализма, как стадии загнивания и умирания. Пользуясь методом марксизма, он выяснил реакционный характер империалистических войн, ведущихся за передел мира. Впервые он выдвинул лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую, лозунг поражения собственной буржуазии, собственного правительства в этой войне и тезис о возможности прорыва системы империализма в одном из звеньев и построения социализма в отдельно взятой капиталистической стране. Эти положения представляют новый этап в развитии марксизма как науки, которая растет, живет и обогащается новым опытом исторического развития в классовой борьбе пролетариата.

В то время когда жил и боролся Энгельс, царская Россия была главным оплотом реакции в Европе, «тюрьмой народов», жандармом, готовым душить любое революционное движение вовне и внутри. Поэтому борьба против царской России была первым революционным и интернациональным долгом каждого пролетария, каждого последовательного демократа.

Но уже тогда, наблюдая растущие в России революционные силы, наблюдая первые выступления российского пролетариата, Маркс и Энгельс считали, что революция в России явится мощным толчком, который откроет новую страницу в истории и будет прологом—началом—пролетарской революции на Западе.

После Октябрьской социалистической революции в бывшей царской России не только победоносно утвердилась диктатура пролетариата, но доказано на деле преимущество социалистической системы над капиталистической. Из отсталой, аграрной страны СССР под руководством партии Ленина—Сталина стал страной индустриальной. Разрешена задача переделки мелкого крестьянского хозяйства на путях коллективизации. Разгромлен последний капиталистический класс — кулачество. Социализм стал единственно господствующим укладом. Происходит мощный расцвет пролетарской, социалистической культуры.

Советский союз, его хозяйственная, политическая и военная мощь — вот что является сейчас оплотом и надеждой в борьбе международного рабочего класса с империализмом, с фашистской реакцией. Интернациональным долгом каждого пролетария, каждого труженика, каждого честного демократа, противника фашизма, является всемерная поддержка Советского союза, его политики мира, его политики освобождения

¹⁾ Сталин. XV конференция ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 721.

трудящихся от гнета капитала, борьба против империалистической реакции, против фашизма, готовящего антисоветскую войну.

Германские фашисты претендуют на то, что им удалось якобы искоренить марксизм и уничтожить классовую борьбу во имя «единства нации». Эти наемные палачи, эти подонки и выродки капитализма воображают, что им удастся вытравить из сознания рабочих имена Маркса, Энгельса и их великих продолжателей—Ленина и Сталина. Жалкое хвастовство! Марксизм живет и будет жить несмотря на кровавые преследования. Он живет и будет жить в героической борьбе нашей братской компартии в Германии, наших братских компартий во всех странах капитала.

Фашистские палачи посылают на эшафот борцов пролетариата, им удалось бросить в свои застенки тов. Тельмана и сотни тысяч революционных рабочих, но им не удастся задушить коммунизм.

И сейчас, в 40-летие смерти Энгельса, образ этого замечательного пролетарского мыслителя и борца встает в умах миллионов как знамя борьбы, как залог того, что коммунизм, победивший в СССР, победит во всем мире.

Энгельс и диалектический материализм

М. Митин

В период роста своей силы, в эпоху своей юности буржуазия выдвинула на историческую арену великих людей и деятелей: Бекона и Спинозу, Дидро и Гёте, Гольбаха и Канта, Бетховена и Гегеля, Кромвеля и Наполеона. Великие люди буржуазии по всем направлениям и в различных областях утверждали и развивали господство капитализма, смену феодальной эксплуатации эксплуатацией капиталистической. Но подобно тому как история эксплуататорских обществ есть лишь предистория, а действительная история человечества начинается с победы пролетариата—с коммунистической революции,—подобно этому и гении пролетариата: Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин—в силу величественной конечной цели пролетарской борьбы, в силу самой природы этого класса поднимаются в истории как гигантские Гималаи по сравнению с Альпами буржуазных гениев.

Сорокалетие со дня смерти Энгельса совпадает с невиданным триумфом марксистского учения. Ни на одно из крупных мировых идейных течений не могла выпасть доля такого триумфа, такого практического подтверждения, такого превращения в массовую материальную силу, какая выпадает на долю марксизма. И это не случайно, ибо марксистская теория, теория великой освободительной борьбы рабочего класса, теория научного коммунизма, будучи сгустком, зрелым итогом, критической переработкой с точки зрения интересов рабочего класса предшествующих великих идейных направлений, является насквозь научной теорией, правильно отображающей действительный ход классовой борьбы, единственно верным и надежным указателем в этой борьбе.

Сорокалетие со дня смерти Энгельса совпадает с величайшей исторической победой социализма на одной шестой земного шара. Величественное знамя марксистского учения, знамя Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, высоко развевается над страной пролетарской диктатуры.

Энгельсу принадлежат знаменитые слова о трех основных формах классовой борьбы пролетариата: политической, экономической и теоретической. В настоящее время борьба за пролетарскую революцию, за культуру, против беспримерного вандализма и варварства фашизма, против мистицизма и иррационализма, против звериных расовых, шовинистических «теорий»—против всех этих ядовитых плодов эпохи упадка и гниения капиталистического строя—важнейшая задача классовой борьбы в данный момент. И в этом отношении идеологическое наследство марксизма в целом и в частности то, что сделано Энгельсом, представляет собой неисчерпаемое богатство, меткое и острейшее оружие.

* * *

Диалектический материализм является составной частью всей системы взглядов марксизма. Диалектический материализм, или марксистская философия, отнюдь не является некоей наукой наук, стоящей над другими научными областями. Марксистская философия как и весь марксизм в целом возникла и развивается на базе развития всех областей научного знания. Учение Маркса, говорил Ленин, «есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX в. в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма»¹⁾. «Мы, немецкие социалисты,—писал Энгельс,—гордимся тем, что ведем свое происхождение от Сен-Симона, Фурье, Оуэна, но также от Канта, Фихте, Гегеля».

Учение Маркса—Ленина—Сталина—такое мировоззрение, которое требует обязательно также и мирозменения. Ни в какое сравнение с этим мировоззрением, с нашей философией, не могут идти крохоборческие, полные мистики и поповщины, эклектики и раздирающих противоречий современные философские системы Кронеров и Бергсонов, Шпенглеров и Гейдегеров, Гуссерлей и Глокнеров—этих ученых прислужников буржуазного рабства в период упадка капиталистического строя, в эпоху империализма и пролетарских революций.

Однако не только философские системы современного периода упадка буржуазии, но и того периода, когда она была восходящим, революционным классом, страдали внутренней ограниченностью. Лучшие идеологи и философы буржуазии эпохи Французской революции, второй половины XVIII и первой трети XIX вв., как например французские материалисты, с одной стороны, Кант, Фихте, Гегель—с другой, при всем историческом значении этих систем, каждая по-своему, страдали внутренней узостью и ограниченностью буржуа. Буржуазная философия в лице французского материализма XVIII столетия и в лице Гегеля поднялась до самых высших своих вершин. Материализм XVIII столетия, будучи революционным, атеистическим, сыгравшим огромную историческую роль в деле подготовки Французской революции, в деле борьбы с религией, гильотинировавшим бога до того, как революционными массами был на земле гильотинирован король, вместе с тем страдал большими внутренними недостатками и ограниченностями, в особенности в своих исторических взглядах. И это происходило отнюдь не потому, что сами его создатели и творцы были людьми ограниченными. Это происходило потому, что они, будучи идеологами буржуазии, не могли выйти за рамки буржуазного общества, всего строя идей поднимающегося буржуазного класса. Их исторические взгляды были проникнуты идеализмом и не смогли подняться до раскрытия действительных материалистических корней общественных движений и идейных течений.

Крупнейшая голова буржуазного класса—Гегель, создатель идеалистической диалектики, и тот был ограничен узким кругозором частной собственности. Его величественное учение о борьбе противоречий, о скачкообразном развитии, о переходе противоположностей друг в друга, его диалектика, на которой лежит печать Французской революции, была диалектикой идеалистической. В области своих общественных взглядов, особенно в известной «Философии права», Гегель как настоящий прусский филистер выступает в качестве защитника прусского самодержавия, освящает абсолютным духом своей философии земное господство Фридриха-Вильгельма.

Только идеологи пролетариата смогли уже к середине XIX столетия создать такое мировоззрение, такую философию, которая вышла за узкие, ограниченные рамки частной собственности и буржуазного строя. Учение Маркса, писал Ленин, «полно и стройно, давая людям цельное мирозерца-

¹⁾ Ленин «Маркс—Энгельс—марксизм», стр. 60. Партиздат. 1932.

LUDWIG FEUERBACH
UND DER AUSGANG DER
KLASSISCHEN DEUTSCHEN PHILOSOPHIE
VON
FRIEDRICH ENGELS

REVIDIERTES SONDER-ABDRUCK AUS DER „NEUEN ZEITUNG“

MIT ANHANG:

KARL MARX ÜBER FEUERBACH
VOM JAHRE 1845.

STUTTGART

VERLAG VON J. H. W. DIETZ

1888.

ние, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета»¹⁾). Мировоззрение марксизма оперирует всеми достижениями науки и техники, оно возникло не в стороне от столбовой дороги развития науки, оно высший продукт, итог всего предшествующего развития.

Маркс и Энгельс стояли на вершине не только наук об обществе, но и на вершине всего знания своей эпохи. Работы Энгельса, посвященные вопросам диалектики и естествознания («Анти-Дюринг», «Диалектика природы»), свидетельствуют о его глубочайшей учености и всестороннем знании новейших научных достижений своей эпохи. Марксистская философия отнюдь не является простой механической суммой материализма Фейербаха и диалектики Гегеля, как это дело рисовали в своих работах отчасти Плеханов и особенно его последователи и ученики (Аксельрод, Деборин). Марксистская философия как мировоззрение пролетариата, возникла в ре-

¹⁾ Ленин «Маркс—Энгельс—марксизм», стр. 60. Партиздат. 1932.

зультате того, что Маркс и Энгельс критически разделились со всеми недостатками философии Фейербаха, с абстрактным, созерцательным характером его материализма, с его идеализмом в подходе к общественным явлениям и вместе с тем с идеалистическим характером гегелевской диалектики и новейшими ухищрениями младогегельянской философии.

Ленин в своих работах отмечает, что и Маркс и Энгельс пришли в своем развитии от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму. Маркс и Энгельс на первых этапах своего развития были радикальными революционными демократами. В тот период развития, когда в Германии на очереди дня стояла еще буржуазная революция, радикальный демократизм выражал идеологию наиболее революционных элементов тогдашнего общества. Переход Маркса и Энгельса к коммунизму, к диалектическому материализму происходил на базе роста пролетарского движения, на базе роста его классового самосознания в Германии, Англии и Франции. Именно они, вырастая как идеологи пролетариата, вместе с тем формируют пролетарскую идеологию. Они вооружают недостаточно осознанные и стихийные движения пролетариата этой эпохи могучим оружием в виде научного коммунизма, дают пролетариату стройное, целостное мировоззрение и строго научную революционную цель. Лейтмотив всего формирования философских и политических взглядов как Маркса, так и Энгельса — это стремление неразрывно соединить революционную теорию и революционную практику.

Энгельс прошел путь богатого духовного развития и серьезной внутренней работы над собой, прежде чем стал коммунистом и диалектическим материалистом. В самое первое время своей литературной и общественной деятельности Энгельс переживает сравнительно небольшой период увлечения так называемой «Молодой Германией», неоформленной литературной организацией, у которой сочеталась весьма трусливая оппозиционность против феодальной Германии с поверхностными, демагогическими, анархическими, радикальными фразами.

Затем огромное влияние на Энгельса оказал Гегель, которого он тщательно изучал и из философии которого делал радикальные политические выводы.

Одним из этапов в идейном развитии Энгельса являются его работы берлинского периода и в частности известная брошюра «Шеллинг и «откровение»».

В связи с крутым поворотом к христианско-романтической реакции Фридриха-Вильгельма IV правительство решило нанести решительный удар гегельянской философии. Первый удар пал на левого гегельянца Бруно Бауэра, который был лишен права университетского преподавания. В Берлин пригласили престарелого философа Шеллинга, для того чтобы он нанес теоретический удар гегелевской философии. Как раз в этот период Энгельс приехал в Берлин и со всей своей страстной натурой включился в философскую жизнь столицы. Его брошюра «Шеллинг и «откровение»» как раз посвящена вступительной лекции Шеллинга о гегелевской философии.

Примыкая к левым гегельянкам, Энгельс высоко поднимает знамя защиты гегелевской философии против реакции. Брошюра в общем носит идеалистический характер. Написана она в духе «младогегельянства». Однако красной нитью по всей брошюре проходит целеустремленность Энгельса в сторону действенности, политической активности, в сторону объединения философии и жизни.

Молодой Энгельс с поистине юношеским задором дает остроумную и резкую отповедь престарелому Шеллингу.

В этой брошюре Энгельс набрасывает ряд мыслей, которые имеют очень большое значение для понимания всех последующих работ и Маркса и Энгельса. Он указывает, что, поскольку Гегель в области права стал на точку антиреволюционную, он «сам на себе испытал верность своего изречения, что всякая философия является только выражением мысли своей эпохи».

Энгельс, будучи в общем гегельянцем, вместе с тем уже относился весьма критически ко многим сторонам гегелевской философии и в особенности к реакционным выводам Гегеля. Он указывает, что все непоследовательности и все противоречия у Гегеля вытекают именно из этого греха его, т. е. из того, что он стал на антиреволюционные позиции. По мнению Энгельса, часть учеников Гегеля, «оставаясь верной принципам, отвергла выводы, поскольку они не могли найти себе оправдания». Эти положения являются в дальнейшем у Энгельса исходным пунктом его высказываний о противоречии между методом и системой у Гегеля.

В этой же брошюре Энгельс очень высоко расценивает диалектику Гегеля, называя ее «внутренней движущей силой»¹⁾, отмечая ее борьбу со всякой односторонностью. Энгельс бросает также ряд критических замечаний по адресу Фейербаха, в частности по адресу фейербаховской критики христианства.

Среди группы младогегельянцев Энгельс является последовательным революционером, наиболее далеко идущим в своих выводах.

Как только Энгельс непосредственно столкнулся с реальной действительностью, с борьбой классов, с развитием промышленности, с развитием классовых противоречий, с ростом классового сознания пролетариата, после его переезда в Англию мы видим у него очень быстрое развитие в сторону коммунизма.

«Социалистом Энгельс сделался в Англии»,— писал Ленин. Одним из первых результатов изучения положения рабочего класса, его бедствий, его нищеты, а одновременно также и изучения буржуазной политической экономии являются знаменитые очерки Энгельса, известные под названием «Очерки критики политической экономии», а затем «Положение рабочего класса в Англии».

В своих статьях о положении в Англии Энгельс начинает выступать также как материалист. В них, несомненно, чувствуется влияние Фейербаха с его культом чисто «человеческих, нравственных, жизненных отношений». Однако, подобно Марксу, Энгельс никогда на протяжении всей своей истории развития не был правоверным фейербахианцем. Всем существом своим, всем своим активным страстным характером и серьезным изучением социальных вопросов, пониманием классовых отношений Энгельс высоко поднимается над Фейербахом. Классовая точка зрения, идея пролетарского коммунизма звучат все чаще и увереннее в работах молодого Энгельса, относящихся к периоду пребывания его в Англии.

Энгельс в своей дальнейшей деятельности создал ряд великих произведений по философии марксизма. Энгельс дал подробное обоснование и развитие важнейших вопросов диалектического материализма. Он дал развернутую критическую оценку философских предшественников Маркса. Он принимал участие в создании совместной работы Маркса и Энгельса «Святое семейство», в которой была дана замечательная и резкая критика младогегельянства. В создании «Немецкой идеологии» Энгельс принимает непосредственное участие. Эта совместная работа Маркса и Энгельса посвящена критике всей послегегельянской философии в лице ее представителей: Фейербаха, Бруно Бауэра и Шtirнера и немецкого «истинного социализма».

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. II, стр. 129

Главы, посвященные критике «истинного социализма» Карла Грюна и Георга Кульмана, написаны непосредственно Энгельсом. Эта работа — образец борьбы на два фронта: против ограниченности материализма феербаховского толка и против всяких измышлений представителей послегегельянской идеалистической философии. Эта работа уже в развернутом виде закладывает основы диалектического материализма и материалистического понимания истории.

Книга Энгельса «Анти-Дюринг» — одно из величайших произведений марксистской науки.

Глубочайшее содержание, огромный охват вопросов, популярное изложение всей системы взглядов марксизма, блестящий стиль делают эту работу Энгельса книгой, по которой учились и будут учиться марксизму целые поколения пролетарских бойцов. «Анти-Дюринг» Энгельса представляет собой целый этап в развитии философии. Ленин писал: «Всю борьбу с Дюрингом Энгельс провел целиком под лозунгом последовательного проведения материализма, обвиняя материалиста Дюринга за словесное засорение сути дела, за фразу, за приемы рассуждения, выражающие собой уступку идеализму, переход на позицию идеализма. Либо последовательный до конца материализм, либо ложь и путаница философского идеализма, — вот та постановка вопроса, которая дана в каждом параграфе «Анти-Дюринга» и не заметить которой могли только люди с мозгами, подпорченными уже реакционной профессорской философией»¹).

Другая работа Энгельса по философским вопросам — «Людвиг Фейербах». Рост рабочего движения и широкое распространение марксизма по всей Европе требовали от его руководителей детального изложения основ пролетарского мировоззрения и, в частности, изложения вопроса об отношении марксизма к философии Гегеля и Фейербаха.

Исходя из этих соображений, Энгельс и написал брошюру о Фейербахе, в которой в сжатой форме гениально изложены основы философии марксизма.

Наконец, надо указать на книгу Энгельса «Диалектика природы», которая была впервые опубликована только в 1927 г. Институтом Маркса и Энгельса. Для понимания метода диалектического материализма, вопроса о соотношении между диалектическим материализмом и естествознанием, для понимания отдельных законов диалектики и их связи эта впервые опубликованная уже в советское время работа имеет исключительное значение. Выход в свет этой работы в период пролетарской диктатуры явился одним из крупнейших событий на фронте марксистской философии.

Таковы основные работы Энгельса, написанные им по специально философским вопросам. Энгельс дал целый ряд специальных работ по вопросам материалистического понимания истории. Упомянем здесь его «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Энгельс с блестящим успехом применял материалистическую диалектику, материалистическое понимание истории в своих исторических работах, в работах по вопросам экономики, стратегии и тактики классовой борьбы пролетариата, по военным вопросам и т. д. на протяжении больше чем полувека. В этой своей деятельности Энгельс дает такой богатый и неисчерпаемый материал по вопросам диалектического материализма, который трудно переоценить.

* * *

Диалектический материализм — самое передовое мировоззрение человечества, потому что оно есть мировоззрение самого передового, самого революционного класса, потому что

¹) Ленин. Собр. соч. Т. XIII, стр. 276

оно опирается на все достижения мировой науки, является их высшим обобщением и итогом. Оно не мирится ни с каким мракобесием, ни с какой чертовщиной, ни с какими элементами религии, богоискательства, богостроительства. Ленин писал: «Только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали донныне все угнетенные классы»¹⁾.

Заслуга Энгельса состоит в том, что он на протяжении всех своих работ рассматривает материалистическую диалектику как философскую науку марксизма. С классической четкостью и ясностью им был сформулирован основной вопрос философии — вопрос о коренном критерии, определяющем характер любой философской системы.

В истории философии мы имели и по сей день имеем многочисленные попытки устанавливать всякого рода принципы деления философских систем: и проблему опыта, и причинность, и интуицию, и критицизм, и догматизм, и т. д., и т. п. Энгельс, развивая идеи Маркса, установил единственно правильный критерий для понимания характера философских направлений, для определения значения и места борьбы двух великих партий в философии — идеализма и материализма, а именно вопрос об отношении мышления к бытию.

Энгельс ведет беспощадную борьбу со всякого рода попытками в области философии подняться над этими основными линиями философии. Своим критерием для определения и характеристики философских направлений Энгельс дал в руки марксистской философии верное оружие для борьбы со всякого рода идеалистической реакцией и поповщиной. Ленин писал: «Я вслед за Энгельсом употребляю в этом смысле только слово: материализм, и считаю эту терминологию единственно правильной, особенно в виду того, что слово «реализм» захватано позитивистами и прочими путаниками, колеблющимися между материализмом и идеализмом»²⁾.

Этот принцип подхода к философским системам, этот критерий, дающий возможность безошибочно вскрывать и разоблачать подлинную сущность всякого рода ревизионистских философских стремлений также и прямых буржуазных реакционных направлений, был положен Лениным в основу всей своей работы над «Материализмом и эмпириокритицизмом». Красной нитью по всей книге Ленина проходит это четкое и резкое деление философских систем. И Мах, и Авенариус, и реакционные имманенты, и запутавшиеся в философских вопросах естественники, и Богданов, и Базаров предстают сразу в своем истинном философском свете перед читателями гениальной работы Ленина. Не переставая ссылаться на авторитет материалиста Энгельса, опираясь на его учение, на его философские работы и развивая дальше философию марксизма, Ленин критикует «отступления от формулировки материализма, данной Энгельсом», со стороны Плеханова, допустившего в своей известной теории иероглифов значительные элементы агностицизма, его ошибки в определении опыта, благодаря чему у Плеханова пропала грань, отделяющая материалистов от махистов.

Согласно Энгельсу, материализм, поскольку он стал диалектическим и связал в одну стройную систему новейшие открытия естествознания, предъявил к каждой науке требование — выяснить свое место в общей системе вещей и знаний. Философии в старом смысле слова пришел конец. Так называемая старая философия как наука стала излишней. Означало ли это, как пытались извратить мысли Энгельса наши механисты, что вообще марксизм распрощался с философией и «выбросил ее за борт»? Конечно, нет! Энгельс раз'яснял, что от старой философии с а м о с т о я т е л ь н о е значе-

¹⁾ Ленин «Маркс—Энгельс—марксизм», стр. 64—65. Партиздат.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XIII, стр. 49.

ние сохраняет наука о мышлении и законах его развития, т. е. логика, диалектика. Энгельс выяснял, что «наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления» (т. XIV, стр. 337). Он указывал, что она отнюдь не есть некая неизменная вещь, что нельзя никаким законам логики придавать сверхисторическое значение, что «теория законов мышления не есть вовсе какая-то раз навсегда установленная «вечная истина», как это связывает со словом «логика» филистерская мысль» (т. XIV, стр. 337).

Энгельс говорил о необходимости серьезного изучения истории философии как о лучшей школе для понимания тех категорий, которыми оперирует естествознание.

По истории философии, начиная с древней и кончая новейшей, Энгельсом дан огромный материал. Всякий, кто с точки зрения марксизма изучает историю философии, не может не отправляться в этом вопросе от Энгельса. Он обращал особое внимание на историю развития естественных наук, на историю изобретений и техники. В своих философских работах, в которых дано дальнейшее гениальное развитие диалектического материализма Маркса — Энгельса, Ленин все время исходит из работ Энгельса, ссылаясь на него как на высший авторитет. В этом отношении крайне характерен документ, относящийся к борьбе с махизмом в эпоху реакции и написанный рукой Ленина в 1908 году. Одним из руководителей философского ревизионизма среди социал-демократов в Женеве (судя по всем данным, это был Богданов) был объявлен реферат на философскую тему. Выступление против референта было поручено члену редакции «Пролетария» и большевистского центра тов. И. Дубровинскому. Как материал к выступлению Дубровинского Лениным был написан этот документ, так называемые «Десять вопросов референту». Вот что писал Ильич, в сжатой форме формулируя основные вопросы теории познания диалектического материализма:

«1. Признает ли референт, что философия марксизма есть диалектический материализм?»

Если нет, то почему не разобрал он ни разу бесчисленных заявлений Энгельса об этом?»

Если да, то зачем называют махисты свой «пересмотр» диалектического материализма «философией марксизма?»

2. Признает ли референт основное деление философских систем у Энгельса на материализм и идеализм, причем средними между тем и другими, колеблющимися между ними, считает Энгельс линию Юма в новой философии, называя эту линию «агностицизмом» и определяя кантианство разновидностью агностицизма?»

3. Признает ли референт, что в основе теории познания диалектического материализма лежит признание внешнего мира и отражение его в человеческой голове?»

4. Признает ли референт правильным рассуждение Энгельса о превращении «вещей по себе» в «вещи для нас»?»

5. Признает ли референт правильным утверждение Энгельса, что «действительное единство мира заключается в его материальности»? (Anti-Düring 2-е изд. 1886 г., стр. 28, 1-й отд., § III об априоризме).

6. Признает ли референт правильным утверждение Энгельса, что «материя без движения так же немыслима, как движение без материи»? (Anti-Düring. 1886 г. 2-е изд., стр. 45, в § 6 о натурфилософии, космогонии, физике и химии).

7. Признает ли референт, что идея причинности, необходимости, закономерности и т. д. является отражением в человеческой голове законов природы, действительного мира? Или Энгельс был неправ, утверждая это.

(Anti-Düring, S. 20—21, в § III об априоризме и S. 103—104, в § XI — о свободе и необходимости)»¹).

Этот документ красноречиво говорит сам за себя. С исчерпывающей ясностью Ленин сформулировал суть воззрений Энгельса по всем важнейшим пунктам теории познания диалектического материализма.

Взгляды Энгельса на теорию отражения—важнейший пункт гносеологических воззрений марксизма. Энгельс неоднократно подчеркивал, что отражение действительности в наших представлениях и понятиях надо понимать как процесс и притом как процесс познания общественно-исторического человека. Применение диалектики к теории познания дало возможность Энгельсу выяснить роль чувственного ощущения, роль абстрагирующей деятельности мышления, роль научных понятий в процессе познания.

Мировоззрение марксизма как наиболее передовое мировоззрение человечества именно поэтому насквозь партийное мировоззрение. «Маркс и Энгельс,—писал Ленин,—от начала и до конца были партийными в философии, умели открывать отступления от материализма и поправки идеализму и фидеизму во всех и всяческих «новейших» направлениях»²). Худшим видом буржуазного либерального подхода к науке и к философии является та точка зрения, которая считает, что партийность и подлинная научность противоречат друг другу. Наше мировоззрение является подлинно научным мировоззрением, и вместе с тем оно от начала до конца проникнуто революционной партийностью. Марксистская философия—образец сочетания глубочайшей революционности с невиданным доселе проникновением в закономерности общественного исторического развития.

Великие идеи и мысли Энгельса о материалистической диалектике как философской науке марксизма, о роли и значении пролетарского мировоззрения для борьбы со всякого рода идеалистическими направлениями подверглись извращениям и критике со стороны ревизионистов и оппортунистов II интернационала. Все эти многочисленные «теоретики»: Форлендеры и Максы Адлеры, Каутские, Вандервельде, Фридрихи Адлеры и богдановцы—наперебой доказывали, что, собственно говоря, марксизм никакой философии не имеет, что под марксистское экономическое учение и учение об обществе надо подвести философский фундамент из позаимствованных этими лакеями буржуазии философских буржуазных теорий (Кант, Мах и т. д.). Всячески они пытались доказать, как например Макс Адлер, что у Энгельса совершенно недостаточен теоретико-познавательный фундамент, что воззрения Энгельса недостаточно критичны и что они должны быть дополнены критицизмом Канта и что они должны получить теоретико-познавательное обоснование и т. д.

Ленин, величайший марксист новой исторической эпохи, не только отстаивал в борьбе с оппортунизмом все учение Маркса в целом, в том числе и его философию, но, развивая это учение дальше, показал также все значение Энгельса как одного из основоположников диалектического материализма.

В предисловии к «Крестьянской войне в Германии» Энгельс писал о том, что немецкие рабочие имеют два преимущества перед рабочими других стран. Эти преимущества состоят в том, что они «принадлежат к наиболее теоретическому народу Европы», и, во-вторых, в том, что они сохраняют и развивают вкус к теоретическому мышлению, в то время как господствующие классы Германии давно потеряли этот вкус. Так писал Энгельс в 1874 году. Эта характеристика как нельзя более свежо звучит в настоящее время. В то время как немецкие пролетарии и коммунистическая партия

¹) Ленин. Собр. соч. Т. XIII, стр. 5.

²) Там же, стр. 277.

Германии твердо хранят эти традиции, являются подлинными наследниками того, что создал и создает великий немецкий народ, являются единственным оплотом культуры в Германии, — фашизм, угнетающий немецкий народ, эта свирепая террористическая диктатура финансового капитала, этот злейший враг культуры и науки, является олицетворением варварства, зоологического национализма и расизма, олицетворением всего отжившего и отживающего, реакционного и консервативного.

Еще в 1913 г. в своей известной статье «Отсталая Европа и передовая Азия» Ленин писал: «...наступил такой исторический момент, когда командующая буржуазия из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое. Отживающая буржуазия соединяется со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство». Эти пророческие слова Ленина как нельзя более подходят к фашизму, который подбирает в предшествующей истории все мрачное и реакционное, чтобы, по выражению Маркса, «узаконять подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего дня».

Для представителей так называемой «идеологии» фашизма характерно следующее: подрыв основ научного знания, полная дискредитация человеческой мысли, выдвижение на первый план чувств, эмоций, интуиции, внутреннего мистического созерцания. Вместо науки—мифология, вместо разума—интуиция и мистическое созерцание, вместо объективного исследования—необузданный субъективизм и не имеющий под собой никакой почвы волюнтаризм, вместо знания—иллюзии, вместо классов и классовой борьбы—расовая и национальная борьба, наконец, мистика крови, чести и божественной души—таков нехитрый арсенал современных фашиствующих философских башибузуков.

Перед лицом этого старческого маразма и идейного разложения высятся как могучая скала, светит как яркое солнце самое передовое, самое последовательное мировоззрение, какое только создано человеческим гением,—мировоззрение диалектического материализма, теория научного коммунизма. Материалистическая диалектика является острейшим и разящим орудием разоблачения этих продуктов гниения капиталистического строя, пытающихся при помощи всех средств материального и идейного воздействия отстоять наемное рабство и частную собственность. Энгельс—один из творцов и основоположников мировоззрения пролетариата — диалектического материализма.

* * *

Материалистическая диалектика—самое всестороннее, самое содержательное и самое глубокое учение о развитии. В своем «Анти-Дюринге», в «Диалектике природы» Энгельс проделал большую работу для выяснения этой сущности нашего учения. Дело в том, что последовательным до конца учением о развитии может являться только материалистическая диалектика. Гегель, несмотря на то что «первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение всеобщих форм движения» (Маркс), мистифицировал диалектику. Он не дошел до понимания «резкости действительных противоречий» (Маркс). Освобождение диалектического метода от идеалистической оболочки, материалистическую переработку его,—одним словом, писал Энгельс, «выработку метода, который лежит в основе марксовской критики политической экономии, мы считаем результатом, который едва ли уступает по своему значению материалистическому основному воззрению». Только марксистская диалектика как наиболее содержательная теория развития беспо-

щадно раскрывает внутренние противоречия общественного и всякого иного процесса. Диалектика, по выражению Маркса, в своей рациональной форме, иначе говоря, материалистическая диалектика, внушает ужас буржуазии. Именно поэтому она и является таким острым оружием в руках пролетариата в его борьбе за коммунизм, за диктатуру пролетариата.

Диалектический материализм против вульгарного понимания эволюции, против всякой оппортунистической теории, которая смертельно боится скачков, перерывов постепенности. Революционная диалектика—эта душа марксизма—внушает ужас не только прямым идеологам буржуазии, она внушала и внушает ужас также и всякого рода оппортунистам, этим «премудрым пескарям», вроде Бернштейнов, Каутских, Вандервельде, Бауэров, как огня боящихся пролетарской революции.

То, что дает Энгельс в деле изложения и популяризации трех основных законов диалектики, входит в железный инвентарь марксистской философии. Энгельс при этом не ограничивался общим теоретическим изложением этих законов, а снабдил их «для популярности», как говорил Ленин, яркими фактическими иллюстрациями. Примеры Энгельса о переходе количества в качество, об отрицании отрицания, о законе единства противоположностей давно уже вошли во все учебники и приобрели широкую популярность. Его разгром механистического фатализма в вопросе о случайности, и необходимости, и причинности заслужил широкую известность.

Материалистическая диалектика—в высшей степени творческое оружие. Она требует конкретного анализа, изучения всей конкретной обстановки для революционного действия. Она против всякого фетишизирования устаревших форм, против превращения формул и лозунгов марксизма в застывшие, мертвые догмы, как это характерно для всей социал-демократии, для всякого оппортунизма. Материалистическая диалектика против перенесения одних оценок, лозунгов, формул, вытекающих из одного определенного положения в соотношении классовых сил, на другое положение при изменившемся соотношении классовых сил.

Анализируя переписку Маркса и Энгельса с руководителями рабочего движения разных стран, Ленин особенно подчеркивает их умение давать ясные указания и намечать тактические пути, исходя из учета конкретных особенностей в положении разных стран. Ленин писал: «С научной точки зрения, мы наблюдаем здесь образчик материалистической диалектики, умение выдвинуть на первый план и подчеркнуть различные пункты, различные стороны вопроса в применении к конкретным особенностям тех или иных политических и экономических условий»¹). Под этим углом зрения Ленин подходит к выяснению тех указаний, которые давал Энгельс в своих письмах к деятелям рабочего движения.

Ленин указывает, что можно видеть две линии энгельсовских указаний в этой переписке. Одни указания, поправки, директивы Энгельс дает англо-американским социалистам, другого типа указания он дает немецким социал-демократам. От англо-американских социалистов Энгельс все настойчивее требует слиться с рабочим движением, вытравить из организации узкий и заскорузлый сектантский дух. Именно эти указания соответствовали всему положению вещей в этих странах, ибо там в период деятельности Энгельса не было социал-демократической рабочей партии, не было социал-демократических депутатов в парламенте, не было никакой социал-демократической политики на выборах и в прессе. Среди представителей рабочего движения господствовали узкое сектантство, отрыв от широких рабочих масс. Энгельс учил социалистов во что бы то ни стало порвать с этим узким сектантством, примыкать пошире

¹) Ленин «Маркс — Энгельс — марксизм», стр. 104. Партиздат.

и поглубже к рабочему движению, политически встряхнуть пролетариат, выдвигая перед ним общеполитические задачи.

Другое положение было в Германии, в стране, где буржуазно-демократическая революция осталась незаконченной, где господствовал военный деспотизм, где пролетариат уже был втянут в политику, создал социал-демократическую партию и был с нею тесно связан. Вот в этой стране Энгельс требовал от социалистов «бешеной борьбы» против парламентского опошления рабочего движения, против филистерского примиренчества, против всякого ограничения задач и размаха революционного движения. Германия—с одной стороны, указывает Ленин, Англия и Америка—с другой, представляли страны, в которых капиталистическое развитие находилось на различных стадиях, в которых мы имеем различные формы господства буржуазии. И именно учет этих конкретных особенностей требовал от руководителей рабочего движения различной тактики, применительно к обстановке.

Указания Энгельса являются образцом такого диалектического анализа обстановки и умения применять его к различному соотношению классовых сил. Книга Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии» может служить ярким примером анализа с точки зрения материалистической диалектики хода классовой борьбы в революции 1848 г. в Германии, изменяющегося соотношения сил в результате тех или других крупных событий, противоречивого положения буржуазии и ее предательства народных масс.

Пользуясь методом диалектического анализа, Энгельс ярко рисует противоречивое положение немецкой либеральной буржуазии во время революции 1848 года. Ход событий показал, что «та самая либеральная буржуазия, которая одна выиграла от победы» (речь идет о двух больших победах народа: 13 марта в Вене и 18 марта в Берлине), немедленно обратилась против своих вчерашних союзников, против народных масс, стала во враждебное отношение к ним и заключила союз с побежденными феодальными бюрократическими слоями. Диалектика исторического развития соотношения классовых сил в Германии была такова, что, по мнению Энгельса, было очевидно с самого начала, что буржуазия может устоять против побежденных, но не уничтоженных феодальной и бюрократической партий лишь в том случае, если она будет опираться на демократические и крайние партии, и что, с другой стороны, ей нужна поддержка феодального дворянства бюрократии против напора этих более передовых масс. «Было таким образом ясно,—писал Энгельс,—что буржуазия Австрии и Пруссии не располагает достаточной силой, чтобы удержать за собой власть и перестроить учреждения страны сообразно своим собственным нуждам и понятиям».

Энгельс пригвоздил к позорному столбу истории франкфуртское народное собрание, эту «коллекцию мудрецов», этих «скоморохов», этих «близоруких и тщеславных людишек, которых один год парламентской жизни превратил в совершенных идиотов».

Энгельс дает потрясающую характеристику поведения так называемой демократической партии, представлявшей интересы мелкой буржуазии в серьезных классовых столкновениях. Ее представители были очень щедры на обещания и угрозы применять революционное действие, на словах проявляли отменную отвагу, грозили вооруженным сопротивлением, но всем ходом событий показали, что в час действительной опасности их «нигде не сыщешь», что лучше всего они себя чувствуют «на следующий день после решительного поражения, когда все погибло» и что они имеют «по крайней мере утешение знать, что дело так или иначе кончено».

Веда «бешеной борьбу» с оппортунизмом, Энгельс и развитие самих социал-демократических партий рассматривал под углом зрения диалектики. В своем докладе на VII пленуме ИККИ в декабре 1926 г. товарищ Сталин,

устанавливая закон диалектического развития «всех сколько-нибудь больших пролетарских партий», состоящий в необходимости преодоления внутривластных разногласий путем борьбы, ссылается в этом вопросе на авторитет Энгельса. Товарищ Сталин указывает, что в 80-х годах прошлого века, когда в Германии господствовали так называемые исключительные законы против социалистов, Энгельс, направлявший на деле работу германской социал-демократии путем переписки с ее руководителями, писал Бернштейну:

«Как видно, всякая рабочая партия большой страны может развиваться только во внутренней борьбе в полном соответствии с законами диалектического развития. Германская партия стала тем, что она есть в борьбе эйзенахцев и лассальянцев, где самое трение играло главную роль».

В полном соответствии с общим пониманием сущности революционной диалектики Энгельс указывает, что в истории общественной жизни, в истории классовой борьбы, в истории развития партий «противоречия никогда не могут быть затушеваны надолго, они решаются борьбой».

Как известно, троцкисты ссылались на положение Энгельса в его работе «Принципы коммунизма» о том, что пролетарская революция не может победить в одной отдельно взятой стране, для борьбы с ленинской теорией империализма и пролетарской революции. Эта формула Энгельса, по выражению товарища Сталина, являясь наиболее крайним и резким выражением точки зрения марксистов определенного периода, а именно периода промышленного капитализма, для этих условий, как доказал товарищ Сталин, была правильна. Однако какими бы ни были гениальными мыслителями Маркс и Энгельс, нельзя требовать от них, «чтобы они предусмотрели в период домнополистического капитализма все возможности классовой борьбы пролетариата и пролетарской революции, открывшиеся спустя более чем полстолетие, в период развитого монополистического капитализма»¹⁾.

Товарищ Сталин, исходя из метода Маркса и Энгельса, показал, что в новых исторических условиях, в условиях империализма, Ленин был первый, который открыл истину о возможности победы социализма в одной стране, и что худшим видом оппортунизма, социал-демократического подхода к делу является ссылка на старую формулу Энгельса, данную для другого исторического периода. И дальше, в связи с этим товарищ Сталин, разоблачая троцкистов, писал: «Конечно, если бы Энгельс был жив, он не стал бы цепляться за старую формулу, а наоборот, всемерно приветствовал бы нашу революцию, говоря: «К черту все старые формулы, да здравствует победоносная революция в СССР»²⁾.

На этом примере очень хорошо вскрывается подлинно диалектическое, творческое развитие марксизма т. Сталиным, и это передает очень хорошо суть воззрений самого Маркса и Энгельса. Сталин — величайший диалектик-материалист нашей эпохи, исходя из метода Маркса — Энгельса — Ленина и вместе с тем развивая его, теоретически вооружает мировой пролетариат на каждом историческом этапе классовой борьбы таким кристально ясным анализом положения, такими гениальными и глубокими как океан прогнозами о перспективах развития, такими директивами и лозунгами, которые, доходя немедленно до сознания и сердец трудящихся, превращаются в непоколебимую материальную силу. Именно товарищу Сталину принадлежат известные исторические слова на XVI съезде партии о «...жизненной правде марксовской диалектики, которая дает большевикам возможность брать самые неприступные крепости...»³⁾.

1) Сталин «Об оппозиции», стр. 380.

2) Там же, стр. 379.

3) Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 427. 10-е изд.

* * *

Маркс и Энгельс уделяли в течение всей своей деятельности огромное внимание изучению естествознания. Переписка между ними свидетельствует о том, что они следили за всеми новейшими открытиями в наиболее важных отраслях естественных наук, не пропускали ни одной из крупных книг, посвященных этим открытиям. Но так как сам Маркс больше всего занимался экономическими вопросами, работая над «Капиталом», то работа по обобщению итогов развития естествознания выпала главным образом на долю Энгельса. Результатом этих его занятий и является «Диалектика природы».

К середине XIX в. в ряде отраслей естественных наук наблюдается очень большое развитие. Можно говорить о целой революции в естествознании. Так например в сравнительно небольшой промежуток времени, от 1830 по 1848 г., был сформулирован и обоснован закон сохранения и превращения энергии в работах Джоуля, Майера, Гильдинга и Гельмгольца. В течение этого же периода знаменитый Фарадей открыл электромагнитную индукцию. На это же время падает большое развитие органической химии. Окончательно утвердилась клеточная теория Шванна. В геологии Ляйель своими замечательными открытиями устанавливает идею эволюции. Революция 1848 г. послужила отправным пунктом для бурного развития естественных наук в Германии. Буржуазия была охвачена духом практицизма и наживы, сделала крупные шаги в развитии промышленности. Естественно, что она нуждалась в широких научно-исследовательских работах в области естествознания, а это в свою очередь привело «к мощному подъему естествознания в Германии» (Энгельс). Однако и другие страны в этом отношении отнюдь не отстают. Стоит указать на открытия Дарвина по вопросу о происхождении видов. Очень крупные открытия были сделаны в физике, в химии, в медицине, в биологии. Стоит только назвать имена Либиха, Пастера, Вирхова, Коха, чтобы было ясно, насколько к тому времени продвинулись вперед познания о природе со времен Гегеля.

Естественно, что при наличии таких больших изменений, происшедших во всех областях науки, со стороны марксистов требовалось теоретически осмыслить эти открытия. За эту гигантскую работу по теоретическому обобщению и осмысливанию всего развития новейшего естествознания с середины XVIII вплоть почти до конца XIX столетия взялся Энгельс. Эту работу мог выполнить только он, при ближайшем участии и советах Маркса, который, работая над II и III томами «Капитала», находил время постоянно быть в курсе дела во всех вопросах современного ему естествознания.

Каковы же основные выводы и идеи, к которым он пришел в результате своего длительного специального изучения естествознания? В Предисловии к «Анти-Дюрингу» от 1885 г. Энгельс указывал: «Моя задача была не в том, чтобы внести диалектические законы в природу извне, а в том, чтобы найти их в ней и из нее их развить». «Однако,—констатирует Энгельс,—выполнить это в общей связи и по отношению к каждой отдельной области составляет исполнинский труд»¹⁾.

Основные идеи, развитые им в «Анти-Дюринге» и в особенности в «Диалектике природы», могут вкратце быть изложены следующим образом. Энгельс дает характеристику предшествующего этапа в развитии естественных наук до великих открытий XIX века. Состояние этих наук в тот период, по мнению Энгельса, является ярким примером господства в них метафизического метода и формальной логики. В учениях о природе господствовали представления о неизменных силах и метафизических началах вроде, например, теплорода и флогистона, электрической и магнитной

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 10.

жидкости. Господствовали воззрения Ньютона о пространстве и времени как о ящиках, в которых заключен объективный мир, причем, согласно этим же представлениям, пространство и время внешни по отношению друг к другу. Естественно, что при господстве такого метафизического метода в естествознании в нем оставалось еще очень много теологии: религиозных представлений, учений о божественном начале, о первом божественном толчке и т. д.

Однако с конца XVIII в., а затем и в XIX в. делаются такие открытия, которые целиком и полностью переворачивают все предыдущие представления. Метафизика, формальная логика, с ее неизменными категориями и законами в вопросах естествознания, терпит одно поражение за другим. Одно за другим следуют крупные открытия, из которых совершенно ясно становится, что природа развивается. Наносятся один за другим удары по неизменным силам. Оказывается, что различные противоположности отнюдь не отграничены друг от друга непреходимыми границами, а, наоборот, фактический материал показывает, что противоположности друг в друга переходят. Все эти открытия, начиная с канто-лапласовской теории, кончая открытиями Лайеля и Дарвина, все больше и больше подтверждают общеполитические воззрения диалектического материализма. Хотя большей частью сами авторы этих открытий отнюдь не были сознательными диалектическими материалистами, однако их работы для доказательства истинности марксистского мировоззрения сыграли исключительно большую роль. Диалектическое воззрение на природу пробивается через все их взгляды большей частью стихийно. Энгельс писал: «Во всяком случае естествознание находится теперь на такой ступени развития, что оно не может уже ускользнуть от диалектического обобщения»¹⁾. Энгельс далее указывал, что единственным условием, которое может полностью и до конца обеспечить в вопросах естествознания победу диалектическому мировоззрению над всякой мистикой и поповщиной,—это сознательный переход естествовников на позицию диалектического материализма. Однако в условиях капиталистического строя, в условиях органической связи подавляющего большинства естествовников с господствующими классами, такой переход в массовом масштабе маловероятен или даже невозможен.

Все эти идеи Энгельса, являвшиеся блестящими обобщениями успехов естествознания, подхватывает и развивает в новых условиях Ленин. Товарищ Сталин в «Основах ленинизма» указал, что «никто иной, как Ленин, взялся за выполнение важнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов».

С конца XIX в. вплоть до настоящего времени естествознание опять переживает бурную революцию. Эта революция, этот неисчерпаемый поток новейших открытий, в свою очередь ломающий все старые представления, вместе с тем тесным образом связан с кризисом естествознания, философские и теоретические основы которого были раскрыты Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме». Если подойти к фактическим, экспериментальным открытиям, которые за это время следуют одно за другим в различных областях наук, то мы можем с полной ответственностью заявить, что они целиком и полностью доказывают всю правоту гениальных прогнозов в этом отношении Энгельса и Ленина. Эмпирический и фактический естественно-научный материал, который накопился в естествознании, доказывает правоту не только общих идей диалектического материализма, но даже и в частных вопросах правильность мно-

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 12.

гих положений «Диалектики природы» Энгельса и «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина. Возьмем, к примеру, трактовку вопросов пространства и времени, материи и движения, которую мы имеем в названных произведениях. Энгельс в «Диалектике природы» подчеркивает, что с точки зрения диалектического материализма пространство и время неотрывны друг от друга так же, как в свою очередь они неотрывны от материи. Точно так же доказывал Энгельс в противовес старым метафизическим воззрениям многих естественников, что материя и движение представляют собою полное единство, движение неотрывно от материи, что движение — не только свойство материи, а нечто большее, атрибут материи.

Эти философские воззрения многим естественникам в период Энгельса казались совершенно неправильными, не отвечающими состоянию естествознания того времени. Однако что мы имеем в настоящее время? Согласно теории относительности Эйнштейна, которая является одним из крупнейших открытий в области естествознания в первой четверти XX в., доказано, что пространство и время неотрывны друг от друга и находятся в зависимости от распределения материи. Теория относительности привела к установлению на фактическом естественно-научном материале истины о единстве материи и движения, о пространстве и времени, находящихся в неразрывной связи друг с другом. Она увидела в движении единство времени и пространства. При всех идеалистических выводах, которые делают сам автор теории относительности — Эйнштейн — и многочисленные философы из его открытий, эта теория невольно подтвердила на богатом естественно-научном и математическом материале правоту положений, которые были выдвинуты еще Энгельсом в «Диалектике природы». Теория относительности доказала, что нет энергии вне массы, что всякая энергия должна обладать массой, что между ними нет и не может быть никакой непроходимой грани, как это трактовало старое, метафизическое естествознание. Опять-таки, вольно или невольно, была доказана правильность положений Энгельса по этим вопросам.

Теория эволюции со времени Дарвина сделала огромные шаги вперед. Все больше и больше областей естествознания охватывается теорией эволюции. Теперь наука доказала не только эволюцию видов в биологии, но она пришла также и к необходимости эволюционного рассмотрения элементов и перехода этих элементов друг в друга. В космогонии и астрономии изучаются детально процессы возникновения, развития и строения звезд, их распад и разложение в мировом пространстве. Во всех этих областях теория развития празднует свои победы. Надо тут же указать на огромное философское значение работ нашего академика Павлова. Своими экспериментальными работами по объективному изучению высшей нервной деятельности он сделал для борьбы с идеализмом и обоснования на фактическом опытным материале идей материализма, идей Энгельса по вопросу о происхождении мышления, гораздо больше многих десятков патентованных философов. Одним словом, если бы Энгельс был жив, к нему каждый день стекались бы в огромном количестве факты, подтверждающие его идеи «Диалектики природы»!

Выше мы говорили о том, что с точки зрения Энгельса сознательный переход на точку зрения диалектического материализма массы ученых в условиях капиталистического строя маловероятен, если не сказать — невозможен. Только в условиях пролетарской диктатуры, в условиях, когда марксизм является господствующей идеологией как идеология господствующего класса, такой массовый переход представителей естествознания на сторону марксистского мировоззрения становится возможным и даже необходимым. В настоящее время в нашей стране наблюдается в широком раз-

мере среди научных работников различных областей огромный интерес к марксизму, к работам Энгельса, в частности к его «Диалектике природы», к работам Ленина, в особенности к его «Материализму и эмпириокритицизму».

* * *

Ленин называет материалистическое понимание истории последовательным продолжением и распространением материализма на область общественных явлений. Материалистическое понимание истории, несомненно, является совместным делом Маркса и Энгельса.

Идя рука об руку с Марксом, Энгельс проделал огромную, поистине неисчерпаемую работу в деле развития и обоснования материалистического понимания истории. Энгельс, несомненно, является одним из творцов исторического материализма.

Он рассматривал исторический материализм отнюдь не как готовый шаблон, а как теорию, указывающую путь к всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, путь к точному изучению поведения классов, классовой борьбы, к точному вскрытию исторических корней всех без исключения идей и тенденций общественного развития. Энгельс рассматривал исторический материализм как метод понимания общественных явлений.

Энгельс придает огромное значение фактической истории. Он писал: «История есть для нас все и ценится нами выше, чем каким-либо другим более ранним философским учением, выше даже чем Гегелем, которому она, в конце концов, служит лишь для проверки его логической задачи»¹⁾.

Энгельс требует конкретного изучения истории, знания конкретных фактов классовой борьбы. В этом отношении его произведения являются образцом. Он решительным образом обрушивается на «таких друзей, для которых материалистическое понимание истории является предлогом не изучать историю». В ряде своих исторических работ Энгельс глубоко анализирует положение каждого отдельного класса, его взаимоотношения с другими классами, внутреннюю борьбу различных групп и слоев внутри данного класса, противоречия, в нем имеющиеся и могущие быть использованы пролетариатом. Такой конкретный анализ классовых отношений чрезвычайно важен, по выражению Ленина, для выяснения сложной сети общественных отношений и переходных ступеней от одного класса к другому. Такое детальное изучение важно также для выяснения переходных ступеней от настоящего к будущему и т. д.

Во всей совокупности работ Энгельса его исторические исследования занимают исключительное место. Он обработал огромный фактический исторический материал по истории Англии, Франции, Германии, по истории классовой борьбы, революционных войн. Работы Энгельса дают исключительный материал и по истории внешнеполитических отношений Европы больше чем за столетие, по истории национально-колониального вопроса, по истории религиозно-философских систем Востока. Энгельс специально анализирует и занимается изучением истории военных операций, и даже история развития винтовки находит в нем своего блестящего исполнителя.

Энгельс изучает историю не ради чистой науки. Изучение истории у него исключительно партийно. Он занимается изучением истории для цели пролетарской борьбы: так например для понимания революции 1848 г. и предательской политики буржуазии он специально изучает и ссылается на изучение классовых отношений времен крестьянской войны 1525 года. Он указывает, что в 1525 г. классы, части классов, которые предавали революцию в 1848—1849 гг., мы встречаем уже в качестве предателей.

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. II, стр. 343.

Глубокая партийность исторических работ Энгельса, полное отсутствие той «объективности беспристрастного историка», о которой так беспокоится небезызвестный Эдуард Бернштейн,— вот важнейшая их черта.

В своем письме к Паулю Эрнсту Энгельс указывает, что материалистический метод отнюдь не является готовой отмычкой для всякого рода исторических «открытий». Он указывает, что материалистический метод «превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроют и перекраивают исторические факты».

Все эти мысли и образцы работ Энгельса имеют актуальное значение для настоящего времени. Мы можем часто встретить людей, для которых материалистическое понимание истории превращено в шаблон, в общую декламацию об общественно-экономических формациях и т. д. и для которых эта декламация заменяет действительное знание исторических фактов.

Здесь уже в предыдущих докладах была освещена роль Энгельса как борца за диктатуру пролетариата. Здесь уже освещалась та великая роль, которая принадлежит Энгельсу в разработке вопросов пролетарской диктатуры, вопроса о необходимости слова старой государственной машины, вопроса об отмирании государства и т. д. Мы поэтому на этих вопросах не будем останавливаться, а перейдем к выяснению некоторых других сторон материалистического понимания истории в работах Энгельса.

Исключительное значение имеет то богатейшее содержание, которое дает нам Энгельс в вопросах, посвященных коммунизму, бесклассовому обществу. В своем «Анти-Дюринге» он беспощадно бичует тех фантазеров, которые отрываются от действительности и «пытаются предусмотреть все детали будущего общества вплоть до способов очистки выгребных ям». Бичуя таких Маниловых, Энгельс вместе с тем дает в своих работах яркую картину будущего общества. Широкими мазками рисует он тот общественный строй, в котором вследствие уничтожения классов и уничтожения эксплуатации отношения между людьми станут «ясными и прозрачными», не завуалированными никакими фетишами. Сильными словами характеризует он тот общественный строй, когда сами люди становятся «господами своих собственных отношений». Жизненные условия, которые окружают людей, которые над ними господствовали, в этом новом обществе, наконец, попадут под власть людей и их контроль. Люди впервые в бесклассовом обществе станут, по мнению Энгельса, действительно сознательными победителями природы. И разве чудесный пример страны социализма, нашей прекрасной социалистической родины, с ее пролетарским гуманизмом, пролетарской демократией, с ее невиданным героизмом в деле борьбы за уничтожение классов, в деле покорения природы, в деле всякого рода научных открытий — разве все это не является ярким подтверждением этих гениальных прогнозов великого соратника Маркса!

Энгельс писал: «Лишь сознательная организация общественного производства, в которой происходит планомерное производство и потребление, может поднять людей над прочими животными в общественном отношении так, как их подняло производство вообще в специфическом смысле». Историческое развитие делает такую организацию с каждым днем все более необходимой, с каждым днем все более возможной. «От нее,— продолжает Энгельс,— будет датировать новая историческая эпоха, в которой люди, а вместе с ними все отрасли их деятельности и, в частности, естествознание, сделают такие успехи, что все, совершенное до того, покажется только слабой тенью»¹⁾. Блестящие примеры наших стратонавтов, нашей гигантской работы

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 488.

в Арктике, наших подводников и ученых в различных областях науки, наших работ по бомбардировке атомного ядра, по яровизации, по насаждению специальных культур на Крайнем Севере, по открытию синтетического каучука, наших работ, открывающих совершенно новые страницы в области архитектуры, водных сооружений и т. д., и т. п., показывают, насколько далеко видел Энгельс, какую замечательную перспективу нарисовал он для социалистического общества.

Внимание Энгельса все время привлекает вопрос о развитии личности в условиях бесклассового общества. Яркими красками набрасывает он замечательную картину развития личности в условиях социализма. Энгельс отдает должное буржуазии, которая на утренней заре своего возникновения, в так называемую эпоху Возрождения, выдвинула поколение крепких людей, с могучими характерами, с сильными нервами, выдвинула цельные, многогранные личности, блестящие таланты, людей страстной энергии, людей, отнюдь не страдавших односторонностью (Микель-Анджело, Леонардо да Винчи). Однако Энгельс этим не ограничивается. Он вскрывает все противоречия этой интересной исторической эпохи. Он показывает, что именно в силу противоречий ее, в силу природы буржуазного класса, который шел к своему могуществу, эта же эпоха выдвинула жесточайших властелинов, беспринципнейших авантюристов, грязных негодяев, рыцарей наживы и крови, продажных бестий и т. д.

Энгельс и Маркс показывают в своих работах, что буржуазная личность, ее рост, ее развитие происходили на базе подавления и угнетения широчайших народных масс. Коммунизм же является началом новой великой эпохи возрождения человека. Коммунизм означает подъем и возрождение личности не в противоречии с широкими массами, а, наоборот, он означает подъем всей массы. Разве все то, что происходит у нас: замечательный рост коммунистических форм труда, социалистическое соревнование и ударничество, рост подлинных героев из народных масс, — разве все это не является подтверждением этих гениальных прогнозов Маркса и Энгельса?!

* * *

Сорок лет, протекающие со дня смерти Энгельса, являются годами роста рабочего движения, его величайших исторических успехов, торжества научного социализма в его борьбе со всякого рода врагами. Под знаменем Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина пролетариат нашей страны добился исполнинских побед.

В стране пролетарской диктатуры, стране марксизма-ленинизма, под руководством величайшего вождя пролетариата товарища Сталина, чье имя заставляет усиленнее биться сердце, сжимать крепче в руках винтовку, молот, перо, еще напряженнее драться за счастливую, радостную жизнь, мы имеем всемирноисторические достижения. В странах капитала свирепствует кризис, идет усиленная подготовка к новым империалистическим войнам. В ответ на разгул фашизма, расизма, звериного национализма, на невиданно жестокие формы подавления рабочего движения все увереннее начинает подниматься рабочий класс, объединяя под своим руководством широчайшие массы трудящихся для нанесения решающего удара по капиталистической реакции.

Знамя марксизма высоко вздымается над всем миром! Недалек тот исторический час, когда под этим знаменем мировой пролетариат сбросит в мусорную яму истории весь капиталистический строй с его зверством, варварством и эксплуатацией!

Великое творение

(«Анти-Дюринг» Фридриха Энгельса)

П. Юдин

«Анти-Дюринг» Ф. Энгельса вышел в августе 1878 года. Причины, побудившие его написать эту книгу, изложены самим Энгельсом в предисловии к первому изданию, подписанном 11 июня 1878 года. «...Три года тому назад, — писал он, — господин Дюринг появился вдруг в качестве адепта и в то же время реформатора социализма и вызвал на бой весь свой век, мои друзья в Германии стали обращаться ко мне с неоднократными настоятельными просьбами подвергнуть критике эту новую социалистическую теорию в тогдашнем центральном органе социал-демократической партии».

Евгений Дюринг (1833—1902 гг.) был представителем вульгарного материализма и мелкобуржуазного социализма, сторонником философии О. Конта, Фохта, близко примыкавшим и к кантианству. В общественных взглядах не поднимался выше эпигонов просветительства XVIII в.; выступал против Гегеля и против Маркса. Дюринг создал «собственную» теорию социализма.

Книги и идеи Дюринга одно время приобрели широкую популярность даже в рядах тогдашней социал-демократии. Э. Бернштейн, Мост, Бракке и другие выступили горячими сторонниками Дюринга. Даже Бебель не сразу разобрался в дюрингианстве. В 1874 г. он выступил со статьей о Е. Дюринге, в которой писал: «Все наши возражения против сочинения Дюринга не затрагивают его основных взглядов. Мы считаем их безупречными и относимся к ним с полным одобрением».

В. Либкнехт обратился в 1875 г. к Энгельсу с письмом, в котором просил подвергнуть учение Дюринга критическому разбору.

Ф. Энгельс принялся за работу по критике дюрингианства. «Так возник ряд статей, — пишет Энгельс, — которые появились с начала 1877 года в преемнике «Volksstaat», Лейпцигском «Vorwärts». Последние статьи были опубликованы в июне 1878 г., а в августе вышли отдельной книжкой. До сдачи в печать книга была просмотрена К. Марксом. Одна глава «Из критической истории» была написана Марксом. Это произведение, как и все написанные Марксом и Энгельсом, можно считать их совместным трудом.

Ф. Энгельс, разбирая последовательно взгляды Дюринга, не оставил камня на камне от громоздкой и по внешности необычайно наукообразной системы Дюринга.

Разоблачая всю бессодержательность, буржуазно-вульгарную сущность учения Дюринга, Энгельс зло и беспощадно высмеял Дюринга и дюрингианство. Критика Дюринга явилась своего рода поводом к обобщению в единое целое всего мировоззрения Маркса и Энгельса и к разработке целого ряда новых вопросов. Энгельс в предисловии к «Анти-Дюрингу» писал, что критика

Дюринга «дала мне возможность развить с положительной стороны в многообразнейших затрагиваемых здесь областях мою точку зрения на вопросы, представляющие теперь более общий научный или практический интерес».

«Анти-Дюринг», возникший в борьбе с буржуазными влияниями на формирующееся социалистическое сознание рабочего класса (наиболее типичным для этого влияния тогда было дюрингианство), отразил в себе всю революционную страсть, великую ненависть к буржуазному мракобесию, боевой критический дух, глубину и ясность в обосновании и защите марксизма, свойственные только великим, гениальным произведениям теоретиков коммунизма. «Анти-Дюринг» является величайшим и гениальным произведением марксизма. По своему содержанию, по объему затронутых в нем вопросов и научной глубине оно стоит в одном ряду со всеми классическими работами Маркса и Ленина. Особое значение и величайшая ценность этого произведения состоят в том, что в нем воедино сведена вся совокупность взглядов научного коммунизма. Ленин в 1913 г. писал, что марксизм есть «законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма». И составными частями марксизма, писал Ленин, являются философия, политическая экономия и научный социализм. В различное время и с разных сторон Маркс и Энгельс в ряде работ (и главным образом в «Капитале» Маркса) дали обоснование и развитие своего учения. В ранних произведениях: «Святое семейство» (1845), «Немецкая идеология» (1845—46) «Ниццета философии» (1847), «Коммунистический манифест» (1847—48), — Маркс и Энгельс давали систематическое изложение своих взглядов.

Но после этих работ прошло три десятка лет, великие учителя проделали грандиозную работу, Маркс создал «Капитал». Развитие всех наук сделало необыкновенно большие успехи. Марксизм всесторонне обогатился и развился, завоевал одну область знаний за другой и стал достоянием передовых рабочих всех стран мира.

Пришла насущная потребность — в интересах большего распространения коммунистического учения в рабочем классе собрать и свести воедино основные части марксова учения, изложить и представить марксизм как единое, стройное и законченное (в смысле системы знаний) учение.

Работу подобного рода тогда могли выполнить только Маркс и Энгельс. На долю Энгельса выпала почетная историческая задача — изложить всю совокупность взглядов марксизма, его три составные части: философию, политическую экономию и социализм — в едином и законченном произведении, представив и обосновав марксизм как всеобъемлющее учение, «как науку о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления».

Эту задачу Энгельс выполнил с таким успехом, что создал величайшее творение человеческой мысли.

Пролетариат получил научное произведение, в котором с единой точки зрения критически пересмотрена вся история знания и культуры человечества, с единой пролетарской точки зрения изложена история народов, изложены и дополнительно изучены законы капиталистического общества, обогащены новым опытом борьбы рабочего класса, с гениальной прозорливостью намечены конечные цели этой борьбы и дано принципиальное научное обоснование будущего общества — социализма.

В «Анти-Дюринге» Энгельс и Маркс подвели итоги почти сорокалетней совместной научной работы и революционной борьбы. Без «Анти-Дюринга» невозможно представить ни историю развития марксизма, ни сам марксизм, ни все последующее движение рабочего класса.

«Анти-Дюринг» распадается на три основных отдела соответственно трем составным частям марксизма: «Отдел первый. Философия». «От-

дел второй. Политическая экономия». «Отдел третий. Социализм».

В отделе «Философия» Энгельс рассматривает коренные проблемы философского материализма Маркса и на огромном количестве исторического, естественно-научного и современного Энгельсу общественного строя показывает жизненность, правдивость и силу законов диалектики.

В отделе «Политическая экономия» Энгельс в сравнительно кратком изложении воспроизводит теорию политической экономии марксизма, ее историческое развитие и решает коренные теоретические и политические проблемы современного ему капитализма, вскрывая всю остроту и непримиримость капиталистических противоречий.

Третий отдел «Анти-Дюринга» — «Социализм» — имеет выдающееся значение. Здесь Энгельс исследует, как историческое развитие общества с естественно-исторической неизбежностью приводит к социализму. Энгельс сжато, но необычайно четко и ясно дает характеристику главных вопросов перехода к социализму и социализма: диктатуры пролетариата, вопросов об отмирании государства, о плановом производстве и т. д. Особенностью всего изложения вопросов, рассматриваемых в «Анти-Дюринге», является историческое рассмотрение каждой проблемы, — во-первых, и, во-вторых, — конкретное решение каждого вопроса с точки зрения революционных интересов пролетариата, на основе уровня современного Марксу и Энгельсу развития производительных сил и науки.

Точка зрения марксистской диалектики, что все явления надо изучать исторически, в их возникновении и развитии, что абстрактной истины нет, есть истина конкретная, в «Анти-Дюринге» не только всесторонне разработана теоретически, но и применена практически при изучении и изложении «в многообразнейших затрагиваемых здесь областях»¹⁾.

В разделе «Общие замечания» Энгельс в сжатой форме излагает историческое подготавливание «нового социализма», выясняет его предшественников в области философии, политической экономии и социализма. В «Общих замечаниях» дана характеристика действительного состояния теоретического социализма того времени, «когда г. Евгений Дюринг не без громкого шума выскочил на сцену и возвестил о произведенном им полным перевороте в философии, политической экономии и социализме» (Энгельс «Анти-Дюринг». Собр. соч. М. и Э. Т. XIV, стр. 27²⁾). «Новейший социализм, — пишет Энгельс, — по своему содержанию является прежде всего результатом

¹⁾ Могут быть различные подходы к изложению содержания «Анти-Дюринга»: можно изложить содержание книги по отдельным проблемам, можно остановиться на изложении одного из отделов «Анти-Дюринга», и можно, наконец, изложить содержание основных проблем всего труда Энгельса.

Мы считаем в данном случае целесообразнее этот последний путь. Это целесообразнее потому, что наиболее полно можно выяснить значение и роль научных трудов Энгельса, изучая их целиком, и, во-вторых, это необходимо сделать потому, что многие, даже много читающие марксистско-ленинскую литературу, полагают, что «Анти-Дюринг» — только или главным образом философское произведение. Нередко встретишь людей, которые более или менее знакомы с философским отделом этой книги и вовсе незнакомы или плохо знакомы с двумя другими отделами «Анти-Дюринга». Нечего говорить, что те, кто знакомство с «Анти-Дюрингом» ограничивают только философским отделом, не знают «Анти-Дюринга». Все величие этого гениального труда становится понятным только как целое произведение. Приходится удивляться, почему в программах по политической экономии и по истории весьма редко встречаются последние два отдела в качестве основной литературы по этим предметам.

Автор ставит перед собой весьма скромную задачу — изложить кратко содержание «Анти-Дюринга» как единое и законченное произведение об основных составных частях марксизма.

²⁾ При ссылаках на «Анти-Дюринг» всюду берется XIV том сочинений Маркса и Энгельса.

наблюдений, с одной стороны, над господствующим в современном обществе антагонизмом между имущими и неимущими классами, капиталистами и наемными рабочими, с другой,—над анархией, существующей в производстве. Но по своей теоретической форме он кажется на первый взгляд только дальнейшим развитием и как бы последовательным проведением принципов, установленных великими философами XVIII века. Как всякая новая теория, социализм должен был примкнуть к порядку идей, созданному его ближайшими предшественниками, хотя его корни и лежали очень глубоко в экономических фактах» (стр. 17). Дальше Энгельс рассматривает учение и историческую роль великих утопистов: Сен-Симона, Шарля Фурье и Роберта Оуэна. «Эти три великих утописта сходились между собой в том, что никогда не выступали защитниками интересов исторически развившегося к тому времени пролетариата» (стр. 19).

Затем Энгельс выясняет источники и пути развития материализма и диалектики.

Развитие материализма и диалектики Энгельс берет в тесной связи и зависимости от развития общественных отношений и уровня развития естествознания.

Древняя Греция была страной со слабо развитой техникой, естествознание в ту пору, по сути дела, было лишь в зародыше. Грекам было присуще рассматривать природу, весь мир, так сказать, в целом, как единое, не выделяя частностей. Энгельс говорит, что еще наивный, но по существу правильный взгляд был стихийно диалектическим: «Древние греческие философы были все прирожденными диалектиками» (стр. 20). Греки были правы в общем и целом, но их взгляд на мир был неполным: он не охватывал, не видел движения отдельных вещей. Без знания частностей не может быть верно понята и вся картина мира. Для такого познания мира грекам не хватало опыта естествознания.

Наступает эпоха кропотливого изучения природы и истории (греки александрийского периода, затем, в средние века, и арабы), идет медленный процесс расчленения природы и истории на отдельные этапы, накапливается огромный эмпирический материал по исследованию отдельных явлений и предметов. Но этот способ изучения природы вырабатывает метафизическое мышление, которое принципиально отказывается рассматривать мир и его отдельные явления как процессы. Метафизика отрицает развитие.

Со второй половины XV века зарождается настоящее естествознание. Наступает эпоха классификации и систематизации наук. Диалектика начинает стихийно пробивать себе дорогу. Декарт и Спиноза дали блестящие образцы диалектики. Однако естествознание все еще находилось под влиянием метафизики. А естествознание определяло в основном и философию. Блестящая плеяда французских материалистов целиком находилась под влиянием метафизического образа мышления. И только с течением времени диалектика благодаря гениальным трудам Гегеля завоевывает в философии господствующее положение.

Диалектическое мышление должно было пройти еще сложный и самый решающий момент. Диалектика должна стать материалистической. Через отрицание диалектики материалистической философией Фейербаха диалектика переходит в свою величайшую фазу, когда она соединяется с материализмом и становится подлинным и единственно научным мировоззрением. Маркс и Энгельс создают материалистическую диалектику.

Резюмирует этот раздел Энгельс следующим заключением: «Итак, точное представление о вселенной, о ее развитии и о развитии человека, равно как и об отражении этого развития в головах людей, может быть приобретено только путем диалектики, только принимая постоянно в соображение общее взаимодействие между возникновением и исчезновением, между про-

грессивными изменениями и изменениями регрессивными» (стр. 23). Великие открытия Маркса в области материалистического понимания истории и учение о прибавочной стоимости являются основой научного коммунизма. «Поэтому социализм является теперь не случайным открытием того или другого гениального ума, а неизбежным следствием борьбы двух исторически возникших классов — пролетариата и буржуазии» (стр. 26).

Социализм теперь становится не просто делом изобретения отдельного лица, как это думали утописты: социализм стал наукой, «которую нужно лишь разрабатывать во всех ее подробностях и во взаимной связи ее отдельных частей» (стр. 27).

В отделе «Философия» Энгельс исследует и излагает все основные категории и законы диалектического материализма в их историческом развитии и дает классическое решение коренных проблем философского материализма Маркса¹⁾.

Основной вопрос всякой философии—это вопрос о первооснове всякого бытия, вопрос о том, что лежит в основе мира: природа или дух; материя предшествует духу или дух—материи. В чем состоит единство мира: в его материальности или его духовности?

В другом классическом произведении Энгельса, в «Людвиге Фейербахе», этот вопрос ставится так: «Великим основным вопросом всякой, в особенности новейшей, философии является вопрос об отношении мышления к бытию... Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы и которые, следовательно, в конце концов, признавали сотворение мира в том или ином виде... составили идеалистический лагерь. Те же, которые первичной считали природу, принадлежат к различным школам материализма».

Дюринг в прямой форме не отрицал, что материя является первичной. Но он как вульгарный материалист и эклектик понимание материи трактует так, что широко открывает ворота идеализму.

Он, например, утверждал, что мир един в своей основе, но единство это состоит в том, что мир существует. Существование мира, его бытие и есть единство мира.

Дюринг бытие берет абстрактно, как бытие вообще, утверждая, что единство мира состоит в его бытии.

В этом утверждении, в самом по себе, вообще говоря, верном, еще не содержится материализма. Оно отрицает только двойственность, дуалистичность субстанции и утверждает, что субстанция едина. Но какова эта субстанция, в чем состоит единство мира, еще неизвестно.

Это утверждение приемлемо целиком и для идеалистов. Идеалисты точно так же утверждают, что мир в своем бытии един. Но единство это они видят не в его материальности, а в его духовности, т. е. мир един, говорят они, как воплощение идеи, разума, бога и т. д.

С точки зрения марксизма в своей основе мир, конечно, един, но, прежде чем утверждать единство мира, марксизм утверждает, что в основе этого единства лежит материя. Материя составляет то основное, решающее, исходное, благодаря чему и возможно единство мира вообще, без чего невозможно не только единство, но и существование мира.

¹⁾ Изложение своих взглядов Энгельс дает на основе критики взглядов Дюринга, противопоставляя неправильным его утверждениям свои научные взгляды. Мы не будем касаться всех взглядов Дюринга, не будем также воспроизводить критики Дюринга Энгельсом, а постараемся только воспроизвести основные положения марксизма в форме положительного изложения.

О взглядах Дюринга будет идти речь только в отдельных случаях

«Действительно, единство мира,—говорит Энгельс,—заключается в его материальности, и оно доказывается не с помощью нескольких фокуснических фраз, а путем долгого и медленного развития философии и естествознания» (стр. 44).

Таким образом, субстанция мира, с точки зрения марксистской философии, есть природа, материя. Природа первична, она — основа всего, она существует извечно и предшествует всему. Все в мире есть проявление природы в ее развитии, и дух, сознание есть лишь продукт развития материи на определенной ступени ее развития. Материя первична. Дух — вторичное, производное от материи.

Природа в своем многообразии проявляется в различных формах. Развитие природы выступает как органическая и неорганическая жизнь. Природа выступает как общественное материальное бытие в экономическом строе общества. Далее, природа проявляется как духовная жизнь людей.

Самое широкое и всеобъемлющее понятие основы и единства бытия — это природа. Природа в своем развитии имеет две стороны: материальную и духовную. Материальная сторона первична, духовная вторична.

Марксизм-ленинизм выступает против вульгарного утверждения, что духовное есть простое и механическое следствие материального.

Материальное есть основа духовного. Но духовное не возникает само по себе, механически. Духовное есть тоже атрибут природы, т. е. свойство, внутренне присущее ей и возникающее с неизбежностью только при определенных условиях. «...Материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов не может погибнуть и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она некогда истребит на земле свой высший цвет — мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время»¹⁾.

Ленин говорит, что «противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна»²⁾. В этой связи исключительный интерес представляет гениальная трактовка этого вопроса Сталиным, данная им еще в 1906 г. в работе «Анархизм или социализм».

«Некоторые говорят, что природе и ее развитию предшествовала мировая идея, которая потом легла в основу этого развития, так что ход явлений природы оказывается пустой формой развития идей. Этим людям называли идеалистами, которые впоследствии разделились на несколько направлений. Некоторые же говорят, что в мире изначально существуют две противоположные друг другу силы — идея и материя, что в соответствии с этим явления делятся на два ряда — идеальный и материальный, между которыми происходит постоянная борьба: так, что развитие явлений природы, оказывается, представляет из себя постоянную борьбу между идеальными и материальными явлениями. Этим называют дуалистами, которые, подобно идеалистам, делятся на различные направления. Материалистическая теория Маркса в корне отрицает как дуализм, так и идеализм. Нечего говорить, что в мире действительно существуют идеальные и материальные явления, но это вовсе не означает того, что они будто бы отрицают друг друга. Наоборот, идеальные и материальные явления суть две различные формы одного и того же явления, они вместе существуют и вместе развиваются, между ними существует тесная связь. Стало быть, нет у нас никакого основания думать, что они друг друга отрицают. Таким образом, так называемый дуализм в корне

¹⁾ Энгельс «Диалектика природы». Собр. соч. М. и Э. Т. XIV, стр. 492.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XIII, стр. 121.

рушится. Единая и неделимая природа, выраженная в двух различных формах — в идеальной и материальной, — вот как нам надо смотреть на развитие природы. Единая и неделимая жизнь, выраженная в двух различных формах — в идеальной и материальной, — вот как нужно нам смотреть на развитие жизни.

Таков монизм материалистической теории Маркса. В то же время Маркс отрицает и идеализм. Неправильна та мысль, что будто идея и вообще духовная сторона в своем развитии предшествует природе и вообще материальной стороне...

...Получается, что развитию духовной стороны, развитию идей предшествует развитие материальной стороны — развитие бытия. Ясно, что сначала изменяются внешние условия, сначала изменяется материя, а затем соответственно изменяются сознание и другие духовные явления — развитие идеальной стороны отстает от развития материальных условий¹⁾.

Товарищ Сталин с исключительной силой выступает против механистического выведения сознания, духовной жизни из материальной. Он говорит, что сама материальная сторона есть проявление более общего — природы в целом. Это ни в какой мере не означает, что материальное не есть первичное. Сталин, как и Ленин, подчеркивает, что противопоставление духовного и материального абсолютно только в гносеологическом смысле, т. е. что первично и что вторично. За этими пределами «относительность данного противопоставления несомненна».

Природа, материя находятся в процессе вечного и непрерывного движения. Движение есть форма бытия материи, движение — атрибут материи. «Движение есть форма существования материи. Никогда и нигде не было и не может быть материи без движения. Движение в мировом пространстве, механическое движение небольших масс на отдельных мировых телах, молекулярные колебания в виде теплоты или в виде электрического или магнитного тока, химическое разложение и соединение, органическая жизнь, — вот те формы движения, в одной из которых или в нескольких зараз находится каждый отдельный атом вещества в мире в любой данный момент. Всякий покой, всякое равновесие имеет только относительное значение, имеет смысл только по отношению к той или иной форме движения... Материя без движения так же немыслима, как движение без материи. Поэтому движение так же несотворимо и неразрушимо, как сама материя» (стр. 60).

Материя вечна во времени и бесконечна в пространстве.

«Вечность во времени, бесконечность в пространстве уже по самому смыслу слов означают просто то, что нет конца ни в какую сторону, ни вперед, ни назад, ни вверх, ни вниз, ни вправо, ни влево» (стр. 50). «Бесконечность есть противоречие, она представляет бесконечный, развертывающийся без конца во времени и пространстве, процесс». Время и пространство, вопреки Дюрингу, который свое понятие о времени и пространстве заимствовал у Канта, не являются только формами нашего мышления, не выдуманы человеком и не внесены им ради удобства во внешний мир, а существуют объективно как формы бытия материи, независимо от нашего сознания.

Далее Энгельс обстоятельно рассматривает формы движения материи в различных областях природы. И как пример решения вопроса о формах движения материи, с точки зрения материалистической диалектики, Энгельс всесторонне рассматривает проблему перехода от неорганической жизни к органической и в этой связи дает классическое, с точки зрения диалектики и биологии, решение вопроса о том, что такое жизнь. «Жизнь»

¹⁾ Д. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 62-63.

есть форма существования белковых тел, и эта форма существования заключается по существу в постоянном самообновлении химических составных частей этих тел... Повсюду, где имеется жизнь, мы находим, что она связана с белковым телом, и повсюду, где имеется белковое тело, не находящееся в процессе разложения, мы встречаем без исключения и явления жизни» (стр. 81).

Учение об абсолютной и относительной истине является одним из важнейших моментов марксистско-ленинской теории познания. Обоснованию и изложению этого вопроса Энгельс посвятил IX главу философского отдела.

Энгельс решает этот вопрос на ряде конкретных исторических примеров из истории общества и естествознания.

Марксизм признает объективную истину. Объективная (абсолютная) истина существует. Существует она в безграничной возможности познания человеком внешнего мира и принципиальной возможности познать мир и его законы. Человек способен познать мир, и он его познает. Подтверждением этого служит вся совокупность человеческой практики, через которую проверяется действительность человеческого познания.

Мир находится в состоянии непрерывного развития и изменения. Поэтому в каждый данный момент познание ограничено историческими возможностями, уровнем производительных сил и науки. Но историческое развитие познания есть все возрастающий процесс познания абсолютной истины; мы все более и более приближаемся к ее познанию, но так как развитие мира бесконечно, то и процесс познания объективной истины бесконечен.

Познание объективной истины состоит из истин конкретных. В конкретных истинах заключено познание истины абсолютной. В каждый данный исторический момент наше познание относительно.

В единстве истины абсолютной и конкретной (относительной) состоит истинное познание законов мира.

«Если бы человечество дошло до того, что стало бы оперировать только вечными истинами, только такими суждениями, которые обладают суверенной значимостью и притязаниями на безусловную истину, то это значило бы, что оно достигло пункта, где и реально и потенциально исчерпана бесконечность интеллектуального мира и где, следовательно, произошло знаменитое чудо сосчитанной бесконечности» (стр. 87).

Ленин, обогащая марксизм позднейшими данными науки, писал: «Быть материалистом, значит признавать объективную истину, открываемую нам органами чувств. Признавать объективную, т. е. не зависящую от человека и от человечества истину, значит так или иначе признавать абсолютную истину. Вот это «так или иначе» и разделяет материалиста-метафизика Дюринга от материалиста-диалектика Энгельса... Человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания»¹⁾).

В X главе Энгельс исследует проблему равенства. Равенство, говорит Энгельс, как проблема человеческого общества, как проблема «человеческого равенства и человеческих прав» родилась только с возникновением буржуазного общества. Ибо, пока существовало рабство, эта проблема не могла возникнуть как проблема общечеловеческого равенства. Христиан-

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XIII, стр. 108, 110.

ство знало только одно равенство—равенство первородного греха и «может быть, равенство избранных».

В борьбе против феодализма буржуазия развернула критику всех отрицательных сторон феодализма.

Носители буржуазной идеологии обрушивались на сословный характер политического строя и на сословное феодальное право.

Буржуазия требовала равенства политического, равенства экономического в том смысле, что каждый имеет право стать богатым и в зависимости от этого имеет право управлять жизнью государства. Буржуазное право возводится в право общечеловеческое. За нормальный тип человека берется буржуа со всеми его требованиями к жизни—и личной и общественной. В силу особенностей борьбы с феодализмом и в силу характера требований, выставляемых буржуазными идеологами, буржуазия выступает на первых порах как представительница интересов всего общества.

Требование идеологами буржуазии равенства явилось исторически первым требованием равенства в современном его смысле. Но равенство, с точки зрения буржуазии, означало равное право на эксплуатацию, на присвоение прибавочной стоимости. «Равенство и равное значение всех человеческих работ—поскольку они являются вообще человеческой работой—нашло, наконец, свое бессознательное, но и наиболее яркое выражение в законе стоимости современной буржуазной экономики, согласно которому стоимость товара измеряется содержащимся в нем общественно-необходимым трудом» (стр. 105).

Но истинным представителем подлинно человеческого понимания равенства становится пролетариат.

В устах пролетариата, говорит Энгельс, идея равенства имеет двойное значение. «Естественная, инстинктивная реакция против вопиющего социального неравенства, против контраста богатых и бедных, господ и рабов, обжор и голодных; как таковое оно только выражение революционного инстинкта, и в этом—не только в этом—его оправдание. Или же оно—продукт реакции против буржуазного требования равенства, из которого выводятся более или менее правильные, идущие дальше требования; служа тогда агитационным средством, чтобы, пользуясь аргументами капиталистов, поднимать рабочих против капиталистов, оно в этом случае существует одновременно с буржуазным равенством, с которым оно и гибнет. В обоих случаях реальное содержание пролетарского требования равенства сводится к требованию уничтожения классов» (стр. 107).

Проблема равенства становится особенно актуальной в наших условиях в настоящее время. В нашей стране почти уже полностью осуществлено марксистское требование равенства—уничтожение классов, равенство всех людей по отношению к средствам производства. За этими пределами требование равенства теряет свое значение и переходит в требование мелкобуржуазной уравнительности.

Товарищ Сталин в «Шести условиях», в докладе на XVII съезде ВКП(б) дает уничтожающую критику мелкобуржуазного понимания равенства. «Уравниловка не имеет ничего общего с марксистским социализмом. Только люди, незнакомые с марксизмом, могут представлять себе дело так примитивно, будто русские большевики хотят собрать воедино все блага и затем разделить их поровну. Так представляют себе дело люди, не имеющие ничего общего с марксизмом. Так представляли себе коммунизм люди вроде примитивных «коммунистов» времен Кромвеля и Французской революции. Но марксизм и русские большевики не имеют ничего общего с подобными уравниловскими «коммунистами»¹⁾.

¹⁾ Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилом Людвигом. Стр. 13. Партиздат. 1933.

Гениальное учение Энгельса о равенстве нашло свое продолжение в работах Ленина, в особенности в «Государстве и революции», в работах Сталина, в особенности в «Вопросах ленинизма».

Исключительный теоретический интерес представляет учение Энгельса о свободе и необходимости. Идеалистическое и механистическое учение о свободе воли и противопоставление свободы воли необходимости по сути дела ведут или к отрицанию свободы воли или к волюнтаризму. И в том и в другом случае мы не имеем научного решения этого вопроса. Энгельс дает гениальное решение столь сложного и столь запутанного в течение веков вопроса. «Свобода заключается не в воображаемой независимости от законов природы, а в познании этих законов и в возможности поэтому планомерно пользоваться ими для определенных целей. Это верно как о законах внешней природы, так о тех, которые регулируют физическую и духовную жизнь самого человека,— о двух классах законов, которые мы можем отделять друг от друга разве только в идее, но не в действительности. Поэтому свобода воли означает не что иное, как способность принимать решения со знанием дела... Следовательно, свобода состоит в господстве над самим собой и над внешней природой, основанном на познании естественной необходимости; значит, она является необходимым продуктом исторического развития» (стр. 114).

Последние главы, XII и XIII, философского отдела «Анти-Дюринга» посвящены изложению основных законов диалектики. Энгельс прежде всего констатирует тот неоспоримый факт, что внешнему миру присуще противоречие как основное в формах его развития. Признание того факта, что материя находится в состоянии непрерывного движения и развития, уже решает вопрос о развитии через противоречие как основной закон всякого бытия. «Само движение есть противоречие; даже простое механическое перемещение может происходить лишь таким образом, что тело в один и тот же момент времени находится в одном месте и в то же время в другом месте, находится в одном и том же месте и не в нем. И постоянное полагание и вместе с тем разрешение этого противоречия и есть именно движение» (стр. 120).

Энгельс шаг за шагом прослеживает одну область действительности и науки за другой: механика, математика, физика, химия, биология, общественная жизнь, мышление,— показывая, как всюду развитие идет через противоречия и их борьбу. Борьба противоречий—основной закон диалектики. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», в конспектах логики Гегеля и в других работах развил дальше учение о диалектике Маркса, обогатил ее всем последующим содержанием развития общественной жизни, опытом борьбы пролетариата и развитием естествознания.

Энгельс во всех своих работах подчеркивал, что законы диалектики— лишь отражение законов объективного мира. В «Диалектике природы» Энгельс писал: «Так называемая объективная диалектика царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей, которые и обуславливают жизнь природы своими постоянными противоречиями и своим конечным переходом друг в друга, либо в высшие формы»¹⁾.

В «Анти-Дюринге» Энгельс писал: «Моя задача была не в том, чтобы внести диалектические законы в природу извне, а в том, чтобы найти их в ней и из нее их развить» (стр. 10).

Ленин эту сторону диалектики развивает с необыкновенной силой и последовательностью. Он писал: «Логика есть учение не о внешних формах

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 433.

мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод истории и познания мира»¹⁾. «Логика и теория познания должна быть выведена из «развития всей жизни природы и духа»²⁾. «Категории мышления не пособие человека, а выражение закономерности и природы и человека»³⁾. «Диалектика вещей создает диалектику идей, а не наоборот»⁴⁾. Основной вывод из всего этого Ленин делает тот, что последовательный материализм неизбежно ведет к признанию содержания нашего познания за отражение внешнего мира. Признание же ощущений за отображение неизбежно ведет к признанию существования внешнего мира. Основной закон диалектики—борьба противоположностей—в трудах Маркса и Энгельса занимает центральное место. Достаточно указать, что «Капитал» Маркса представляет неисчерпаемый источник диалектики. В этом труде на огромнейшем количестве примеров из самых различных областей исследуются противоречия и их борьба в капиталистическом обществе.

Энгельс этому закону придает первостепенное значение. Весь «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы» построены на том, чтобы вскрыть борьбу противоречий как движущее начало всей жизни. «Истинное, естественное, историческое и диалектическое отрицание есть (формально) движущее начало всякого развития—разделение на противоположности, их борьба и разрешение, причем (в истории отчасти, в мышлении вполне) на основе проделанного опыта вновь достигается первоначальный исходный пункт, но на более высокой ступени»⁵⁾.

Изучение огромного фактического материала экономического развития эпохи империализма, изучение опыта классовой борьбы пролетариата этой эпохи, обобщение итогов развития естествознания за время после смерти Энгельса дали основание Ленину указать, что все новое, что есть в общественной жизни и в науке после Маркса и Энгельса, целиком подтвердило их учение о борьбе противоположностей как движущем законе всей жизни и дало основание Ленину развить этот закон дальше, подчеркнув с необычной силой проявление его во всей жизни.

В 1914 г. Ленин писал: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть суть (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики... Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение»⁶⁾.

Это, безусловно, наиболее полная и наиболее точная характеристика основного закона диалектики.

В трудах товарища Сталина этот закон получает дальнейшее обогащение и развитие. В этой связи стоит вспомнить исходную позицию товарища Сталина в анализе состояния современного капиталистического общества и его анализ движущих сил переходного периода. Товарищ Сталин всегда с исчерпывающей полнотой вскрывает основные группы противоречий в лагере капитализма, их борьбу и тенденции развития.

В изучении законов переходного периода товарищ Сталин всегда уделяет главное внимание соотношению сил социализма и капитализма, борьбе этих сил и условиям победы социалистической стороны противоположных сил в нашей экономике.

¹⁾ Лен. сб. IX, стр. 41.

²⁾ Там же, стр. 13.

³⁾ Там же, стр. 19.

⁴⁾ Там же, стр. 211.

⁵⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 373.

⁶⁾ Лен. сб. XII, стр. 323—324.

После «Анти-Дюринга» общее учение о диалектике и учение об основном законе — борьбе противоположностей — не только нашло полное подтверждение и доказательство его жизненности, но и дальнейшее творческое развитие.

Выдающееся значение имеют разработанные Энгельсом другие законы диалектики: количество и качество; отрицание отрицания.

На ряде блестящих примеров Энгельс неотразимо убедительно доказывает, что эти законы диалектики присущи всем областям жизни природы, общества и мышления. На анализе того, как деньги становятся капиталом, на примерах превращения стоимости в прибавочную стоимость Энгельс доказывает закон перехода количества в качество.

Примеры из области химии, когда простые изменения количества в сочетании разного рода элементов дают совершенно иные качественные тела (примеры с получением муравьиной кислоты, уксусной кислоты, валериановой и др. кислот).

Исключительный по яркости пример перехода количества в качество Энгельс берет из истории наполеоновских войн с мамелюками: «Два мамелюка безусловно превосходили трех французов; 100 мамелюков были равноценны 100 французам; 300 французов обыкновенно одерживали верх над 300 мамелюками, а 1000 французов уже всегда разбивали 1500 мамелюков» (стр. 128).

Отрицание отрицания как всеобщий закон природы и общества Энгельс прослеживает точно так же на множестве примеров (известный пример с ячменным зерном).

Закон—отрицание отрицания—«весьма общий и именно потому весьма широко действующий и важный закон развития природы, истории и мышления; закон, который... проявляется в царстве животном и растительном, в геологии, в математике, в истории, в философии» (стр. 140). Общим выводом отдела философии, которым Энгельс увенчивает рассмотрение вопросов философии, является: «Диалектика ведь представляет собой не более, как науку о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления» (стр. 140—141).

Законы диалектики Энгельс рассматривает не как независимые и друг с другом не связанные. Для него эти законы — лишь выражение закономерности объективного мира. В объективном мире законы действуют не поочередно, не отгороженно друг от друга. Процесс развития природы и всей жизни вообще есть единый процесс, и лишь на различных ступенях развития господствуют то одни, то другие стороны и формы движения. Законы диалектики как раз и выражают различные стороны и формы движения законов объективного мира. Там, где в том или ином случае с большей силой проявляется закон перехода в качество, неизменно действуют, так сказать, присутствуют, и другие законы диалектики. Но данный закон является в этот момент самым характерным и особенным для развития соответствующего явления.

Развитие законов количества и качества, отрицания отрицания идет на основе борьбы противоположностей. Самые эти законы есть проявление и выражение главного закона — борьбы противоположностей, так что разрывать, отрывать законы диалектики друг от друга и рассматривать их независимо один от другого невозможно: это противоречит духу диалектики. Энгельс в отделе философии это прекрасно показал, критикуя Дюринга за произвольное обращение с законами диалектики, за подмену конкретной диалектики диалектикой абстрактной, не связанной с самой жизнью.

В отделе политической экономии Энгельс рассматривает проблемы: предмет и метод, теорию насилия, простой и сложный труд, капитал и при-

бавочную стоимость, земельную ренту и вопросы из истории политической экономии.

Весь этот отдел является прекрасным и незаменимым введением к «Капиталу» Маркса.

В главе «Предмет и метод» Энгельс обстоятельно выявляет вопрос о политической экономии в широком смысле слова. Известно, что Ленин именно на эту сторону данной науки обращал исключительное внимание.

В зависимости от того, как будет определен предмет науки и ее метод, определится и содержание самой науки. Энгельс выясняет прежде всего, что политическая экономия— историческая наука: «Она имеет дело с историческим, т. е. непрерывно изменяющимся материалом; она прежде всего исследует особые законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена и лишь в конце этого исследования может установить немногие, имеющие применение к производству и обмену, вполне общие законы» (стр. 149—150).

Энгельс говорит, что не может быть политической экономии, тождественной для всех народов и для всех времен, в силу различной ступени развития производительных сил, развития техники и общей культуры: «Поэтому, кто пожелает объединить одними законами экономику Огненной земли и экономику современной Англии, тот, очевидно, не извлечет из свет божий ничего, кроме самых банальных общих мест» (стр. 149).

Сколь великое теоретическое и практическое значение имеет политическая экономия в широком смысле слова, со всей силой становится ясным теперь, когда в СССР заканчивается построение полного социалистического общества. Политическая экономия капиталистического общества—законы развития капиталистического хозяйства; в нашем обществе законы политической экономии буржуазного общества неприменимы. Эти законы в нашем хозяйстве не действуют. Социализм создал и создает свои экономические законы. Социалистическая политическая экономия создается в СССР, великий вклад в эту экономию делает товарищ Сталин своими работами по анализу развития социалистического общества.

Энгельс пишет, что «политическая экономия, в широком смысле слова, есть наука о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческих обществах» (стр. 149).

Но такая политическая экономия, говорит Энгельс, «еще должна быть создана».

«Капитал» Маркса, труды Энгельса дают принципиальную основу создания такой науки и являлись необходимой основой для Ленина в разработке основных положений политической экономии социализма. Труды Маркса, Энгельса, Ленина и опыт борьбы партии за социализм служат основой для товарища Сталина в создании и разработке политической экономии социализма. Глава о предмете и методе политической экономии имеет исключительное значение для всякого, кто изучает марксизм-ленинизм, в какой бы области теории он ни работал.

Главы II, III и IV этого раздела посвящены критике теории насилия Дюринга и выяснению действительной исторической роли насилия в различных общественных формациях.

В этих главах Энгельс исследует вопросы происхождения частной собственности и классов.

«Первоначально право собственности являлось основанным на собственном труде... Теперь же собственность является для капиталиста правом присвоения чужого, неоплаченного труда или продукта его, а для рабочего она является невозможностью присвоить себе свой собственный продукт» (стр. 165 — 166).

Энгельс исследует изменения форм собственности и соотношения классов в различных классовых формациях, начиная с рабовладельческого общества, указывая, что «Греция еще в героические времена вступает в историю уже разделенная на классы» (стр. 179).

Попутно Энгельс исследует ряд других интереснейших вопросов, в частности роль техники в изменении строения войск, в изменении стратегии и тактики ведения войны.

Известно, что Энгельс являлся одним из самых крупных военных теоретиков своего времени. Знание военного дела, истории, политической экономии и владение диалектикой дали возможность Энгельсу и в военной области сделать ряд гениальных прогнозов. Так например, исследуя роль морских бронированных судов в ведении войны, говоря, что «соперничество между панцирем и пушкой доводит военный корабль до степени совершенства, на которой он делается столь же неуязвимым, сколь негодным к употреблению» (стр. 176), Энгельс в сноске делает следующее примечание: «Это, повидимому, будет достигнуто усовершенствованием самодвижущихся торпед—последнего дара крупной промышленности морскому военному делу; громаднейший броненосец побеждался бы тогда маленькой торпедой». Это писалось в 1878 году.

Исследуя всесторонне роль так называемого насилия, Энгельс приходит к выводу, что само насилие, которое Дюринг провозглашает движущей силой истории (подобно фашистам, знающим только один этот исторический «закон» и пытающимся только этим «законом» управлять), само насилие как общественное явление есть не что иное, как функция, орудие определенных общественных экономических сил. Не насилие создает способ производства, а экономические отношения порождают определенные формы насилия.

Критика Энгельсом теории насилия Дюринга представляет исключительный современный интерес. Теория насилия Дюринга послужила основой для ревизионистов марксизма. К. Каутский, Бернштейн, Троцкий и все прочее племя предателей рабочего класса брали эту теорию в свой арсенал и пытались создать что-то свое, направленное против марксизма. Сколь неоригинален был Дюринг в этой теории, столь же неоригинальными были и его последователи. Теория насилия — учение о том, что насилие является исторически формирующей и решающей силой в истории, — есть буржуазная теория, возводящая внешние проявления экономической силы — насилие — в господствующую и решающую силу. То, что выступает на поверхности, — внешняя сила и насилие — есть лишь выражение экономических, классовых отношений.

Насилие в истории играет свою роль, но роль служебную по отношению к экономическим законам.

Классы возникли не в силу совершенного насилия одной группы первобытных людей над другой, как учат Дюринг и все его последователи, а само насилие одной группы над другой появилось тогда, когда было создано экономическое неравенство различных групп и племен.

Рост разделения труда, возникновение обмена, переход к земледелию, на этой основе появление частной собственности — вот исторические и экономические предпосылки разделения людей на экономически неравные группы, а отсюда и возникновение классов.

Войны, которые вели древние греки, насилие, разорение и рабство, которые они приносили, служили лишь формой проявления экономического превосходства рабовладельческого общества над уровнем экономического развития других древних народов. Так же обстоит дело с ролью насилия и в последующих формациях: феодальной и капиталистической. «Насилие вместо того, чтобы господствовать над экономическим положением, служило хозяйственным целям» (стр. 183).

В главах о теории стоимости, капитале и прибавочной стоимости Энгельс в острой и исключительно ясной и доступной форме дает изложение марксовой теории стоимости и капитала.

В третьем отделе «Анти-Дюринга»—«Социализме»—Энгельс исследует различные социалистические системы, критикуя их недостатки и неправильности, подчеркивает их великое историческое, революционное значение. Затем Энгельс анализирует основные противоречия капитализма, с неизбежностью ведущие к социализму. С необыкновенной силой Энгельс выявляет все преимущества социалистического способа производства, развивает основные признаки социализма и судьбы классов и государства с победой социализма.

Различные утопические социалистические системы XVII—XVIII веков возникли в условиях недостаточно развитых капиталистических отношений. Происходили еще только первые неосознанные схватки трудящихся с капитализмом. Капитализм с первого дня рождения своего нес экономическое неравенство, создавая наряду с ростом богатств нищету и голод.

Утописты гениально почувствовали всю несправедливость, гнет и несовершенства общественной жизни, которую несет капитализм. И они со всей силой своей гениальности обрушились на это несовершенство.

Но взамен этого строя они ничего не могли предложить. «Приходилось изобретать, а не открывать решение общественных задач, еще окутанное туманом неразвитых экономических отношений. Очевидны были только недостатки общественного строя, найти же средства к их устранению казалось задачей мыслящего разума» (стр. 261).

Сен-Симон с гениальной прозорливостью видел, куда ведет буржуазный строй народные массы: «Посмотрите, что произошло во Франции, когда там господствовали ваши братья: они создали голод!» Фурье дает исключительно сильную критику капитализма. «Он беспощадно раскрывает всю материальную и моральную нищету буржуазного мира».

Роберт Оуэн развивает практическую сторону социалистических принципов. Он впервые создает кооперативные организации, в Нью-Лэнарке вводит детские сады для детей рабочих и проводит ряд других экспериментов.

Но все эти теории и системы не давали решения вопроса. Только Маркс и Энгельс открыли истинные законы капитализма и открыли общественный класс, который в силу своей особой исторической роли способен уничтожить капитализм и создать новый, совершенный строй.

В главе II, «Очерк теории», Энгельс формулирует основные положения исторического материализма: «Материалистическое понимание истории зиждется на том положении, что производство, а вслед за производством и обмен продуктов служат основанием всякого общественного строя; что в каждом историческом обществе распределение продуктов, а с ним и расчленение общества на классы или сословия зависят от того, как и что производится этим обществом и каким способом обмениваются произведенные продукты» (стр. 270). Современный строй, пишет Энгельс, создан буржуазией. Буржуазия создала могучие производительные силы. Но эти силы стали столь могучими, что они переросли исторические рамки капитализма. Вместе с ростом могущества капитализма зрело решающее противоречие, с которым капитализм не в силах справиться, оставаясь капитализмом,— противоречие между производительными силами и способом производства.

«Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением проявилось в антагонизме между пролетариатом и буржуазией» (стр. 274).

«Поле труда стало полем сражения» (стр. 276).

Капиталистическое производство по природе своей анархическое, неор-

ганизованное. Погоня за прибылью бросает буржуазию в различные уголки земного шара. Наряду с ростом техники, ростом организации в пределах отдельного предприятия все более растет анархия всего производства. «Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступает наружу как противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе» (стр. 276).

Кризисы со всей неприглядностью выявляют, что капитализм не в состоянии устранить раздирающие его противоречия. «Весь механизм капиталистического производства надламывается под тяжестью им же созданных производительных сил» (стр. 279).

Способ производства восстает против способа обмена. Производство все более и более принимает общественный характер. Государство все более оказывается вынужденным брать на себя ведение ряда отраслей производства. Ряд крупнейших отраслей хозяйства переходит в собственность государства: почта, телеграф, железные дороги.

«Капиталистический способ производства, вытеснивший сперва рабочих, вытесняет теперь и самих капиталистов, правда, пока еще не в резервную армию промышленности, а только в разряд излишнего населения» (стр. 282).

Развитие производительных сил капитализма подготовило экономические основы свержения капиталистического строя и приведения в соответствие с общественным характером производства и общественного характера присвоения. «Все более и более толкая крупные обобщественные средства производства на путь перехода в государственную собственность, капитализм сам указывает путь к совершению этого переворота. Пролетариат овладевает государственной властью и превращает средства производства сперва в государственную собственность» (стр. 283).

Производительные силы в условиях капитализма обрушиваются на людей с силою стихийных законов природы. Общественный строй, делаемый людьми помимо их воли, ввергает их в пучину капиталистического гнета, разорения, рабства и нищеты. Общественные силы действуют слепо, насильственно и разрушительно.

С переходом средств производства в общественную собственность анархия производства заменяется плановым производством, и эти стихийные силы превращаются «в руках соединившихся производителей из демонических повелителей в покорных слуг» (стр. 283).

Люди заранее будут знать результаты своей деятельности. Общественные отношения между людьми становятся прозрачными. Классы уничтожаются.

Гениальный прогноз Энгельса о прозрачности производственных отношений при социализме и превращении производительных сил из демонических повелителей в покорных слуг подтверждается как в целом, так и в частности нашей действительностью. Производительные силы в СССР не являются стихийными. Их развитие подчинено плановому началу, проводимому советским государством.

Вторая пятилетка, которая выполняется неуклонно во всех областях народного хозяйства и культурного строительства, ставит задачей окончательную ликвидацию классов и создание социализма.

Мы заранее знаем как общее направление нашего развития, так и конкретные изменения в экономике и производственных отношениях, которые в нашей стране будут в результате выполнения пятилетки. Плановый социалистический характер производительных сил является величайшим двигателем развития социалистической экономики.

Роль государства при социализме становится решающей в определении направления и характера развития производительных сил. Государство при социализме все более и более становится органом, управляющим процессом производства материальных благ. Социалистическое государство как никакое государство в истории приобретает могучую силу и подлинную власть и авторитет в руководстве и управлении всем строем экономической и общественной жизни.

«Государство было официальным представителем всего общества, оно объединяло его в одной видимой организации, но оно исполняло эту роль лишь постольку, поскольку было государством того класса, который сам являлся представителем всего современного ему общества: в древности — государством граждан рабовладельцев; в средние века — феодального дворянства; в наше время — буржуазии. Сделавшись, наконец, действительным представителем всего общества, оно станет излишним... Государство не «отменяется», оно *о т м и р а е т*» (стр. 284). Общество, где средства производства находятся в общественном владении, где уничтожены классы, — социалистическое общество.

Социализм предполагает такой высокий уровень развития производительных сил, такой уровень всего исторического развития, на котором «является анахронизмом не только господство того или другого определенного класса, но и вообще всякое классовое господство, а следовательно, и самое разделение на классы. Следовательно, уничтожение классов предполагает такую высокую ступень развития производства, на которой присвоение особым общественным классом средств производства и продуктов, — а с ними и политического господства, монополии образования и умственного главенства, — не только становится излишним, но и является препятствием экономическому, политическому и умственному развитию. Эта ступень теперь достигнута» (стр. 285).

Дальше Энгельс рассматривает ряд других вопросов, связанных с проблемами социализма: уничтожение противоречия между городом и деревней, равномерное размещение промышленности по всей стране и приближение ее к источникам сырья, уничтожение противоречия между физическим и умственным трудом.

Только при социализме, говорит Энгельс, «прекратится борьба отдельных личностей за существование. Можно сказать, что таким образом человек окончательно выделится из царства животных и из животных условий существования перейдет в условия действительно человеческие... Общественный строй, до сих пор являющийся людям как бы дарованным свыше природой и историей, будет тогда их собственным, свободным делом. Об'ективные, внешние силы, господствовавшие над историей, поступят под контроль человека. И только тогда люди начнут вполне сознательно сами создавать свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все возрастающей степени желаемые действия. И это будет скачком человечества из царства необходимости в царство свободы» (стр. 286—287).

* * *

Невозможно ни изложить, ни передать все содержание книги Фридриха Энгельса «Анти-Дюринг». Ее надо читать и изучать. Эта книга является гениальным произведением человеческой мысли. Больше полвека она служит источником мудрости, стратегии и тактики для рабочего класса всех стран.

Рабочий класс Советского союза осуществил в жизни как учение Энгельса о путях борьбы за победу над капитализмом, так и осуществляет

в жизни ту часть программы Энгельса, где он учит, каким будет социалистическое общество.

По книге Энгельса «Анти-Дюринг» воспитались миллионы, целые поколения пролетарских революционеров. По ней воспитываются миллионы строителей социализма в СССР и миллионы борцов с капитализмом в наиболее зверской его форме — с фашизмом.

«Анти-Дюринг» — величайший, неисчерпаемый источник человеческой мудрости. Тот, кто однажды даст себе труд изучить эту книгу внимательно от начала и до конца, кто поймет основные идеи ее, — тот, закрывая последнюю страницу, почувствует себя поднявшимся на много ступеней в своем философском развитии и в понимании законов человеческого общества.

Кто однажды прочитает эту книгу и разберется в ее идеях, для того она на всю жизнь станет неотъемлемой частью его существа. К ней он будет возвращаться много и много раз, заглядывать в нее, перечитывать и каждый раз будет находить все новые и более глубокие знания и идеи. «Анти-Дюринг» — гениальное творение. Эта книга будет служить для человечества источником мудрости до тех пор, пока на нашей планете будут жить люди.

О переводе „Диалектики природы“ Энгельса

А. Максимов

Решающую роль в воспитании многомиллионных масс трудящихся играет марксизм-ленинизм. Он формирует мировоззрение, научно объясняя историю прошлого, вскрывая движущие силы настоящего, давая руководство для ближайшего и перспективу для отдаленного будущего. Не удивительно поэтому, что марксистско-ленинская литература выходит в СССР во многих миллионах экземпляров.

Велика поэтому ответственность за правильное издание классиков марксизма-ленинизма и неисчислим вред всякого искажения сочинений основоположников научного коммунизма. Но если мы имеем случаи ошибок и искажений даже в русских изданиях сочинений Ленина и Сталина, написанных на русском языке, то еще больше искажений и ошибок имеется в русских переводах сочинений Маркса и Энгельса, не говоря уже о переводах на другие языки. В периодической литературе СССР неоднократно — прежде всего журналом «Большевик» — подвергался рассмотрению вопрос об искажениях и извращениях, которые были допущены в изданиях Маркса и Энгельса Рязановым, Рубиным и прочими извратителями марксизма-ленинизма.

Сорокалетие со дня смерти Энгельса совпадает с началом пересмотра переводов философских работ Энгельса. Тов. Адоратский в своем выступлении на партактиве Москвы уже отметил, что перевод «Диалектики природы» неудовлетворителен.

В настоящей статье внимание будет сосредоточено на существующем переводе «Диалектики природы» Энгельса, входящем как часть в XIV том собрания сочинений Маркса и Энгельса.

«Диалектика природы» Энгельса является произведением, на котором воспитываются все подрастающие кадры естественников и философов. Она же служит орудием перестройки мировоззрения старых ученых. Размах, который приняло в СССР изучение «Диалектики природы», можно видеть прежде всего по тиражу изданий «Диалектики природы», достигшему к настоящему времени 500 000 экземпляров.

Как же обстоит дело с существующим переводом «Диалектики природы», получившим такое широкое распространение?

Этот перевод впервые на русском языке был издан во втором томе «Архива Маркса и Энгельса» в 1925 г. Рязановым при ближайшем участии тов. Деборина. Самый перевод был выполнен П. Юшкевичем, известным махистом и философским противником диалектического материализма.

В дальнейшем этот перевод без существенного пересмотра и даже с повторением одних и тех же опечаток, пропусков, ошибок и искажений переиздавался в течение десяти лет.

Но необходимо отметить, что в тех случаях, когда Институт Маркса—Энгельса—Ленина сам приступал к новому изданию, а не к перепечатке, он производил новую сверку перевода и вносил необходимые поправки. Так

например отдельное издание брошюрой «Введения к «Диалектике природы» было освобождено от ошибок, которыми эта работа Энгельса была переполнена в издании Рязанова.

То, что «Диалектика природы» издана была Рязановым и переведена П. Юшкевичем, заставляет заранее ожидать, что весь текст «Диалектики природы» Энгельса содержит существенные ошибки и искажения. Это так и есть в действительности.

Какого характера те ошибки и искажения, которые мы имеем в «Диалектике природы»? В дальнейшем сделана будет попытка разбить (расчлениить) их на несколько групп, хотя это не так легко, так как между различного характера ошибками есть переходы.

Начнем с общего политического учения марксизма. «Диалектика природы» Энгельса посвящена вопросам естествознания. Но Энгельс победу диалектического материализма в естествознании ставил в связь с установлением диктатуры пролетариата. Поэтому у него рассмотрение основных проблем диалектики природы связано органически с проблемой установления диктатуры пролетариата, с переходом к плановому социалистическому обществу. Эти проблемы он рассматривает в целом ряде мест «Диалектики природы», именно во «Введении к «Диалектике природы», в «Роли труда в развитии обезьяны» и в ряде других произведений и отрывков, которые составляют «Диалектику природы». И вот оказывается, что в «Диалектике природы» мы встречаем извращение текста Энгельса по самому основному вопросу, по вопросу не только возможности, но и необходимости социализма. Оказывается, что опущено слово «необходимость» и оставлено только слово «возможность» социализма.

Действительно, на стр. 488 XIV тома мы читаем во «Введении к «Диалектике природы»: «Лишь сознательная организация общественного производства, в которой происходит планомерное производство и потребление, может поднять людей над прочими животными в общественном отношении так, как их подняло производство вообще в специфическом смысле...» «Благодаря общественному развитию подобная организация становится с каждым днем все возможнее, от нее будет датировать новая историческая эпоха, в которой люди, а вместе с ними все отрасли их деятельности и, в частности, естествознание сделают такие успехи, что все, совершенное до того, покажется только слабой тенью». Место всем довольно-таки хорошо известное.

Оставим пока в стороне все прочие искажения, которые имеются в приведенной цитате. Остановим наше внимание лишь на словах «Благодаря общественному развитию подобная организация становится с каждым днем все возможнее». Что сказано в действительности у Энгельса? Он пишет: «Die geschichtliche Entwicklung macht eine solche Organisation täglich unumgänglicher, aber auch täglich möglicher», то есть, что «общественное развитие делает подобную организацию с каждым днем все необходимее и вместе с тем с каждым днем все возможнее». Слово «unumgänglicher» выпало. Это слово выпало и в расшифровке немецкого текста издания 1925 года. Но оно уже имеется в издании 1927 г., по которому мы и цитируем немецкий текст, и тем не менее это слово опущено во всех изданиях и после 1927 года. Но для нас слово «необходимость» имеет очень существенное значение.

Если так относиться, как отнесся здесь переводчик и в особенности редактор к тексту одного из основоположников марксизма, Энгельса, по одному из самых основных вопросов теории коммунизма, то, безусловно, от марксизма ничего бы не осталось и Маркс и Энгельс быстро превратились бы в проповедников оппортунизма. Но мы увидим, что Энгельс остается тем, чем он был, то есть действительным революционером, борцом за коммунизм, тогда как из перевода торчат оппортунистические уши переводчика и редактора.

По менее существенному вопросу, но также политического характера, мы имеем искажения и в отрывке о Гофмане, химике XIX столетия. В XIV томе, на страницах 496—497, мы читаем: «Гофман в работе «Ein Jahrhundert Chemie unter den Hohenzollern» характеризует натурфилософию ссылкой на фантазера Розенкранца, которого не признает ни один настоящий гегельянец. Делать натурфилософию ответственной за Розенкранца так же нелепо, как если бы Гофман захотел сделать Гогенцоллернов ответственными за открытие Маркграфом свекловичного сахара».

Опять оставляя в стороне прочие искажения в приведенном отрывке, остановимся лишь на последней фразе. Из нее выходит, что Гофман не приписывал Гогенцоллернам заслуги открытия свекловичного сахара. Спрашивается: почему Энгельсу понадобилось такое странное сравнение? Если бы Гофман приписывал открытие сахара Гогенцоллернам, то было бы совсем другое дело. Но дело раскрывается просто, если обратиться к тексту самого Энгельса. У Энгельса мы читаем: «Die Naturphilosophie für Rosenkranz verantwortlich zu machen ist ebenso albern, wie wenn Hofmann die Hohenzollern für die Markgrafsche Entdeckung des Rübenzuckers verantwortlich macht» (стр. 259), то есть «делать натурфилософию ответственной за Розенкранца так же нелепо, как и в том случае, когда Гофман делает Гогенцоллернов ответственными за открытие Маркграфом свекловичного сахара», то есть нет ни сослагательного наклонения, ни условного предложения, и, следовательно, налицо прямое обвинение Гофмана в пресмыкательстве перед Гогенцоллернами, что почему-то пожелали замазать переводчик и редактор.

Но самое замечательное во всем этом деле то, что составители научного аппарата, тоже напугавшие немало, в пояснение этого места в приложении приводят цитату соответствующего места из книги Гофмана, в которой мы читаем: «Конечно, не только специалисты, но и широкие круги знают, что первые попытки ввести в нашем отечестве добывание сахара из растущей в нем свекловицы были произведены в царствование Фридриха-Вильгельма III, но лишь недавно стало общеизвестно, до какой степени это нововведение было облегчено и ускорено благодаря личному вмешательству короля. Лишь в последнее время обнародованные официальные документы убедительно доказали, как рано король обратил живейшее внимание на эти стремления, важное значение которых всегда было ясно ему, и как он в течение долгих, часто полных тревоги лет не переставал способствовать непрерывным участием и разумной поддержкой их успеху». Ясно, что Энгельс именно об этом месте писал, когда высмеивал смехотворность приписывания Гогенцоллернам открытия свекловичного сахара. Но почему-то понадобилось переводчику и редактору это место исказить. При этом необходимо сказать, что все ошибки — одинакового направления. Нет ни одной ошибки, которая имела бы другую ориентацию.

И вот несмотря на это раз'яснение в научном аппарате в 500 000 экземпляров повторяется то, чего Энгельс не говорил и что противоречит тому, что им сказано.

Такого же характера искажения имеются и в отрывке о рабстве, но так как этот отрывок, несомненно, включен в «Диалектику природы» неправильно, то мы не будем останавливаться на имеющихся в этом отрывке ошибках и перейдем прямо к ошибкам философского характера, касающимся исторической теории марксизма.

В отрывках, посвященных истории техники и естествознания, Энгельс устанавливает зависимость естествознания от общего развития техники и от тех запросов, которые ставят техника и экономика.

Для нас важно знать, как Энгельс рассматривал взаимоотношения техники и естествознания. И вот в отрывке, посвященном истории естествозна-

ния, читаем на стр. 439: «Если после темной ночи средневековья вдруг наново возрождаются с неожиданной силой науки, начинающие развиваться с чудесной быстротой, то этим чудом мы опять-таки обязаны производству», и т. д. и т. д. Затем, дальше Энгельс говорит о значении крестовых походов, о взаимной связи в развитии различных стран, о значении великих географических открытий, что всем известно, и, далее, приводит примеры отдельных научных открытий, и среди примеров мы читаем: «Торичелли, Галилей — первый в связи с промышленными гидротехническими сооружениями — изучает движение жидкостей». Здесь говорится о связи открытия Торичелли с промышленными гидротехническими сооружениями. То же ли говорит Энгельс?

Мы читаем в немецком тексте: «Torricelli, Galilei — ersterer in Abhängigkeit von industriellen Wasserbauten studiert zuerst die Bewegung der Flüssigkeit» и т. д. Как видим, стоят слова «in Abhängigkeit von», то есть «в зависимости от промышленных гидротехнических сооружений». Но эти слова превратились в слова: «в связи с промышленными гидротехническими сооружениями». Но ясно, что категория связи еще не говорит, что чему подчинено, тогда как понятие зависимости ясно говорит, что является обуславливающим, что обусловленным, хотя эта категория не отрицает связей и обратного воздействия. Таким образом, в переводе — явное искажение энгельсовского текста и основ марксистского учения по этому вопросу.

О том же, собственно, идет речь и в отрывке о причинности. Здесь мы читаем такую фразу: «Но деятельность человека дает возможность доказательства причинности» (стр. 405). Спрашивается: неужели эта возможность до сих пор остается возможностью? Выходит, что Энгельс как будто бы говорит только о возможности доказательства, но эта возможность не перешла и не переходит в действительность. Неужели деятельность человека, производство не дали уже доказательства, не доказали причинности? Если они не доказали причинности, тогда, конечно, совсем другая ситуация при наших спорах с махистами. Из цитаты же выходит, что Энгельс сам говорил, что деятельность человека еще не доказала причинности.

Но обратимся к Энгельсу. У Энгельса: «Aber die Tätigkeit des Menschen macht die Probe auf die Kausalität» (стр. 164). Как видим, никакой «возможности» тут нет, а просто говорится, что деятельность человека, и прежде всего производственная, конечно, деятельность, осуществляет проверку причинности: «macht die Probe», то есть осуществляет повседневно, повсюду, а не так, как у Юшкевича с Рязановым: «дает возможность проверить».

Здесь, как видим, одновременно и искажение общего исторического учения марксизма и философского учения о причинности. И надо сказать, что с этой «пробой» этот конфуз встречается и в другом месте, где говорится, что природа — пробный камень для диалектики, то есть такое же точно искажение¹⁾.

Того же порядка искажения мы имеем в отрывке о дурной бесконечности. В этом отрывке (стр. 400) мы читаем: «Истинная бесконечность была уже Гегелем правильно вложена в заполненное пространство и время, в природу и в историю. Теперь вся природа разложена, сведена к истории, история является только процессом развития самосознательных организмов, отличным от истории природы». Как видим, здесь говорится о том, что вся природа разложена, сведена к истории, история является только процессом развития самосознательных организмов, отличным от истории природы.

¹⁾ См. рецензию Ульриха в № 2 «ПЗМ» за 1934 г.

Вот из этого отрывка нельзя сказать, чтобы было ясно, чем отличается природа от истории. Об истории говорится, что она только процесс развития самосознательных организмов, отличный от истории природы. Спрашивается: есть ли история природы тоже процесс или история природы есть лишь последовательность предметов природы в пространстве, как это имеет место у Гегеля, о котором здесь Энгельс говорит? Или Энгельс, говоря о Гегеле, вкладывает свое понимание в это дело? О чем писал Энгельс, говоря о Гегеле?

Поискем ответа в тексте самого Энгельса. Читаем: «Die wahre (Unendlichkeit. — A. M.) schon von Hegel richtig in den erfüllten Raum und Zeit gelegt, in den Naturprozess und die Geschichte. Jetzt auch die ganze Natur in Geschichte aufgelöst, und die Geschichte nur als Entwicklungsprozess selbstbewusster Organismen von der Geschichte der Natur verschieden» (стр. 159), то есть что говорится у Энгельса? «Истинная бесконечность была уже Гегелем правильно вложена в заполненное пространство и время, в природный процесс и в историю. Теперь же вся природа раскрылась как история и история отличается от истории природы только как процесс развития самосознательных организмов». То есть, как мы видим, нет, во-первых, этого слова о «сведении», которое произвольно добавил переводчик, а, самое главное, говорится, что история отличается от истории природы не процессом, а только как процесс развития самосознательных существ. Таким образом, исключается возможность гегелевского истолкования природы, что она не есть процесс, процессом же является история. Таким образом, подлинный энгельсовский текст исключает возможность смешивания энгельсовского понимания с гегелевским, тогда как тот текст, который дан переводчиком, смазывает различие гегелевского понимания от энгельсовского. По Энгельсу, и природа и история — процесс развития во времени.

Таким образом, формулировка, которая была дана Юшкевичем, оставляет лазейку и для метафизики (гегелевской и вообще) и для богдановского сведения (там говорится о сведении природы к истории) природных процессов к истории.

Из приведенных примеров искажения политического и исторического учения марксизма в существующем переводе «Диалектики природы» мы видим, что они носят определенный и политический и философский смысл.

Теперь перейдем к искажениям собственно философского характера. Начнем прежде всего с историко-философских мест и затем перейдем к логике, то есть начнем с вопросов истории философии.

На стр. 1 «Диалектики природы» — в XIV томе, на 391 стр., — мы встречаемся с очень важным вопросом оценки плоского, вульгарного материализма XIX века. В заметке, посвященной Бюхнеру, мы имеем план статьи, который гласит в переводе: «Зарождение направления (затем зачеркнуто слово «крушение»), разрешение идеалистической философии в материалистическую, контроль над наукой устранил. Внезапный расцвет плоско-материалистической популярной литературы, материализм, который должен был заменить недостаток научности. Расцвет ее как раз в эпоху глубочайшего унижения буржуазной Германии и падения официальной немецкой науки».

По поводу этого отрывка прежде всего возникают два вопроса: во-первых, о «разрешении идеалистической философии в материалистическую» и, во-вторых, о «расцвете» плоского материализма, который и Маркс и Энгельс достаточно зло, едко и многократно высмеивали.

Спрашивается: говорил ли действительно Энгельс о разрешении идеализма в материализме и о действительном расцвете плоского материализма? Ведь и то и другое было бы нелепо слышать в устах Маркса и Энгельса. Обратимся к немецкому тексту.

По первому вопросу обнаруживается неправильная расшифровка, которую обнаружил лишь в настоящее время тов. Рудаш. Вместо «идеалистической философии»—«Idealistischen Philosophie»—надо читать «deutschen Philosophie» (стр. 151), то есть «немецкой философии». Этим вопрос разрешается, потому что немецкая философия включает и Фейербаха.

По второму вопросу вместо «внезапного расцвета» мы читаем в немецком тексте: «Losplatzen der platt materialistischen Popularisation» (стр. 151) и т. д. «Losplatzen» так же похоже на «расцвет», как похож на расцвет тот шум, который поднимали в позднейшее время махисты. Речь идет не о расцвете, а об иронической оценке Энгельсом движения плоских материалистов. Можно сказать «внезапный шум», но никак не «расцвет». Лопнет пузырь, треск какой-нибудь раздастся, разразится ли кто смехом — это будет «Losplatzen», но только не «расцвет», потому что расцветы — это значит подчеркнуть какой-то успех, положительно отнестись к тому, что характеризуется этим термином. Говорить всерьез о расцвете плоского материализма — значит не понимать сущности оценки Марксом и Энгельсом плоского материализма.

То же самое с вторичным употреблением слова «расцвет». В цитате два раза употребляется этот термин. Во втором случае внешне переводчик, пожалуй, имел больше оснований употребить слово «расцвет». Немецкий текст гласит: «Flor zur Zeit der tiefsten Erniedrigung des bürgerlichen Deutschlands und der offiziellen deutschen Wissenschaft» (стр. 151). В немецком тексте слово «Flor» употреблено, несомненно, в ироническом смысле и обозначает успешное обдελывание делишек, спекуляцию на чем-нибудь и т. п. Поэтому взято слово «Flor», а не немецкое слово «расцвет» — «Aufblühen».

В том же самом отрывке, если идти дальше, обращает внимание другое место, где говорится уже не о значении плоских материалистов, а Гегеля. Говоря о значении философии для естествознания, Энгельс подкрепляет это положение конкретными примерами. Он говорит, что сделано для естествознания Лейбницем, Кантом, Океном и Гегелем, и относительно Гегеля мы читаем в русском переводе следующее: «Гегель, который энциклопедическим (это слово было пропущено и было расшифровано тов. Рудашем), своим синтезом и рациональной группировкой естествознания сделал большее дело, чем все материалистические болваны, вместе взятые». Как видим, сказано крепко. И в этом переводе обращают на себя внимание эти последние слова фразы. Почему Энгельс, который во многих местах сумел подчеркнуть положительное значение философов-материалистов, здесь вдруг называет их материалистическими болванами да еще притом вместе взятыми, без всякого исключения. Как видим, совершенно недифференцированная оценка!

Разгадка, оказывается, очень проста. Если посмотреть у Энгельса, то мы увидим, что у него никаких болванов и впомине нет. У него сказано: «der materialistische Blödsinn», то есть те нелепости, которые наговорили плоские материалисты. Но это не значит—«все материалистические болваны, вместе взятые». Это как небо от земли далеко от того, чтобы обозвать всех материалистов болванами. Очевидно, переводчик решил — иначе понять уже невозможно—посмеяться над материализмом. Но, как известно, смеется тот, кто смеется последним! Но самое любопытное то, что слово «Blödsinn» встречается в «Диалектике природы» много раз и во всех случаях переведено правильно, и только там, где оно прилагается к материалистам, оно переводится как «болваны».

Следующим искажением по линии истории философии является положение, относящееся к Гегелю (Т. XIV, стр. 442). Там мы читаем: «Дикая теория Медлера (астронома) о дальности полета световых лучей у колоссальных тел

и основывающиеся на этом выкладки его — столь же дикая, как и самые фантастические вещи в гегелевской натурфилософии».

Действительно, у Гегеля имеются дикие и фантастические вещи, хотя они не столь дики и фантастичны, если понимать Гегеля поглубже, сколь дикими и фантастическими они кажутся не понимающим или не умеющим понимать Гегеля эмпирикам.

Оказывается, что «фантастичность» принадлежит не Гегелю, а целиком переводчику. Вот что написано у Энгельса: «Tolle Theorie von der Schussweite der Lichtstrahlen bei enormen Körpern und darauf basierte Berechnung von Mädler — so toll wie irgend etwas in Hegels Naturphilosophie» (стр. 198), то есть — «столь же дикие, как и любое место в гегелевской «Натурфилософии». Слова «самых фантастических вещей» целиком добавлены, их нет в подлиннике.

Следующий пример искажения. В отрывке о силе идет речь о жизненной силе и имеется следующая фраза: «Поэтому-то жизненная сила является последним убежищем всех супранатуралистов» (стр. 403).

Надо сказать, что Энгельс доказывал невозможность дальнейшего сохранения представлений о метафизической силе после Майера, Дарвина и т. д., то есть после открытий, сделавших переворот в естествознании XIX века. Спрашивается: подорвано этим развитием естествознания учение о жизненной силе или оно сохраняет еще какое-то реальное значение в естествознании?

Разве не находят супранатуралисты других лазеек и лишь в жизненной силе видят свое последнее убежище? Для правильного ответа на этот вопрос надо иметь правильно переведенными соответствующие высказывания Энгельса. Но это требование не выполнено в применении к приведенному месту.

У Энгельса мы читаем: «Und daher die Lebenskraft letztes Refugium aller Supernaturalisten war» (162). Как видим, речь идет о прошлом, а не о настоящем. Это очень существенно для оценки всей ситуации в естествознании XIX века.

В параллель только что приведенному месту из Энгельса нужно поставить другое, где он говорит о том, освободилось ли естествознание от религии. На стр. 416 мы читаем: «И естествознание тоже провозгласило тогда свою независимость, правда, не с самого начала, подобно тому как и Лютер не был первым протестантом. Чем в религиозной области было сожжение Лютером папской буллы, тем в естествознании было великое творение Коперника, в котором он — хотя и робко — после 36-летних колебаний и, так сказать, на смертном одре бросил церковному суеверию вызов. С этого времени исследование природы освобождается по существу от религии, хотя окончательное выяснение всех подробностей затянулось до настоящего времени, все еще не завершившись во многих головах». Из этого отрывка выходит то, что естествознание лишь освобождается от религии, но еще не освободилось. Тем самым было бы нелепо утверждать, что естествознание по существу своему враждебно религии и т. д., что является одним из основных положений марксизма по отношению к естествознанию.

Но как написано у Энгельса? «Von da an war die Naturforschung von der Religion wesentlich emanzipiert, obwohl die vollständige Auseinandersetzung aller Details sich noch bis heute hingezogen und in manchen Köpfen noch lange nicht fertig ist» (174).

Не касаясь других искажений в переводе по затронутому вопросу, Энгельс, как видим, утверждает, что «исследование природы освобождается», а не «освобождается по существу от религии». Как видим, и предыдущая ошибка и только что рассмотренная искажают Энгельса в одном направлении, а именно в смысле сближения естествознания с идеализмом и рели-

гией, тогда как Энгельс делал обратное: противопоставлял естествознание религии и идеализму.

Теперь перейдем от искажений, которые приведены выше в связи с некоторыми проблемами истории философии и истории естествознания, к искажениям, относящимся к вопросам логики и теории познания. На стр. 392 говорится о сути перехода к диалектике в естествознании на основе открытий XIX века. Энгельс пишет: «Здесь неизменные категории исчезли, математика вступила на такую почву, где даже столь простые понятия, как «абстрактное количество», «дурная бесконечность», приняли совершенно диалектический вид» и т. д. Спрашивается: действительно ли исчезли, как написано в переводе, неизменные категории? В том ли заключался переворот в естествознании, что одни категории исчезли и появились другие, или в том, что одновременно с появлением новых категорий — что, конечно, имело место и будет иметь и дальше — приобрели диалектический характер и старые категории? При этом, конечно, не исключено и исчезновение некоторых из старых категорий. Но, как видим в переводе, речь идет о том, что вообще старые категории исчезли.

Что же у Энгельса? «Die festen Kategorien lösten sich hier auf, die Mathematik war auf ein Terrain gekommen, wo...» (стр. 152) и т. д.

Отсюда ясно, что «sich auflösen» — это не «исчезнуть», а «разрешиться», «раствориться», «расплавиться», «стать подвижным», но, во всяком случае, не «исчезнуть». Переводить глагол «sich auflösen» словом «исчезать» — значит извращать основной взгляд Энгельса на суть перехода от метафизической, формальной логики к диалектике. В формальной логике категории неподвижны, неизменны, в диалектической же эти категории приобретают, как Энгельс пишет, диалектический вид.

Переводчик и особенно редактор Рязанов не могли, конечно, не знать этих слишком элементарных положений.

Но это злоключение с глаголом «auflösen», к сожалению, не единственное: оно имеет место почти во всех случаях, когда этот глагол встречается. Таким образом, ошибка повторяется многократно.

Необходимо отметить, что в том же отрывке Энгельс, продолжая только что приведенную мысль, говорит о том сопровитвлении, которое оказали диалектике метафизики-естествоиспытатели, и он пишет: «Nichts komischer als die Windungen, faulen Schliche und Notbehelfe der Mathematik, diesen Widerspruch zu lösen, die höhere und niedere Mathematik zu versöhnen» (стр. 152), то есть — «нет ничего комичнее, чем жалкие уловки, увертки и вынужденные приемы, к которым прибегает математика, чтобы разрешить это противоречие, примирить между собой высшую и низшую математику», и т. д. И вот, оказывается, что «Notbehelfe» переводчик переводит словом «фикция». Не говоря уже о том, что слово «фикция» ни в малой степени непохоже на «вынужденные приемы» (как тут, по всему смыслу фразы и смыслу самого слова «Notbehelfe», надо перевести), которые под давлением диалектики должны были изобретать математики, слово «фикция» имеет специфический философский характер — в духе махизма, фикционализма, пресловутой философии Файгингера. Подставлять в уста Энгельса слово «фикция» — значит делать его тем, чем он не был и быть не мог.

В том же отрывке, на той же странице, мы находим еще одно типичное для переводчика искажение. Оно у него связано с глаголом «nachweisen». Говоря о диалектике в природе и ее доказательстве, Энгельс употребляет глагол «nachweisen». Однако переводчик «nachweisen» переводит не словом «доказывать», а словом «показывать».

И этот перевод слова «nachweisen» очень часто встречается в «Диалектике природы». Очень принципиальным оказывается переводчик, который всюду слово «nachweisen» переводит словом «показать»! Но ведь большая

разница: показать или доказать. Показать — значит прежде всего обратить внимание на внешнюю сторону явления; доказать — это значит аргументировать, исходя из сущности явления. В первом случае — позитивистски-описательный подход, во втором — диалектико-материалистический. Это искажение повторяется десятки раз в «Диалектике природы».

В свое время в «ПЗМ» была опубликована рецензия на «Диалектику природы» тов. Ульриха. Там приведен ряд искажений, которые касаются теории познания. Не останавливаясь на этих примерах, они известны, мы должны еще раз подтвердить, что в очень многих случаях действительно имеются искажения, относящиеся к теории познания.

Теперь перейдем к рассмотрению того, как обстоит дело не с общей политической теорией, и не с исторической теорией марксизма, и не с историей философии, а как обстоит дело с научной стороной, с переводом тех специфических естественно-научных терминов и понятий, которые составляют основу изложения «Диалектики природы» Энгельса. Надо сказать, что и тут дело обстоит совсем неблагоприятно, хотя мы из истории издания «Диалектики природы» знаем, что в ее переводе принимали участие и некоторые научные работники. Как они были привлечены и использованы, трудно судить. Но вот результаты. На стр. 412 мы встречаем название «наливняк». Это относится к одному из видов *Actinophrys sol*. Но если взять любой, даже элементарный справочник, то в нем мы можем найти, что рассматриваемый Энгельсом вид по-русски называется не «наливняк», а «солнечник» и относится к соответствующей группе простейших. Однако во всех изданиях «Диалектики природы» повторяется этот «наливняк».

На стр. 425 «Диалектики природы» Энгельс говорит о переходных формах от беспозвоночных к позвоночным и употребляет при этом соответствующий термин. Но в переводе получилось нечто невразумительное. В нем написано: «Подобно тому, как мы вынуждены говорить о беспозвоночных животных, так и здесь неорганизованный, бесформенный, недифференцированный белковый комочек называется организмом».

Действительно, что особенного в том, что мы говорим о «беспозвоночных животных», и какое тут может быть сравнение с белковым комочком, служащим переходом от первичных форм живого вещества к настоящим организмам?

Ответ дает немецкий текст, где вместо беспозвоночных стоит: «Wirbellose Wirbeltiere», то есть — «не имеющие позвонков позвоночные животные». Действительно, простейшие позвоночные не имеют позвонков и служат переходом к беспозвоночным. При правильном переводе энгельсовское сравнение получает свой смысл.

Такое же искажение, как в двух предыдущих случаях, мы имеем с переводом научных терминов и на стр. 433. Рассматривая объективную диалектику, царящую в природе, Энгельс приводит ряд примеров и, между прочим, пример с наследственностью и изменчивостью. Он пишет: «Можно рассматривать наследственность, как положительную, сохраняющую сторону, приспособление — как отрицательную, постоянно разрушающую унаследованное достояние сторону» и т. д., также и о том, что можно, наоборот, первое рассматривать как отрицательную, а второе — как положительную стороны.

Обращает здесь на себя внимание «унаследованное достояние». Это скорей правовой чем биологический термин. Из самого текста ясно, что речь идет не об «унаследованном достоянии», а о наследственно приобретенных признаках. Но у Энгельса так и стоит: «Erebtete».

Еще более грубая ошибка в переводе научных терминов встречается на стр. 448. Здесь термин «Primzahlen» — «простые числа» — переведен словами «первичные числа». Получается полная безграмотность.

То же самое с переводом на стр. 477 слова «Dezimalnotation». В переводе читаем: «Древность имела Евклида и солнечную систему Птолемея, арабы — десятичное исчисление, начала алгебры, современную систему исчисления и алхимию; христианское средневековье не оставило ничего». Ясное дело, что вместо «десятичного исчисления» нужно «десятичное обозначение».

Совершенно нетерпимая даже в устах школьника ошибка имеется на стр. 486. Здесь говорится о том, как создались условия для образования на земной поверхности живого вещества. Переводчик пишет: «Наконец, если температура охладилась до того, что...» и т. д. Как известно, может охладиться поверхность земли, но чтобы охлаждалась сама температура — это открытие Юшкевича, вполне достойное увековечения в махистских анналах. В обычных же научных книгах говорится о «понижении температуры».

На стр. 528, где речь идет об окислах, это слово переводится словом «окиси». Хотя «окиси» и относятся к окислам, но далеко не исчерпывают всего понятия окислов, и спутывать эти две вещи в научной книге нельзя.

То же самое с неоднократным неправильным переводом слова «калии». Так например на стр. 618 говорится о «растворе калия». Было бы полбеды, если бы было написано «раствор кали», но написано и в рассматриваемом месте и в ряде других мест «Диалектики природы» «калия». Нужно же — «раствор едкого кали».

Наконец, нужно сказать еще об одном термине, который по-своему переведен Юшкевичем и который нужно, безусловно, выбросить. Это перевод слова «Massenbewegung». У Энгельса очень часто встречается это слово «Massenbewegung». Переводчик перевел это слово всюду «молярное движение». У Энгельса, как видим, никакого «молярного движения» нет. И его не нужно переводить так, как перевел Юшкевич, а нужно перевести просто: «движение масс» — и вот почему: Энгельс не распространял понятия массы, как его распространяют механисты, на все явления и не считал, что в молекуле масса проявляется точно так же, как и в обычных телах. В том переводе, который дает Юшкевич, не употреблено слово «масса» и введено «молярное движение». Тем самым слово «масса» он применяет как общую категорию, тогда как Энгельс вводил, несомненно, некоторый ограничительный смысл в эту категорию. И самое удивительное, что переводчик в подавляющем большинстве случаев переводит: «молярное движение», но в некоторых местах он переводит: «движение масс». На стр. 541, например, — «движение масс». Там неудобно написать иначе, ибо ясно, что Энгельс, употребляя тот же самый термин «Massenbewegung», хотел сказать просто «движение масс».

Имеются и некоторые, просто курьезные ошибки. Вот одна, которая относится к дополнительному переводу после 1925 года. Возможно, что тут уже виноват не основной переводчик. Статья «Электричество» во втором томе «Архива» была очень несовершенна. Потом была сделана дополнительная расшифровка. И вот там говорится о гальваническом элементе и электролитической ванне. Последняя по-немецки называется «Zersetzungszelle» и «Zersetzungselement». Возможно, что новый переводчик, который желал политически немного заострить перевод, но не знал физики, это слово перевел: «разложившийся элемент». И этот перевод дан во всех изданиях и существует в XIV томе. Во всяком случае, ничего похожего на электролитическую ванну нет!

Но ошибки касаются не только естественно-научных терминов, встречающихся в «Диалектике природы»: они касаются и терминов общественных наук, поскольку эти термины также употребляются в этом труде Энгельса.

Так, на стр. 488 слово «Ueberarbeit» переведено: «прибавочный труд», тогда как известно, что это понятие по-немецки выражается другим словом. Здесь же речь идет о «чрезмерном труде».

Здесь же слово «Verteilung», «verteilen» переведено: «потребление», тогда как ясно, что речь идет о «распределении».

Так дело обстоит с переводом научных терминов. Из приведенных примеров видно, что в «Диалектике природы» допущены ошибки в переводах научных терминов, недопустимые ни в каком научном издании, а тем более в издании работы одного из основоположников научного коммунизма.

Так обстоит дело и с переводом отдельных научных положений, рассматриваемых и доказываемых Энгельсом. Это можно иллюстрировать на следующих примерах.

В качестве первого примера возьмем перевод отрывка о «свете и темноте». В этом отрывке Энгельс рассматривает три рода лучей: тепловых, световых и химических — и говорит, что первый и третий род лучей составляют внешнюю группу лучей, расположенную на обоих концах видимого спектра. Каждый род лучей имеет свой максимум и две ниспадающих ветви кривой их активности. Рассматривая этот последний вопрос, Энгельс и писал: «Die Sache die: Je nach Länge der Schwingungen haben die Sonnenstrahlen verschiedene Wirkungen; die mit grösster Wellenlänge übertragen Wärme, die mit mittlerer Licht, die mit geringster chemische Aktion, wobei die Maxima der drei Aktionen nahe zusammengerückt, die inneren Minima der äusseren Strahlengruppe ihrer Aktion nach in der Lichtgruppe sich decken» (192), то есть: «Дело обстоит так: в зависимости от длины колебаний солнечные лучи оказывают различные действия; лучи с наибольшей длиной волны переносят теплоту, со средней—свет, с наименьшей—химическое действие, причем максимумы этих трех действий близко придвинуты друг к другу, а внутренние минимумы внешней группы лучей в отношении их действия перекрываются в пределах световой группы».

В переводе же мы читаем: «... максимумы тех этих действий близко совпадают между собой, а внутренние минимумы внешней группы лучей покрывают друг друга по своему действию в световой группе» (стр. 436). Как видим, перевод далек от ясности и точности.

Еще большее искажение имеем мы в отрывке о «туманных пятнах». Здесь, между прочим, говорится о расстояниях от нас этих небесных тел. В немецком тексте читаем: «Herschel nimmt 2 Millionen, Mädler — bei Annahme eines wirklichen Durchmessers — 8000 Lichtjahre — 30 Millionen Lichtjahre Entfernung von uns an» (S. 200). По-русски это значит: «Гершель принимает расстояние от нас равным двум миллионам, Медлер — при допущении действительного диаметра равным восьми тысячам световых лет — равным тридцати миллионам световых лет».

В переводе же читаем (стр. 444): «Гершель принимает 2 миллиона, Медлер — при допущении реального диаметра — 8000 световых годов расстояния от нас». Помимо того, что налицо пропуск, имеется полная бессмыслица с «допущением реального диаметра».

Такая же глубина понимания научного содержания текста Энгельса со стороны переводчика и редактора может быть проиллюстрирована и на примерах из отрывков о «качестве и количестве» и о «числе», где говорится о свойствах чисел и числовых систем.

В первом отрывке читаем: «Die Zahl ist die reinste quantitative Bestimmung, die wir kennen. Aber sie steckt voll qualitativer Unterschiede. 1 Hegel, Anzahl und Einheit, Multiplizieren, Dividieren, Potenzieren, Wurzel ausziehen. Dadurch werden bereits, was bei Hegel nicht hervorgeht, qualitative Unterschiede: Primzahl und Produkte, einfache Wurzeln und Potenzen hervorgebracht». (203).

В переводе это место будет гласить: «Число есть чистейшее количественное определение, какое мы только знаем. Но оно наполнено качественными различиями. I. Гегель, множество и единица, умножение, деление, возведение в степень, извлечение корня. Благодаря этому получаются уже, что у Гегеля не показано, качественные различия: простые числа и произведения, простые корни и степени».

В издании же Рязанова не только «простые числа» превращены в «первичные», что нами было уже отмечено, но кроме того специфический гегелевский термин — «Anzahl» — «множество» заменено словом «количество», что искажает текст Энгельса.

Во втором из упомянутых отрывков Энгельс рассматривает качественное различие, существующее между различными числовыми системами. Он, между прочим, подчеркивает, что в пятеричной системе (основное число пять) исчезает различие между четными и нечетными числами, и приводит пример с произведениями, получаемыми путем умножения на 6 (в пятеричной системе будет 11) и на 9 (в пятеричной системе будет 14).

В рязановском же издании в тексте дано нечто абсолютно невразумительное. На стр. 449 XIV тома читаем: «Точно так же в этой (пятеричной.— А. М.) системе число 3п, как и произведения (6 = 11,9 = 14) на 3 либо 9».

Приведенных примеров, которые можно было бы умножить до многих десятков, надо думать, достаточно для того, чтобы иллюстрировать «высоту» перевода научного содержания «Диалектики природы» Энгельса.

Однако самая многочисленная группа ошибок, достигающая сотен и даже тысяч, составляется из ошибок, обусловленных просто неправильным переводом, то есть незнанием языка, небрежностью перевода и т. д.

Приведем лишь некоторое количество наиболее типичных ошибок и искажений текста «Диалектики природы» Энгельса.

Начнем со стр. 402, с отрывка о метафизических силах. Энгельс говорит о различных метафизических объяснениях различных явлений через допущение таинственных сил. Он рассматривает также «химическую силу» и критикует это представление, отмечая, что здесь понятие силы уже у границы своего употребления. «Но она еще измерима, — продолжает он, — через порождение теплоты, однако, до сих пор без значительных результатов; для ее объяснения с о ч и н я ю т так называемую силу (например объясняют плавание дров на воде из плавательной силы, — преломляющая сила в случае света и т. д.), причем, таким образом, получают столько сил, сколько имеется необъясненных явлений, и по существу только переводят внешние притяжения внутренний язык фразы».

Оставим в стороне прочие ошибки в этой цитате и остановим наше внимание на «плавании дров». Не нужно особенного знания немецкого языка, чтобы понять, что у Энгельса идет речь не о плавании «дров», а о плавании дерева. Поэтому, хотя слово «Holz» может означать и «дерево» и «дрова», употребление в переводе слова «дрова» свидетельствует о непонимании переводчиком того, о чем идет речь у Энгельса. Таким образом, «плавают», собственно говоря, не «дрова», а сам переводчик.

Во втором абзаце отрывка Энгельса, посвященного обоснованию необходимости изучения последовательного развития отдельных отраслей естествознания, Энгельс сам дает оценку состояния древнегреческой науки и пишет на стр. 438: «В течение всей древности собственно научное преподавание ограничивается этими тремя (астрономия, математика, механика. — А. М.) науками... Спрашивается: почему речь идет о «преподавании», когда Энгельс рассматривает историю науки? Ответ дает немецкий текст, где стоит слово «Untersuchung», то есть «исследование».

Как видим, тоже грубая ошибка, повторяющаяся во всех изданиях.

На стр. 442 Энгельс рассматривает историю изобретений и дает хронологическую последовательность их. В числе прочих изобретений значится и гравирование по дереву, что по-немецки называется «Holzschnitt». Однако переводчик ухитрился перевести этот термин словами «литографское дело».

Как видим, все печальные и незелые ошибки. Но для разнообразия переводчик и редакторы решили допустить и ошибки веселого свойства.

В статье Энгельса «Естествознание в мире духов» приводятся данные о том грубом шарлатанстве, жертовой которого в свое время сделался ряд видных ученых. Между прочим, в самом начале статьи рассказывается история с «медиумом» Спенсером Холлем, «продельывавшем над одной молодой девицей магнетическо-френологические опыты, имевшие целью доказать бытие божие, бессмертие души и ложность проповедывавшегося тогда оунистами во всех больших городах материализма». Далее, Энгельс (на стр. 466) пишет: «Этот бравый Холль обогатил тогда галлевскую карту черепа новым островом Баватарией: на самой макушке он открыл орган обожания, при прикосновении к которому его гипнотическая девица становилась на колени, разводила руками, изображая перед изумленной филистерской аудиторией погруженного в молитвенный экстаз ангела».

При чтении этой последней фразы обращает на себя внимание прежде всего «орган обожания». Даже без сверки с немецким текстом возникает вопрос: при чем тут орган «обожания», когда речь идет о молитвенном экстазе?

Вторым недоуменным вопросом является странное поведение девицы: став на колени, очевидно, для молитвы, она вдруг начинает «разводить руками». Как будто бы она хотела сказать публике: «Ничего не поделаешь, а приходится изображать ангела».

Однако все эти «обожания» и «разведения руками» — плод досужего изобретательства переводчика и попустительства редакторов. Действительно, в немецком тексте читаем: «Der brave Hall hatte dabei die Gallsche Schädelgeographie um eine neue Insel Bavataria bereichert: ganz zu oberst auf dem Scheitel hatte er nämlich ein Organ der Anbetung entdeckt, bei dessen Berührung sein hypnotisches Fräulein in die Knie sank, die Hände faltete und dem erstaunten versammelten Philisterium den in Anbetung verzückten Engel vorführte». (208).

Как видим, слово «Anbetung» — «молитвенное состояние» — превратилось в «обожание», а глагол «die Hände falten», то есть «складывать руки», в прямо противоположное — «разводить руками».

Однако злключения с медиумами в переводе Юшкевича не ограничиваются приведенным примером. Разоблачая проделки медиума «мадемуазель Кук» с известным английским физиком Круксом, Энгельс подвергает рассмотрению мнимый вызов этим медиумом из мира духов целой женской фигуры. Исследуя это явление, Крукс добился доверия барышни-духа. И эта барышня-дух появлялась в доме Крукса, «играла с его детьми, рассказывала им «анекдоты из своих приключений в Индии», угощала господина Крукса повестями о «некоторых из горьких испытаний своей прошлой жизни», дала ему брать себя на руки, чтобы он мог убедиться в ее осязательной материальности, позволила ему определить у нее число биений пульса и дыханий в минуту и под конец даже согласилась сняться на фотографии рядом с господином Круксом» (стр. 470—471).

В приведенной цитате, в которой Энгельс иронически высмеивает спиритические злключения физика Крукса, вызывает сомнение сообщение П. Юшкевича о том, что мадемуазель Кук «давала брать себя на руки». В издании же Партиздата 1933 г. даже сказано, что «давала брать себя в руки» (стр. 64). Чтение этого места сразу вызывает сомнение в том, чтобы большая, взрослая девица «давала брать себя в руки» как какая-нибудь ле-

гоньякая игрушка или «брать себя на руки», как если бы Вильямс Крукс был силач и иначе не мог убедиться в материальности девицы, как «взяв ее на руки».

Но все эти чудеса — сплошное изобретение Юшкевича. В немецком тексте употреблено выражение «in den Arm nehmen», что значит «обнять», «обнимать». Таким образом, все дело оказывается очень простым: девица-дух давала себя обнимать. Это как раз и было то, что Крукс проделал в порядке эксперимента с мадемуазель Кук.

Не будем, далее, приводить примеры грубейших извращений текста, имеющихся в статье «Естествознание в мире духов» и обусловленных элементарными ошибками в переводе, невозможными во всяком мало-мальски добросовестном издании, не говоря уже об издании классиков марксизма.

Перейдем к статье «Введение в «Диалектику природы». Это как раз та статья, которая при издании ее отдельной брошюрой была исправлена Институтом Маркса—Энгельса—Ленина, после того как последний был изобавлен от «ученой» деятельности Рязанова и К°. Эта небольшая статья, не составляющая и полного печатного листа, требует не менее 500 поправок. Однако поправки, которые были внесены в «Введение в «Диалектику природы», изданное в форме брошюры, не вошли в XIV том Собрания сочинений Маркса и Энгельса. Какое рода ошибки заключены в этой части XIV тома?

О некоторых из принципиальных искажений этой работы Энгельса мы уже говорили выше, когда отмечали, что оставлена лишь «возможность» социализма, «необходимость» же опущена. Вот несколько примеров ошибок, обусловленных просто плохим знанием языка и небрежностью, проявленной ко всему изданию.

На стр. 477 Энгельс говорит о том все более убыстряющемся развитии наук о природе, которое наступило после открытия Коперника. Применяя для картинного изображения этой мысли астрономическое выражение, Энгельс пишет: «Оттуда же пошло гигантскими шагами развитие наук, которое выигрывало в силе, если можно так выразиться, пропорционально квадрату расстояния (во времени). Точно нужно было доказать миру, что отныне и для высшего продукта органической материи, для человеческого духа, как и для неорганического вещества, будет иметь силу закон об обратной пропорциональности движения».

Здесь вызывает сомнение то, что, согласно смыслу первой фразы, развитие науки идет все убыстряющимся темпом по мере удаления от исходного пункта, тогда как для неорганического вещества имеет значение закон об убывании силы тяготения обратно пропорционально квадрату расстояния от центра притяжения. Получается, таким образом, что у Энгельса дано сравнение, в основе которого не лежит ясное понимание дела.

На самом деле, однако, у Энгельса этого нет. В немецком тексте написано: «Aber von da an ging auch die Entwicklung der Wissenschaften mit Riesenschritten vor sich und gewann an Kraft, man kann wohl sagen in quadratischem Verhältnis der (zeitlichen) Entfernung von ihrem Ausgangspunkt. Es war, als sollte der Welt bewiesen werden, dass von jetzt an für das höchste Produkt der organischen Materie, den menschlichen Geist, das umgekehrte Bewegungsgesetz gelte wie für den anorganischen Stoff» (241). то есть: «Оттуда же пошло гигантскими шагами развитие наук, которое усиливалось, если можно так выразиться, пропорционально квадрату расстояния (во времени) от своего исходного пункта. Точно нужно было доказать миру, что отныне для высшего продукта органической материи, для человеческого духа, будет иметь силу обратный закон движения, чем для неорганического вещества».

О развитии солнечной системы в XIV томе (стр. 485) написано: «Отдельные тела охлаждаются тем быстрее, чем они меньше. Сперва охлажда-

ются спутники, астероиды, метеоры; наша луна давно уже погасла» и т. д. У Энгельса же написано: «Отдельные тела охлаждаются тем быстрее, чем они меньше. Сперва охлаждаются спутники, астероиды, метеоры, подобно тому, как давно уже омертвела наша луна»...

На стр. 490 в переводе читаем: «Учение о неразрушимости движения надо понимать не только в количественном, но и в качественном смысле». Однако стоит лишь вдуматься в эту фразу, чтобы понять, что «надо понимать «не только в качественном, но и в количественном смысле», не учение о неразрушимости движения, но именно самое движение. У Энгельса так и написано «Die Unzerstörbarkeit der Bewegung».

На той же стр. 490 читаем: «Одно, во всяком случае, несомненно: было время, когда материя нашего мирового острова превратила в теплоту такое количество движения — мы до сих пор еще не знаем, какого именно рода, — что из него могли развиваться, по меньшей мере (по Медлеру), 20 миллионов солнечных систем, которые — как мы в этом столь же твердо убеждены — рано или поздно погибнут».

В немецком же тексте стоит: «Soviel ist sicher: es gab eine Zeit, wo die Materie unsrer Weltinsel eine solche Menge Bewegung — welcher Art, wissen wir bis jetzt nicht — in Wärme umgesetzt hatte, dass daraus die zu (nach Mädler) mindestens 20 Millionen Sternen gehörigen Sonnensysteme sich entwickeln konnten, derer allmähliches Absterben ebenfalls gewiss ist» (253), то есть «одно, во всяком случае, несомненно... что из него могли развиваться, по меньшей мере (по Медлеру), принадлежащие к 20 миллионам звезд, солнечные системы, постепенное умирание которых также достоверно должно произойти».

Таковы те ошибки по части элементарной точности перевода, которые в весьма большом количестве имеются в «Введении к «Диалектике природы», одной из самых важных составных частей всего произведения Энгельса.

Приведем еще несколько примеров такого же рода ошибок из дальнейшего текста «Диалектики природы» Энгельса.

На стр. 507 одна из цитат из Фурье сопровождается следующей собственной фразой Энгельса, продолжающей своими словами передавать учение Фурье. Энгельс пишет: «Поэтому остальная часть времени должна быть посвящена земледелию, скотоводству, кухне, промышленным беднякам». Здесь уже из самого нелепого сопоставления земледелия, скотоводства и т. д. с «промышленными бедняками» должно было бы переводчику и редакторам придти на мысль, что налицо спутывание слова «бедный» — по-немецки «arm» — со словом «армия» и что у Фурье идет речь именно о «промышленных армиях». Однако эти «бедняки» фигурируют во всех 500 000 экземплярах «Диалектики природы». Действительно «бедняки», но кто, собственно?!

На стр. 572, в начале статьи об «Электричестве», Энгельс коротенько останавливается на истории открытий в области электричества. Вот как излагает Энгельс XIV том собрания сочинений Маркса и Энгельса: «Открытие гальванического тока произошло за 25 лет до открытия кислорода (несколько лет спустя после открытия атомных весов)»... Но так как вольт был открыт в 1800 г., а дальтонова гипотеза появилась в 1802 г., кислород же Пристли открыл в 1771 г., то получается, что Энгельс или совсем не знал истории естествознания или все перепутал.

Но подлинный немецкий текст тотчас выдает того, кто все перепутал. В немецком тексте читаем: «Die Entdeckung des galvanischen Stroms ist ungefähr 25 Jahre jünger als die des Sauerstoffs und (einige Jahre älter als die der Atomgewichte)»... (329), то есть «открытие гальванического тока произошло примерно на 25 лет позже открытия кислорода (на несколько лет ранее открытия атомных весов)»...

На стр. 576, в той же статье об «Электричестве», говорится о существовавшем некогда представлении о двух электрических жидкостях, обуславливающих своим движением электрические явления. Сравнивая эту гипотезу с гипотезой об одной электрической жидкости, Энгельс пишет: «И это (затруднение.—А. М.) относится одинаково как к гипотезе, что в токе в каждом случае имеется лишь один из видов этой материи, так и к гипотезе, что оба вида ее текут одновременно навстречу друг другу», и т. д.

Переводчик же слова «gleichzeitig gegeneinander strömen» перевел: «текут друг с другом». Получается нелепица.

Наконец, еще один пример. На стр. 599 той же статьи Энгельс критикует Видемана и его словесные извороты, применяемые им для оправдания его неправильной точки зрения. Энгельс сравнивает критику Видемана с той критикой, с которой выступали теологи против Бруно Бауэра, Штрауса и других.

Действительно, в немецком тексте ясно сказано: «Wenn man die obige Wiedemannsche Erklärung der Strombildung liest, so glaubt man ein Stück jener (theologischen) Apologetik vor sich zu haben, mit der die ganz-und halbgläubigen Theologen vor beinahe vierzig Jahren der (deutschen) philologisch — historischen Bibelkritik von Strauss, Wilke, Bruno Bauer u. a. entgegentraten» (353), то есть «когда читаешь вышеприведенное видемановское объяснение образования тока, то кажется, что имеешь перед собой образец той (теологической) апологетики, с которой теологи разных степеней правовеярия выступали лет сорок назад против (немецкой) филологически-исторической библейской критики Штрауса, Вильке, Бруно, Бауэра и других».

В переводе же читаем: «...против (немецкой) филологически-исторической библейской критики Штрауса, Вильке, Бруно Бауэра и других теологов разных степеней правовеярия». Получается, что не теологи выступали против Штрауса, Бруно Бауэра и др., а эти последние и были теологами, о которых говорит Энгельс.

Перечень такого рода искажений энгельсовского текста можно было бы продолжать очень и очень долго, так как грубые ошибки исчисляются сотнями, а вместе с более мелкими, но все же необходимыми исправлениями составляют несколько тысяч. Нам нет ни надобности, ни возможности делать это в данной статье.

Однако кроме перечисленных групп ошибок имеются еще две группы, о которых также необходимо хотя бы вкратце сказать, приведя соответствующие примеры. Это пропуски и лишние слова, с одной стороны, и опечатки — с другой.

На стр. 392 читаем: «Освобожденная от мистицизма диалектика становится абсолютной необходимостью для естествознания, покинувшего ту область, где достаточны были неизменные категории, эта своего рода низшая математика логики».

Нужно: «Освобожденная от покрова мистицизма диалектика становится абсолютной необходимостью для естествознания, покинувшего ту область, где в порядке домашнего обихода достаточны были неизменные категории», и т. д. Как видим, пропущены слова «в порядке домашнего обихода», придающие всей фразе другой оттенок и ограничивающие значение формальной логики «домашним обиходом».

На стр. 439 пропущено слово «сравнительная» в следующей фразе: «Лишь благодаря этому (открытию клетки.—А. М.) стали возможными сравнительная морфология и физиология в качестве истинных наук». Как видим, пропуск слова «сравнительная» существенно меняет смысл фразы.

На стр. 480 Энгельс говорит о значении открытия Канта в его «Всеобщей естественной истории и теории неба» и пишет: «В открытии Канта ле-

жал зародыш всего дальнейшего прогресса. Если земля была чем-то ставшим, то чем-то ставшим должны были быть также ее теперешнее геологическое, географическое, климатическое состояние, ее растения и животные, и она должна была иметь историю не только в пространстве в форме расположения одного возле другого, но и во времени в форме последовательности одного после другого».

Последними двумя предложениями Энгельс бьет по защищавшемуся теологами, Гегелем и метафизиками вообще представлению о том, что предметы природы лишь находятся один возле другого, но не имеют никакой исторической последовательности в развитии одного после другого. Однако переводчиком слова «в форме расположения одного возле другого» и «в форме последовательности одного после другого» опущены.

Можно было бы привести еще десятки других пропусков, но не будем этого делать. Приведем еще лишь примеры того, как переводчик вставлял слова, которых нет у Энгельса и которые ненужны и искажают текст.

Так, на стр. 444 критикуемые Энгельсом взгляды Ольберса названы «старомодными», хотя этого в немецком тексте издания 1927 г. нет.

На стр. 473 Энгельс высмеивает взгляды Уоллеса на мир существ четвертого измерения. Оказывается, что они «обладают легкими, сердцем и кровеносной системой и, следовательно, они, вероятно, так же одарены в отношении других телесных органов, как и мы». Переводчик к последнему слову добавляет «обыкновенные смертные», как будто слова «мы» недостаточно для характеристики «нас» и слова «обыкновенные смертные» уточняют текст Энгельса.

На стр. 489 переводчик в фразе Энгельса о том, что «последовательность мысли всегда должна была помогать имеющему пробелы мышлению заполнять его пробелы», перед словом «последовательность» добавляет слово «логика», что опять-таки вкладывает в уста Энгельса то, чего последний не говорил. Наконец, приведем примеры, характеризующие последнюю группу искажений «Диалектики природы» Энгельса, — опечатки.

На стр. 398 читаем небольшой отрывок Энгельса: «Например, часть и целое, это уже такие категории, которые делаются недостаточными в органической природе. Вытalkingивание семени—зародыш—и родившееся животное нельзя рассматривать как «часть» и т. д.

Вместо слова «родившееся» стоит во всех изданиях «развившееся».

На стр. 417 читаем: «Первая брешь—Кант и Лаплас. Вторая—геология и палеонтология (Ляйелль, медленное развитие). Третья—органическая химия, изготовляющая органические тела и показывающая применимость химических законов к живым телам».

И опять-таки во всех изданиях вместо «живых» тел стоят «иные тела».

На стр. 465, в самом начале статьи «Естествознание в мире духов», Энгельс говорит о том презрении к мышлению, которое проявляют эмпирико-естествоиспытатели и за которое они наказываются своим пленом у спиритов. При этом Энгельс это высокомерное презрение к мышлению со стороны эмпириков сравнивает с тем высокомерием, которое свойственно «суверенам». Поэтому он и употребил слово «суверенное презрение». Однако это суверенное презрение превратилось в «суеверное» и затем канонизировалось и стало повторяться во всех изданиях. Такова сила традиции и... попустительства!

Такого же рода превращения мы имеем на стр. 447, где слово «прогресс» превратилось в слово «процесс», на стр. 481, где слово «повторных» превратилось в слово «подобных», на стр. 614, где слово «свободны» превратилось в слово «способны», на стр. 620, где слово «теории» превратилось в слово «энергии», и т. д.

Вот характеристика существа ошибок, искажений и извращений, которые имеются в рязановском издании «Диалектики природы» Энгельса.

Однако порча этого великого произведения Энгельса не ограничивается приведенным. Достаточно внимательному читателю сравнить первую группу мелких заметок, которыми начинается «Диалектика природы» и которые озаглавлены: «Диалектика и естествознание», с другой группой, которая озаглавлена просто «Заметки», чтобы убедиться, что мы имеем дело с одним и тем же материалом, почему-то искусственно разбитым редакторами на две группы.

То же самое и с последовательностью в расположении всего материала. И здесь серьезное раздумывание уже приводит к сомнению в правильности той формы последовательности, которую придал «Диалектике природы» Рязанов. Ясно, что заметки были черновым, подготовительным материалом, тогда как более крупные вещи были уже попыткой обработки этого материала. Начать же все изложение Энгельс, несомненно, предполагал «Введением к «Диалектике природы».

Таким образом, и в этом отношении необходимо вкорме пересмотреть все сделанное под руководством Рязанова.

Какой же общий вывод из всего изложенного выше?

Рязанову и другим партией было доверено дело величайшей важности — изготовление инструмента массового воспитания трудящихся — сочинений Маркса и Энгельса.

Из изложенного выше мы еще раз приходим к убеждению, что Рязанов отнесся к этому делу преступным образом, что рязановская ученость и знание марксизма — пустой миф, что сочинения Маркса и Энгельса были извращены.

В отношении «Диалектики природы» нужно сказать, что, как это уже и отметил тов. Адоратский, старое издание неудовлетворительно. Не лучше, а пожалуй еще хуже обстоит дело с «Анти-Дюрингом»: здесь еще больше ошибок, извращений и искажений.

Перед Институтом Маркса—Энгельса—Ленина стоит трудная задача — не только закончить издание собрания сочинений Маркса и Энгельса, но и ликвидировать антимарксистское наследие Рязанова и К°.

Необходимо, чтобы новое издание «Диалектики природы» Энгельса было обеспечено не только действительно научным, партийным подходом к осуществлению этого дела в стенах самого ИМЭЛ, но и вниманием и помощью широкой научной и партийной общественности.

В свое время в редакцию журнала «Под знаменем марксизма» была прислана рецензия на перевод «Диалектики природы» Энгельса тов. Ульрихом. Она была опубликована.

Указания на конкретные ошибки были в письменной форме сообщены редакции и тов. З. Цейтлинам.

Но этого мало. Необходимо, чтобы коллективы партийцев и научных работников, изучающих «Диалектику природы», пособили новому изданию этого труда Энгельса. Необходимо, чтобы в это важное дело включилась и научная общественность!

Положение рабочего класса и рост производительных сил

П. Олешинский

I

Появление в 1845 г. книги «Положение рабочего класса в Англии» было крупнейшим событием в политической и литературной жизни того периода.

Мы можем легко убедиться в этом, ознакомившись хотя бы с теми откликами, которые работа Ф. Энгельса вызвала в немецкой печати 1845—1846 гг. Книга сразу же приобрела титул «знаменитой». Газеты и журналы самых различных направлений и оттенков: «Triersche Zeitung» и «Reinischer Beobachter», «Weser Zeitung», «Mannheimer Abendzeitung», «Bote aus dem Katzbachtal» и др. — должны были отозваться на появление книги 25-летнего Энгельса, характеризуя ее как «важнейшее литературное явление», как «первое основательное и полное изображение положения трудящихся», как «труд, имеющий величайшее значение для настоящего времени», как «книгу, которая составит эпоху». Авторы рецензий и обзоров на все лады подчеркивали при этом «исчерпывающий характер» собранных Энгельсом материалов, основанность фактов «на надежнейших источниках», «изображение положения с очевидной правдивостью», «неопровержимость явлений», исследованных Энгельсом.

Особое внимание критики привлекла прежде всего самая характеристика положения рабочих, «страшное, но основанное на правдивых фактах» изображение этого положения. Дело шло ведь о самой передовой в то время стране, о «свободной Англии», о «господствующем над морями Альбионе».

Особое внимание критики привлек, затем, сделанный Энгельсом вывод о невозможности мирного разрешения противоречий, назревших между пролетариатом и буржуазией, о неизбежности насильственной революции.

Печать не обошла, наконец, и выдвинутое Энгельсом (в предисловии к своей книге) положение, что основные причины, приведшие к нищете и угнетению пролетариата в Англии, существуют и должны дать надолго тот же результат и в других странах. Анонимный автор корреспонденции из Гейдельберга, напечатанной в «Triersche Zeitung», в номере от 27 июня 1845 г., писал, например, следующее: «Энгельс говорит в своем предисловии, что пролетариат в своей классической форме существует лишь в Великобритании, но не нужно этим обманываться, не нужно предаваться иллюзии, что мы будто бы гораздо счастливее и обеспечены от таких бедствий. И в Англии, как показывает Энгельс, в прошлом столетии дело обстояло не хуже, даже едва столь скверно, как в настоящее время у нас, по крайней мере в большей части Германии; сорока лет было достаточно для того, чтобы с ростом промышленности пролетариат увеличился на сотни тысяч, на миллионы. Социальные отношения повсюду одни и те же. Англия обогнала нас для того, чтобы

показать нам, куда они приводят». Автор этой корреспонденции приходил к заключению, что «все сторонники истинно человеческого строя» найдут в книге Энгельса «глубокое обоснование необходимости их социальных стремлений».

Все же, как это ни может показаться удивительным, печать 1845—1846 гг., правильно отметившая величайшее значение книги Энгельса, совершенно не заметила самого существенного в ней. Она прошла мимо тех новых выводов, к которым пришел Энгельс, выясняя историческую роль пролетариата.

Между тем, сделанные Энгельсом выводы имели крупнейшее значение и заслуживали самого серьезного внимания. При изучении положения рабочего класса в Англии Энгельс занимали не только вопросы пролетаризации широких слоев трудящегося населения, не только факты нищеты и страданий рабочих. Выясняя причины этих явлений, Энгельс со свойственной ему ясностью и отчетливостью поставил и вопрос о вытекающих из этого выводах, отвечающих на вопрос: какова роль рабочего класса в историческом процессе, в прогрессивном развитии общества?

Что эта проблема являлась для Энгельса во всей его первой большой работе одной из центральных, показывают уже начальные строки главы, носящей название «Выводы». «Познакомившись, — писал здесь Энгельс, — более или менее подробно с условиями жизни английского рабочего класса в городах, нам пора сделать из приведенных фактов некоторые выводы и эти выводы вновь сопоставить с действительными фактами. Посмотрим же, что при этих условиях стало с самими рабочими, что это за люди, каково их физическое, интеллектуальное и моральное состояние»¹⁾.

Указывая, далее, на то, что буржуазное общество ставит рабочих в условия, в которых они жить не могут, перечисляя распространенные в рабочей среде при капитализме пороки и устанавливая углубление противоречия между рабочими и капиталистами, а вместе с этим — рост мятежного недовольства, классового сознания и организованности в рядах рабочего класса, Энгельс останавливается на вопросе о месте рабочего класса и буржуазии в историческом развитии общества. Он особенно подчеркивает при этом растущую консервативность буржуазии и объективную обусловленность выживания рабочего класса «во главу» исторического развития. «...Общественное положение рабочего, — говорит он, — вообще делает его более объективным, более свободным от устаревших установившихся принципов и предвзятых мнений чем буржуа». «Буржуа, — продолжает Энгельс, — по уши погряз в своих классовых предрассудках, в принципах, привитых ему в детстве: с ним ничего поделаться нельзя; он по существу консервативен, хотя бы и в либеральной форме; его интересы неразрывно связаны с существующим строем, и он для всякого движения вперед человек мертвый. Мало-помалу он перестает стоять во главе исторического развития, и его место — сначала юридически, а со временем и фактически — займет рабочий»²⁾.

Возвращаясь к этому вопросу при изложении главы о «Рабочем движении», Энгельс подчеркивает прогрессивное значение характерной для рабочего класса особенности — смотреть на все новое с открытыми глазами. «Насколько английскому пролетариату, — говорит он, — удалось добиться самостоятельного развития, доказывает особенно тот факт, что наиболее замечательные произведения новейшей философии, политической и поэтической литературы читаются почти исключительно рабочими. Буржуа — раб данного социального строя и связанных с ним предрассудков — боится всего, что действительно знаменует собою прогресс, и усердно от-

1) Ф. Энгельс «Положение рабочего класса в Англии». Соч. Т. III, стр. 388.

2) Там же, стр. 417.

крещивается от него; пролетарий же смотрит на все новое открытыми глазами и изучает его с наслаждением и успехом»¹⁾).

В заключение, как бы подводя итог всему сказанному о характеристике рабочего класса и его месте в историческом развитии общества, Энгельс говорит об английских рабочих, что они представляют собою «самостоятельный класс с собственными интересами и принципами, с собственным мировоззрением, класс, противоположный всем имущим классам и хранящий в себе силы нации и способность к их дальнейшему развитию»²⁾).

Таким образом, выясняя в «Положении рабочего класса в Англии» историю зарождения пролетариата, изображая тягчайшие условия труда и жизни английских рабочих, характеризуя их классовую борьбу и приходя к заключению, что «насильственная революция» остается «единственно возможным»³⁾ разрешением социального вопроса в Англии, Энгельс уже в этой работе сделал решительный шаг на путях выяснения исторической роли пролетариата. Рабочий класс предстал в его работе не только как средоточие «обездоленных», нищих, наемных тружеников, не в качестве какой-то «темной» и «разрушительной» силы, но как класс людей, «создавших своими изобретениями и своим трудом величие Англии, с каждым днем все более сознающих свою силу»⁴⁾).

В лице рабочих мы видим здесь класс, играющий самостоятельную роль, идущий во главе революционной борьбы за социализм, храня в себе силы человеческого общества и способность к их дальнейшему развитию.

Выдвижение этих идей, сделанное почти одновременно с Марксом, представляло крупнейший исторический шаг. Теоретическое обоснование их в «Положении рабочего класса в Англии» делало ее, эту книгу, одним из первых произведений научного социализма.

В свое время Ленин совершенно правильно отмечал, что «и до Энгельса очень многие изображали страдания пролетариата и указывали на необходимость помочь ему. Энгельс первый сказал, что пролетариат не только страдающий класс»⁵⁾).

И вот, отмечая теперь сороковую годовщину со дня смерти Ф. Энгельса, мы можем сказать, что идеи, высказанные им в «Положении рабочего класса» 90 лет назад, имеют для нас сегодня интерес не только исторический, но и в высшей степени актуальный. С полным основанием мы можем устанавливать, что тенденции, которые великий мыслитель сумел распознать в самом их возникновении, в буквальном смысле «раскрылись».

В ту пору, когда Энгельс работал над изучением условий существования рабочего класса, имевшихся тогда «в их классически совершенной форме только в Великобритании и именно в собственно Англии», Россия представляла собою типичную аграрную крепостническую страну, находившуюся под властью Николая I. Промышленный капитализм в России того периода едва зарождался. Достаточно вспомнить, что еще в 1820 г. в Россию было ввезено готовых бумажных изделий и бумажной пряжи на 46 750 тыс. руб., а хлопка (т. е. сырья)—только на 135 тыс. рублей. Можно вспомнить также, что к сороковым годам чуть ли не половину «рабочих», занятых на металлургических, горных, суконных, хлопчатобумажных, кожевенных и других промышленных предприятиях России, со-

¹⁾ Ф. Энгельс «Положение рабочего класса в Англии». Соч. Т. III, стр. 519—520.

²⁾ Там же, стр. 520 (разрядка моя. — П. О.).

³⁾ Там же, стр. 538.

⁴⁾ Там же, стр. 315 (разрядка моя. — П. О.).

⁵⁾ Ленин «Фридрих Энгельс». Соч. Т. I, стр. 412.

ставляли «приписанные» к ним крестьяне и мастеровые. «Приписаны» же они были настолько крепко, что дворянам и купцам нельзя было продавать их отдельно от самых заводов. Что касается казенных заводов, то и на них, как известно, рабочая сила комплектовалась не на условиях вольного найма, а в порядке принудительного труда мастеровых, в порядке проведения рекрутских наборов крестьян и применения труда осужденных на каторжные работы.

Прошло несколько десятилетий, и то, что в сороковые годы Маркс и Энгельс могли наблюдать только в Англии, осуществилось в еще более резких формах в целом ряде стран, в частности—и в России. В последующем рабочий класс России, руководимый Лениным и Сталиным, провел социалистическую революцию, осуществил пролетарскую диктатуру и развернул строительство социализма.

Несмотря на исторически ограниченные сроки, в течение которых рабочий класс СССР осуществляет свою преобразовательную деятельность, мы уже теперь имеем крупнейшие ее результаты по самым, если можно так выразиться, «фундаментальным» сторонам общественной жизни—результаты, в которых рабочий класс с еще большей очевидностью обнаруживает себя как носитель прогрессивного развития общества.

II

Растущее превосходство системы, где у власти стоит рабочий класс, по сравнению с системой капиталистической находит свое подтверждение в самых различных областях.

Выдающееся место среди них принадлежит росту самого рабочего класса.

Особый интерес представляют прежде всего вопросы абсолютного и относительного роста численности рабочего класса.

Как обстоит с этим при капитализме, в частности—по передовым капиталистическим странам в нынешний период?

Капитал, как это выяснено Марксом и Энгельсом, тем и характерен, что его интересует увеличение прибавочного труда рабочего, а не увеличения использования труда для материального производства вообще. Выигрыш, который могло бы получить общество от увеличения ресурсов рабочего времени вообще, не имеет для капитала никакой цены. Прибавочное время рабочих является для капиталистического производства границей. Способность человека к труду становится при капитализме совершенно ненужной, если ее применение не обеспечивает капиталу определенной нормы прибыли. Именно в силу этого «избыточное» население может «существовать» при капитализме рядом с избыточным капиталом.

Законы капиталистического накопления в то же время таковы, что доля капитала, расходуемая на заработную плату, относительно уменьшается. Это получает свое выражение в том, что относительно уменьшается и число наемных рабочих. При определенных темпах накопления совокупного капитала относительное сокращение переменной части сопровождается ее абсолютным ростом. Так как данный процесс осуществляется в реальной жизни неравномерно, то и обусловленное им изменение абсолютной численности занятых рабочих происходит тоже неравномерно. В одних отраслях имеет место быстрое увеличение абсолютного числа рабочих, в других отраслях—менее быстрое, а в третьих—увеличение не происходит вовсе. Некоторую роль может играть и так называемое умножение сфер производства.

Если говорить о процессе в целом, то, как с очевидностью обнаруживают факты, последние десятилетия развития передовых капиталистических

стран характеризуются чрезвычайным замедлением, а то и полным прекращением роста абсолютной численности занятых рабочих.

Обратимся хотя бы к следующим примерам.

По данным американских цenzов, численность рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности США, за 84-летний период, с 1849 по 1933 г., изменялась нижеследующим образом. Приводим цифры абсолютной численности рабочих в годы цenzов, а рядом с ними — исчисленные показатели размеров среднегодовых изменений:

Годы	Численность занятых рабочих (в тысячах)	Среднегодовое увеличение или уменьшение (в тысячах)	Годы	Численность занятых рабочих (в тысячах)	Среднегодовое увеличение или уменьшение (в тысячах)
1849	957 ¹⁾	—	1914	6 896 ³⁾	—
1859	1 311 ¹⁾	+ 35	1919	9 000 ³⁾	+ 421
1869	2 054 ¹⁾	+ 74	1921	6 947 ³⁾	— 1 026
1879	2 733 ¹⁾	+ 68	1923	8 778 ³⁾	+ 915
1889	4 252 ¹⁾	+ 152	1925	8 384 ³⁾	— 187
1899	5 306 ¹⁾	+ 105	1927	8 350 ³⁾	— 17
1899	4 713 ²⁾	—	1929	8 821 ³⁾	+ 235
1904	5 468 ²⁾	+ 151	1931	6 506 ³⁾	— 1 157
1909	6 615 ²⁾	+ 229	1933	6 055 ³⁾	— 225
1914	7 024 ²⁾	+ 82			

Прим.: ¹⁾ численность занятых во всей фабрично-заводской промышленности вместе с кустарными промыслами;

²⁾ численность занятых на предприятиях с годовой продукцией в 500 долларов и выше;

³⁾ численность занятых на предприятиях с годовой продукцией в 5000 долларов и выше.

Соединенные штаты не представляют здесь какого-либо исключения. Можно подтвердить это следующими данными по промышленности Германии:

	1895 г.	1907 г. в довоенных границах	1907 г. в послевоен- ных границах	1925 г.	1928 г.	1933 г.
Численность занятых рабочих	5 530	7 928	7 367	9 439	8 674	5 045
Среднегодовое увеличение или уменьшение (в тысячах)	—	+ 199	—	+ 115	— 255	— 726

В Англии, например, количество занятых рабочих и служащих среди застрахованных было в 1929 г. меньше чем в 1924 году. О 1933 г. и говорить не приходится.

Таким образом, замедление и даже прекращение роста числа занятых рабочих в период всеобщего кризиса капитализма является фактом бесспорным.

Говоря об этом, нельзя обойти молчанием то обстоятельство, что кое-кто из буржуазных статистиков и политиков пытается ныне использовать этот бесспорный факт «в опровержение» марксизма, в опровержение марксистских положений о росте рабочего класса с развитием капитализма, о росте его сил и сплоченности для революционного свержения буржуазии; в доказательство якобы уменьшения удельного веса рабочего класса в буржуазном обществе, снижения его роли в общественном развитии, повышения роли так называемых «средних классов» и возможности прекращения «искусственно разжигаемой» классово-борьбы.

Со своеобразным перепевом этой фашистской болтовни выступил недавно и один из новоявленных пророков II интернационала — де Ман. Выдвигая в своих так называемых «13 тезисах» утверждение, что «численность пролетариата падает, а численность средних классов растёт», де Ман спешит сделать из этого подходящие ему политические выводы. «Социали-

стическое движение, — говорит он, — должно отбросить свои «рабочие предубеждения», которые отжили свой век с тех пор, как капиталистическое развитие не сопровождается более непрерывным ростом численности пролетариата».

Как мы можем узнать из остального, под «рабочими предубеждениями», которые «отжили свой век» и которые «должно отбросить», де Ман разумеет идеи о самостоятельной и ведущей роли рабочего класса, классовой борьбе против буржуазии.

Таковы ревизионистские заключения, которые делает де Ман, отправляясь от «теоретической» посылки, будто удельный вес рабочего класса во всей численности населения капиталистических стран снижается.

Все дело только в том, что сия «теоретическая» посылка, быть может, и до зарезу необходимая ее авторам, не имеет ничего общего ни с теорией, ни с практикой. Более того, она представляет собой один из образцов той фальсификации, которая так широко распространена теперь в буржуазных источниках по социальным вопросам.

Прием, посредством которого было «открыто» снижение удельного веса рабочего класса в общей численности населения капиталистических стран, состоял в простом сведении численности пролетариата к численности только занятых рабочих. Колоссальные размеры безработицы в рядах рабочего класса сбрасывались при этом со счетов.

Подобные способы, направленные к тому, чтобы затмить успехи Советского союза и «ликвидировать» безработицу среди рабочих при капитализме, ничего не меняют в самой капиталистической действительности. В частности, они не меняют и реальной численности класса наемных рабочих — рабочих занятых и рабочих, которые месяцами сидят без работы.

Никакие ухищрения, рассчитанные на невежд и простаков, не могут ни уничтожить, ни скрыть объективный процесс, состоящий в том, что при замедленном или останавливающемся росте численности занятых рабочих в послевоенный период нарастает численность безработных.

В этом росте безработицы в рядах пролетариата особого внимания в связи с рассматриваемой проблемой заслуживают следующие черты.

Во-первых, отметим самый факт исключительного увеличения абсолютной и относительной численности безработных в период всеобщего кризиса капитализма по сравнению с предшествующим этапом развития капитализма. Максимальный уровень, какого достигала в Германии безработица среди членов профсоюзов в промежутке 1900—1913 гг., составлял 2,9%. В период же после 1924 г. она никогда не опускалась ниже 6,7%, а в 1932 г. достигла 43,8%. Примерно такая же картина наблюдается и по другим капиталистическим странам. Даже в момент самого высокого хозяйственного подъема 1920 г. в США насчитывалось не менее 3 млн. безработных, в Германии — около 2 млн., в Англии — около 1½ миллионов. В начале же 1933 г. в капиталистических странах имелось около 30 млн. безработных.

Во-вторых, сохранение безработицы в 1933—1935 гг. почти на уровне низшей точки кризиса несмотря на рост промышленной продукции. В Англии, к примеру, к первой половине нынешнего года промышленное производство почти достигло уровня 1929 года. Между тем количество безработных в 1935 г. в два раза больше того, что было в 1929 году. В Соединенных штатах к маю 1934 г. имелось 11 млн. безработных, а к маю 1935 г. их количество не уменьшилось, а даже на ½ млн. увеличилось. Не уменьшается безработица в Германии. Значительно увеличилось в последние годы количество безработных во Франции.

В-третьих, заслуживает внимания то обстоятельство, что наличие массовой и хронической безработицы имеет место в условиях снижающегося

естественного прироста населения. Для сторонников так называемой естественной теории населения так же, как и для последователей «железного закона» заработной платы, наступили ныне самые плохие времена. Ибо как же, в самом деле, можно убедить кого бы то ни было в том, что причиной безработицы являются чрезмерная рождаемость и возникающее на ее основе «естественное перенаселение», ежели период империалистической войны, инфляции и последнего кризиса являлся периодом самой низкой рождаемости. И разве не поколение родившихся в годы войны загоняют теперь германские фашисты в лагеря трудовой повинности? Капиталистическая Европа насчитывает в последние годы несколько десятков городов, в которых смертность превышает рождаемость. И, тем не менее, миллионная армия безработных не уменьшает своих размеров.

В-четвертых, нельзя упускать из виду наличие огромной частичной безработицы. Это явление заслуживает тем большего внимания, что оно приобрело широкое распространение именно в послевоенный период развития капитализма.

В-пятых, важно учесть продолжительность периода, в течение которого миллионам и десяткам миллионов рабочих капиталистических стран доводится оставаться без приложения своих сил к производству. В течение последних лет в Соединенных штатах было проведено несколько частичных переписей безработных. Данные этих переписей, отчасти опубликованных и в нашей печати, говорят о значительном росте продолжительности безработицы среди незанятых работников. Так например в рядах безработных Буффало лица с продолжительностью безработицы до одного месяца составляли среди переписанных в ноябре 1929 г. 38%, а в ноябре 1933 г. — 7,9. Лица с продолжительностью безработицы от 1 до 7 месяцев в ноябре 1929 г. составляли 48,9%, а в ноябре 1933 г. — 20,2. В то же время лица с продолжительностью безработицы более года — соответственно 9,3% и 68,2. Среди безработных штата Массачусетс в январе 1934 г. около 24% составляли лица с продолжительностью безработицы до 6 месяцев, 18% — от 1 года до 2 лет и 40% — с продолжительностью безработицы, превышающей 2 года.

Все это свидетельствует о том, что современный капитализм достиг уже такого уровня развития, при котором становится «избыточной» огромная часть рабочего класса. «Промышленная резервная армия» рабочих периода, предшествовавшего империалистической войне, захватывала обычно один — другой процент рабочих. Современное относительное перенаселение захватывает добрую четверть, а то и треть рабочего класса. Это уже не «резерв», это хронический «избыток» рабочих сил, которые при данных общественных условиях не могут быть активными работниками.

Создаются такие отношения, при которых:

миллионы и десятки миллионов полновесных рабочих сил не используются;

тем не менее общество (правильнее сказать: сгибающаяся под бременем чрезмерного труда занятая часть рабочих) несет расходы по их содержанию;

сами же рабочие, обращенные в состояние вынужденной бездеятельности, испытывают на себе и на своих семьях все муки унижения, нищеты и лишений.

В свое время Маркс писал, что появление относительного перенаселения «неотделимо от развития производительной силы труда и ускоряется этим развитием, выражающимся в уменьшении нормы прибыли». «Относительное перенаселение, — указывал, далее, Маркс, — тем более заметно обнаруживается в известной стране, чем более развит в ней капиталистический способ производства»¹⁾. Относительное перенаселение в капиталистиче-

¹⁾ К. Маркс «Капитал». Т. III, Ч. I-я, стр. 161.

ских странах достигло ныне таких размеров, когда оно воочию обнаруживает банкротство класса буржуазии, «перезрев» капитализма, его загнивание, его неспособность справиться с переросшими границы этого способа производства ресурсами рабочей силы. Капитализм более не в состоянии ни найти для них надлежащее применение, ни обеспечить им средства существования.

В Советском союзе, где производство, обмен и распределение освобождены от оков частной собственности, коренным образом изменились и масштабы расширения производства и условия труда. Размеры производства, которые при господстве частнокапиталистических отношений ввергали бы страну в глубочайшие кризисы, оказываются в условиях социалистической собственности на средства производства совершенно недостаточными и требуют дальнейшего увеличения.

Вместе с изменением отношений к средствам производства и изменением условий труда коренным образом изменилось в стране и «отношение между числом тех, кто занят полезным трудом, и числом тех, кто им не занят». Отношение, которое, как известно, Адам Смит относил к двум главным причинам, определяющим богатство общества.

Рабочие силы, которые капитализм не может применить, диктатура пролетариата сделала активными работниками, с огромной выгодой для них самих и для общественного хозяйства.

Кое-кем из ученых статистиков конструировалось, правда, сохранение для социалистической экономики так называемого «технически необходимого резерва» безработных¹⁾. Но и эти конструкции затерялись где-то «за ненадобностью», ибо уже первая пятилетка ликвидировала безработицу окончательно.

Движение численности рабочих, занятых в народном хозяйстве Советского союза, может, по справедливости, принадлежать к числу наиболее важных показателей превосходства социалистической экономики перед капиталистической.

Достаточно отметить, что количество рабочих и служащих по всему народному хозяйству СССР выросло с 8,5 млн. в 1924—1925 г. до 23,2 млн. в 1934 году. Другими словами, за это десятилетие количество рабочих и служащих почти утроилось.

В то же время быстрыми темпами увеличилась в народном хозяйстве численность рабочих физического труда. В 1931 г., в докладе XVI съезду партии, товарищ Сталин отмечал особое значение в увеличении количества занятых рабочих значительного, более быстрого роста численности лиц физического труда и, в частности, роста индустриальных рабочих. Товарищ Сталин указывал при этом, что количество лиц физического труда поднялось с 7 069 тыс. в 1926—1927 г. до 8 533 тыс. в 1929—1930 году²⁾. Как изменилось положение в последующие годы, можно судить по тому, что численность рабочих физического труда в 1934 г. составила 15 294 тысячи.

Нами приведены были выше показатели среднегодовых изменений численности занятых рабочих в обрабатывающей промышленности США, во всей промышленности Германии и среди застрахованных в Англии. Среднегодовые изменения численности занятых рабочих физического труда (во всем народном хозяйстве) по Советскому союзу представляли в период 1926—1927—1934 гг. следующую картину:

¹⁾ См. например книгу С. Г. Струмилина «Социальные проблемы пятилетки», стр. 11, 1929.

²⁾ Сталин. Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б). «Вопросы ленинизма», стр. 520. 9-е изд.

Годы	Численность занятых ра- бочих физ. труда	Средне- годовое измене- ние
	(в тысячах)	
1926—1927	7 069	—
1927—1928	7 404	+ 335
1928—1929	7 758	+ 354
1929—1930	8 533	+ 775
1934	15 294	+ 1591

Основные выводы из сказанного таковы, что в передовых капиталистических странах численность рабочего класса продолжает расти. При этом абсолютный рост численности занятых рабочих в период всеобщего кризиса капитализма значительно замедлился, а в ряде случаев и приостановился; наряду с повышением интенсивности труда за счет истощения сил одной части рабочих увеличивается и достигает катастрофических размеров часть пролетариата, рабочая сила которого не находит соответствующего применения.

В Советском союзе полностью применены и использованы доставшиеся в наследство от капитализма «избыточные» рабочие силы и происходит систематический, еще не известный по своему размаху и скорости рост численности и сил рабочего класса.

III

Дело состоит, однако, не только в ином движении численности занятых в производстве рабочих сил, но и в разном характере этой занятости (в двух соревнующихся социальных системах).

Первостепенное экономическое, социальное значение имеет вопрос о том, какая система обеспечивает использование рабочих сил при наиболее производительных условиях, какая из них дает этим силам лучшее применение.

Для буржуазного общества характерно, например, возрастание производства предметов роскоши. Причины, обуславливающие это, были выяснены Марксом. «Ближайший результат введения машин,— писал Маркс,— заключается в том, что они увеличивают прибавочную стоимость и вместе с тем ту массу продуктов, в которой она воплощается; следовательно, в том, что вместе с той субстанцией, которую потребляет класс капиталистов и его клика, они увеличивают и самые эти общественные слои. Возрастание богатства последних и постоянное относительное уменьшение числа рабочих, требуемых для производства необходимых средств существования, порождают вместе с новыми потребностями в роскоши и новые средства их удовлетворения. Все большая часть общественного продукта превращается в добавочный продукт, и все большая часть прибавочного продукта воспроизводится и потребляется все в более и более утонченных и разнообразных формах. Другими словами: производство предметов роскоши возрастает. Возрастающие утонченность и разнообразие продуктов вытекают также из новых отношений мирового рынка, создаваемых крупной промышленностью»¹⁾.

Но что означает это возрастание производства предметов роскоши с точки зрения использования рабочей силы? Оно означает, что данный строй отнимает значительную часть «занятых» рабочих на обслуживание

¹⁾ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 342—343.

роскоши паразитических элементов. С общественной точки зрения оно означает растрату рабочей силы.

Мы не располагаем сколько-нибудь исчерпывающими данными о развитии производства предметов роскоши по различным странам в перспективе ряда лет. Частичные же данные свидетельствуют о большом росте этой отрасли в последние десятилетия.

Вместе с тем фактические материалы, относящиеся к самым различным капиталистическим странам, обнаруживают, в последние годы особенно, весьма заметный рост удельного веса работников, занятых в личном услужении.

Германские фашисты, возьмем другой пример, относят к числу «занятых» рабочих также и лиц, которых «третья империя» собрала в лагеря трудовой повинности. Организация этих лагерей относится к числу весьма немногих областей, в которых гитлеровское правительство «преуспевает». Созданы и функционируют «изоляционные лагеря для безработных», «год сельского воспитания», «трудовая повинность для студентов», затем, просто «трудовая повинность», наконец «добровольная трудовая повинность», «сельскохозяйственная помощь», «работы по обеспечению безработных» и др.

Сотни тысяч и миллионы молодых работников (по официальным данным, в начале текущего года лишь в последних четырех из названных выше организаций находилось около 800 тыс. чел.) без различия степени образования, квалификации и способностей вооружаются кирками и лопатами и принуждаются насильно к самым грубым или, что тоже не лучше, к простым и пустяковым работам. Капитализм не в состоянии более дать людям настоящую работу. Пытаясь теперь сковать волю этих людей к протесту, к мятежу, он загоняет их в военизированные лагеря трудовой повинности, доставляя им каторжное подобие работы. Воскрешаются в потрясающих масштабах самые худшие, какие знала история капитализма, образы французских «национальных мастерских» 1848 г. или английских «рабочих домов».

Не приходится и говорить, что «занятость» рабочих сил, подобная «занятости» их в фашистских лагерях трудовой повинности, представляет собою самое циничное расточение рабочей силы. Оно может служить наглядным примером тому, насколько различной может быть «занятость» трудоспособного населения и как беспощаден фашизм в обращении с людьми.

Надо иметь также в виду, что среди рабочих, которые в капиталистических странах относятся к разряду «занятых», находится очень значительная часть не полностью занятых. Речь идет главным образом о таких рабочих, которые работают на «сокращенном» рабочем дне или неполную неделю. Как широко распространено это явление в послевоенном капитализме, можно судить на примере даже таких стран, уровень безработицы в которых по ряду причин был менее заметным. Можно взять хотя бы Францию. По исчислению международного бюро труда, в этой стране имелось к концу 1934 г. около 3500 тыс. рабочих, которые являлись занятыми не полностью, оставались частично безработными. Удельный вес этих не полностью занятых рабочих в общем числе «занятых» в октябре 1931 г. составлял 37%, в октябре 1932 г.—46, в том же месяце 1933 г.—37, а в октябре 1934 г.—47. Иными словами, в продолжение всех последних лет частично безработные составляли во Франции от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ рабочих, именуемых рабочими «занятыми».

В Советском союзе эксплуататорские классы ликвидированы. Ликвидировано вместе с этим и непроизводительное, излишнее использование значительной части рабочего класса. Нельзя недооценивать значения этого факта и для роста производительности общественного труда, и для коренного

улучшения материального и культурного положения трудящихся. «При росте обобществленного сектора, — говорил товарищ Сталин на XVI съезде партии, — часть народного дохода, шедшая до сих пор для кормления эксплуататорских классов и их челяди, должна остаться отныне в самом производстве, на расширение производства, на постройку новых фабрик и заводов, на улучшение быта трудящихся»¹⁾.

Диктатура пролетариата вконец устраняет условия, которые отнимают у общества значительную часть его рабочих сил и достигает большого их увеличения.

Мы не говорим уже о тех преимуществах, которые создаются в социалистическом хозяйстве благодаря планомерному использованию данных ресурсов рабочей силы, устранению целого ряда бесполезных функций и пр. Не говорим о создаваемых на основе социалистической собственности на средства производства новых стимулах более быстрого развития техники, о 7-часовом рабочем дне, росте жизненного уровня рабочего класса, улучшении быта и других условиях, существующих в Советском союзе и не существующих при капитализме.

Мы указывали выше на весьма существенные различия, которые существуют в движении численности рабочих, занятых в производстве при капитализме и в Советском союзе. Мы должны будем теперь отметить, что и самые эти данные о занятости рабочих в двух различных системах являются, по сути дела, несопоставимыми. За абсолютными размерами «занятости» скрываются важные различия в ее характере.

Анархическая, эксплуататорская система капитализма порождает непроизводительное употребление все увеличивающейся части рабочего класса, ведет к росту неполного использования «занятых» в производстве рабочих сил, насильственно принуждает рабочих заниматься работами, воскрешающими самые варварские образцы человеческого прошлого.

Диктатура пролетариата в Советском союзе навсегда ликвидировала отношения, которые могли бы подобные явления порождать. Она обеспечивает рабочим систематически повышающиеся возможности применять свои силы при наиболее производительных условиях.

IV

Мы говорим о характере роста рабочего класса в современных передовых капиталистических странах и в Советском союзе. Надо при этом иметь в виду, что изменения в абсолютной численности рабочего класса, а в частности изменения в численности и в характере использования рабочих, занятых в производстве, являются только одной стороной вопроса. Не менее важными в экономическом, социальном отношении являются те изменения, которые в эти годы происходят в уровне технической умелости рабочих, их выучке, квалификации.

Капитализм всегда представлял собою строй, подавляющий и беспощадно ограничивающий уровень культурности и квалификации широких масс, а рабочих особенно. Ленин не даром именовал капитализм «обществом, основанным на бесконечном угнетении и огрубении рабочих».

Капитализм монополистический, загнивающий, накладывает на повышение образования и профессиональной выучки рабочих тягчайшие оковы. Не приходится говорить, что понижающийся уровень жизни рабочих, тяжелое бремя труда на современной капиталистической фабрике и отсутствие у рабочего спокойствия за завтрашний день не могут являться условиями, сти-

¹⁾ И. Сталин. Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б). «Вопросы ленинизма», стр. 520. 9-е изд.

мулирующими повышение квалификации. Если же иметь в виду факты сокращения численности занятых на производстве работников и наличие хронической массовой безработицы, захватившей рабочих самых различных профессий, степеней квалификации и в огромном числе молодежь, станет понятным влияние этих условий как факторов, тормозящих и в буквальном смысле снижающих уровень квалификации широких слоев рабочих.

Как и в других областях общественной жизни, германский фашизм и на этом поприще выступил в роли проводника самых реакционных, каннибальских приемов.

Выдвигая перед всем просвещенным миром чудовищную версию об «излишке» квалифицированных сил в современном обществе, гитлеровское правительство приступило к осуществлению принудительного, правительственного ограничения контингентов учащихся в школах всех ступеней, кроме низшего образования.

25 апреля 1933 г. правительством Гитлера был издан так называемый «закон против переполнения германских школ и высших учебных заведений». Этот документ станет, бесспорно, документом «историческим». «Во всех школах, — читаем мы в нем, — помимо тех, посещение которых обязательно, и в высших учебных заведениях число учащихся и студентов должно быть ограничено, так чтобы была обеспечена потребность в лицах, получивших образование. Областные правительства в начале каждого учебного года устанавливают, сколько учеников сможет принять каждая школа и сколько студентов — каждый факультет». «При новом приеме учащихся, — говорится в законе, — необходимо иметь в виду, чтобы число германских подданных, которые являются неарийцами в смысле закона о восстановлении чиновничества от 7 апреля 1933 г., среди учащихся данной школы или факультета не превышало относительного числа неарийцев во всем населении Германии. Это отношение устанавливается единообразно для всей Германии».

Во исполнение и развитие этого закона имперским министром внутренних дел 12 января 1934 г. была обнародована инструкция «о количественном ограничении приема в высшие школы». «Я устанавливаю, — повелевается в этой инструкции, — число абитуриентов, которые смогут в 1934 г. получить аттестат зрелости, в 15 000. Аттестат зрелости должен быть выдан лишь тем из абитуриентов, которые удовлетворяют особым требованиям, предъявляемым высшей школой к их духовной и физической зрелости, их характеру и их национальной благонадежности. Областным правительствам предоставляется издавать подобные указания относительно выполнения этого принципа». Устанавливая затем цифры получающих аттестаты зрелости по областям, фашистский министр специально выделяет вопрос о женщинах: «Число абитуриентов, — говорится в инструкции, — которым может быть выдан аттестат зрелости, не разделяется мною по полам; но число абитуриенток с аттестатом зрелости в каждой области не должно превышать 10% указанной цифры».

Итак, фашистское министерство внутренних дел в центре и на местах оказывается в роли практического руководителя похода «против переполнения германских школ и высших учебных заведений». Совпадение не случайное. Отбор кандидатов на аттестат зрелости должен осуществлять тот, кто непосредственно располагает аппаратом политического сыска и террора против революционного движения рабочего класса!

Специальным образом отшлифованная формула «особенных требований», предъявляемых к кандидатам на высшее образование, предоставляет агентам министерства внутренних дел широкие возможности отсева всех неугодных. Ибо кто же, в самом деле, может сомневаться в том, что буржуазные молодчики и фашистские головорезы могут являться носителями

«духовной и физической зрелости», обладать лучшим «характером» и располагать «национальной благонадежностью»?!

Гениальный автор «Положения рабочего класса» был тысячу раз прав, когда говорил, что при капитализме «единственной ареной проявления человеческих чувств для рабочего остался протест против его положения»¹⁾.

Каких изменений в культурном уровне и в степени производственного искусства трудящихся может добиться рабочий класс уже в продолжение нескольких лет своего господства, об этом может говорить пример Советского союза.

В одном из предыдущих номеров журнала были опубликованы наши расчеты, касающиеся роста интеллигенции из рядов рабочего класса СССР²⁾. Согласно этим расчетам, за период 16-летнего существования диктатуры пролетариата в СССР значительно более полутора миллионов рабочих и их детей стали высококвалифицированными специалистами, организаторами, хозяйственниками и командирами. Уже один этот факт может служить основанием для выводов самого широкого охвата.

Крупнейшие изменения в культурном уровне рабочих состоят, однако, не только в том, что рабочий класс сумел за десяток лет выдвинуть из своей среды такую огромную армию работников умственного труда. Изменения крупнейшего значения состоят также в том, что за эти годы, особенно же за годы первой и начала второй пятилеток произошел громадный подъем на новый культурный и технический уровень всей основной массы рабочих.

Первое, что необходимо здесь отметить,— это исключительно быстрый подъем новых слоев квалифицированных рабочих, массовую передвижку рабочих из низших квалификаций в высшие. Достаточно сказать, что в 1925 г. в промышленности имелось около 829 000 квалифицированных рабочих, в 1934 г. промышленность СССР имеет их более 2700 тыс. Насколько величественен этот сдвиг, может сказать нам сопоставление следующих двух величин: в 1913 г. общая численность рабочих вместе с учениками составляла по промышленности России 2591,3 тыс. чел.; в 1934 г. более 2700 тыс. составляют только квалифицированные рабочие.

Надо прибавить к этому еще более значительные изменения численности полуквалифицированных рабочих.

Не подлежит сомнению, что подобные масштабы роста людей рабочего класса могли явиться результатом только социального переворота, продуктом комбинированного действия целого ряда условий, наличие которых мыслимо лишь на основе пролетарской диктатуры. В них, в этих условиях роста людей, сказываются и победы первой пятилетки в области индустриализации страны и социалистической реконструкции сельского хозяйства, и возможности, которые для развития способностей создаются улучшением материального благополучия вместе с 7-часовым рабочим днем, и величайшее движение самих рабочих масс в борьбе за овладение техникой. Особенно же здесь сказалось то внимание, которое во все эти годы уделялось партией организации обучения квалифицированных кадров, развитию сети соответствующих учебных пунктов, созданию необходимых материально-технических средств для наиболее успешного хода учебы и систематическому руководству каждодневной борьбой самых широких масс за успехи социалистического строительства.

Отмечая наличие в СССР огромного роста квалифицированных сил в рядах рабочего класса, мы должны вместе с тем со всею определенностью подчеркнуть, что потребность народного хозяйства Советской страны в ква-

¹⁾ Ф. Энгельс «Положение рабочего класса в Англии». Соч. Т. III, стр. 496.

²⁾ См. № 1 журнала «Под знаменем марксизма» за 1935 г.

лифцированных кадрах далеко и далеко еще не удовлетворена, что ближайшие годы должны дать нам новый, еще более значительный прирост квалифицированных кадров. Осуществление задач технической реконструкции всех отраслей народного хозяйства, задач дальнейшего развития техники, более основательного повышения качественных показателей, вместе с дальнейшим расширением производства значительно более повышает требования к людям, работающим у механизмов, увеличивает потребность в новых высококвалифицированных работниках.

Недавние выступления товарища Сталина привлекли внимание к этому вопросу всей страны, подняли вопрос о кадрах, овладевших техникой, на уровень решающего, основного лозунга нынешнего периода. «Мы изжили уже в основном, — указывал товарищ Сталин в речи на выпуске академиков Красной армии, — период голода в области техники. Но, изжив период голода в области техники, мы вступили в новый период, в период, я бы сказал, голода в области людей, в области кадров, в области работников, умеющих оседлать технику и двинуть ее вперед. Дело в том, что у нас есть фабрики, заводы, колхозы, совхозы, армия, есть техника для всего этого дела, но не хватает людей, имеющих достаточный опыт, необходимый для того, чтобы выжать из техники максимум того, что можно из нее выжать. Раньше мы говорили, что «техника решает все». Этот лозунг помог нам в том отношении, что мы ликвидировали голод в области техники и создали широчайшую техническую базу во всех отраслях деятельности для вооружения наших людей первоклассной техникой. Это очень хорошо. Но этого далеко и далеко недостаточно. Чтобы привести технику в движение и использовать ее до дна, нужны люди, овладевшие техникой, нужны кадры, способные освоить и использовать эту технику по всем правилам искусства. Техника без людей, овладевших техникой, мертва. Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса. Если бы на наших первоклассных заводах и фабриках, в наших совхозах и колхозах, в нашей Красной армии имелось достаточное количество кадров, способных оседлать эту технику, страна наша получила бы эффекта втрое и вчетверо больше, чем она имеет теперь. Вот почему упор должен быть сделан теперь на людях, на кадрах, на работниках, овладевших техникой. Вот почему старый лозунг «техника решает все» — являющийся отражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области техники — должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что «кадры решают все». В этом теперь главное».

«Будут у нас, — говорил, далее, товарищ Сталин, — хорошие и многочисленные кадры в промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте, в армии, — наша страна будет непобедима. Не будет у нас таких кадров — будем хромать на обе ноги»¹⁾.

Товарищ Сталин поставил перед рабочим классом, перед всей страной, крупнейшую по своему замыслу и по значению задачу. Но мы не можем в то же самое время не видеть, что для осуществления такой задачи страна располагает теперь всеми необходимыми предпосылками. Созданы новые, технически передовые отрасли промышленности, колоссально возросло богатство новой техники, с которой только и мыслимо широкое движение, поднимающее техническую культуру масс, в огромной степени умножился слой людей, уже поднявшихся на сравнительно высокий уровень овладения техникой, мы стали вообще богаче.

Наконец, в несравнимой степени повысился и уровень грамотности широких масс. А это немаловажное условие. И Ленин и товарищ Сталин

¹⁾ И. Сталин. Речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 г.

неоднократно обращали внимание на исключительное значение повышения грамотности населения, указывая, что построить коммунистическое общество в безграмотной стране нельзя.

Положение, что более высокий уровень грамотности сильно способствует повышению культурного уровня и квалификации работника, неоспоримо. Оно ясно в общем виде, его можно подтвердить и практическими примерами. В 1929 г. была проведена перепись профсоюзов. Материалы этой переписи, содержащие в себе данные, позволяющие производить группировки по возрасту, образованию и квалификации рабочего, иллюстрируют прямую зависимость уровней квалификации рабочих от продолжительности даже школьного их обучения. Приведем в качестве примера данные о рабочих-металлистах¹⁾:

Средняя продолжительность школьного обучения рабочих-металлистов различных возрастных и квалификационных групп (в годах):

	До 22 лет	23—29 лет	30—39 лет	40 лет и старше
Металлургия	4,2	3,5	3,2	3,0
В том числе:				
Высококвалифицированные	4,9	4,0	3,6	3,2
Квалифицированные	4,5	3,7	3,3	3,0
Полуквалифицированные	4,2	3,4	3,1	2,9
Неквалифицированные	3,7	3,2	2,9	2,8
Металлообработка и машиностроение	5,0	4,0	3,6	3,3
В том числе:				
Высококвалифицированные	5,3	4,8	4,3	3,7
Квалифицированные	5,8	4,5	3,8	3,4
Полуквалифицированные	5,2	4,0	3,4	3,1
Неквалифицированные	4,5	3,8	3,3	3,1

Материалы этой переписи показывали также, что среди 35—39-летних неквалифицированных рабочих процент не обучавшихся в школе был равен 26,8, а среди высококвалифицированных — только 3,9. Среди 40—44-летних рабочих соответствующие показатели равны 35,5 и 8,1; среди 45—49-летних — 41,8 и 10,7. Таково значение грамотности и общего образования для повышения квалификации.

Как велики изменения в уровне грамотности рабочих Советского союза? По данным переписи 1918 г.¹⁾, 31% рабочих и работниц города Москвы являлись неграмотными. В Московской губернии неграмотными были 42% рабочих, во Владимирской — 45, в Иваново-Вознесенске — 48. К настоящему времени количество неграмотных среди рабочих доведено до единиц процентов. Целый ряд крупнейших предприятий уже достиг сплошной грамотности своих рабочих. Крупные перемены состоят, однако, не только в осуществлении почти сплошной грамотности рабочих, но и в очень ощутительном повышении ее уровня. Достаточно сказать, что в 1932 г. 32% рабочих сельскохозяйственного машиностроения имели продолжительность школьного обучения, превышающую 4½ года. В электротехническом машиностроении процент таких рабочих составлял 35,9, а в автотракторной и авиационной промышленности — даже 38. Достаточно сказать, что в рядах рабочих автотракторного и электротехнического машиностроения мы имели в 1932 г. около 20% обучавшихся в школе более 7 лет²⁾. С тех пор положение с образовательной подготовкой рабочих еще более улучшилось.

¹⁾ «Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 г. Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», ч. 2-я.

²⁾ ВЦСПС. «Профсоюзная перепись 1932—1933 гг.» М. 1934 г.

Наконец, залогом дальнейшего быстрого роста людей, овладевших техникой, является тот поистине величественный размах, который в Советском союзе приобрела работа самых широких масс над усовершенствованием своих знаний, над повышением своего технического, общеобразовательного и политического уровня. Можно с полным основанием говорить, что на очень многих заводах учится подавляющая масса рабочих.

За примерами далеко ходить не приходится. Есть в Москве, скажем, завод «Серп и молот». К началу 1935 г. на этом заводе было занято около 8,5 тыс. рабочих. Молодые рабочие в возрасте до 18 лет не составляли среди всех рабочих завода и 2%. Если иметь еще в виду, что и группа рабочих в возрасте от 18 до 23 лет не превышала 20% общей численности рабочих, нам станет ясным, что дело идет здесь вовсе не о школьниках и не о юношах. А каков размах учебы на «Серпе и молоте»?

К январю с. г. 910 рабочих этого завода обучалось в общеобразовательной начальной школе при заводе; 457 являлось студентами существующего при заводе 4-годичного рабфака; 288 — училось на заводских курсах повышения квалификации рабочих (до 4—6 разрядов); 152 состояло учащимися металлургического техникума при заводе (с 5-летним курсом обучения); 98 — являлось студентами Металлургического института; 229 — занималось в Институте повышения квалификации. 2664 рабочих, после предварительной курсовой подготовки, в мае с. г. успешно сдали государственный технический экзамен (техминимум). По совокупности это составит 4798 человек, охваченных школьным курсовым обучением при заводе. К этому надо прибавить сотни, даже тысячи, рабочих завода, которые учатся в комвузах, в кружках партийного просвещения, в райпрофвузе, на профкурсах, в профшколах или на курсах и в техникумах, не связанных с заводом.

«Нужно быть знакомым, — писали в свое время Маркс и Энгельс, — с жаждой знания, лобознательностью, нравственной энергией и неутомимым стремлением к саморазвитию французских и английских рабочих, чтобы иметь представление о человеческом благородстве этого движения»¹⁾. Рабочие Советского союза дают теперь образцы того, каких размахов это движение достигает, когда рабочий класс сбрасывает со своих плеч ярмо эксплуатации.

V

Могучий рост рабочего класса в Советском союзе имеет многостороннее значение. Он имеет крупнейшее политическое значение. Он свидетельствует об огромном систематическом приросте сил рабочего класса.

Вместе с этим особенно велико значение этого подъема рабочего класса как выражение невиданного роста общественных производительных сил строящегося социалистического общества. Закон же развития производительных сил является, как известно, сущностью общественно-исторического процесса.

Правильное понимание производительных сил требует того, чтобы они рассматривались в непрерывной связи, во взаимодействии составляющих их элементов в процессе труда.

Что это за элементы, которые входят в состав производительных сил? Маркс выяснил, что это средства производства (орудие труда плюс предмет труда) и рабочая сила. Рабочая сила — человек — является непосредственно активной силой производства, носителем сознательности и планомерности в процессе труда. В «Нищете философии» Маркс говорил даже, что «изо всех

¹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс «Святое семейство». Соч. Т. III, стр. 103.

орудий производства наибольшую производительную силу представляет сам революционный класс»¹⁾).

Что рост численности рабочих, занятых в общественном производстве, представляет собой, при прочих равных условиях, рост производительных сил, — это совершенно бесспорно.

Так же бесспорно, что ростом производительных сил является, скажем, и применение рабочей силы к материальному производству, а не в личном услужении у раба.

Но выражением роста производительных сил являются не только количественный рост применяемых в общественном производстве рабочих сил, но и качественные сдвиги в самой рабочей силе. Разве не верно, что к числу важнейших обстоятельств, которыми определяется производительная сила труда, Маркс относил также «среднюю степень искусства рабочего?»²⁾).

В другом месте Маркс писал, что «степень искусства наличного населения составляет всегда предпосылку всего производства, следовательно главное накопление богатства; важнейший сохранный результат прежнего труда, существующий, однако, в самом живом труде»³⁾).

Говоря об уровне, до которого разовьется крупная промышленность, освобожденная от гнета частной собственности, Энгельс писал, что, для того «чтобы поднять промышленное и земледельческое производство на указанную прежде высоту, недостаточно одних только механических и химических вспомогательных средств. Нужно также в соответственной мере развить способности людей, применяющих эти средства»⁴⁾).

В знаменитых словах Ленина о задаче повышения производительности труда как «коренной задаче создания высшего, чем капитализм, общественного уклада», называлось, как известно, два основных условия повышения производительности труда, прогресса производительных сил. Первое из условий, о которых говорил Ленин и которое в нашей стране теперь осуществлено, — создание материальной основы крупной индустрии, развитие производства топлива, металла, машиностроения, химии на основе новейшей техники. «Другим условием повышения производительности труда является, — говорил Ленин, — во-первых, образовательный и культурный подъем массы населения. Этот подъем идет теперь с громадной быстротой, чего не видят ослепленные буржуазной рутинной люди, неспособные понять, сколько порыва к свету и инициативности развертывается теперь в народных «низах», благодаря советской организации. Во-вторых, условием экономического подъема является и повышение дисциплины трудящихся, умения работать, спорости, интенсивности труда, лучшей его организации»⁵⁾).

В недавнем своем выступлении на выпуске академиков Красной армии товарищ Сталин поставил перед нашей страной во всем объеме вопрос о том, что если бы на наших передовых по техническому уровню предприятиях «имелось достаточное количество кадров, способных оседлать эту технику, страна наша получила бы эффекта втрое и вчетверо больше, чем она имеет теперь». «Надо, наконец, понять, — говорил товарищ Сталин, — что из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Надо понять, что при наших нынешних условиях «кадры решают все».

Развитие способностей людей, культурный рост, повышение умения работать и растущее мастерство в овладении техникой повышают действен-

¹⁾ К. Маркс «Ницета философии». Соч. Т. V, стр. 415.

²⁾ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 6. 1920.

³⁾ К. Маркс «Теория прибавочной стоимости». Т. III, стр. 229. 1932.

⁴⁾ Ф. Энгельс «Принципы коммунизма». Соч. Т. V, стр. 477.

⁵⁾ Ленин «Очередные задачи советской власти». Соч. Т. XXII, стр. 453—454.

ность средств производства. Применение этих развивающих качеств работников в процессе труда, взаимодействие средств производства с качественно более высокой рабочей силой не могут не представлять собой конкретного примера роста производительных сил.

Понятно также, что выражением роста производительных сил является и растущий в СССР трудовой энтузиазм широких масс, работающих не на эксплуататоров, а на себя. «Мы имеем, — говорил товарищ Сталин, — величайшие достижения на фронте труда в виде трудового энтузиазма и трудовой переклички миллионных масс рабочего класса во всех концах нашей необъятной страны. А значение этого достижения поистине неопределимо, ибо только трудовой подъем и трудовой энтузиазм миллионных масс может обеспечить тот поступательный рост производительности труда, без которого немыслима окончательная победа социализма над капитализмом»¹).

VI

В 1844—1845 гг. прошлого столетия, работая над изучением положения рабочего класса, Энгельс сумел охватить своим взором процесс возникновения, современное состояние и будущее рабочего класса. Основываясь на фактах прошлого и настоящего, Энгельс установил неизбежность в будущем усиливающегося консерватизма буржуазии, отстаивающей сохранение частной собственности, и революционного развития рабочего класса, «хранящего в себе силы нации и способность к их дальнейшему развитию».

С полным основанием мы можем характеризовать теперь эти мысли Фридриха Энгельса не только как положение научного предвидения, но уже и как выводы, проверенные опытом, в особенности — историческим опытом развития двух систем.

Переживаемые в настоящее время рабочими капиталистических стран мучения представляют собой не какие-либо временные бедствия, но необходимый результат развития частнособственнических отношений.

Наблюдающиеся в современную эпоху развития капитализма значительное замедление, а в некоторых случаях и прекращение роста абсолютной численности занятых рабочих, катастрофическое увеличение численности «избыточных» рабочих, непроизводительное использование возрастающей части пролетариата, замедление в росте квалифицированных сил, а нередко и прямая деградация рабочих, — одним словом, расточение сил и здоровья целых рабочих поколений, — представляют собою реальное выражение достигнутой степени противоречия между производительными силами и производственными отношениями буржуазного общества. Эти явления свидетельствуют о том, до какой невероятной степени современный капитализм задерживает развитие производительных сил.

Они обнаруживают, в какой поистине истребительной и человекоубийственной роли выступает фашизм и насколько значительна роль революционного рабочего класса, штурмующего капиталистические устои.

Критикуя Дюринга, Энгельс затронул, в частности, вопрос о том, какой способ распределения наиболее способствует развитию производства. «Распределение, — отвечал Энгельс, — поскольку оно управляется чисто экономическими мотивами, будет регулироваться интересами производства, а развитию производства наиболее способствует такой способ распределения, который позволяет всем членам общества возможно всестороннее развитие, сохранить и применить свои способности»²).

¹) И. Сталин «Год великого перелома». «Вопросы ленинизма», стр. 433. 9-е изд.

²) Ф. Энгельс «Анти-Дюринг». Соч. Т. XIV, стр. 203. (Разрядка моя. — П. О.).

Успехи, которые имеет на этих путях диктатура пролетариата в СССР, могут служить живым свидетельством творческой, созидательной работы рабочего класса, подлинного расцвета пролетарского гуманизма.

В речи на выпуске академиков Красной армии товарищ Сталин дал нам указание, что в кадрах теперь главное, что при нынешних условиях «кадры решают все». Товарищ Сталин особенно подчеркнул при этом, что нам нужны кадры, овладевшие техникой не как к-н и б-д, не более или менее натренированные, а «умеющие оседлать технику и двинуть ее вперед», «использовать ее до дна», «по всем правилам искусства», кадры людей, «имеющих достаточный опыт», выкованных в борьбе с трудностями.

Дело идет, следовательно, о выращивании из рядов рабочего класса, из рядов трудящихся первоклассных работников, людей, которые в овладении техникой, наукой превосходили бы, «догоняли» бы и «перегоняли» самые лучшие образцы капитализма. И при этом—в массовых, в широчайших масштабах. Вот о какой задаче, о какой перспективе идет речь! Рабочий класс, трудящиеся нашей страны выковывают теперь в своих рядах многочисленную армию лучших в мире работников, лучших в мире специалистов, самую квалифицированную интеллигенцию. И это в стране, которая еще вчера была страной «с полуграмотным населением, с низкой техникой, с отдельными оазисами промышленности, тонущими среди моря мельчайших крестьянских хозяйств»! (Сталин).

Руководимые гениальным Сталиным партия и рабочий класс разгромили носителей неверия в силы рабочего класса. Под руководством товарища Сталина партия и рабочий класс, преодолевая все трудности и чисто культурного свойства и свойства материального, отмечают гигантские успехи социальной и культурной революции.

Энгельс об уничтожении противоположности между городом и деревней

М. Азарин

На проблеме противоположности города и деревни показали свое полное бессилие все теоретики буржуазии и мелкобуржуазного социализма. Они не могли и не хотели вскрыть ни причин возникновения противоположности между городом и деревней, ни ее классового содержания, ни путей ее уничтожения. Она трактовалась ими поэтому естественной, вечной, неустранимой. То, что писал Маркс о взглядах Прудона на вопрос об отделении города от деревни, относится ко всем решительно буржуазным теоретикам. В письме к П. Анненкову от 28 декабря 1846 г. Маркс отмечал, что поскольку Прудон не знает ни происхождения этого отделения, ни хода его развития, то оно должно ему представляться извечно существующим. Ревизионисты всех видов и оттенков, начиная от Бернштейна, Давида, Каутского, Троцкого и кончая правыми оппортунистами, исказили учение Маркса и Энгельса о противоположности между городом и деревней так же, как они извратили марксово учение о классовой борьбе и диктатуре пролетариата. Игнорирование, непонимание или, вернее, извращенное понимание крестьянского вопроса характерно в равной степени, хотя и в разных формах, и для меньшевиков, и для всей плеяды теоретиков II интернационала, и для контрреволюционного троцкизма, зиновьевщины и каменевщины, и для правого оппортунизма. Классовые причины этого «непонимания» крестьянского вопроса коренятся в защите интересов враждебных пролетариату классов, интересов буржуазии и кулачества, глашатаями которых и выступают ревизионисты.

Маркс, анализируя положение в Германии в 1856 г., говорил о «втором издании крестьянской войны» в сочетании с пролетарским революционным восстанием как об условии победы пролетарской революции. Энгельс писал о том, что неизбежно настанет время, когда трудящееся крестьянство, обездоленное капитализмом, присоединится к пролетариату и вместе с ним объявит войну буржуазии. Энгельс впервые дал прогноз взаимоотношений рабочего класса и крестьянства после установления пролетарской диктатуры, наметив путь социалистической переделки крестьянского хозяйства — путь коллективного земледелия. Ленин на каждом этапе революционной борьбы пролетариата ставил вопрос об отношении рабочего класса к союзнику — крестьянству. Товарищ Сталин развил ленинское учение о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства в буржуазно-демократической и социалистической революциях и теоретически разработал конкретные пути социалистической переделки деревни (колхозы, совхозы, МТС), пути революционного преобразования отсталого сельского хозяйства на основе развития тяжелой индустрии. Исключительное внимание к крестьянскому вопросу всегда было характерно для основоположников марксизма-ленинизма.

Только революционный марксизм впервые в истории выяснил причину возникновения противоположности между городом и деревней, дал анализ классового содержания этой противоположности, выяснил ход ее развития при капитализме и условия ее уничтожения в ходе социалистического строительства. О том, какое огромное значение придавал Маркс необходимости выяснения для революционного пролетариата проблемы противоположности между городом и деревней, свидетельствует следующее положение Маркса. «Можно сказать, — писал Маркс, — что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности»¹⁾.

Маркс и Энгельс прежде всего разбили в пух и прах представление буржуазных ученых о противоположности между городом и деревней как о явлении вечном, «природном», как о категории неисторической. Основоположники марксизма доказали исторически преходящий характер этой противоположности, ее обусловленность не «естественными», а социальными причинами. Ни на доисторических ступенях развития, ни во времена варварства противоположности между городом и деревней не существовало. Первобытное коммунистическое общество не знало этой противоположности, как не знало оно и классового деления людей. Лишь с разложением родового строя, лишь с развитием в его недрах общественного разделения труда, с возникновением частной собственности, обмена появляются зародыши этой противоположности. Противоположность между городом и деревней появляется лишь с переходом от высших ступеней варварства к цивилизации, т. е. с переходом от последней фазы первобытного коммунизма к рабовладельческому строю, с которого, собственно, и начинается эпоха цивилизации. «Для цивилизации характерно, — писал Энгельс, — ...закрепление противоположности города и деревни как основы всего общественного разделения труда»²⁾. Возникнув вместе с переходом общества к цивилизации, вместе с возникновением на развалинах первобытно-коммунистического племенного быта рабовладельческого государства, противоположность между городом и деревней развивалась и углублялась на всем дальнейшем протяжении человеческой истории, достигнув своего высшего развития при капитализме. «Противоположность между городом и деревней, — писали Маркс и Энгельс, — начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного быта к государственной жизни, от местности к нации и тянется через всю историю цивилизации до нашего времени»³⁾.

Уже сам по себе тот установленный Марксом и Энгельсом факт, что противоположность между городом и деревней существовала не «извечно», а возникла лишь с переходом к цивилизации, начавшейся с рабовладельческого строя, свидетельствует о том, что эта противоположность не «естественного», «природного» порядка, а обусловлена социальными причинами. Какие же причины привели к возникновению противоположности между городом и деревней при переходе от варварства к цивилизации, от первобытного коммунизма к первой классовой формации — рабовладельческому строю, от родового строя к государству?

Для ответа на этот вопрос надо прежде всего выяснить экономические особенности той ступени общественного развития, какую представляет собой рабовладельческая и вся последующая цивилизация. Давая характеристику особенностей цивилизации, Энгельс писал: «...Цивилизация представляет собой ту ступень обще-

¹⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 266, 8-е изд.

²⁾ Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 152. Изд. 1934 г.

³⁾ Маркс и Энгельс. Архив. Т. I, стр. 234. Изд. 1924 г.

ственного развития, на которой достигают своего полного развертывания разделение труда, возникающий благодаря ему обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти явления товарное производство и производят переворот во всем прежнем обществе»¹).

Итак, цивилизация характеризуется развертыванием общественного разделения труда, на основе которого возникают и развиваются частная собственность и классы, обмен, товарное производство и т. д. Таким образом, именно с развитием общественного разделения труда и частной собственности связаны возникновение и развитие противоположности между городом и деревней. Маркс и Энгельс в ряде работ («Немецкая идеология», «Нищета философии», «Капитал», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и др.) с величайшей тщательностью прослеживают развитие разделения труда, которое Маркс и Энгельс называли «тождественным выражением» частной собственности. В родовом строе, когда возникает первая форма собственности — родовая собственность, последняя соответствует той слабо развитой степени разделения труда, которой характеризуется родовое общество. «На этой ступени общественной жизни (т. е. при родовом строе.—М. А.) разделение труда еще очень слабо развито и ограничивается дальнейшим расширением существующего в семье натурального разделения труда»²). В работе, которую предполагал писать сам Маркс и которую Энгельс написал, «выполняя завещание Маркса», — «Происхождение семьи, частной собственности и государства», — Энгельс рассматривает экономический базис родового строя и подробно развивает свое и Маркса указание в «Немецкой идеологии» о том, что в родовом обществе разделение труда представляет собой «расширение существующего в семье натурального разделения труда». Энгельс пишет: «Разделение труда (в родовом обществе.—М. А.) чисто естественного происхождения; оно существует лишь между полами. Мужчина ведет войну, идет на охоту и рыбную ловлю, добывает пищу в сыром виде и необходимые для этого орудия. Женщина работает по дому и занята изготовлением пищи и одежды, варит, тклет, шьет. Тот и другая являются хозяевами, каждый в своей области: мужчина в лесу, женщина в доме. Оба являются собственниками изготовленных и употребляемых ими орудий: мужчина — оружия, охотничьих и рыболовных принадлежностей, женщина — домашней утвари. Домашнее хозяйство ведется на коммунистических началах для нескольких, часто многих семей. То, что делается и используется сообща, является общей собственностью: дом, огород, лодка»³).

Таковы первые, простейшие, примитивные формы разделения труда, которые были присущи родовому строю. Они рождают и соответствующие формы родовой собственности, о которой Энгельс говорит, что лишь в отношении ее, родовой собственности, применимо выражение, придуманное буржуазными экономистами и юристами для ложного оправдания капиталистической собственности, а именно, выражение «собственность, добытая собственным трудом».

Так обстояло дело с разделением труда и родовой собственностью при первобытном коммунизме на низшей ступени варварства. В дальнейшем разделение труда сделало значительные шаги вперед: «Некоторые наиболее передовые племена — арийцы, семиты, может быть, уже и туранцы — сделали главной отраслью своего труда сперва приручение, а лишь затем разведение

¹) Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 150—151. Изд. 1934 г. Разрядка моя. — М. А.

²) Там же, стр. 254.

³) Там же, стр. 139. Разрядка моя. — М. А.

скота и уход за ним. Пастушеские племена выделились из остальной массы варваров: то было первое крупное общественное разделение труда... После выделения пастушеских племен, мы находим готовыми все условия для обмена между членами различных племен, для его развития и упрочения, как постоянного учреждения»¹). Таким образом, разделение труда создало все необходимые условия для развития и упрочения обмена, при этом скот стал выполнять функцию денег. Но развитие скотоводства невозможно при отсутствии запасов на долгую зиму, особенно в местностях, расположенных на севере или на плоскогорьях, почему здесь, в частности, например, на Туранских плоскогорьях, предварительным условием развития скотоводства явились огородничество, луговое хозяйство и разведение зерновых хлебов — провозвестники грядущего земледелия. Энгельс отмечает: «...Если сначала зерно добывалось для скота, то скоро оно стало пищей и человека. Обработанная земля оставалась еще собственностью племени, передаваемой в пользование сначала рода, позднее — крупных домашних общин, наконец, отдельных лиц; они могли иметь известное право владения ею, но не больше»²). Так разделение труда привело к развитию скотоводства и земледелия, которые сочетались в едином родовом хозяйстве с домашним ремеслом. На основе расширения поля производственной деятельности в недрах разлагавшегося первобытно-коммунистического строя возникает рабство: военнопленные обращаются в рабов.

«Первое крупное общественное разделение труда при данных общих исторических условиях вместе с обусловленным им увеличением производительности труда, а следовательно, богатства, и вместе с сопровождающим его расширением поля производительной деятельности с необходимостью влекло за собой и рабство. Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых»³).

Итак, на высшей ступени варварства, в эпоху разложения родовой общины, когда появились железные орудия и производство стало весьма разнообразным, когда выявился громадный прогресс в строительном искусстве и стали возникать города — средоточия племенных или союзов племен, когда железные орудия создали возможность обрабатывать землю на крупных участках и превращать леса в пашню, когда развившееся земледелие стало давать не только хлеб, стручковые растения и овощи, но и масло и вино, когда быстро стали развиваться различные ремесла: ткачество, обработка металлов и т. д., — требовавшие все в большей степени специализации работников на данных видах работы, — в этих условиях «столь разнообразная деятельность не могла уже выполняться одним и тем же лицом; произошло второе крупное разделение труда: ремесло отделилось от земледелия... С распадом производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена, товарное производство; вместе с ним появляется торговля, не только внутри племени и на границах его, но уже и с заморскими областями... Наряду с разделением общества на свободных и рабов появляется различие между богатыми и бедными — обусловленное новым разделением труда новое разделение общества на классы»⁴).

Так от случайного обмена на низшей ступени варварства через некоторое развитие разделения труда (выделение пастушеских племен из остальной массы варваров) и упрочение регулярного обмена на средней ступени, через

¹) Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 139. Изд. 1934 г.

²) Там же, стр. 140.

³) Там же.

⁴) Там же, стр. 142.

дальнейшее разделение труда на высшей ступени варварства — разделение между земледелием и ремеслом (но еще не противоположность между городом и деревней), сопровождавшееся превращением обмена и товарного производства в жизненную необходимость для общества, — развитие последнего пришло к порогу цивилизации. Возникновение противоположности между городом и деревней и выделение класса купцов — таковы дальнейшие шаги в победном шествии разделения труда в условиях рабовладельческой цивилизации. «Она (цивилизация. — М. А.) создает класс, который занимается уже не производством, а только обменом продуктов, создает купцов». «Вместе с расширением торговли, с деньгами и денежным ростовщичеством, земельной собственностью и ипотекой быстро стали совершаться концентрация и централизация богатств в руках немногочисленного класса, а наряду с этим усиливалось обеднение масс и возрастала масса бедных»¹⁾. Быстро развивавшееся классовое расслоение внутри родовой организации разорвало оболочку родового строя, в недрах которого развились меновые отношения и классовые антагонизмы, вызванные прогрессирующим развитием разделения труда. «Интересы возникших благодаря разделению труда групп ремесленников, особые потребности города в противоположность деревне — все это требовало новых органов... Родовое устройство отжило свой век. Оно было разрушено разделением труда и его последствием — разделением общества на классы. Его заменило государство»²⁾.

Итак, лишь на пороге цивилизации окончательно выявляется противоположность между городом и деревней, т. е. тогда, когда разделение труда и связанный с ним обмен на основе частной собственности и классового разделения общества стали постоянными учреждениями, превратились в основу всей общественной жизни, всего общественного производства, в жизненную необходимость для общества, когда разделение труда выдвинуло на общественную арену класс людей, занимающихся уже не производством, а только обменом товаров, — купечество. Таким образом, противоположность между городом и деревней не рождается в эпоху цивилизации как *deus ex machina*: она подготовлялась всем предшествующим развитием общества и окончательно проявляется с развитием торговли. Развитие противоположности между городом и деревней связано с развитием товарно-меновых отношений. Противоположность между городом и деревней в наиболее полном виде, в самой острой форме характерна для капиталистического способа производства. В той мере, в какой в докапиталистических формациях развиваются товарные отношения, частная собственность, обмен, деньги, в той же мере развивается в них противоположность между городом и деревней. Так например в античном обществе, «наряду с общинной собственностью развивается уже и движимая, а впоследствии и недвижимая частная собственность», «разделение труда здесь уже более развито. Мы застаем уже противоречие между городом и деревней, впоследствии — противоречие между государствами, представляющими городские и сельские интересы»³⁾. В развитом феодальном обществе, где уже далеко заходят разложение натурального хозяйства и развитие товарных отношений, «во всякой стране существовала противоположность между городом и деревней»⁴⁾.

Развитие товарного хозяйства предполагает развитие разделения труда; это развитие означает отделение различных видов обработки продукта друг

¹⁾ Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 144, 145.

²⁾ Там же, стр. 146—147.

³⁾ Маркс и Энгельс. Архив. Т. I, стр. 254, 255.

⁴⁾ Там же, стр. 256.

от друга, означает отделение одной за другой отрасли промышленности от земледелия, следовательно, растущее отделение и противоположность города и деревни. Маркс писал: «Основой всякого развитого разделения труда, осуществляющегося путем товарного обмена, является отделение города от деревни»¹⁾. В эпоху цивилизации, в частности в недрах феодального общества, капитал существует и развивается независимо от земельной собственности, и на этой капиталистической основе происходит прогрессирующее отделение города от деревни. Маркс и Энгельс рассматривали отделение города от деревни «как начало независимого от земельной собственности существования и развития капитала, начало собственности, имеющей свою основу только в труде и обмене»²⁾. Природа капиталистического способа производства такова, что она с неизбежностью вызывает рост городов за счет деревень, концентрацию населения в городах за счет земледельческого населения. «По самой своей природе,—писал Маркс,—капиталистический способ производства постоянно уменьшает земледельческое население сравнительно с неземледельческим, так как в промышленности (в узком смысле) возрастание постоянного капитала на счет переменного связано с абсолютным возрастанием переменного капитала, несмотря на его относительное уменьшение. Наоборот, в земледелии переменный капитал, требуемый для обработки данного участка земли, уменьшается абсолютно: следовательно, возрастание переменного капитала возможно лишь тогда, когда подвергается обработке новая земля, а это опять-таки предполагает еще большее возрастание неземледельческого населения»³⁾. Это абсолютное уменьшение переменного капитала в земледелии является характерной особенностью капиталистического земледелия. В условиях капитализма земледелие неизбежно отстает от промышленности. Причины этого отставания не биологического, не естественно-природного характера, как утверждают буржуазные экономисты и ревизионисты, а социального порядка.

Подавляющее большинство буржуазных теорий в вопросе о противоположности между городом и деревней сводится к положению, что противоположность эта «естественного» порядка, что корни ее лежат не в социальной структуре хозяйства, а в самой природе, в естественных особенностях земледелия и что в силу этого противоположность между городом и деревней, отставание сельского хозяйства от промышленности — явления неизбежные, вечные, неустраняемые.

Одна из разновидностей буржуазных теорий, а именно каутскианская теория о противоположности между городом и деревней, ставит вопрос несколько иначе, полностью сохраняя при этом свой буржуазный характер. Каутский долгое время в общем хоре буржуазных теоретиков пел о том, что сельское хозяйство «уже по одним естественным причинам не в состоянии развиваться так быстро, как промышленность»⁴⁾. Но вот Каутский в той же книге неожиданно заговорил о возможности устранения противоположности между городом и деревней, но в рамках капиталистического общества, так как в капиталистическом обществе «тенденция развития направлена к тому, чтобы ликвидировать отделение промышленности от земледелия». Каутский исходит здесь из своей пресловутой антидиалектической, «чисто экономической точки зрения», которую он в свое время положил в основу своей теории «ультраимпериализма» и которую

¹⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 266.

²⁾ Маркс и Энгельс. Архив. Т. I, стр. 234.

³⁾ Маркс «Капитал». Т. III. Ч. 2-я, стр. 526 (цит. по Ленину — «Сочинения». Т. III, стр. 17—18).

⁴⁾ Каутский «Материалистическое понимание истории», стр. 552. Разрядка моя — М. А.

высмеял как совершенно не научную Ленин. «Если понимать, — писал Ленин, — под чисто экономической точкой зрения «чистую абстракцию, тогда все, что можно сказать, сведется к положению: развитие идет к монополии, следовательно, к одной всемирной монополии, к одному всемирному тресту. Это бесспорно, но и совершенно бессодержательно, вроде указания, что развитие «идет» к производству предметов питания в лабораториях. В этом смысле «теория» ультраимпериализма — такой же вздор, каким была бы «теория ультраземледелия» (Ленин «Империализм, как последний этап капитализма»).

Как прежде Каутский из абстрактной тенденции капитализма к одной всемирной монополии выводил неизбежность наступления бескризисной, «ультраимпериалистической» фазы капитализма, так теперь Каутский из тенденции роста производительности труда в капиталистическом земледелии вывел свою теорию «уничтожения» противоположности между городом и деревней в рамках капитализма. Эти свои абстрактные теоретические построения в защиту капитализма Каутский выдает за «изложение» учения Маркса и Энгельса в вопросе о соотношении промышленности и сельского хозяйства при капитализме. На деле Каутский и в этом вопросе совершенно извратил учение Маркса и Энгельса.

По поводу соотношения между промышленностью и земледелием при капитализме имеются ясные и четкие высказывания основоположников марксизма. Маркс и Энгельс прежде всего строго различали тенденции капиталистического развития от действительного хода экономического развития в условиях капиталистических противоречий.

«Но из того, — писал Маркс в подготовительных работах к «Критике политической экономии», — что капитал всякую подобную границу ставит как предел и поэтому и д е а л ь н о его преодолевает, отнюдь не следует, что капитал реально его преодолел, или так как всякий подобный предел противоречит его назначению, то его производство движется в противоречиях, которые постоянно преодолеваются, но столь же постоянно возникают. Более того, универсальность, к которой капитал неуклонно стремится, встречает пределы в его собственной природе, которые на известной ступени его развития позволяют познать, что самый капитал служит для этой тенденции величайшим пределом, и поэтому влечет капитал к его снятию, заложенному в нем самом»¹⁾.

Это замечательное диалектическое положение Маркса опрокидывает всякого рода «абстрактные теории» об «ультраимпериализме», об устранении противоположности между городом и деревней в рамках капитализма и пр.

Маркс конкретно показал ход исторического развития соотношения между промышленностью и сельским хозяйством до капитализма и при капитализме. «В общем следует принять, — писал Маркс, — что при менее развитом (roheren) докапиталистическом способе производства земледелие является более производительным, чем промышленность, потому что здесь в работе участвует природа, как машина и организм, тогда как в промышленности силы природы должны быть еще почти всецело замещаемы человеческой силой, как например в ремесленной промышленности и т. д.; в бурный период капиталистического производства производительность промышленности развивается по сравнению с земледелием быстро, хотя ее развитие и предполагает, что в земледелии произошло уже значительное изменение в отношении между постоянным и переменным капиталом; ведь масса людей отторгнута от земледелия. Впоследствии производительность прогрессирует как в промышленности, так и в земледелии, хотя и неравным темпом. Но на

¹⁾ «К 50-летию смерти К. Маркса». Изд. Ин-та мирового хозяйства и мировой политики Комкадемии, стр. 83. Партиздат. 1933.

известной ступени развития, достигнутой промышленностью, несоразмерность должна уменьшаться, т. е. производительность земледелия должна увеличиться относительно быстрее, чем в промышленности»¹⁾).

Каковы же условия для того, чтобы производительность в земледелии догнала производительность в промышленности? С точки зрения тенденций капиталистического способа производства, который пытается преодолеть все преграды на пути своего развития, абстрактно возможно при капитализме прекращение отставания земледелия от промышленности. Условия эти следующие: полное вытеснение докапиталистического способа производства в земледелии и внедрение капитализма в сельское хозяйство, а также всемерное развитие применения в сельском хозяйстве высших научных достижений агрономии. Маркс эти условия формулирует следующим образом: «Сюда относятся: 1) замещение ленивого... крестьянина дельцом, сельскохозяйственным капиталистом; превращение земледельца в наемного рабочего; земледелие в крупном масштабе, т. е. с концентрированным капиталом; 2) в особенности же следующее: научную основу крупной индустрии [составляет] собственно механика, до известной степени законченная уже в XVIII веке. И лишь в XIX веке, главным образом в более поздние его десятилетия, развиваются науки, в гораздо более высокой степени являющиеся непосредственными основами для земледелия, чем промышленности — химия, геология и физиология»²⁾).

Необходимо подчеркнуть, что, говоря об этих условиях высшего развития земледелия, Маркс имел здесь в виду лишь абстрактную тенденцию капиталистического развития в сельском хозяйстве. Маркс предполагает лишь идеальное преодоление отставания сельского хозяйства от промышленности, при условии всестороннего проникновения капитализма в сельское хозяйство и полного вытеснения крестьянского производства. Но, отметив эту тенденцию, Маркс показал в то же время, что реализации этой тенденции противодействует ряд моментов: противоречие между капиталистическим развитием и свойственными капиталистическому обществу остатками докапиталистических крепостнических отношений, наличие земельной собственности, рента, агроэксплуатация, противоречивое стремление капитала, с одной стороны, к полному вытеснению мелкотоварного, не на капиталистических основах ведущегося хозяйства и, с другой стороны, к его насаждению во имя интересов самого же развивающегося капитализма, заинтересованного в сохранении в деревне рабочих рук (образование в деревне огромного слоя так называемых пролетариев с наделом).

Маркс, таким образом, всесторонне, диалектически рассматривал капиталистическое развитие в земледелии и показал, что капитализм не в состоянии поднять земледелие, что капиталистический строй является тормозом на пути к рациональному земледелию. Анализ Лениным новых данных о развитии капитализма в земледелии, в частности в земледелии США, полностью подтвердил абсолютную правильность указаний Маркса о том, что капитализм, с одной стороны, вырывает земледелие из средневекового застоя, подымает производительность сельскохозяйственного труда, но в то же время капитализм не только не в состоянии устранить, но, наоборот, только чрезвычайно усиливает отсталость земледелия от промышленности. Эти диаметрально противоположные тенденции в развитии земледелия при капитализме — живая диалектика капиталистической действительности.

«Земледелие, — писал Ленин, — отстает в своем развитии от промышленности — явление, свойственное в сем капиталистическим странам и составляющее одну из наиболее глубоких причин нарушения пропорциональности между разными отраслями народного хозяйства, кризисов, дороговизны. Капи-

¹⁾ Маркс «Теория прибавочной стоимости». Т. II. Ч. 1-я, стр. 190—191.

²⁾ Там же, стр. 191.

тал освободил земледелие от феодализма, втянул его в торговый оборот, а вместе с ним в мировое экономическое развитие, вырвал его из застоя и закоружности средневековья и патриархальности. Но капитал не только не устранил давлений, эксплуатации, нищеты масс, а, напротив, он создает эти бедствия в новом виде и восстанавливает на «современной» базе их старые формы. Противоречие между промышленностью и земледелием не только не устранено капитализмом, а, напротив, расширяется и обостряется все более. Над земледелием все сильнее и сильнее тяготеет гнет капитала, который образуется главным образом в сфере торговли и промышленности»¹).

Законы развития капитализма: концентрация производства, вытеснение мелких хозяйств крупными, капиталистическое классовое расслоение и т. д.— в земледелии и в промышленности в основе своей одни и те же. «В сфере земледелия, — писал Маркс, — крупная промышленность действует с величайшей революционностью в том смысле, что она уничтожает оплот старого общества «возделывателя» (Вауер — крестьянин) и выдвигает на его место наемного рабочего. Таким образом потребность социального переворота и антагонизмы становятся в деревне одинаковыми с городом»²). Если, таким образом, законы развития капитализма действительны и для промышленности и для земледелия, то каковы же причины постоянного и прогрессирующего отставания сельского хозяйства от промышленности? Причины эти следующие. Во-первых, наличие частной собственности на землю и абсолютной ренты; во-вторых, наличие дифференциальной ренты³); в-третьих, наличие неизбежной в условиях капитализма экономической эксплуатации деревни со стороны города и капиталистического государства; в-четвертых, наличие неизбежной (в условиях отделения города от деревни и неравномерного расселения населения при капитализме) агрономической эксплуатации деревни. Как видим, причины прогрессирующего отставания сельского хозяйства от промышленности различного характера, но в то же время все эти причины социального порядка, и в конечном счете все они коренятся в природе капиталистического способа производства.

Это относится и к последней из указанных причин — агроэксплоатации, сущность которой Маркс и Энгельс сводили к следующему. Рост товарного производства ведет ко все большему отделению города от деревни. В условиях капитализма, как это установлено приведенным выше законом концентрации городского населения за счет земледельческого, впервые открытым Марксом, происходит все более неравномерное расселение населения, концентрирующегося в огромных капиталистических городах. Миллионы потребителей сельскохозяйственных товаров, живущих в городах, в силу самого характера капиталистического расселения не в состоянии вернуть земле отбросов питания, одежды и т. д. Между тем еще Юстусом Либихом было установлено, что первым правилом рационального земледелия является возвращение земле человеком в переработанном виде того, что он от нее получает. Невозможность выполнения этого требования рационального земледелия в условиях капиталистического неравномерного расселения ведет к истощению почвы, к ограблению ее питательных соков городом, к агрономической эксплуатации деревни. Взаимозависимость здесь, следовательно,

¹) Ленин «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии». Собр. соч. Т. XVII, стр. 639. Разрядка моя.—М. А.

²) Маркс «Капитал». Т. I, стр. 392. 8-е изд.

³) Относительно дифференциальной ренты Маркс писал: «Совершенно оставляя в стороне возможное уравнивание естественных различий, эта дифференциальная рента связана с регулированием рыночной цены и, следовательно, отпадает вместе с ценой и капиталистическим производством».

такая: отделение города от деревни ведет к прогрессирующему росту агроэксплуатации деревни; агроэксплуатация же ведет к дальнейшему отставанию сельского хозяйства от промышленности, ко все усиливающимся обострению и росту противоположности между городом и деревней.

Маркс писал по этому поводу: «Капиталистическое производство, постоянно увеличивая перевес городского населения, которое оно сосредоточивает в крупных центрах, накапливает тем самым, с одной стороны, силу исторического движения общества, а с другой стороны, оно препятствует обмену веществ между человеком и землей, т. е. возвращению почве ее составных частей, использованных человеком в форме средств питания и одежды, т. е. нарушает вечное естественное условие постоянного плодородия почвы»¹⁾. И Маркс делает ясные и четкие выводы: «Капиталистическая система противодействует рациональному земледелию, или, другими словами, рациональное земледелие несовместимо с капиталистической системой»²⁾.

Противоречия капиталистического способа производства, ведущие к прогрессирующему отставанию земледелия от промышленности, к росту противоположности между городом и деревней, обостряются в гигантской степени на последней, империалистической стадии капитализма. «Несоответствие в развитии земледелия и промышленности, — устанавливает Ленин, — характерное для капитализма вообще, становится еще больше»³⁾.

Марксизму-ленинизму принадлежит не только величайшая заслуга выяснения сущности противоположности между городом и деревней, причин ее возникновения и характера ее развития при капитализме. Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин научно доказали также необходимость, возможность и неизбежность уничтожения этой противоположности вместе с уничтожением капиталистического способа производства диктатурой пролетариата, в процессе социалистического строительства.

Маркс и Энгельс доказали на основании изучения законов развития капитализма, изучения крупной индустрии и земледелия в их историческом развитии и современном положении, что старое разделение труда, в том числе разделение между городом и деревней, уже на достигнутом при капитализме уровне развития производительных сил становится не условием повышения производительных сил труда, а, наоборот, превращается в тормоз его развития, становится излишним и вредным. Эти указания Маркса и Энгельса имеют решающее значение для уяснения проблемы уничтожения противоположности между городом и деревней, поскольку и возникновение и развитие этой противоположности были связаны именно с разделением труда.

Общественное разделение труда служило мощным рычагом роста производительности труда при всех способах производства, основанных на частной собственности, и в то же время как и всякий технический прогресс в условиях этих способов производства оно являлось рычагом порабощения трудящихся масс: непосредственные производители в каждом обществе, основанном на частной собственности, являются не господами средств производства, а их рабами. «...Каждый новый рычаг производства необходимо превращается в новое средство порабощения производителей средствами производства»⁴⁾, — писал Энгельс, говоря о техническом прогрессе в условиях капитализма. Подобным рычагом, содействовавшим росту производительности труда и одновременно являвшимся средством порабощения рабочих, было разделение труда. Энгельс рисует яркую картину «измельчания» человека благодаря пагубному действию на него разделения труда в клас-

¹⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 392. 8-е изд.

²⁾ Маркс «Капитал». Т. III, стр. 74. 8-е изд.

³⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XIX, стр. 92.

⁴⁾ Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 211. 6-е изд. 1934.

совом обществе. «Уже первое большое разделение труда, отделение города от деревни, приговорило сельское население к тысячелетиям долгого отупения, а горожан — к порабощению каждого в отдельности его детальной работой. Оно уничтожило основу развития первого и физического — вторых. Если крестьянин делается собственником земли, а городской ремесленник — своих орудий производства, то земля еще в большей степени порабощает крестьянина, а ремесло — ремесленника. С разделением труда был разорван на части и сам человек. В целях развития какой-нибудь одной его деятельности были принесены в жертву все прочие его физические и духовные способности. Это измельчание человека растет одновременно с развитием разделения труда, которое достигает высшей ступени в мануфактуре. Мануфактура разлагает ремесло на его отдельные операции, отводит каждую из них отдельному рабочему как его пожизненную профессию и приковывает его таким образом на всю жизнь к определенной детальной функции и определенному орудью труда. «Она калечит рабочего, превращает в какого-то уродца, чисто оранжерейным путем вызывая в нем развитие детальных навыков и подавляя целый мир производительных склонностей и способностей... Сама личность раздробляется, превращаясь в автоматическое колесо, исполняющее одну частичную работу» (Маркс), — автоматическое колесо, которое во многих случаях достигает своего совершенства лишь путем полного физического и духовного калечения рабочего. Машинизм крупной индустрии превращает рабочего из машины в простой придаток к ней. «Пожизненная специальность работы частичным инструментом превращается в пожизненную же специальность служения частичному механизму. Машиной злоупотребляют для превращения самого рабочего с раннего детства в составную часть частичного механизма» (Маркс). И не только рабочие, но также и эксплуатирующие их, прямо или косвенно, классы благодаря разделению труда порабощаются орудиями своей деятельности: духовно опустошенный буржуа — своим собственным капиталом и своей страстью к прибыли; юрист — своими закостеневшими правовыми воззрениями, которые господствуют над ним как самостоятельная сила; «образованные классы» вообще — своей ограниченностью и односторонностью, своей телесной и духовной близорукостью, своей искалеченностью, вызванной воспитанием, приспособленным к их специальности, и прикованностью на всю жизнь к этой специальности, хотя бы она и состояла в ничегонеделании»¹). Таково действие разделения труда на различных этапах его развития. Являясь до определенного времени в развитии общества рычагом роста производительности труда, разделение труда в то же время служит рычагом вырождения человечества. И Энгельс предвидел, что общество, уничтожив всякую частную собственность на средства производства, уничтожив разделение труда, прекратит тем самым и порабощение людей их собственными средствами производства и что это самоосвобождение общества явится в то же время условием всестороннего развития каждой отдельной личности.

Маркс и Энгельс писали в «Немецкой идеологии»: «Пока деятельность распределяется не добровольным образом, сознательным образом, а естественным стихийным образом, собственное дело человека становится какой-то чуждой, противостоящей ему силой, которая подчиняет его себе, вместо того, чтобы он господствовал над нею. Согласно происходящему разделению труда каждый имеет определенный, исключительный круг деятельности, который навязан ему и из которого он не может выйти: он оказывается охотником, рыбаком или пастухом (рукой Маркса: или критическим критиком), и должен остаться им, если он не хочет потерять средств к существованию; в коммунистическом же обществе, где каждому индивиду

¹ Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 211. Изд. 1934 г.

не отведен исключительный круг деятельности и каждый может развиваться в любой отрасли труда, общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность сегодня делать одно, а завтра другое, утром охотиться, после обеда ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством или критиковать еду — как моей душе угодно — причем я не становлюсь от этого охотником, рыболовом, пастухом или критиком»¹).

Итак, при коммунизме, когда общество общественно планомерно распоряжается средствами производства, когда окончательно исчезает частная собственность — этот синоним стихийного разделения труда, — исчезает и основанное на частной собственности разделение труда, порабощающее человека, прикрепляющее его навеки к определенному роду деятельности. «Старый способ производства должен быть изменен до основания, а следовательно, должно исчезнуть и старое разделение труда, угнетающее как все общество, так и каждого отдельного его члена»²). Из средств порабощения человека труд превращается в средство его освобождения, позволяя ему всесторонне развиваться, из тяжелой обязанности — в наслаждение.

Уничтожение разделения труда при коммунизме, о котором писали Маркс и Энгельс, — не фантазия, не утопия, а научное предвидение. Устранение разделения труда, основанного на частной собственности, в том числе и наиболее крупной его формы — противоположности между городом и деревней, есть задача, осуществляемая пролетарской революцией. В недрах самого капитализма возникают предпосылки будущего уничтожения разделения труда. Уже при капитализме зарождаются объективные материальные предпосылки устранения старого разделения труда и развивается та могучая сила, которая взрывает капиталистическую систему и самые основы разделения труда, порождаемые капиталистическим способом производства. Этой революционной силой является пролетариат.

Лишь до определенной «границы» в развитии капитализма порабощающее человека разделение труда служит росту производительности труда. На известной ступени развития разделение труда превращается в тормоз развития производительных сил и его уничтожение становится условием дальнейшего развития производства. «Машинное производство уничтожает необходимость закреплять, как это было в мануфактуре, распределение разнородных групп рабочих по разнородным машинам и приурочение одних и тех же рабочих к одним и тем же постоянным функциям. Так как общий ход фабрики зависит не от рабочего, а от машины, то возможна постоянная перемена в персонале без перерыва в процессе труда... Наконец быстрота, с которой человек в юношеском возрасте приучается работать при машине, также устраняет необходимость воспитывать такой класс рабочих, которые были бы исключительно рабочими, занятыми при машинах. Несмотря на то, что капиталистический способ применения машин продолжает дальше развивать старое разделение труда с его окостенелыми частными функциями, хотя технически это стало излишним, — само машинное производство начинает восставать против этого анахронизма. Технический базис крупной индустрии революционен. «Машинами, химическими процессами и другими способами, вместе с техническими основаниями производства, новейшая промышленность постоянно преобразовывает занятия работников и общественные комбинации трудового процесса. Вследствие этого она также постоянно революционизирует деление труда внутри общества и бросает массы капиталов и рабочих из одной отрасли производства в другую. Отсюда видно, что по самой природе своей крупная промышленность требует перемены работ, непостоянства функций, всесторонней подвижности рабочего... Мы уже видели, как это абсолютное противоречие... разрешается непре-

¹) Маркс и Энгельс. Архив. Т. I, стр. 223.

²) Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 212, 6-е изд. 1934.

равным принесением в жертву рабочего класса, безграничным расточением рабочих сил и господством общественной анархии. Это — отрицательная сторона. Между тем как перемена работы является теперь только могущественным законом природы и проявляется со слепо разрушающей силой закона природы, повсюду встречающего препятствия, — сама крупная промышленность, благодаря своим собственным катастрофам, превращает перемену занятий в вопрос жизни и смерти, делая ее, — а следовательно, многосторонность рабочего, — всеобщим социальным законом, к нормальному осуществлению которого необходимо приспособить отношения. Она делает вопросом жизни и смерти устранение того безобразия, которое представляет собой нищенствующее население, содержимое в резерве для удовлетворения изменчивой потребности капитала, и замену его абсолютной пригодностью человека для всех изменяющихся требований труда; замену частичного индивидуума, представляющего собой лишь орган для специальной общественной функции, — индивидуумом вполне развитым, для которого различные общественные функции являются сменяющими друг друга формами деятельности»¹⁾.

С исчерпывающей ясностью выясняют таким образом Маркс и Энгельс возникновение еще при капитализме потребности самой машинной индустрии в устранении старого разделения труда. Эта настоятельная потребность становится для производства, для общества вопросом жизни и смерти. Маркс и Энгельс таким образом доказали, что необходимость уничтожения старого разделения труда вызывается самим развитием машинной индустрии; его уничтожение в то же время становится практическим требованием и земледельческого производства. С одной стороны, устранения старого разделения труда в сельском хозяйстве требуют все растущие внедрение в него передовой машинной техники, механизация сельскохозяйственного производства: сложная сельскохозяйственная машина в не меньшей степени чем машина городской индустрии восстает против постоянства функций работника, требует его многосторонности. С другой стороны, устранение разделения труда вызывается необходимостью ликвидации противоположности между городом и деревней. Отделение города от деревни — это первое крупное общественное разделение труда — вызвало в сельском хозяйстве ряд таких явлений, которые стали сильнейшим тормозом развития сельского хозяйства и устранение которых стало настоятельным практическим требованием рационального земледелия. «Уничтожение противоположности между городом и деревней — пишет Энгельс, — ...становится с каждым днем все более и более практическим требованием индустриального и сельскохозяйственного производства. Никто не заявил этого требования громче, чем Либих в своих сочинениях по земледельческой химии, в которых на первом месте устанавливается правило, что человек должен возратить земле то, что он от нее получает, и доказывается, что существование городов, в особенности крупных городов, препятствует этому. Если наблюдать, какая масса навоза производится в одном Лондоне (больше, чем во всем королевстве Саксонии) и ежедневно выбрасывается в море, причем на это тратятся огромные суммы денег, и какие колоссальные сооружения необходимы, чтобы обезопасить город от заразы, которою ему угрожают нечистоты, то утопия об уничтожении противоположности между городом и деревней приобретает замечательно практическую основу»²⁾.

Итак, необходимость уничтожения разделения труда, основанного на частной собственности, необходимость уничтожить разделение между городом и деревней вытекает уже при капитализме из насущных практических требований

¹⁾ Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 213—214. Изд. 1924 г.

²⁾ Энгельс «Жилищный вопрос», стр. 84. Изд. 1932 г.

как индустриального, так и земледельческого производства.

Существует ли, однако, практическая возможность устранения старого разделения труда? И по этому вопросу Маркс и Энгельс, анализируя капиталистическое производство, дали исчерпывающий ответ. Развитие крупной индустрии и прогресс техники создали еще в условиях капитализма необходимые материальные предпосылки для устранения старого общественного разделения труда вообще, для устранения, в частности, и разделения между городом и деревней, но эти материальные предпосылки находят преграду для своего развития в социальных условиях производства, в капиталистических производственных отношениях.

В прошлом, на более низкой ступени развития общественных производительных сил, развитие разделения труда, отделение города от деревни и рост крупных городов являлись условиями прогресса частнособственнического производства, рычагом его развития. С развитием же капитализма, с ростом научно-технических достижений и общественных производительных сил еще в недрах капитализма возникли объективные материальные предпосылки, делающие излишним и вредным старое разделение труда, в том числе разделение между городом и деревней.

«Научив нас, — пишет Энгельс, — преобразовывать в технических целях молекулярное движение, которое можно получить более или менее везде, в движение масс, крупная промышленность в значительной степени освободила промышленное производство от местных рамок. Сила воды была связана с местом, сила пара — свободна. Если сила воды, находящейся в деревне, неизбежно связана с ней, то сила пара отнюдь не обязательно связана с городом. Только капиталистическое применение концентрирует ее предпочтительно в городах и преобразует фабричные села в фабричные города. Но тем самым создаются условия, могущие подорвать самое производство. Первая потребность паровой машины и главная потребность почти всех отраслей производства крупной промышленности — это наличие сравнительно чистой воды. Между тем фабричный город превращает всякую чистую воду в вонючее болото. Таким образом, поскольку концентрация в городах является основным условием капиталистического производства, постольку же каждый отдельный капиталист постоянно стремится перенести свое производство из необходимо порождаемого капитализмом большого города в сферу сельского производства... Капиталистическая крупная промышленность непрерывно создает там новые большие города, тем что постоянно спасается из города в деревню... Уничтожить этот новый порочный круг, это постоянно вновь возникающее противоречие современной промышленности, опять-таки возможно лишь с упразднением ее капиталистического характера. Только общество, способное гармонически приводить в движение свои производительные силы, согласно единому общему плану, в состоянии организовать их так, что будет возможно равномерно распределить крупное производство по всей стране, в полном соответствии с его собственным развитием и сохранением и развитием прочих элементов производства. Таким образом, устранение противоречия между городом и деревней не только возможно, но оно стало просто необходимым в интересах индустриального и земледельческого производства, а также в целях общественной гигиены»¹⁾.

Подробно обосновывая далее то положение, что капиталистическая промышленность в силу технического прогресса стала независимой от тесных рамок, в которых находится местное производство необходимого для нее сырья (в частности в силу быстрого развития транспорта), Энгельс приходит к выводу, что «уничтожение поводов к отделению города от де-

¹⁾ Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 214. Изд. 1934 г.

рвни и с точки зрения возможности осуществления равномерного распределения крупной промышленности по всей стране не может представляться утопией»¹).

Позднейшие открытия в области промышленного применения электричества (с которыми Энгельс еще успел ознакомиться на опытах Марселя Дебре) блестяще подтвердили анализ Энгельса и явились новыми мощными доводами в его пользу: развитие электротехники явилось новой материальной предпосылкой уничтожения старого разделения труда и противоположности между городом и деревней.

В недрах самого капитализма зарождаются и развиваются, таким образом, необходимые материальные условия, требующие уничтожения противоположности между городом и деревней, способные повести к соединению индустрии и земледелия. «Капиталистический способ производства,— писал Маркс в первом томе «Капитала»,— довершает разрыв того первоначального семейного союза земледелия и промышленности, который сочетал друг с другом младенчески неразвитые формы обоих. Но он создает в то же время материальные предпосылки нового, высшего синтеза—союза земледелия и промышленности на основе их антагонистически развитых форм»²).

Препятствием к развитию этих условий, ведущих к устранению противоположности между городом и деревней, является сам капиталистический способ производства. «Те революционные элементы,— писал Энгельс,— которые должны устранить старое разделение труда вместе с отделением города от деревни и преобразовать все производство, уже находясь в зародышевом состоянии в условиях производства современной крупной индустрии и встречают препятствие для своего дальнейшего развития лишь в нынешнем, капиталистическом способе производства»³).

Производительные силы капитализма создают предпосылки для уничтожения противоположности между городом и деревней, но его производственные отношения являются тормозом ее уничтожения. Таким образом, уничтожение капитализма в огне пролетарской революции есть первое условие уничтожения противоположности между городом и деревней. Путем же, ведущим к уничтожению этой противоположности после взятия пролетариатом государственной власти в свои руки, является строительство социализма, социалистическая реконструкция всего народного хозяйства на основе индустриализации и электрификации всей страны.

«Только революция пролетариата,— писал Ленин,— освободит сельское хозяйство от тяжести частной собственности... создаст условия для уничтожения противоположности между городом и деревней. Самостоятельное сельскохозяйственное мелкое производство потеряет тогда свою последнюю точку опоры»⁴).

Энгельс вместе с Марксом показал сущность противоположности между городом и деревней, причины ее возникновения, неизбежность ее обострения и углубления при капитализме, возможность и необходимость ее уничтожения пролетарской диктатурой. Энгельс показал, что решить проблему города и деревни — это значит правильно разрешить вопрос об отношении пролетариата и крестьянства, проблему отставания земледелия от промышленности, ликвидации нищенского положения крестьянства и его чрезвычайной культурной отсталости.

¹) Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 215.

²) Маркс «Капитал». Т. I, стр. 392. 8-е изд.

³) Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 216. 6-е изд. 1934.

⁴) Ленинский сборник XIX, стр. 64.

Диктатура пролетариата в СССР в процессе строительства социализма решает все эти проблемы, ликвидируя противоположность между городом и деревней.

Неизмеримы заслуги Энгельса в теоретическом освещении революционному пролетариату и его союзнику — трудящемуся крестьянству — стоящих перед ними задач в деле ликвидации противоположности между городом и деревней. Энгельс показал, что ликвидация этой противоположности есть важнейшая, прежде всего экономическая, задача пролетарской диктатуры. Эта задача решается социально-техническим преобразованием всего сельского хозяйства. Если, с одной стороны, Энгельс для решения этой задачи придает гигантское значение технической реконструкции сельского хозяйства: его механизации, электрификации, — словом, превращению в разновидность индустрии, то, с другой стороны, он эту задачу технической реконструкции сельского хозяйства не мыслит без революционного уничтожения капитализма и без органической увязки технической реконструкции сельского хозяйства с его социальной реконструкцией. В ряде работ, в частности в «Крестьянском вопросе во Франции и Германии», Энгельс наметил в основном путь социалистического преобразования многомиллионных мелкособственнических крестьянских хозяйств через производственное кооперирование крестьянства, через развитие коллективного земледелия. В сокровищнице энгельсовских работ по проблеме ликвидации противоположности между городом и деревней пролетарская диктатура в СССР нашла все отправные моменты для решения этой задачи. Исходя из учения Маркса и Энгельса, Ленин и Сталин определили значение индустриализации нашей страны для социалистической реконструкции сельского хозяйства. На гранитной базе учения Маркса и Энгельса Ленин создал свой великий кооперативный план, план социалистического строительства в деревне через кооперацию, через развитие товарищеского, коллективного земледелия, а товарищ Сталин гениально развил и конкретизировал этот план учением о сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. В работах Энгельса наша партия нашла основы для решения проблемы правильного размещения промышленности и сельского хозяйства. Указания Энгельса, высказывавшегося против неравномерности расселения, реализуются нашей партией, когда она в своих решениях запрещает новое промышленное строительство в Москве, Ленинграде, Харькове и других крупных городах, переноса его в крестьянские районы, в районы, бывшие прежде колониями русского империализма, насаждая в них мощную индустрию, строя новые социалистические города; когда она в генеральном плане реконструкции Москвы ограничивает размеры населения Москвы примерно пятью миллионами и т. д. Учение великого Энгельса живет и каждодневно реализуется в нашей стране.

Рабочий класс нашей страны, свергнувший под руководством своей партии власть капиталистов и помещиков в октябре 1917 г. и победоносно осуществляющий строительство социализма в СССР, создает ныне все необходимые условия для уничтожения противоположности между городом и деревней, ибо социализм означает соединение индустрии и сельского хозяйства. «Проблема построения социализма означает проблему организации народного хозяйства в целом, проблему правильного сочетания индустрии и сельского хозяйства... Если промышленность и сельское хозяйство не составляют таким образом единого народнохозяйственного целого, — то никакого социализма из этого не получится. Вот почему вопрос о взаимоотношении промышленности и сельского хозяйства, вопрос о взаимном отношении пролетариата и крестьянства составляет основной вопрос проблемы построения социалистического хозяйства»¹⁾.

¹⁾ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 172. 9-е дополн. изд.

В этих словах товарища Сталина весьма выпукло вырисовывается классовое содержание проблемы уничтожения противоположности между городом и деревней. Уничтожение этой противоположности предполагает уничтожение классов (в результате полной ликвидации частной собственности на средства производства, создания и укрепления социалистической общественной собственности) и уничтожение всякого разделения труда, основанного на частной собственности, в том числе разделения между промышленностью и сельским хозяйством. Уничтожение противоположности между городом и деревней, сочетание индустрии и земледелия в единое народнохозяйственное целое есть проблема построения социализма. В направлении разрешения этой проблемы пролетариат строит свои взаимоотношения с крестьянством. Такова классовая сущность борьбы за уничтожение противоположности между городом и деревней.

Ленинская идея смычки города и деревни по сути дела означает такой союз рабочего класса и крестьянства под руководством рабочего класса, который направлен на строительство социализма, на уничтожение классов, на уничтожение противоположности между индустрией и сельским хозяйством, на их плановое сочетание в едином хозяйственном целом. В чем состоит линия партии в вопросе об уничтожении противоположности между городом и деревней? Она состоит в социальной и технической реконструкции сельского хозяйства на основе индустриализации страны. Во второй пятилетке мы завершим сплошную коллективизацию. Практика колхозного строительства полностью доказала правильность сталинского положения о том, что колхозное строительство (и создание совхозов и МТС) есть единственно правильный путь индустриализации сельского хозяйства, путь превращения его в разновидность индустрии, путь уничтожения противоположности между городом и деревней. Ныне в СССР быстро развивается процесс ликвидации противоположности между городом и деревней.

Технические основы сельскохозяйственного производства в нашей стране коренным образом изменились. Соха, ручной посев, серп, коса и цепь, игравшие еще значительную роль в начале первой пятилетки, в результате организации около 4 тыс. МТС занимают ныне ничтожное место в сельскохозяйственном производстве. Их место прочно заняли тракторный плуг, тракторная селка, конный уборочный инвентарь, комбайн и молотилка. Сельскохозяйственное машиностроение в СССР, обогнав еще в первом году первой пятилетки Германию, к концу ее превывсив больше чем в 6 раз довоенное производство России, заняло ныне первое место в мире, обогнав Америку.

До революции в нашей стране не было ни одного комбайна, у трудящихся крестьян не было ни одного трактора. Между трудом индустриальным и сельскохозяйственным лежала глубочайшая пропасть. Ныне, в результате проводимой нашей партией линии на уничтожении противоположности города и деревни, сельскохозяйственный труд повсеместно в нашей стране превращается в разновидность индустриального труда. Об этом ярчайшим образом свидетельствуют данные о механизации нашего сельского хозяйства. На 1 июля 1935 г. наше сельское хозяйство уже обладало 326 378 тракторами с общей мощностью в 5 424 600 лошадиных сил. На то же число наше сельское хозяйство располагало 50 000 комбайнов. Эти цифры свидетельствуют о чрезвычайно быстром развитии процесса механизации нашего сельского хозяйства. Машина уже проникла в нашу деревню. Ежедневно в деревню направляются все новые сотни и тысячи тракторов, комбайнов, автомобилей, сложных молотилок, льнотеребилочек и других сложных машин. Неуклонно развивается процесс индустриализации нашего сельского хозяйства.

Огромные сдвиги мы имеем и в освоении нашей сельскохозяйственной

техники. Примером здесь может служить растущая степень использования комбайнов. Машинно-тракторными станциями в 1934 г. (на 1 августа) было убрано комбайнами в обслуживаемых ими колхозах 279,3 тыс. га. А в 1935 г. на то же число было уже убрано 2 007,7 тыс. га. При этом на один комбайн убрано в три слишком раза больше чем в прошлом году. Большие сдвиги в освоении техники мы имеем и по зерносовхозам. На 10 августа 1934 г. в зерносовхозах было убрано комбайнами 862 тыс. га, а на то же число 1935 г. было убрано 1 702 тыс. га.

Машина, направляемая пролетарской диктатурой в деревню, меняет не только производственный, но и весь культурно-бытовой облик. В нашей деревне возник совершенно новый тип людей. Советская деревня обладает уже огромной, многомиллионной армией трактористов, комбайнеров, машинистов, мотористов, шоферов, механиков, бригадиров. Это новые люди нашей деревни, люди индустриального труда. По своим производственным навыкам, по своей квалификации, по своим интересам, по своему сознанию эти люди уже мало чем отличаются от индустриальных рабочих городов.

В результате социально-технической реконструкции сельского хозяйства резко повысилась производительность сельскохозяйственного труда. Наши урожаи и качество их уборки растут из году в год.

Колхозный строй нашей деревни, ликвидирующий самые корни и причины классового деления людей: частную собственность на средства производства, — ведет к полному уничтожению классовой разницы между рабочим и крестьянином.

Велики и культурно-бытовые сдвиги в нашей деревне. Элементарная неграмотность почти полностью ликвидирована. Всеобщее обязательное обучение, введенное советской властью, делает культурный уровень населения деревень попросту несравнимым с его культурным уровнем до революции. Повсеместно в деревнях из году в год весьма резко растут расходы на культурные нужды, на образование, на здравоохранение. Нет ни одного колхоза, который не осуществил бы более или менее широкой программы общественно-хозяйственного и культурного строительства. В советских деревнях с каждым годом все более и более интенсивно развивается жилищно-коммунальное строительство. Растет зажиточность колхозников, растут и их культурные потребности. Сильно вырос товарооборот между городом и деревней, чему в огромной степени содействует и значительное укрепление за последнее время нашего транспорта.

Все это убедительнейшим образом подтверждает правильность выдвинутого товарищем Сталиным на конференции аграрников-марксистов положения, что с переходом к сплошной коллективизации «противоположность между городом и деревней будет размываться ускоренным темпом»¹⁾.

Прошло 40 лет со дня смерти Энгельса. Эту годовщину пролетариат СССР, руководимый партией Ленина—Сталина, встречает осуществлением на практике величественных задач, выдвинутых Энгельсом, претворением в жизнь его положений, в частности положений об уничтожении противоположности между городом и деревней.

¹⁾ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 310. 10-е изд.

Энгельс и вопросы войны

А. Душак

«История военного дела дает возможность всего нагляднее подтвердить правильность нашего воззрения на связь производительных сил и общественных отношений», — так писал Маркс Энгельсу 5 сентября 1857 года. В этих замечательных словах четко указана та роль, какую играли вопросы войны в теоретической разработке и обосновании диалектико-материалистического учения. Маркс и Энгельс разрабатывали свое учение на огромном историческом материале. Крупнейшее место среди этого материала занимало изучение истории войн и завоеваний, развития оружия и способа ведения войны, связи и зависимости военной организации в каждый исторический период от классовой структуры общества и уровня производительных сил. Эти роль и место были обусловлены тем, что правильность основных положений марксистской теории «нигде, кажется, так блестяще не подтверждается, как в человекоубойной промышленности», — повторяет Маркс в другом письме Энгельсу (от 7 июля 1866 года).

Интерес Маркса и Энгельса к вопросам войны не ограничивался рассмотрением этих вопросов только как лучшей иллюстрации, подтверждения основ исторического материализма. Их интерес и здесь был актуально-политическим. Пламенные революционеры, они верили в близость социальной революции пролетариата, учили, что «насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым»¹⁾, что только вооруженным восстанием, кровавыми боями со всеми силами старого общества завоевывается новый строй. Ни один пролетарский революционер, говорил Ленин, «не сомневался никогда в громадном значении военных знаний, в громадной важности военной техники и военной организации, как орудия, которым пользуются массы народа и классы народа для решения великих исторических столкновений»²⁾.

Основоположники марксизма дали нам такое теоретическое орудие — учение о войне и вооруженном восстании, которое неразрывно связано с их диалектико-материалистическим учением. В конкретной разработке его исключительная роль принадлежит именно Энгельсу. В теоретическом содружестве двух величайших учителей человечества, невиданном в истории, роль специалиста по военным проблемам принадлежала Энгельсу. Говоря о своем участии в разработке марксистской теории, Энгельс замечает: «То, что внес я, Маркс мог легко пополнить и без меня, за исключением, может быть, двух—трех специальных отделов»³⁾. Одним из таких отделов было военное дело. Энгельс был действительно подлинным специалистом в этой области и величайшим теоретиком, хотя формально его военная «школа» состояла в

¹⁾ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 603.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. VII, стр. 384.

³⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 662 (примечание Энгельса).

годовом отбывании военной службы в качестве вольноопределяющегося в артиллерийском полку (1841—1842 гг.).

Военный же опыт Энгельса заключался лишь в том, что он непродолжительное время был адъютантом Виллиха—одного из вождей баденской революционной армии в 1848 году.

Статьи Энгельса, в которых давался глубокий и мастерский оперативно-тактический и стратегический анализ ряда кампаний, внимательно принимались крупнейшими военными специалистами его времени как работы блестящего знатока. Эти специалисты не знали, что автор статей, обладая таким орудием, как материалистическая диалектика, имел неслыханное преимущество перед ними. Владея этим орудием, Энгельс разгромил предшествующую военную теорию с ее «вечными истинами», доказал, что и здесь как и в отношении всякого другого общественного явления действуют законы материалистической диалектики. Энгельс сделал военную теорию подлинной наукой.

Роль войны в историческом развитии

В разработке Марксом и Энгельсом теории исторического развития роль войны, завоевания, насилия занимает крупное место. К формулировке этой роли они подошли на основе рассмотрения огромного исторического материала. Они не ограничились только голой, общей формулировкой, а показали конкретно, как на той или иной ступени исторического развития проявлялась эта роль. Уже в одном из своих ранних произведений, в котором они сводили счеты со своей «прежней философской совестью» и вырабатывали основы своего мировоззрения, в «Немецкой идеологии», мы находим интересные, чрезвычайно зрелые положения о роли войны и завоевания.

Устанавливая уже здесь, что «не только отношение одной нации к другим, но и весь внутренний строй самой нации зависит от степени развития ее производства и ее внутреннего и внешнего общения», что развитие производительных сил находит свое выражение в общественном разделении труда, различные ступени которого «суть вместе с тем и различные формы собственности», Маркс и Энгельс указывают и на завоевание как на один из существеннейших факторов всего этого общественного движения.

Так, говоря о племенной собственности, они указывают, что «имеющееся в скрытом виде в семье рабство развивается лишь постепенно, с ростом населения и потребностей и с расширением внешних сношений в виде войны и меновой торговли»¹⁾.

Античная общинная и государственная форма собственности «возникает благодаря объединению путем договора или завоевания нескольких племен в один город и при которой сохраняется рабство»²⁾.

Таким образом, Маркс и Энгельс, положив в основу общественного развития производительные силы, способ производства, классовую борьбу, выделяют вместе с тем и крупную роль завоевания и войны как фактора, связанного с этой основой. Они тут же протестуют против того, что «до сих пор в насилии, войне, грабеже, разбое и т. д. видели движущую силу истории»³⁾. Но если это и не «движущая сила истории» в смысле коренной основы, то история знает много примеров, когда новый общественный строй возникал в результате применения силы оружия. «Ограничимся наиболее разительным примером,—указывают основоположники марксизма,—разрушением старой цивилизации варварским народом и следующим за этим образо-

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. IV, стр. 12. Разрядка моя.— А. Д.

²⁾ Там же, стр. 12.

³⁾ Маркс и Энгельс «Немецкая идеология». Собр. соч. Т. IV, стр. 13.

ванием заново иного общественного строя (Рим и варвары, феодализм и Галлия, восточно-римская империя и турки)»¹⁾.

Маркс и Энгельс прямо указывают, что у варварского народа-завоевателя, при единственно возможном для него примитивном способе производства, война является «регулярной формой сношений» и используется тем больше, чем острее он испытывает потребность в расширении средств производства (из-за роста населения), что тут война является просто средством приобретения новых средств производства или расширения старых.

Но, поскольку такая варварская «форма сношений» не создавала новых средств производства, она на первых порах не только не двигала вперед развития производительных сил, но в целом приносила им крупный ущерб. Так, последние века Римской империи, непрерывно терпевшей варварские набеги, и «самое завоевание ее варварами разрушили множество производительных сил»²⁾.

Завоевание Римской империи варварскими германскими племенами обусловило развитие новой формы собственности—феодальной.

«Организационная форма завоевания, — как говорил Энгельс, — развила под влиянием структуры германских войск феодальную собственность»³⁾.

Значит ли это, что образование феодальной собственности и новых общественных отношений целиком или в основе зависело от факта завоевания и его формы? Может быть, приведенные примеры как раз явились бы подтверждением того тезиса, который Маркс и Энгельс отвергают?

Нет. За их внешней оболочкой они обнаруживают основной двигатель исторического развития, показывая, что и эта новая форма—феодализм—была обусловлена производительными силами: «И когда уже нечего более захватить, нужно начать производить. Из этой очень скоро наступающей необходимости производства следует, что принимаемая оседающими завоевателями форма общественности должна соответствовать ступени развития производительных сил, которую они застают в наличии, а если этого соответствия первоначально нет, то их форма общественности должна измениться сообразно производительным силам. ...Феодализм вовсе не был перенесен в готовом виде из Германии; его происхождение коренится в военной организации варварских войск во время самого завоевания, которая лишь после завоевания, благодаря воздействию найденных в завоеванных странах производительных сил, развилась в настоящий феодализм...

Таким образом, все исторические коллизии, согласно нашему пониманию, коренятся в противоречии между производительными силами и формой общения»⁴⁾.

Таково одно из капитальнейших положений нового мировоззрения, сформулированное уже в 1845 году. Как видим, анализ роли войн и завоеваний в античном и феодальном обществе сыграл здесь крупнейшую роль. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс не останавливаются и не анализируют сколько-нибудь подробно в интересующем нас направлении следующую за феодализмом новую фазу исторического развития. В отношении этой фазы они ограничиваются следующим небольшим, но очень характерным замечанием:

«С появлением мануфактуры различные нации начинают конкурировать между собой, вступают в торговую борьбу, которую ведут с помощью войн, охранительных пошлин и запрещений, между тем как прежде народы, нахо-

¹⁾ Маркс и Энгельс «Немецкая идеология». Собр. соч. Т. IV, стр. 13.

²⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. IV, стр. 14.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же, стр. 63—64.

дившиеся между собой в сношениях, вели друг с другом мирный обмен... Благодаря колонизации новооткрытых земель, торговая борьба наций друг с другом получила новую пищу, а тем самым и большее распространение, и приобрела более ожесточенный характер... Торговля отныне приобретает политическое значение»¹).

В отношении последующей эпохи много высказываний мы находим в работах Энгельса, особенно в «Анти-Дюринге». Эти высказывания о сущности и роли войны в капиталистическом обществе составляют сердцевину марксистского учения о войне. Об этом ниже, а сейчас отметим вывод, к которому пришли Маркс и Энгельс уже в «Немецкой идеологии»: война не является ни единственной, ни главной, ни самодовлеющей силой исторического развития: она лишь одно из средств разрешения «противоречий между производительными силами и формой общения» и как таковое играет крупнейшую, исторически обусловленную роль.

Война и политика

Маркс и Энгельс, положившие в основу своего учения об общественном развитии классовых формаций борьбу классов, рассматривают войну как явление классовое. Как и всякое общественное явление, она неразрывно связана с классами, с их интересами: война является продолжением политики господствующих классов.

«В применении к войнам основное положение диалектики, так бесстыдно извращаемой Плехановым в угоду буржуазии, состоит в том, что «война есть просто продолжение политики другими (именно насильственными) «средствами». Такова формулировка Клаузевица, одного из великих писателей по вопросам военной истории, идеи которого были оплодотворены Гегелем. И именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, каждую войну рассматривавших как продолжение политики данных, заинтересованных держав — и разных классов внутри их — в данное время»²). Эта ленинская характеристика взглядов Маркса и Энгельса подчеркивает историчность войн и их классовую сущность. На основе этой единственно правильной точки зрения Энгельс рассматривает как проблемы войны вообще (происхождение войн, причины и т. д.), так и конкретные войны.

Энгельсу принадлежит исключительная по глубине разработка вопроса о происхождении войн. Верно ли, что война — явление вечное, что она сопутствует человечеству на всех ступенях его развития, как бы вытекает из самой природы человека (так называемая «биологическая» теория)? На огромном фактическом материале Энгельс доказывает обратное.

Первобытная коммунистическая орда войны в политических, следовательно, классовых, целях не знала и не могла знать. Нельзя называть войной те случайные столкновения орд между собой, которые время от времени случались. Эти столкновения не имели оформленной политической цели, для их решения не употреблялось особых орудий, кроме тех, которые орда и каждый ее член имели для обычных своих занятий; в этих столкновениях не применялась какая-то особая организация. То же мы видим и в родовом строе, во всяком случае, до тех пор, пока не наметились и не начали проявляться классовые различия. «Какая удивительная организация во всем ее младенчестве и простоте, этот родовой строй! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворянства, королей, наместников, префектов и су-

¹) Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. IV, стр. 46—47.

²) Ленин. Собр. соч. Т. XVIII, стр. 248—249.

дебных дел, без тюрем, без процессов — все идет своим заведенным ходом. Всякие раздоры и столкновения улаживаются коллективом тех, кого они касаются, родом или племенем, или отдельными родами между собой», — пишет Энгельс¹⁾. Нельзя говорить о войне в сколько-нибудь развернутом смысле этого слова, пока нет об'екта для войны. Запасы пищи, одежды или орудий производства могут стать таким об'ектом, но они появляются лишь тогда, когда производительные силы развиваются настолько, что становится возможным создание прибавочного продукта. Пленник-раб может быть таким об'ектом, если его производительное использование может давать прибавочный продукт. Но именно появление прибавочного продукта и кладет начало борьбы за его распределение, начало имущественного неравенства, ведущего к постепенному оформлению классовых групп и классов с их противоречивыми интересами. Это уже процесс разложения родового общества и формирование классового. Этот процесс сопровождался вырождением «былой войны племени против племени в систематическое разбойничество на суше и на море, в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение ее в регулярный промысел»²⁾, — говорит Энгельс. Именно с этого момента мы можем говорить о войне, понимая ее как продолжение политики, как «постоянный промысел», требующий и особых орудий (оружия) и особой организации с выделением военачальников как обособленной функции. Мы стоим на единственно правильном, ленинском понимании учения Энгельса о происхождении войны, о ее классовой природе. До сих пор мы рассматривали только одну сторону диалектической связи формирования классового общества и зарождения войн. Надо подчеркнуть и другую: влияние сначала отдельных актов насилия, а затем и войн на самое формирование классов, на экономическое развитие, породившее их. Когда «производство настолько развилось, что рабочая сила человека могла производить больше, чем необходимо было для его простого существования», когда создались условия для производительного употребления рабочей силы, явилась и необходимость, потребность в ней. «Эту силу доставляла война... на достигнутой теперь ступени «экономического» развития пленники приобретают цену, им оставляют жизнь и пользуются их трудом. Таким образом, насилие, вместо того чтобы господствовать над экономическим положением, служило хозяйственным целям»³⁾.

Как в этом, так и в других произведениях Энгельса мы находим много высказываний об обратном влиянии войн, военной организации и военной техники на экономику и политическую строй. Мы еще скажем об этом ниже, в связи с вопросом о войне и экономике.

Марксизм нагляднее всего доказывает классовый характер войны на анализе причин войн. Войны рабовладельческого общества, как мы уже видели выше, в основе своей имели захват рабов в целях эксплуатации их господствующим классом рабовладельцев. Марксизм безжалостно срывает всякие идеальные покровы с войн. Так называемые «крестовые походы» были не чем иным, как борьбой средиземноморских торговых республик (Италия) за пути на богатый Восток, прегражденные арабами. Так называемые «кабинетные войны» были не прихотью, не личной склокой монархов, а имели под собой определенную классовую базу — интересы отдельных групп господствующих феодальных классов. Коалиционные войны против Великой французской революции велись не ради восстановления поправной справедливости, возвращения трона Бурбонам, не ради торжества идеального монархического принципа. Энгельс исчерпывающе разоблачает истинные причины

¹⁾ Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 89. Изд. 1934 года.

²⁾ Там же, стр. 98.

³⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 182, 183.

этих войн. О буржуазной Англии, вдохновительнице этих войн, Энгельс пишет: «Что касается Англии, то война была начата перепугавшейся аристократией и поддержана плутократией, которая нашла источник огромной прибыли в многочисленных займах и в разбухании национального долга, в представившемся удобном случае захватить южно-американские рынки, сбыть им свои собственные товары и завладеть теми французскими, испанскими и датскими колониями, которые они считали наиболее подходящими, чтобы потуже набить свои кошельки, чтобы неограниченно распространить «*Britania, rule the wares*» (Британия, царствуй над морями), чтобы сколько угодно притеснять торговлю всякого другого народа, конкуренция которого грозит повредить росту их собственного обогащения, и, наконец, чтобы утвердить свое право получать огромные прибыли от снабжения европейских рынков в противовес континентальной системе Наполеона. Таковы были и с т и н н ы е причины продолжительной войны для тех классов, в чьих руках тогда находилось управление Англией»¹⁾.

Аналогичные причины лежали в основе целого ряда войн старой России против Турции. Не «освобождение гроба господня», не вызволение «угнетенных братушек»-славян, а стремление к завоеванию ближневосточных рынков и проливов для целей торгового капитала и помещиков, производителей хлеба—вот истинная причина этих войн, разоблачению которой основоположники марксизма и Ленин уделили немало внимания.

Таково учение Маркса и Энгельса о причинах войн и их классовом характере. Коминтерн подытожил его следующей своей формулировкой: «Причина войны не в «естественном дурном начале», заложенном в людях, и не в «плохой» политике правительства, а в том, что общество разбито на классы, на эксплуататоров и эксплуатируемых. Капитализм—вот причина войн новейшей истории»²⁾.

Этот тезис обоснован в многочисленных работах Ленина, посвященных эпохе империализма и ее войнам. На основе закона неравномерного развития капитализма Ленин блестяще вскрыл неизбежность войн при империализме, их характер, их теснейшую связь с политикой воинствующего империализма. Товарищ Сталин, великий продолжатель дела Маркса—Энгельса—Ленина, на основе закона неравномерного развития капитализма и анализа современных противоречий империализма глубоко и блестяще обосновал и отстаивал в борьбе против контрреволюционного троцкизма и зиновьевщины, против правого оппортунизма ленинское учение о возможности победы социализма в одной стране: «Закон неравномерности развития в период империализма означает скачкообразное развитие одних стран в отношении других, быстрое оттеснение с мирового рынка одних стран другими, периодические переделы у ж е п о д е л е н н о г о м и р а в порядке военных столкновений и военных катастроф, углубление и обострение конфликтов в лагере империализма, ослабление фронта мирового капитализма, возможность прорыва этого фронта пролетариями отдельных стран, возможность победы социализма в отдельных странах»³⁾.

Анализируя мировой экономический кризис, товарищ Сталин подчеркивает ту огромную роль, какую империалисты придают войне как «выходу из нынешнего положения» (доклад на XVII партсъезде). Он говорит, что война «наверняка развяжет революцию и поставит под вопрос само существование капитализма в ряде стран» (там же). В этом же докладе товарищ Сталин дает развернутый анализ типичных планов войны, являющийся блестящим углублением и конкретизацией, применительно к современным условиям,

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. V, стр. 11—12.

²⁾ «Тезисы о военной опасности VI конгресса КИ», стр. 85.

³⁾ Сталин «Об оппозиции», стр. 515. Изд. 1928 года.

марксистско-ленинского учения о войне, огромной важности вкладом в него. Сталинское учение о войнах современной эпохи ярко освещает политику империалистических держав, разоблачает ее, мобилизует массы трудящихся во всем мире против готовящихся империализмом новых войн.

Война и экономика

Известное положение марксизма-ленинизма, что политика есть концентрированное выражение экономики, делает в основном уже ясными связь и взаимозависимость войны и экономики, поскольку такая связь установлена в отношении политики. Война есть продолжение политики, а последняя сама есть концентрированное выражение общественно-экономических отношений данного общества. Политика играет здесь роль опосредствующего звена между экономическим базисом и войной, военной организацией и способом ее ведения.

Энгельс дал блестящий анализ этих связей и взаимозависимостей. Его разработка роли насилия, силы имеет капитальнейшее значение не только для нашей темы, но и в целом, в выработке диалектико-материалистического мировоззрения. В «Анти-Дюринге» Энгельс пишет, что «сила зависит далеко не от одного желания иметь ее, а требует для своего проявления очень реальных предварительных условий, именно орудий, из которых более совершенные берут верх над менее совершенными. Ясно также, что эти орудия должны быть произведены и что более искусные производители орудий насилия, или, попросту, оружия, победят производителей менее искусных; что, одним словом, победа той или другой силы зависит от производства оружия, а это последнее, в свою очередь, от производства вообще, следовательно от «экономического могущества», от состояния народного хозяйства, от материальных средств, находящихся в распоряжении силы»¹⁾.

Энгельс на многочисленных исторических примерах доказывает этот основной свой тезис, выясняет, как социально-экономическое развитие влияет на изменение целей войны, на развитие военной организации и способ ведения войны.

Крупнейшим событием, внесшим коренное изменение в войну и военную организацию, было изобретение пороха и огнестрельного оружия. «Но введение пороха и огнестрельного оружия было во всяком случае произведено не насильем, а промышленным, т. е. экономическим, прогрессом»²⁾.

Связь промышленности и военных средств Энгельс иллюстрирует на тогдашней «новинке» военной техники — броненосном судне: «Новейшее боевое судно представляет не только продукт, но также образчик искусства новейшей крупной промышленности: плавающую фабрику, служащую, правда, исключительно для производства расходов. Страна, в которой крупная промышленность развилась всего значительно, обладает почти полную монополией постройки подобных судов»³⁾.

Эта «новинка» сейчас уже устарела. Она далеко превзойдена современными средствами военной техники, являющимися продуктом высокоразвитой промышленности, прежде всего той ее части, которая никогда не знает кризиса, — военной индустрии. Роль, влияние военных концернов на политику и на экономику империалистических держав достаточно очевидно. Беглого взгляда на современное положение достаточно, чтобы убедиться в глубокой правоте Энгельса. Теперь, когда война становится «войной машин», передо-

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 169.

²⁾ Там же, стр. 170.

³⁾ Там же, стр. 175.

вая в технико-экономическом отношении страна является вместе с тем и наиболее могучей в военном смысле. В этой связи глубочайшее значение имеет сталинское учение о темпах нашего социалистического строительства. На совещании хозяйственников в 1931 г. он ярко говорил о «волчьем законе капитализма», по которому битым и угнетенным оказывается отсталый. Он иллюстрирует это блестящим образом из истории нашей страны, которую «непрерывно били за отсталость», били за «отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную».

«Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют», — заключает товарищ Сталин ¹⁾ и выдвигает лозунг «Техника в период реконструкции решает все», лозунг, сыгравший огромную роль, в частности, в деле укрепления обороны нашей страны, а ныне ходом развития смененный другим сталинским лозунгом «Кадры решают все».

Диалектик Энгельс не ограничился установлением связи и зависимости средств и способа войны от экономических факторов. Он смотрит глубже, нащупывает и устанавливает обратное влияние. Так, он пишет: «Введение же огнестрельного оружия подвело преобразующим образом не на одно собственно военное дело, но также на политические отношения подчинения и господства. Для приобретения пороха и огнестрельного оружия требовались промышленность и деньги, а этими двумя вещами владели горожане. Поэтому огнестрельное оружие стало с самого начала оружием горожан и возвышавшейся при их поддержке монархии против феодального дворянства. Неприступные до тех пор каменные твердыни дворянских замков пали перед пушками горожан, а пули их винтовок пробивали рыцарские латы. Вместе с одетой в броню кавалерией дворянства была разбита и его власть» ²⁾.

Выше мы уже приводили пример Энгельса о том, как структура военной организации варварских германских племен и особая форма завоевания ими Римской империи обусловили развитие феодальных отношений.

Устанавливая примат экономики, выдвигая тезис, что «ничто не зависит до такой степени от экономических условий, как именно армия и флот» ³⁾, основоположники научного коммунизма сочетают его и с другим тезисом, свидетельствующим об обратном влиянии, о диалектическом взаимопроникновении.

«Армия, — говорит Маркс, — важна для экономического развития. Так, например, у древних наемная плата вполне развилась прежде всего в армии... Здесь же имеет впервые место и применение машин в крупном масштабе. И даже особая ценность металлов и употребление их в качестве денег основывалось, повидимому, первоначально... на их военном значении. В армии же впервые проводится разделение труда внутри одной профессии. Вся история буржуазных общественных формаций выражена здесь в сжатом виде с поразительной ясностью» ⁴⁾.

Этот тезис сформулирован Марксом в переписке с Энгельсом, что является ярким подтверждением того, что коренные, принципиальнейшие установки по всем вопросам давались Марксом, что разработка Энгельсом военных проблем оплодотворялась оживленным обменом мнениями с Марксом. Вместе с тем нужно подчеркнуть, что здесь, на военном материале, получил четкую формулировку один из важнейших принципов исторического материализма и дан нагляднейший пример основного закона диалектики — единства и взаимопроникновения противоположностей.

¹⁾ Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 445, 446.

²⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 170.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XXII, стр. 240.

Энгельс об армии и способе ведения войны

Марксизм-ленинизм учит, что армия — важнейшее орудие диктатуры господствующего класса. «Армия — организованная часть общества, состоящая из вооруженных людей, находящихся в распоряжении государства для целей наступательной и оборонительной войны», — пишет Энгельс в статье «Армия»¹⁾. Классовый характер государства делает армию по своей сущности классовой. Это, в сочетании с данным уровнем производительных сил, обуславливает как исторически-определенный характер самой военной организации, так и способ ее действий.

Армия рабовладельческого общества состояла только из «свободных»; господствующий класс рабовладельцев был против вооружения рабов. Армии феодализма были малочисленны, ибо сражался только рыцарь, а его челядь составляла обоз и выполняла подсобные функции.

Старая неуклюжая армия, боровшаяся против новой армии Великой французской революции, представляла собой «военный слепок с абсолютизма», — пишет Энгельс в «Анти-Дюринге».

Армия Французской революции была многочисленной, массовой, ибо третье сословие, ставшее у власти, вело за собой массы крестьян, ремесленников и рабочих. С одной стороны, военная наука, армия, «созданная революцией и Наполеоном, представляла результат данных революцией новых условий», а с другой — «предпосылкой наполеоновского ведения войны были выросшие производительные силы»²⁾.

Самая массовость армий, ставшая единственно возможной с наступлением буржуазной эры, не есть нечто одинаково приложимое ко всякой стране, вне учета ее социально-экономических условий. Нет общей мерки: «Если Франция и Пруссия в состоянии вложить 50% своего населения и дать 70% под знамена, то Австрия, в крайнем случае, в состоянии дать 50%, а Россия — только 30%... Так же, как и Россия не может увеличить свою боееспособную силу с 2—3 до 50% без полного переворота во всей своей внутренней социальной и политической организации и прежде всего производства, так же не в состоянии Германия довести процент призываемого населения с 5 до 12, не революционизируя производства и не увеличивая, по крайней мере, вдвое его результаты»³⁾. Нам станет понятной такая разница в возможностях России и Германии, если мы учтем, что Энгельс писал это до крестьянской реформы в России, т. е. конкретно учитывал ее социальную и экономическую отсталость, неразвитость буржуазных отношений, отсутствие тех условий, которые делают возможным создание массовых армий, предполагающих «эмансипацию буржуазии и крестьянства». И вот интересное сравнение масштаба массовости армий при буржуазном строе и после его свержения: «Сила нового способа войны, нарождающегося с уничтожением классовых различий», по словам Энгельса, состоит в том, что «создается возможность призывать под оружие не 5—7, а 12—16% населения», а в некоторых случаях («если национальное производство поднялось и достаточно организовано») — и до 20%.

В этой же связи ценно одно высказывание Энгельса о милиционной армии. Он не верит в возможность целесообразного применения милиционного принципа в условиях классового общества. «Только коммунистически устроенное и воспитанное общество может достаточно приблизиться к милиционной системе»⁴⁾, — пишет он Марксу. Все эти расчеты не только

¹⁾ «Записки секции по изучению проблем войны при КА». Т. III, стр. 72.

²⁾ Энгельс «Возможность и предпосылки войны св. союза». Статьи и письма военным вопросам, стр. 29. Изд. 1924 года.

³⁾ Там же, стр. 28, 30.

⁴⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 14.

характерны в том смысле, что Энгельс, изучая военные вопросы, заглядывал в будущее, прикидывал свои обобщения к тому строю, борьбе за который он посвятил всю свою жизнь, но соображения Энгельса имеют актуальнейшее значение и теперь, когда социализм победил в нашей стране.

Вернемся, однако, к взглядам Энгельса на способ ведения войны. Капитальнейшим и исходным в этой области является знаменитое положение, что «вооружение, состав, организация, тактика и стратегия находятся в прямой зависимости от данной степени развития производства и средств сообщения. Не «свободное творчество ума» гениальных полководцев совершало перевороты в этой области, а изобретение лучшего оружия и изменение в составе армий; влияние гениальных полководцев, в лучшем случае, ограничивалось лишь приспособлением способа войны к новому оружию и новым бойцам»¹⁾. Значит, улучшение оружия и изменения в составе войска являются опосредствующим звеном влияния экономических и политических условий на способ ведения войны.

Рассмотрим это на ряде исторических примеров, которых больше чем достаточно. В рабовладельческой Греции единственной формой боевого порядка была фаланга тяжеловооруженной пехоты, в которую зачислялись только «свободные», т. е. рабовладельцы. Расширение войн потребовало призыва и из беднейшего класса тетов, которые составили легкую пехоту. Последняя, затем, была расширена включением в нее и наемников. Но основой оставалась фаланга, атака которой решала бой, подготовленный, разведанный и поддержанный легкой пехотой. Как видим, классовые отношения здесь отразились и на организации вооруженных сил и на формах боя. Затем, понадобилось уже включение наемников и в фалангу, а это ухудшение, изменение состава отразилось и на первоначальном характере ее. Энгельс в статье «Армия» пишет, что «из-за включения же в фалангу наемников, не имевших права гражданства, особенности фаланги, как преимущественно национальной части армии, куда допускались раньше только свободные граждане государства, претерпели изменения в худшую сторону»²⁾.

Армии позднего феодализма комплектовались на основе вербовки из всяких деклассированных элементов. Надежность и стойкость этого войска были низки, а вся организация и весь его внутренний порядок обуславливались именно таким социальным составом. Казарма, продолжительная и жестокая муштра, палка, большие неповоротливые соединения должны были обеспечивать дисциплину и боеспособность такого войска. «Единственной формой борьбы, при которой возможно было употреблять огнестрельное оружие с такими солдатами, была линейная тактика, достигшая совершенства при Фридрихе II»³⁾.

Если социальный состав солдат сделал необходимым сбивать их в плотные, неуклюжие построения, то, с другой стороны, такое построение обуславливалось и состоянием оружия. Тогдашний мушкет долго заряжался, и, чтобы поддерживать непрерывный залповый огонь, нужно было несколько сменяющих друг друга в стрельбе шеренг. Вместе с тем несовершенство огнестрельного оружия допускало такие плотные линейные построения, ибо действенность и дальность огня были незначительны. Вот в чем корни нехитрой линейной тактики. «Сонная неповоротливость дореволюционных армий находилась в тесной связи с феодальной системой»⁴⁾.

Пускать в бой такое войско нужно было с большой осмотрительностью не только в силу особенностей его состава, но и потому, что «победа или поражение быстро решались одним ударом, как только пехота вступала в

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. т. XIV, стр. 170.

²⁾ «Записки секции по изучению проблем войны при КА». Т. III, стр. 83.

³⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 171.

⁴⁾ Энгельс «Возможность и предпосылки войны св. союза». Статьи и письма, стр. 27. Изд. 1924 года.

дело»¹⁾. Этим, а также отсутствием целей, способных захватить массы, поднять страну, определялась и стратегия того времени. Сложное маневрирование, имевшее целью поставить противника в невыгодное положение, заставить его без боя очистить территорию, продолжительность войн, ставка на измор — вот характерные черты тогдашней стратегии.

И когда против подобных войск выступили американские фермеры, борющиеся за свою независимость от английского колониального владычества и имевшие лишь то техническое преимущество, что умели лучше стрелять, наступил крах линейной тактики. Повстанцы, пишет Энгельс в «Анти-Дюринге», «к тому же не имели любезности выстраиваться линиями и вступать в бой с англичанами в открытых местностях, но, наоборот, нападали на них в лесах, рассыпаясь мелкими подвижными отрядами стрелков. При таких обстоятельствах длинные шеренги оказались совершенно бессильными и пали под ударами невидимых и недосыгаемых врагов. Изменившийся состав войска вызвал новый способ войны — рассыпной стрелковый строй»²⁾.

Как видно из приведенных примеров, Энгельс подчеркивает преобладающую роль не только техники, но самого человека, солдата в изменении способа войны. Последнее особенно выпукло обнаруживается в рождении новой тактики, связанной с наполеоновскими войнами. Энгельс указывает, что против обученных войск коалиции революционная Франция могла выставить необученные или плохо обученные, но многочисленные массы, воодушевленные революционными идеями. «Требовалось найти новую форму для употребления в дело, и она была найдена в колонне. Построение колоннами позволяло даже неопытным войскам двигаться в порядке и притом с ускоренной быстротой (100 шагов и более в минуту), оно позволяло разрывать старые окаменелые формы линейного строя и сражаться на любой, совершенно неудобной для линий, местности»³⁾. И дальше: «Этот новый способ войны... был в тактическом и стратегическом отношении доведен до совершенства Наполеоном, но необходимость его была создана французской революцией, изменившей свойства солдат»⁴⁾.

Но дело не только в этом, дело в том, что были налицо и определенные усовершенствования в оружии: «Его подготовили также два очень важных технических усовершенствования: во-первых, более легкие лафеты, построенные Грибовалем для полевых орудий, позволили передвигать их с требуемой быстротой; во-вторых, введенная во Франции в 1776 году и заимствованная у охотничьих ружей изогнутость приклада, составлявшего прежде прямое продолжение ствола, дала возможность целить и попадать в отдельных людей. Без этих усовершенствований нельзя было бы при помощи старого ружья применить стрельбу в рассыпном строю»⁵⁾.

Энгельс отмечает две отличительные черты наполеоновского способа ведения войны — «массовый характер наступательных средств в виде людей, лошадей и пушек и подвижность этих средств»⁶⁾. Там же Энгельс подчеркивает и еще одно необходимое условие нового способа войны — «известную степень умственного развития солдата»⁷⁾. Заканчивает он это выводом, что новый способ явился «необходимым продуктом новых общественных отношений», а своей предпосылкой имел «выросшие производительные силы»⁸⁾.

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 171.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же, стр. 172.

⁵⁾ Там же.

⁶⁾ Энгельс «Возможности и предпосылки войны св. союза». Статьи и письма, стр. 25. Изд. 1924 года.

⁷⁾ Там же, стр. 26.

⁸⁾ Там же, стр. 29.

Вот какой сложный переплет взаимозависимостей и взаимовлияний раскрывает Энгельс, анализируя рождение нового способа войны. К этому он добавляет еще и то революционизирующее влияние, которое производили этот способ и революционная армия на остальную консервативную, феодальную Европу:

«Французская революционная армия вошла в самое сердце Германии, сделала Рейн границей Франции и везде проповедывала свободу и равенство. Французские революционные войска толпами прогоняли дворян, епископов и мелких князей, которые в течение стольких веков играли в истории роль марионеток. Они расчищали почву, точно они были пионерами в девственных лесах американского далекого запада; допотопный лес «христианско-германского» общества исчезал при их победоносном шествии, подобно облакам при восходе солнца... Наполеон был в Германии представителем революции, пропагандистом ее принципов, разрушителем старого феодального общества... Режим террора, который сделал свое дело во Франции, Наполеон в других странах применял в форме войны, и этот «режим террора» в Германии был крайне необходим»¹).

Блестящий пример крупнейшей роли революционного насилия в перестройке, в ломке отживших общественных отношений! Нужно добавить, что эта ломка в сочетании с непосредственным влиянием нового способа войны повела к крутым преобразованиям военной организации в ряде европейских армий, прежде всего в Пруссии, где реформы Штейна—Шарнгорста, введение всеобщей воинской повинности знаменовали крутой разрыв с традиционной системой Фридриха Великого.

Особенно тщательно Энгельс изучал опыт крымской войны 1854—1856 г. и франко-прусской 1870—1871 годов. Все написанное им об этих войнах—лучший образец марксистского анализа конкретных войн и проблем, им сопутствующих. «Скучная война» — так озаглавливает Энгельс одну из своих статей о восточной войне. Скучная потому, что противники не обнаружили решительности ни в действиях, ни в постановке задач для военных операций. Нет ярких образцов военного искусства или сколько-нибудь заметных новшеств в способе войны! Откуда это могло бы быть, если и политика консервативно-монархических государств, участвовавших в войне, была столь же скучной, вялой и бесцветной, если никто из них всерьез не думал о нанесении решительного разгрома противнику? Энгельс беспощадно вскрывает эту застойность и бессилие. «Факт налицо,—пишет он в этой статье,— что консервативная Европа — Европа порядка собственности, семьи и религии, Европа монархов, полководцев и капиталистов, как бы ни противостояли они друг другу в различных странах,—доказала свое полное бессилие»²).

Этому затхлому бессилию Энгельс противопоставляет начавшееся в Испании революционное восстание, вносящее свежую струю в застоявшуюся атмосферу монархической Европы. «Весьма характерно, что войска официальной Европы, показавшие свою негодность к войне, одновременно терпят поражение от восставших граждан», — пишет он по поводу первых поражений испанской военщины³).

Франко-прусская война подвергнута Энгельсом наиболее полному и глубокому анализу: «Во франко-прусской войне в первый раз встретились два войска, оба вооруженные нарезными ружьями, заряжающимися с казенной части, и оба придерживавшиеся в существенных чертах одной и той же тактики, оставшейся от времен старых гладкоствольных кремневых ружей»⁴).

¹) Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. V, стр. 8.

²) Энгельс. Статьи и письма по военным вопросам, стр. 106. Изд. 1924 года.

³) Там же, стр. 107.

⁴) Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 172.

Таким образом, со стороны уровня техники и по тактике противники существенно не отличались. Но какая колоссальная разница в целях войны! Для Германии речь шла о национальном объединении, о национальном существовании. Прогрессивный характер этой войны позволил поднять нацию на войну, вдохнуть энергию в военные действия. А какие крупные исторические цели могла поставить «гнусная», по выражению Энгельса, монархия Наполеона III? Энгельс констатирует, что «причины провала самых лучших шансов наступления лежат в самом Бонапарте, т. е. в гнусной империи, в тех интригах среди командования армией, которые задержали его на пять дней и, вероятно, теперь тоже заставили его выступить, не будучи еще подготовленным»¹). Несомненно, что политиканские директивы правительства немало способствовали поражению армии Мак-Магона. Если добавить к этому, что первые столкновения показали, что во второй империи развал, «все разорено, распродано, промотано, «шаспо» (система ружей. — А. Д.) действовали скверно и в бою отказывались служить, да их и нет больше, — снова вытаскивают на свет старые кремневые ружья», то причины неизбежного поражения Франции станут ясными. Энгельс предвидел это с первых дней войны.

Как мы уже указывали, противники выступили с новыми ружьями, значительно увеличившими эффективность ружейного огня и его дальность. Это повело к любопытным изменениям в тактике, отмечаемым Энгельсом. Они родились так: «Пруссаки попытались, правда, найти в ротных колоннах форму строя, более соответствующую новому вооружению. Но при первом же серьезном испытании ротных колонн, 18 августа при С.-Прива, в пяти принимавших наибольшее участие в деле полках прусской армии за два часа битвы из строя выбыло более трети людей (176 офицеров и 5114 солдат), и с тех пор ротные колонны были так же безвозвратно осуждены, как батальонные колонны и линии; всякие попытки выставлять под неприятельский ружейный огонь какие бы то ни было сомкнутые массы войск были оставлены, и со стороны немцев сражения велись исключительно густыми стрелковыми цепями, на которые, несмотря на сопротивление высших чинов, в начале борющихся с подобным «беспорядком», сами собою обыкновенно распадалась колонны, как только попадали под убийственный град пуль»²).

Тут же Энгельс подчеркивает стихийность возникновения новой тактики и роль солдата в ее закреплении: «Солдат опять оказался разумнее офицера; он инстинктивно нашел единственную форму борьбы, возможную под огнем заряжающихся с казенной части ружей, и успешно повел ее вопреки упорству своих начальников»³). В заключение этого раздела нужно отметить указание Энгельса на будущий способ ведения войны победившего пролетариата:

«Эмансипация пролетариата также будет иметь свое военное выражение и создаст новый метод ведения войны. Это ясно»⁴). И тут же указывает некоторые его моменты: увеличение массовости армии, возможность доведения процента призываемых до 20, рост подвижности, «новые комбинации» операций благодаря железным дорогам и телеграфу и т. д.

Ярким подтверждением этого тезиса Энгельса являются величайший опыт нашей гражданской войны и вся структура военной организации государства диктатуры пролетариата. В речи на пленуме Моссовета в 10-ю годовщину РККА товарищ Сталин указал на три особенности нашей Красной армии, невиданные доселе в истории и рисующие ее как новый тип военной организации, единственно возможной лишь после победы пролетариата.

¹) Письмо Марксу от 3 августа 1870 года.

²) Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 172.

³) Там же, стр. 173.

⁴) Энгельс. Статьи и письма по военным вопросам, стр. 29.

Эти три особенности заключаются в том, что, во-первых, это армия диктатуры пролетариата, во-вторых, армия братства между народами и, наконец, это армия мировой революции.

Наш способ ведения гражданской войны — стратегия пролетарской диктатуры — имеет совершенно новые, невиданные доселе черты. Блестящим примером и подтверждением этого является стратегия товарища Сталина в разгроме белого Юга (Деникина). Пролетарский стратег избрал основным операционным направлением не обычное, наикратчайшее направление, а более длинное, потому что это более длинное направление шло через пролетарский Донбасс, где силы наступающей Красной армии увеличивались во много раз (Ворошилов «Сталин и Красная армия»).

Победа Красной армии над многочисленными и прекрасно вооруженными армиями интервентов и отечественной контрреволюции является также показателем нового, особого, более высокого способа ведения войны государством пролетарской диктатуры.

Как разнятся от ясного указания Энгельса — «великого знатока» (Ленин) военного дела, — от приведенных нами примеров толки контрреволюционера Троцкого и его меньшевистского подголоска Рязанова о том, что никакой особой стратегии, никакого особого способа войны победивший пролетариат не создаст. Основной порок контрреволюционного троцкизма — неверие в силы пролетариата — сказался и в этом. Троцкий вообще отрицал возможность приложения марксизма к военному делу, выводил развитие способа войны «из внутренних факторов военного дела». Эту идеалистическую, контрреволюционную стряпню, данную в предисловии к сборнику статей Энгельса о войне, этот изменник пытался прикрыть именем великого революционера, диалектика Энгельса! Мы достаточно знаем настоящего Энгельса, чтобы с негодованием отвергнуть эту контрреволюционную клевету.

Война, революция и тактика пролетариата

Уже в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс обстоятельно критикуют и резко отвергают обычное, как они говорят, представление, что «в истории до сих пор все дело было только в захвате»¹⁾. Не война и захват, а революция создает новое общество: «Революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс только в революции может избавиться от всей старой мерзости и стать способным создать новое общество»²⁾.

Таким образом, уже у самых истоков марксизма вопрос — война и революция — был поставлен и решен основоположниками марксизма в принципиальнейшей своей части. Дальнейшая разработка шла уже не вокруг вопроса — война и революция: она шла в том направлении, какую роль для революции, для ее ускорения, развязывания, успеха играет война, какую роль в самой революции имеет сила, насилие.

Мы уже приводили знаменитое положение Маркса о роли силы как «повивальной бабки» истории. В классовом обществе не может быть мирного социального переворота, смена одного классового общественного строя другим может произойти только как насильственное свержение одного другим, через революцию, через кровавые битвы.

Что война может повести к революции, развязать ее, облегчить, — это не раз отмечали Маркс и Энгельс. Маркс в предисловии к первому изданию «Капитала» писал, что «подобно тому, как в XVIII столетии американская война за освобождение прозвучала набатным колоколом для среднего класса

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. IV, стр. 63.

²⁾ Там же, стр. 60.

Европы, точно такую же роль по отношению к рабочему классу Европы сыграла американская гражданская война в XIX столетии»¹).

Что касается Энгельса, то мы уже приводили его слова об огромном революционизирующем влиянии наполеоновских войн на феодальную Европу. В своих пророческих высказываниях о будущей войне Энгельс делает вывод, что несомненным ее результатом будет «всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса» (предисловие к брошюре Борнгейма). Именно создание условий, развязывание революции, война как набатный колокол революции — вот точка зрения основоположников марксизма. Эту точку зрения продолжают и развивают Ленин и Сталин.

Ленин рассматривал мировую империалистическую войну как «великого, могучего, всесильного «режиссера», который способен «ускорить в громадных размерах течение всемирной истории»²). Но вместе с тем Ленин подчеркивал, что «социалистическая революция может разгореться не только из-за крупной стачки или уличной демонстрации, или голодного бунта, или военного восстания, или колониального мятежа, но и из-за любого политического кризиса»³).

Анализируя внешнюю и внутреннюю обстановку Октябрьской революции, товарищ Сталин указывает, что одним из трех внешних обстоятельств, облегчавших нашу победу, является то, что «Октябрьская революция началась в ходе империалистической войны, когда измученные войной и жаждавшие мира трудящиеся массы самой логикой вещей были подведены к пролетарской революции, как единственному выходу из войны»⁴).

Связь войны и революции не механическая; никакая война самотеком не приведет к пролетарской революции. Ленинский лозунг о превращении войны империалистической в войну гражданскую предполагал активную революционную борьбу партии и рабочего класса за такое превращение. С исчерпывающей четкостью сформулировал это положение товарищ Сталин в своем докладе на XVII съезде партии: «Победа революции никогда не приходит сама. Ее надо подготовить и завоевать. А подготовить и завоевать ее может только сильная пролетарская революционная партия».

Эти высказывания как основоположников марксизма, так и Ленина и Сталина, устанавливая связь войны и революции, подчеркивая роль войны как одного из условий, подготавливающих и развязывающих революцию, решительно опровергают клеветнические утверждения социал-демократии, будто коммунисты рассматривают войну как непременно условие революции, а потому стоят за развязывание войны. VII конгресс КИ решительно опроверг эту клевету. В его резолюции о подготовке империалистами новой мировой войны мы читаем: «VII всемирный конгресс Коммунистического интернационала со всей решительностью отвергает клеветнические утверждения, будто коммунисты желают войны, ожидая, что она принесет революцию. Уже руководящее участие коммунистических партий всех стран в борьбе за сохранение мира, за торжество мирной политики Советского союза доказывает, что коммунисты всеми силами стремятся затруднить подготовку и развязывание новой войны».

Маркс и Энгельс были не только теоретиками научного коммунизма, но и пламенными борцами за пролетарскую революцию. Интересы революции они ставили превыше всего. К любому вопросу и событию они подходили с той меркой, как это событие, проблема способствуют развязыванию революционных сил, подготавливают революционный взрыв, помогают революции. Энгельс, непререкаемый авторитет в военных вопросах, которого в близком

¹) Маркс «Капитал». Т. I, стр. XV.

²) Ленин. Собр. соч. Т. XX, стр. 14.

³) Ленин. Собр. соч. Т. XIX, стр. 39.

⁴) Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 75.

ему и Марксу кругу называли «генералом», подходил к каждому специально военному вопросу, к каждой изучаемой войне как стратег и тактик пролетарской революции. Каждую войну он непременно анализирует с точки зрения развязывания и подготовки социальной революции, сообразно с этим намечает тактику пролетариата в этой войне. Это особенно ярко выделяется в работах Энгельса о национально-освободительных войнах и отношении пролетариата к ним.

Характеризуя эпоху со времени Великой французской революции до франко-прусской войны, Ленин указывает, что это «есть эпоха подъема буржуазии, ее полной победы. Это — восходящая линия буржуазии, эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений»¹). Войны этой эпохи являются отражением ее исторических задач, являются по преимуществу войнами поднимающейся буржуазии за свое освобождение, за национальное объединение, за создание национального буржуазного государства. Маркс и Энгельс определяли тактику революционной демократии в войнах этой эпохи, исходя конкретно из разрешения вопроса о том, прогрессивна ли эта война, т. е. помогает ли она историческому прогрессу в смысле расчищения дороги к социальной революции, или она реакционна, т. е. тянет движение назад, тормозит его. Если первую нужно поддерживать, то против второй нужно направлять все силы демократии, бороться за поражение сил, ведущих реакционную войну. «Элементы современной демократии и Маркс, как представитель их, — руководствуясь бесспорным принципом поддержки прогрессивной буржуазии (способной на борьбу буржуазии) против феодализма, решали тогда вопрос о том, «успех какой стороны», т. е. какой буржуазии, желательнее»²).

Рассмотрим отношение Маркса и Энгельса к конкретным войнам их эпохи.

В 1848—1849 гг. революционная волна прокатилась по Западной Европе. Восстание в Венгрии разрослось в широкую борьбу за национальное освобождение. Крепостническая Россия Николая I была оплотом консервативной Европы, душителем венгерской революции. Маркс и Энгельс призывали к поддержке венгерской революции, проповедуя всеобщую войну революционной Европы против оплота контрреволюции — России.

Во время крымской войны 1854—1856 гг., которую Энгельс называл «скучной войной», он и Маркс желали крупного поражения царской России, ибо это поражение могло развязать революционные силы как в Европе, так и в самой России: «Поражение русских очень ускорило бы социальный переворот в России, элементы которого налицо в огромном количестве, и тем самым ускорило бы и резкий перелом во всей Европе»³).

В письме к Зорге, высказывая уверенность в близости революции в России в результате военного поражения, Маркс пишет: «Революция на этот раз начнется на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервом армии контрреволюции».

За консервативными государствами, ведшими между собой «скучную войну», Энгельс видел иную силу. В статье «Европейская война» (1854 г.) Энгельс пишет: «Мы не должны, однако, забывать, что в Европе существует еще одна шестая держава, которая в известные моменты обнаруживает свое господство над всеми пятью так называемыми «великими державами» и заставляет дрожать каждую из них. Эта держава — революция»⁴). Энгельс хо-

¹) Ленин. Собр. соч. Т. XVIII, стр. 108.

²) Там же, стр. 109.

³) Маркс. Письма Либкнехту. «Архив». Т. I (VI), стр. 381.

⁴) Энгельс. Статьи и письма по военным вопросам, стр. 70. Изд. 1924 года.

чет верить, что сигнал к выступлению этой державы «будет дан грозящей нам войной», имея в виду, что крымская война разрастется во всеевропейскую и приведет к поражению России.

Нечего и говорить, что симпатии Маркса и Энгельса были на стороне итальянского освободительного движения 1859 г., что с его развертыванием они связывали надежды и на национальное объединение и освобождение Германии как предпосылку к развитию пролетарского движения.

Разберем в заключение лишь позицию Маркса и Энгельса во время франко-прусской войны, обстановка которой дала им благодарный материал для проверки и развертывания своих взглядов.

Эта война со стороны Германии носила национально-освободительный характер, являясь, следовательно, прогрессивной, «оборонительной», как выражались и Маркс и Энгельс.

«Благодаря Бонапарту Германия оказалась втянутой в войну за свое национальное существование. Если Бонапарт победит ее, то эта победа укрепит бонапартизм и погубит Германию на долгие годы, а может быть, и на целые поколения». В случае же разгрома бонапартизма «германские рабочие смогут организовать в совершенно ином национальном масштабе, чем до сих пор, а у французских, какое бы правительство ни сформировалось у них, наверно, откроется более свободное поле деятельности, чем при бонапартизме»¹⁾.

Как видим, здесь Энгельс все сводит к вопросу о том, победа какой стороны приведет к развертыванию рабочего движения. На основе такого анализа в этом же письме Энгельс набрасывает основные вехи тактики пролетариата (немецкого). Этот блестящий документ стоит привести полностью:

«1) идти вместе с национальным движением, — насколько оно сильно, ты видишь из письма Кугельмана, — постольку и до тех пор, пока оно ограничивается обороной Германии (что при известных обстоятельствах не исключает наступления до самого заключения мира);

2) подчеркивать при этом различие между национальными интересами Германии и династическими интересами Пруссии;

3) бороться со всякой аннексией Эльзаса и Лотарингии — у Бисмарка проглядывает намерение насильственно присоединить их к Баварии и Бадену;

4) в случае прихода к власти в Париже республиканского, не шовинистического правительства выступать в пользу почетного мира с ним;

5) постоянно выдвигать на первый план единство интересов немецких и французских рабочих, которые относились к войне отрицательно и дрались между собой вовсе не как рабочие;

6) по отношению к России выступать так, как говорится в «Адресе Интернационала».

В этом адресе говорилось о бдительном внимании к старому врагу — России, «зловещая фигура которой виднеется на заднем плане этой убийственной борьбы». В этом же адресе предупреждалось, что «если немецкий рабочий класс допустит, чтобы война потеряла свой строго оборонительный характер и выродилась в войну против французского народа, тогда и победа и поражение будут одинаково губительны».

Разгромом Бонапарта оборонительный смысл и содержание войны со стороны Германии были исчерпаны; продолжение превращало ее в войну завоевательную, в войну против французского народа. И если в первый период «немецкий рабочий класс... поддерживал ее энергично», то во второй период тактика меняется: «Немецкие рабочие не потерпят молча аннексии Эльзас-Лотарингии»²⁾. Блестящий пример диалектики!

Маркс и Энгельс оценивали обстановку во Франции как неблагоприят-

¹⁾ Энгельс. Статьи и письма по военным вопросам, стр. 340, 341. Изд. 1924 г.

²⁾ Маркс «Гражданская война во Франции».

ную для захвата власти, ибо предвидели в таком случае смыкание сил французской контрреволюции и немецкой военщины. Но рождение Парижской коммуны и ее героическую борьбу они горячо приветствовали, боролись за ее защиту, высоко оценивали ее опыт и ее общее значение как прообраза диктатуры пролетариата.

В связи с проблемами тактики пролетариата по отношению к войнам необходимо разобрать вопрос о лозунге защиты отечества. Этот лозунг был законным в эпоху национально-освободительных войн. Маркс и Энгельс, как мы видели выше, предлагали немецким рабочим и социалистам поддерживать оборонительную войну Германии, но лишь до тех пор, пока она была оборонительной. Вместе с тем они, как пишет Ленин, «одобряли отказ Бебеля и Либкнехта голосовать за кредиты и советовали с.-д. не сливаться с буржуазией, а отстаивать самостоятельные классовые интересы пролетариата». Из этого ясно, что лозунг защиты отечества был ограничен и по существу и исторически эпохой национально-освободительных войн.

Разоблачая ложные ссылки социал-шовинистов на тактику Маркса и Энгельса и на заявление Энгельса в 1891 г. об обязательности для немецких социалистов защищать отечество против совместного нападения России и Франции, Ленин подчеркивает, что перенесение оценки войн того времени на современную империалистическую «есть издевательство над истиной».

«Кто ссылается теперь на отношение Маркса к войнам эпохи прогрессивной буржуазии и забывает о словах Маркса: «рабочие не имеют отечества» — словах, относящихся и именно к эпохе реакционной, отжившей буржуазии, к эпохе социалистической революции, тот бесстыдно искажает Маркса и подменяет социалистическую точку зрения буржуазной»¹⁾.

Именно таким искажением, изменой делу пролетарской революции был лозунг «защиты отечества» социал-шовинистов в войне 1914—1918 годов. Бичуя эту измену, восстанавливая истинные взгляды основоположников марксизма, развивая их учение применительно к условиям новой эпохи, Ленин внес столько нового в учение марксизма о войне, что мы можем с полным основанием говорить о ленинском этапе и в этой области.

Совершенно иначе обстоит дело с лозунгом защиты отечества в стране победившей пролетарской революции, ставшей отечеством международного пролетариата. «Если «защита отечества» в империалистических странах недопустима, то в государстве пролетарской диктатуры она является непременным революционным долгом»²⁾.

Такая постановка вопроса о лозунге защиты отечества есть постановка ленинская, диалектическая, глубоко революционная. Надо быть таким гнусным изменником, заклятым врагом рабочего класса, как Троцкий, чтобы отвергать эту постановку, смыкаться с международным империализмом в его подготовке войны против СССР.

Марксистско-ленинское учение о войне и тактике пролетариата глубоко развил и обогатил товарищ Сталин. Его типизация войн (о чем мы говорили выше) современной эпохи и разработка тактики международного пролетариата по отношению к разным типам войн являются крупнейшим вкладом в нашу теорию, вкладом, целиком проникнутым революционным духом и боевыми традициями его предшественников. Под его руководством Коминтерн выработал и твердо проводит тактику по отношению к войнам современной эпохи, сформулированную в решениях VI конгресса КИ так: «В войнах, которые ведет против империализма сам пролетариат или пролетарское государство, пролетариат должен защищать свое социалистическое отечество. В национально-революционных войнах пролетариат выступает на защиту страны от империализма. Но в империалистических

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XVIII, стр. 201.

²⁾ «Тезисы VI конгресса КИ».

войнах он должен энергичнейшим образом клеймить «защиту отечества», как защиту эксплуатации и измену социализму»¹⁾.

Товарищ Сталин беспощадно громит измену контрреволюционного троцкизма, разоблачает его смыкание с лагерем интервентов:

«Революционер тот, кто без оговорок, безусловно, открыто и честно, без тайных военных совещаний готов защищать, оборонять СССР, ибо СССР есть первое в мире пролетарское революционное государство, строящее социализм. Интернационалист тот, кто безоговорочно, без колебаний, без условий готов защищать СССР потому, что СССР есть база мировой революции, а защищать, двигать вперед мировую революцию невозможно, не защищая СССР»²⁾.

Сталинский лозунг защиты социалистического отечества сплачивает и мобилизует силы международного пролетариата на борьбу против фашизма и реакции, на защиту СССР, на борьбу за мировую пролетарскую революцию.

VII всемирный конгресс Коминтерна дал исчерпывающие указания о задачах и направлении этой борьбы. Подтвердив решения VI конгресса о борьбе против империалистической войны, он в качестве главной задачи поставил борьбу за мир и в защиту СССР: «перед лицом непосредственной опасности взрыва контрреволюционной войны против Советского союза центральным лозунгом коммунистических партий должен быть лозунг — борьба за мир» (из резолюции по докладу тов. Эрколи). Резолюция VII конгресса указывает, что в случае нападения на СССР «коммунисты призывают всех трудящихся всеми средствами и любой ценой содействовать победе Красной армии над армиями империалистов».

VII всемирный конгресс Коминтерна дал также исчерпывающие указания о тактике коммунистов в национально-освободительной борьбе против империализма. Коммунисты обязаны стать в первые ряды бойцов за национальную независимость, вести борьбу до конца, не позволять «своей» буржуазии идти на сделку с империализмом. Директива конгресса четка: «Коммунисты обязаны активно поддерживать национально-освободительную борьбу угнетенных колониальных и полуколониальных народов, в особенности же борьбу красной армии китайских советов с японскими и другими империалистами и гоминданом» (из резолюции по докладу тов. Эрколи).

Энгельс о будущей войне

Энгельс внимательно следил за войнами, военной техникой и военным искусством своей эпохи. Огромная осведомленность, проникновение во все стороны военного дела, а главное, мастерское применение в этой области диалектико-материалистического метода позволяли Энгельсу не только давать блестящий анализ современных ему войн и отдельных сражений, но и делать глубокие прогнозы. Так, уже в самом начале гражданской войны в США он выразил уверенность в неизбежности победы Севера. С точки зрения военной он ставит южан значительно выше северян, но главное для него не в этом. «На каждого лишнего человека, которого Юг еще может выставить, Север выставит трех или четырех», — пишет он Марксу 12/VI 1861 года. Наконец, на стороне Севера огромное материальное преимущество в виде развитой промышленности и всемогущего доллара. Исключительно глубокий прогноз дал Энгельс франко-прусской войне 1870—1871 годов. За блестящим фасадом империи Наполеона III он отлично видел гниль и распад этой, как он выражался, «гноусной империи». В отношении же ее против-

¹⁾ Стенографический отчет. Выпуск VI, стр. 87.

²⁾ Сталин «Об оппозиции», стр. 674.

ника он констатирует: «Вся масса германского народа, без различия классов, поняла, что дело идет, в первую очередь, о национальном существовании, и поэтому сразу взялась за дело». Он подробно анализирует политическое и военно-техническое положение обеих сторон и пророчески заключает: «Успешный исход войны, т. е. конечная победа немцев, — не подлежит для меня никакому сомнению»¹). Надо иметь в виду, что этот прогноз дан спустя всего 10 дней после объявления войны!

Но оба приведенных примера далеко превзойдены гениальным предвидением Энгельса будущей мировой войны, ее размаха и ее последствий. Анализируя перспективы возможной европейской войны, он пишет в 1887 году:

«Это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и об'едать при этом всю Европу до такой степени дочиства, как никогда еще не об'едали тучи саранчи. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, скатое на протяжении трех — четырех лет и распространенное на весь континент, — вот что принесет такая война».

Как точно оправдался этот прогноз войны 1914—1918 гг. и в отношении всемирного характера, и в отношении численного размаха, и опустошений! Как неизмеримо высоко стоит этот прогноз диалектика и материалиста Энгельса над плоскими и бездарными умствованиями буржуазных политиков и военспецов, прорицавших окончание мировой войны в 2—3 месяца!

Но это еще не все. Энгельс предвидит, что результатом этой войны будет «крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым, и не находится никого, чтобы поднимать эти короны».

«Только один результат абсолютно несомненен, — пророчески заключает Энгельс, — всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса» (все выдержки из предисловия Энгельса к брошюре Борнгейма).

«Какое гениальное пророчество! — писал Ленин по поводу этих слов Энгельса. — И как бесконечно богата мыслями каждая фраза этого точного, ясного, краткого, научного классового анализа!»²). Но Ленин ясно видел, что прогноз Энгельса, данный на основе анализа доимпериалистического периода, не может быть полностью приложен к империалистическим войнам. Ленин тут же подчеркивает это:

«Кое-что из того, что предсказал Энгельс, вышло иначе; еще бы не измениться миру и капитализму за тридцать лет бешено быстрого империалистического развития. Но удивительнее всего, что столь многое, предсказанное Энгельсом, идет, «как по-писанному».

Мировая война, действительно, кончилась революционной волной невиданной силы. В нашей стране, на основе ленинского учения о превращении войны империалистической в войну гражданскую, победила пролетарская революция. Нужно ли более блестящее подтверждение того, что единственно научной теорией является теория марксизма и что только на основе ее возможно научное предвидение?!

* * *

Маркс и Энгельс не дожили до империалистической эпохи и до ее войн. Но их учение о войне, базировавшееся на анализе доимпериалистической эпохи, блестяще теоретически развито применительно к обстановке и войнам новой эпохи их великими продолжателями — Лениным и Сталиным, конкретизировано практически пролетарскими полководцами Фрунзе и Ворошиловым и является великолепным инструментом в строительстве вооруженных сил государства пролетарской диктатуры, компасом в будущих революционных боях.

¹) В письме Марксу от 31/VI 1870 года.

²) Ленин. Собр. соч. Т. XXIII, стр. 105—106.

Царская цензура о произведениях Ф. Энгельса

Ф. Константинов

Бекон когда-то писал, что время подобно быстро текущей реке: оно доносит до последующих поколений лишь легковесное, поверхностное и топит безжалостно в своих пучинах все веское, основательное, глубокое. Это, конечно, неверно.

Время безжалостно уничтожает и предаёт забвению прежде всего мелкое, ничтожное, безжизненное. Подлинно же великое не только не умирает, не тонет в пучине времени, но ходом истории еще больше возрастает в своей силе, в своем величии, в своей непоколебимой правоте и жизненности.

Лучшим доказательством последнего служат имена творцов научного коммунизма и их поистине бессмертные творения, самые величественные произведения человеческого гения. Труды Маркса, Энгельса, Ленина не только не забыты, но, наоборот, они сегодня празднуют свое великое торжество. Каждый шаг всемирной истории, каждое сколько-нибудь значительное явление современности все больше и больше подтверждают истинность марксизма-ленинизма. Жалкие апологеты капитализма, которые сначала пытались замолчать произведения Маркса и Энгельса, а когда уже замалчивать стало невозможно, переходили к их травле, писали бесчисленные опровержения принципов марксизма.

А кто сейчас помнит этих ничтожных противников Маркса и Энгельса? Они забыты, как забыты и их бездарные произведения. Правда, их место заступили новые защитники капитализма и опровергатели марксизма, но кто может сомневаться в том, что их постигнет та же участь, что и их бесславных предшественников?

Печатаемые ниже документы царской цензуры о произведениях Ф. Энгельса замечательны во многих отношениях.

Они показывают, с какой свирепостью относились сторожевые псы царизма к великим произведениям научного коммунизма, марксизма. Но каков итог, результат этой политики царизма?

Царизм несмотря на всю свою свирепость и беспощадность не смог задушить марксизм, воспрепятствовать проникновению великих идей в среду рабочего класса, идей, которые были изложены в «Положении рабочего класса в Англии», в «Анти-Дюринге», в «Л. Фейербахе» и других произведениях Маркса и Энгельса.

Марксизм запрещали; произведения, где излагались великие идеи научного коммунизма, сжигались, но марксизм сегодня жив больше чем когда бы то ни было, а свирепый царизм погиб безвозвратно, навсегда.

Разве этот великий исторический пример не доказывает, что в тех странах, и прежде всего на родине Маркса и Энгельса, где марксизм запрещен, где произведения Маркса и Энгельса сжигаются на кострах, разве не ясно,

что идеи марксизма-ленинизма проложат там себе дорогу сквозь все препятствия и заграждения и превратятся в великую материальную силу, которая сметет «свирепый» фашизм?

Кто может в этом сомневаться после той участи, которая постигла запретителей и истребителей марксизма в царской России? Вожди фашизма утверждают, что им удалось уничтожить марксизм в своей стране. Это, конечно, чепуха. Марксизм уничтожить так же нельзя, как нельзя уничтожить рабочий класс, выражением интересов которого является марксизм-ленинизм. Великий Сталин на XVII съезде ВКП(б) говорил:

«Более 80 лет прошло с тех пор, как марксизм выступил на арену. За это время десятки и сотни буржуазных правительств пытались уничтожить марксизм. И что же? Буржуазные правительства приходили и уходили, а марксизм оставался. Более того, — марксизм добился того, что он одержал полную победу в одной шестой части света, причем добился победы в той самой стране, где марксизм считали окончательно уничтоженным. Нельзя считать случайностью, что страна, где марксизм одержал полную победу, является теперь единственной страной в мире, которая не знает кризисов и безработицы, тогда как во всех остальных странах, в том числе и в странах фашизма, вот уже четыре года царят кризис и безработица. Нет, товарищи, это не случайность»¹⁾.

Печатаемые ниже документы интересны и в другом отношении. По ним можно наблюдать, как идет нарастание противоречий в царской России, как начинает гореть почва под ногами казалось бы у всемогущих, самодержавных властителей «всей Руси» и как вместе с нарастанием противоречий растет свирепость царской цензуры. Но это возрастание свирепости и беспощадности было не столько выражением силы, сколько выражением слабости, страха господствующего класса, точь-вточь как в современной Германии. Вот отзыв цензора Майкова о «Положении рабочего класса в Англии», отзыв, относящийся к 1871 году. В Западной Европе в это время только что отзвучали раскаты гражданской войны, только что погибла Парижская коммуна, возвестившая о тайне классовых битв XIX столетия. В России в это время капитализм только еще продельывает период первоначального накопления. Пролетариат только формируется. Россия пока находится во власти феодальных отношений. Но уже рождается спрос на такую книгу, как «Положение рабочего класса в Англии». Цензор Майков несмотря на всю свою узколобость не может отказать книге в том, что это — серьезное научное произведение. Он пишет, что в книге дано «изложение научное, исполнено цифр и цитат так, что книга несмотря на свой тенденциозный характер имеет серьезный вид, выходя из ряда брошюр на ту же тему, наводняющих западную литературу».

Правда, этот жандарм по делам печати дальше пишет, что в настоящее время, т. е. в 1871 г., «книга утратила свой научный интерес». Но на то он и жандарм. Из отзыва Майкова видно, что так называемый рабочий вопрос в России еще не приобрел своей остроты, отсюда и сравнительно неопределенная, нерешительная позиция в отзыве: запретить или не запретить. Высшая инстанция — Комитет по делам цензуры — вынесла свое «запретить».

Но вот в России капитализм уже претерпел период бурного развития. Россия пережила революцию 1905 г. и знаменитое декабрьское восстание. Возникает вторая попытка издать книгу Энгельса, которая для России приобрела сугубо актуальное значение. Как отнеслась царская цензура в 1909 г. к книге, написанной 65 лет назад, видно из отзыва цензора Смирнова. Этот отзыв поистине замечателен. «Есть запрещенные книги, — пишет Смирнов, — и их довольно большое количество, которые с течением времени настолько устаревают, что цензурное запрещение отпадает потом от них по

¹⁾ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 597. 10-е изд.

запоздалости и отсталости запретных свойств этих книг. Нельзя сказать того же про вышеизложенное сочинение известного своею яростью проповедника боевого социализма и даже коммунизма Энгельса».

Зубр царской цензуры Смирнов тут же объясняет, почему отзыв Майкова в 1871 г. был «преисполнен нерешительности и чуть ли не склонности признать книжку дозволимой» и почему в 1909 г. книжку злокозненно-го «пропагатора социализма» нельзя издавать.

«Теперь же, — пишет цензор, — когда социалистическая проповедь из отвлеченной теории превратилась на наших глазах в социалистическое движение, сочинение Энгельса приобретает свое значение как печатное приглашение пролетариата к самой отъявленной борьбе, и не только словом, но и делом, с буржуазией, как у него называются все имущие классы, кроме рабочих. И хотя он в своей книжке трактует только об Англии и об английских классах имущих и пролетариев, но после того, как недавно прошел по всей Европе клич «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!», содержание книжки сразу получает широчайшее значение чего-то вроде общепролетарского катехизиса, даже больше того — зажигательного воззвания к пролетариату ополчиться против имущих классов. Вся книга представляет сплошное обвинение буржуазии во всех неблагоприятных рабочих классах».

Несмотря на то что книга написана о положении английского рабочего класса, царский цензор чувствует, что эта книга является обвинительным документом и русской буржуазии.

В чем значение, неослабевающая сила этого гениального произведения юного Энгельса, почему царская цензура одно за другим накладывала на него свое сакраментальное «запретить»?

Что нового было в этой книге? И до Энгельса писали об ужасах нищеты, на которую обречен рабочий класс при капитализме. Эта нищета, бедствия рабочих у многих честных людей вызвали сострадание к трудящимся. Но они не могли указать выхода из этой нищеты, из этих бедствий. Видя нищету рабочих, эти люди — социалисты-утописты — ставили своей задачей убедить капиталистов в безнравственности их поступков, они хотели проповедью добиться уничтожения язв и пороков капитализма. Это было пустой, бесплодной мечтой. Великая заслуга Энгельса и Маркса состояла в том, что они в нищете рабочего класса увидели не только зло: они увидели и другую сторону дела, что эта нищета толкает рабочий класс на борьбу против условий, обрекающих их на нищенское существование. Так родилась идея соединения социализма с рабочим движением. До этого времени социалисты не были связаны с рабочим классом и видели в последнем только зло, язву, а рабочие, хотя и боролись против капиталистов, но еще не были социалистами. Великое значение произведения Энгельса состояло в том, что в нем указывался истинный путь выхода из положения через классовую борьбу пролетариата против буржуазии, в этом произведении давался истинный лозунг борьбы.

Это еще в большей мере относится к таким произведениям, как «Л. Фейербах», «Анти-Дюринг», где великие идеи, принципы марксизма изложены в наиболее зрелой, блестящей, прямо увлекательной форме. Даже царский цензор в своем отзыве о «Л. Фейербахе» отмечает эту сторону, и это вызывает его страх перед неотразимой силой гениального произведения Энгельса.

Теперь в нашей стране раз навсегда снят проклятый запрет, тяготевший над бессмертными произведениями Энгельса. Эти произведения в миллионных тиражах распространяются среди трудящихся нашей страны. Никогда не было в истории такого количества читателей философских, экономических, политических произведений, как в нашей стране, разбуженной и

возрожденной великой коммунистической революцией, возведенной в произведениях Маркса и Энгельса.

В этом кратком предисловии мы хотим указать еще на одну черту, характерную для цензорских отзывов. Наряду с вопросами о призыве к классовой борьбе пролетариата, что являлось главным злом в произведениях Энгельса с точки зрения царской цензуры, они особенно отмечают атеистический характер марксистской философии. Враг понимал значение религии для упрочения господства помещиков и буржуазии, и поэтому он со всей страстью оберегал это «святая святых» классового общества.

Это же делает и буржуазия наших дней во всех странах. Это нас обязывает не ослаблять, а усиливать борьбу против мракобесия, средневекового варварства, мистики. Враг сам указывает, где его духовная опора и чего он боится.

Тем с большей настойчивостью мы должны развешивать пропаганду нашего материалистического, атеистического мировоззрения.

„Положение рабочего класса в Англии“

Доклад цензора А. Майкова Центральному комитету цензуры иностранной о книге Фр. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Лейпциг. 1848. — 11 августа 1871 г.

Книга эта издана в 1848 году. Автор рассказывает, что он посвятил 21 месяц изучению быта рабочего класса в Англии, и изображает его в самых черных красках, выставляя буржуазию или вообще имущие классы как натуральных врагов и притеснителей рабочих. Изложение научное, исполнено цифр и цитат, так что книга несмотря на свой тенденциозный характер имеет серьезный вид, выходя из ряда брошюр на ту же тему, наводняющих западную литературу. Всего определеннее выражает свое направление автор в посвящении своей книги английским рабочим, на английском языке. Конечно, в настоящее время (книга издана 2-м изданием в 1848 году) вопрос о рабочих перешел множество разных фазисов в Англии, и книга утратила свой научный интерес, тем не менее я не могу доверить одному своему суждению об этой книге и представляю на усмотрение Комитета решение о дозволении или недозволении оной, прося Комитет основать свое заключение на введении: «To the working Classes of great Britain»¹⁾.

А. МАЙКОВ

Резолюция: «Запретить».

(Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты за 1871 г. № 2576)

Доклад цензора В. Смирнова Центральному комитету цензуры иностранной о книге Фр. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Штутгарт. 1909. — 26 октября 1909 г.

Второе издание этого сочинения давно запрещено было цензурой, еще в 1871 году, по докладу покойного А. Н. Майкова (см. рапорт № 2576/1871 г.).

Есть запрещенные книги, и их довольно большое количество, которые с течением времени настолько устаревают, что цензурное запрещение отпадает потом от них по запоздалости и отсталости запретных свойств этих книг.

¹⁾ К рабочему классу Великобритании.

Нельзя сказать того же про вышеозаглавленное сочинение известного своею яростью проповедника боевого социализма и даже коммунизма Энгельса. И если отзыв рапорта А. Н. Майкова приспособлен какой-то нерешительности и чуть ли не склонности признать книжку дозволительною, то это было какое-то с его стороны недоразумение, ввиду сравнительной в те поры новости и неполной выраженности социалистической проповеди и пропаганды.

Теперь же, когда социалистическая проповедь из отвлеченной теории превратилась на наших глазах в социалистическое движение, сочинение Энгельса приобретает свое значение как печатное приглашение пролетариата к самой отъявленной борьбе, и не только словом, но и делом, с буржуазией, как у него называются все имущие классы, кроме рабочих. И хотя он в своей книжке трактует только об Англии и об английских классах имущих и пролетариев, но после того, как недавно прошел по всей Европе клич «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!», содержание книжки сразу получает широчайшее значение чего-то вроде общепролетарского катехизиса, даже больше того—зажигательного воззвания к пролетариату ополчиться против имущих классов. Вся книга представляет сплошное обвинение буржуазии во всех неблагоприятных рабочих классах. «Рабочий есть юридически и фактически раб имущего класса, буржуазии, который продается как товар» (стр. 81); «буржуазия нисколько не интересуется его занятием, его существованием» (стр. 82). Если рабочий отваживается на открытую войну с буржуазией в виде воровства, грабежа, убийства, то в этом виновата сама она же, доводя его до голода (стр. 89). Она не имеет никакого интереса в его образовании (стр. 112); она ставит пролетария в ужасное, нечеловеческое положение, вынуждающее его восставать против нее (стр. 119, 120, 121), дабы избавиться как-нибудь от своего порабощения ею (стр. 121). Помышляющая только о приобретении денег, буржуазия только иногда прикидывается входящею в положение и интересы рабов своих (стр. 126), да рабочие в обыкновенной-то жизни гораздо гуманнее буржуазии, ибо они больше помогают бедным, тогда как для буржуазии деньги имеют значение бога, другого бога они не знают (стр. 128, 129). В пьянстве и распутстве рабочих также виновата буржуазия, ибо им только и остается утех в жизни, тогда как буржуазия наслаждается всем вдоволь (стр. 131). Если рабочий грубо набрасывается на буржуазию, то он действует тут так же стихийно как вода (стр. 133), и больше всего предметом преступлений рабочего, конечно, служит собственность (стр. 134). Болезни рабочих есть также плод «мерзкой жадности буржуазии к деньгам» (стр. 169). Она совращает жен и дочерей рабочего (стр. 183). Даже склонность буржуазных дам к нарядам тоже повинна в нездоровье рабочих, выделяющих эти наряды (стр. 211).

Обвиняя во всем буржуазию, Энгельс время от времени лирически изрекает ей угрозы в недалеком будущем; что, мол, «в одно прекрасное утро имущие классы будут поражены такими вещами, о которых они и не мечтают» (стр. 136). Даже в одном месте приводит целое стихотворение самого зажигательного пролетарского содержания насчет Молоха, которого должен в конце концов сокрушить гнев народа (стр. 188—189).

А затем он уже трактует о движении рабочих к освобождению себя от ига эксплуататоров как о совершенно естественном и неизбежном последствии их экономического положения (стр. 215, 216, 217, 239) и перебирает все отрасли приложения рабочей силы, в которых тлеет ненависть к буржуазии и готовность к борьбе с нею (стр. 277, 278, 280, 296, 297), пересыпая свои собственные рассуждения цитируемыми им из других тоже зазорных писателей возгласами, вроде: «Война дворцам, мир хижинам — это боевой клич раздающегося по нашей стране ужаса. Пусть богатые заметят это»

(стр. 296, 297); «революция должна наступить, и теперь уже поздно помышлять о мирном разрешении дела» (стр. 299, 300).

Энгельс известен своим Коммунистическим манифестом. Нечто в этом же роде составляет и его обращение «К рабочему классу Великобритании» на английском языке в этой книге (стр. XXVII—XXIX), и А. Н. Майков предлагал Комитету основать свое суждение о книге главным образом на этом обращении. Но то, что вкратце содержится в этом зажигательном обращении, наполняет всю книгу.

Я полагаю, что тяготеющее на этом сочинении Энгельса запрещение должно быть снова подтверждено Комитетом и на дальнейшее время.

СМИРНОВ

Резолюция: «Запретить».

(Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты за 1909 г., № 7182)

„Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный г. Е. Дюрингом“

Доклад цензора К. Виддера Центральному комитету цензуры иностранной о книге Фр. Энгельса «Переворот в науке, произведенный г. Е. Дюрингом». Лейпциг. 1878.—23 августа 1878 г.

Разбирая критически сочинения Е. Дюринга, автор доказывает несообразность его философских и политико-экономических учений и особенно резко осмеивает несостоятельность его воззрений на образование коммунистических обществ с целью парализования вредного влияния капиталистов на увеличение пролетариата.

Объясняя историческое происхождение и развитие социализма, Энгельс проводит мысль (стр. 233—237), что образ производительности, практикуемый капиталистами, способствуя постепенно обращению большей части народонаселения в пролетариев, создаст, вместе с тем, силу, которая, под страхом собственной гибели, должна произвести переворот в существующем строе государства; последствием этого переворота, по мнению автора, должно явиться уничтожение классов и правительства.

Далее, на стр. 265—267, автор говорит, что религия есть не что иное, как фантастическое отражение в мыслях людей тех внешних сил, от которых зависит их существование; уничтожения этого отражения, в котором земные силы являются в образе сил сверхъестественных, нельзя достичь одним сознанием: необходимо и дело. И вот, когда это дело будет исполнено, когда общество освободится от угнетающей его власти, когда человек будет не только предполагать, но и располагать, — тогда только исчезнет последняя посторонняя сила, отражающаяся в религии, и с тем вместе исчезнет и само религиозное отражение.

Полагая, что критический разбор сочинений Дюринга как ученого труда не подлежит строгости цензуры, я, тем не менее, нахожу неудобным дозволение вышеизложенных воззрений критика, о чем и имею честь представить на усмотрение Комитета.

К. ВИДДЕР

Резолюция: «Запретить».

(Цензурный комитет цензуры иностранной, рапорты за 1878 г. № 6478)

К документу № 3.

Специальные научные труды по правилам царской цензуры не должны были рассматриваться с такой же строгостью, как книги, издаваемые «для

общенародного употребления». Однако на это более снисходительное отношение могли рассчитывать только издания, недоступные для широких масс читателей: большие по объему, а следовательно, дорогие по цене и отличающиеся трудностью, неупонятностью изложения.

Доклад цензора А. Копылова Центральному комитету цензуры иностранной о книге Фр. Энгельса «Переворот в науке, произведенный г. Е. Дюрингом». Штутгарт. 1894. — 15 августа 1894 г.

Сочинение это в первом издании было запрещено у нас, по докладу покойного цензора Виддера. Просмотрев настоящее издание, я нашел в нем те же места, на которые обращал внимание г. Виддер, и полагаю, что нет повода к отмене решения. Главная причина цензурной меры вызывается особенно стр. 286—306, где доказывается неминувость социалистического переворота в силу ненормального экономического быта общества, созданного нынешним, капиталистическим производством. Уже и теперь условия жизни значительной массы рабочего населения ужасны, а между тем в будущем неминувемы еще большие группировки капитала в немногих лишь руках и громадное увеличение пролетариата. Все это, как скоро последний придет к большему сознанию своей силы и своих выгод, неминувемо поведет к уничтожению капитализма и государства, являющегося при социалистическом быте совершенно излишним. Задача ученых социалистов в настоящее время заключается единственно в том, чтобы ускорить наступление кризиса, просвещая пролетариев и склоняя их к единству действий.

На стр. 343—344 доказывается, что новый социалистический строй общества неминувемо уничтожит и религию, которая тогда делается излишней.

Вообще нужно сказать, что сочинение, несмотря на свою полемическую цель и характер, может заменить вполне социалистический катехизис и по ясности и логичности доводов является опасным орудием социал-демократической пропаганды.

А. КОПЫЛОВ

Резолюция: «Остаться при прежнем решении».

(Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты за 1894 г. № 5854).

Доклад председателя Петербургского цензурного комитета Главному управлению по делам печати о книге Фр. Энгельса «Философия, политическая экономия, социализм» (Переворот в науке, произведенный Дюрингом), издание В. И. Яковенко. Петербург. 1904 г. — 30 июля 1904 г.

В С.-Петербургский цензурный комитет поступила 24 сего июля отпечатанная без предварительной цензуры в количестве 2450 экз. книга под заглавием «Фридрих Энгельс. Философия, политическая экономия, социализм (Переворот в науке, произведенный Дюрингом). Перевод с 3-го немецкого издания. Цена — 1 руб. 50 коп. Издание В. И. Яковенко».

Рассматривавший названную книгу цензор Соколов представил Комитету следующий доклад:

«По справке в Центральном комитете иностранной цензуры от 27 июля 1904 г. сочинение Энгельса под вышеприведенным заглавием неизвестно. А немецкий подлинник под заглавием «Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft». Stuttgart. 1894. XX + 3548° — запрещено 16 августа 1894 г. Так как, очевидно, под измененным заглавием в русском переводе является именно это запрещенное произведение Энгельса, известное в литературе под сокращенным заглавием «Анти-Дюринг», цензор не может

взять на себя ответственности за выпуск этой бесцензурной книги и считает необходимым представить ее на усмотрение С.-Петербургского цензурного комитета, причем считает долгом привести следующие соображения по существу дела.

Означенная книга Энгельса была запрещена в 1894 году. С тех пор в нескольких изданиях был дозволен «Капитал» Маркса, долгое время бывший под запретом. По выходе в свет этой книги идеи Маркса много раз становились предметом обсуждения как в журнальных статьях, так и в отдельных изданиях. Теперь эти идеи и понятия для русского образованного общества ничего нового не представляют и за ними едва ли возможно признать тот особый вред, который дал бы возможность применить статью 149¹⁾ к книгам научного содержания. Марксизм, в особенности так называемый «правоверный», т. е. по Марксу и Энгельсу, утратил уже остроту соблазнительной новизны и разбился на новые течения.

В марксизме поэтому необходимо отделять его теоретическую сторону от практических выводов, которые, собственно, и могут быть особенно вредными. Теоретическая критика современного капиталистического строя уже давно стала постоянным явлением нашей журналистики и литературы и ведется не только с точки зрения марксизма. А книга Энгельса, за немногими исключениями, которые будут указаны мною, ограничивается теоретической стороной дела. В полемике с Дюрингом, тоже социалистом, даже более революционного оттенка, так как он в основе капиталистического строя видит грубое насилие, Энгельс постоянно пользуется книгой Маркса «Капитал» и приводит оттуда большие выдержки. Ввиду этого цензор затруднился бы при таком общем содержании книги подвести ее под 149-ю статью устава о цензуре и печати.

Но в книге есть отдельные места и страницы, которые, по мнению цензора, не могут быть дозволены и в бесцензурном издании. Особого внимания заслуживают резкие нападки автора на христианскую религию и христианскую нравственность на стр. 30, 69, 87, 88, 89, 108—119, 121—122, 122—124, 133, 137, 188, 201.

Кроме того есть резкие места в изложении доктрины социализма, причем особенного внимания заслуживают те, которые говорят о несомненном будто бы будущем торжестве этой теории в жизни. Это на стр. 17, 155—156, 184—185, 279—280, 380—381, 387, 396—398, 404—408, 411—412, 461—465.

При исключении означенных мест книга, по мнению цензора, могла бы быть выпущена в свет».

С.-Петербургский цензурный комитет, выслушав изложенный доклад цензора, с своей стороны нашел, что 1) книга Энгельса под видом чисто научной полемики написана с практической целью служения интересам социалистической партии и устранения в ней раскола, внесенного теорией Дюринга, и 2) она представляет собою краткое, но вполне ясное и доступное массе читателей изложение главнейших оснований учения Маркса и его доводов о неизбежности изменения нынешнего общественного строя на началах социалистических.

Поэтому Комитет признал, что от распространения означенного издания может произойти особый вред, и постановил применить к нему 149-ю статью устава о цензуре и печати и представить о вышеизложенном на

¹⁾ Согласно статье 149 цензурного устава министр внутренних дел имел право представлять в Комитет министров те вышедшие без предварительной цензуры книги, которые он признавал особо вредными. Статья эта сохраняла силу до 1905 года.

усмотрение Главного управления по делам печати, с приложением экземпляра книги с отметками цензора¹⁾).

Срок выхода книги наступит завтра, 31 сего июля, в 1 час дня.

Председательствующий, член совета Главного управления по делам печати А. КАТЕНИН.

(Главное управление по делам печати, III отделение, 1904 г., д. № 5, л. 145—146.).

Доклад председателя Петербургского цензурного комитета начальнику Главного управления по делам печати о книге Фр. Энгельса «Философия, политическая экономия, социализм». Издание В. И. Яковенко. Петербург. 1904 г. — 14 октября 1904 г.

Вследствие ходатайства издателя приостановленной выпуском в свет, на основании предписания Главного управления по делам печати от 30 июля сего года за № 8020, книги под заглавием «Фридрих Энгельс. Философия, политическая экономия, социализм», В. И. Яковенко, ваше превосходительство, изволили предоставить мне указать ему те места в книге, за исключением которых она могла бы быть допущена к появлению в публике как издание, отпечатанное без предварительной цензуры.

Ныне названная книга представлена в С.-Петербургский цензурный комитет в измененном виде, т. е. с исключением неудобных в цензурном отношении мест и исправлениями на стр. 17, 30, 69, 88, 121, 122, 123, 133, 137, 155, 156, 184, 185, 188, 201, 279, 280, 380, 381, 387, 396, 397, 398, 404, 405, 406, 408, 409, 410, 411, 412, 461, 462, 463 и 464.

Находя, что от распространения перевода этого сочинения в исправленной редакции не может произойти особенный вред, предусмотренный статьей 149 устава о цензуре и печати, С.-Петербургский цензурный комитет полагает возможным выпустить вышеупомянутую книгу в свет, так как в остальной ее части она не заключает в себе чего-либо неизвестного уже интеллигентному читателю.

Об изложенном имею честь представить на усмотрение вашего превосходительства, с приложением вновь представленной книги и экземпляра в первоначальной ее редакции, в которой указаны красным карандашом исключенные места. Срок выхода в свет книги в настоящем ее виде наступит «16» сего октября в 1 час дня.

Председательствующий, член совета Главного управления по делам печати А. КАТЕНИН.

(Главное управление по делам печати. III отделение, 1904 г., д. № 5, л. 173)

Доклад цензора В. Росковшенко Центральному комитету цензуры иностранной о книге Фр. Энгельса «Переворот в науке, произведенный г. Е. Дюрингом». Штутгарт. 1901. — 29 ноября 1906 г.

Эта книга в предыдущих своих изданиях была дважды запрещена Центральным цензурным комитетом: в 1878 г. (доклад цензора Виддера, № 6478) и в 1894 г. (доклад цензора Копылова, № 5854). Энгельс в этой книге проповедует борьбу труда с капиталом, чистый социализм; отвергает при социалистическом строе необходимость всякой религии; призывает пролетариат к объединению. Одним словом, эта книга является орудием пропаганды социализма и пролетариата.

Старший цензор В. РОСКОВШЕНКО

¹⁾ Это издание было разрешено в «исправленной редакции», т. е. с исправлением и исключением ряда «неудобных» мест. См. об этом документ № 6.

Резолюция: «Комитет постановил остаться при прежнем решении».
(Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты за 1906 г., № 8128).

Доклад цензора Н. Страхова Центральному комитету цензуры иностранной о книге Фр. Энгельса «Социализм утопический и социализм научный». Париж, 1880. — 25 марта 1887 г.

Писания Энгельса, кроме самых первых, проникнуты красным социализмом, и настоящая неопрятная брошюрка, очевидно, есть род программы или воззвания. Смотри конец, стр. 34. Полагаю, нельзя позволить.

Н. СТРАХОВ

Резолюция: «Запретить».
(Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты за 1887 г., № 2258).

Доклад цензора барона Каульбарса Центральному комитету цензуры иностранной о книге Фр. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». Берлин, 1907 г. — 2 февраля 1909 г.

Книжка эта была запрещена в 1887 г. вследствие рапорта цензора Ремезова¹⁾. В настоящее время она переиздана 5-м изданием и снабжена предисловием Каутского, и кроме того приведены и прежние предисловия Энгельса. Во всех этих предисловиях подчеркивается агитационный характер издания и указывается главная цель — социалистическая пропаганда и широкое распространение в массах, чему соответствует и цена в 1 марку (стр. 3, 5, 14).

Кажется, современные деятели социализма пришли к убеждению, что наиболее сильные и талантливые произведения по социализму вышли из-под пера первых апостолов сего учения и последующие произведения далеко им уступают во всех отношениях. Вот почему старые произведения выпускаются все новыми изданиями, повторяющимися одни и те же принципы и всегда стремящимися в конечном результате натравить неимущих на имущих (стр. 14 и 48 и др.). Вот почему я полагал бы и это издание запретить.

Барон КАУЛЬБАРС

Резолюция: «Комитет постановил остаться при прежнем решении».
(Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты за 1909 г., № 883).

„Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии“

Доклад цензора А. Копылова Центральному комитету цензуры иностранной о книге Фр. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии». Штутгарт. 1888. — 12 июня 1888 г.

В названном сочинении популярно изложен прогресс философской науки в Германии после Гегеля следующим образом. Долговечный спор об отношении мышления к действительному бытию, приводящий к вопросу о том, бог ли создал мир или последний существовал вечно, разделил исследователей на две группы — идеалистов и реалистов, т. е. материалистов. Этот спор не был решен Гегелем, но тем не менее знаменитый философ дал значительный толчок для правильного понимания, и это явилось результатом не системы его, в которой автор, принимающий существование абсолютной идеи,

¹⁾ В кратком докладе цензора Ремезова подчеркивалось, что цель брошюры «пропаганда социализма среди рабочих классов» (Рапорты за 1887 г., № 2447).

является чистым идеалистом, а диалектики, неминуемо склоняющей к заключению об изменяемости всех жизненных явлений (см. стр. 5). После Гегеля завязалась борьба между адептами, к которым принадлежали и идеалисты, приверженцы системы Гегеля, и материалисты, приверженцы его диалектики. Поэтому образовались разные гегелианские школы. К числу крайних гегелианцев — материалистов — принадлежали в начале 40-х годов Д. Штраус, автор «Das Leben Jesu»¹⁾, антагонист его Бруно Бауэр, Штирнер, у которого многое заимствовал Бакунин. Но главный шаг вперед был совершен Фейербахом.

С появлением сочинения последнего «Wesen des Christenthums»²⁾ материализм одержал верх. Гегелевская теория абсолютной идеи, обнаруживающейся в природе, разбита, и получило господство убеждение, что природа существует независимо от духа, что она основание, на котором выросли люди, что вне природы и человека не существует ничего и что высшее бытие, созданное нашей религиозной фантазией, не что иное, как лишь фантастическое отражение нашего собственного бытия. «Нужно было,—замечает при этом автор статьи,—самому испытать отрезвляющее действие сочинения Фейербаха, чтобы получить понятие об его значении. С непреодолимой силой внушается им убеждение, что гегелево предвечное существование абсолютной идеи—лишь фантастический остаток веры в стоящего вне мира творца, что материальный, доступный чувственному наблюдению мир единственно действительный и что наше сознание и мышление—произведение материального органа—мозга. Не материя—произведение духа, а, напротив, дух—высший продукт материи.

Утверждение подобного принципа составляет главную заслугу Фейербаха, но далее он не пошел. В некоторых отдельных объяснениях он даже является идеалистом. Так, он вовсе не желает уничтожения религии, которую он толкует произвольно, полагая, что она должна быть не фантастическим отражением действительности, а связью любви между «я» и «ты», связью прямой и непосредственной. Столь же произвольно у Фейербаха определение человеческой нравственности.

Причиной, почему Фейербах не создал ничего капитального на место разрушенной им гегелевской системы, является положение естествознания в его время. Только важные открытия в этой науке в последнее время, как то: теория развития клеточки, теория изменений в энергии природы и теория Дарвина—могли поставить материалистической философии достаточный материал для построения своей теории о связи между мирозымы явлениями. Поэтому лишь в новейшее время могло явиться в философии направление, каковое одно лишь только может принести правильный плод. Это направление введено в жизнь Карлом Марксом.

Главная идея этого нового направления та, что на мир надобно смотреть не как на совокупность постоянных предметов, а как на совокупность процессов, в которых предметы, лишь, повидимому, постоянные, равно как и их умственные отражения в нашей голове, т. е. понятия, совершают свой непрерывный путь возникновения и исчезания. В частности то же самое явление представляет и история человеческого общества. В нем также происходит аналогичный процесс развития друг друга сменяющихся явлений, из которых многие в прежнее время не были как следует поняты под влиянием предвзятой идеалистами теории. Только в новейшее время сделалось вполне ясным, что основным двигателем в этом процессе смены исторических явлений оказывается борьба общественных классов, основанная на материальных интересах и долженствующая привести к экономической эмансипации.

¹⁾ «Жизнь Иисуса».

²⁾ «Сущность христианства».

Из изложенного содержания сочинения видно, что в нем проведен по отношению к объяснению мировых явлений и признан за непреложную истину крайне материалистический, подкапывающийся под всякую положительную религию взгляд. Чтобы еще лучше убедиться в этом, достаточно прочесть стр. 15 и 16, вторую половину стр. 34 и стр. 62—66. Развитие и признание этого взгляда тем легче может поколебать религиозные чувства малоопытного читателя, что опирается, повидимому, на основания, заимствованные из области точных наук. При этом сочинение написано легко, доступным языком и отличается живым, почти увлекательным изложением. По отношению к новейшим политическим вопросам господствует воззрение писателей демократически-социалистического направления, которые главную задачу будущего общества полагают в перевороте, освобождающем человеческий труд от давящего его влияния капитала. Представители науки в Германии, отвращающиеся от рабочего вопроса, характеризуются жалкими по бездарности или нравственной испорченности рабами буржуазии и полицейского государства. Только от рабочего движения можно-де ожидать будущности, и оно в этом смысле является прямым продолжателем немецкой классической философии.

Ввиду всего доселе приведенного, я полагал бы, что разобранное сочинение, как могущее легко производить смуту и вредное влияние в голове неподготовленного читателя, допускать к свободному обращению не следовало бы.

И. д. мл. цензора КОПЫЛОВ

Резолюция: «Запретить».

(Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты за 1888 г., № 4660).

Доклад цензора В. Смирнова Центральному комитету цензуры иностранной о книге Фр. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии». Штутгарт. 1907. — 15 октября 1914 г.

Фейербах, Энгельс и Маркс—какая констелляция знаменитого материалиста и крайних социалистов! И надо только удивляться усердию бывшего цензора Копылова, написавшего целую почти диссертацию, чтобы доказать необходимость запрета брошюры в первом ее издании (см. рап. № 4660, 14 июня 1888 г.), когда ее материалистическо-социалистический облик сквозит всюду (см. в особенности стр. 14, 27, 29—33, 52 и др.). А потому и я, не утруждая внимание Комитета повторением подробной характеристики брошюры, решаюсь прямо ходатайствовать о запрещении и этого, четвертого ее издания по тем же самым основаниям, по каким было запрещено и прежде.

СМИРНОВ

Резолюция: «Запретить».

(Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты за 1914 г., № 7292).

Доклад цензора А. Плетнева одесскому временному комитету по делам печати о книге Фридриха Энгельса «От классического идеализма к диалектическому материализму», издание Е. М. Алексеевой. Одесса. 1905 г. — 12 февраля 1915 г.

Хотя настоящая брошюра посвящена вопросам философии и отвлеченной идеологии, но в ней красной нитью проходит намерение автора утвердить в уме читателя материалистические убеждения в ущерб всяким религиозным верованиям. Так, автор хочет объяснить веру в единого бога не божественным откровением, а простым развитием религиозного мышления. Так, на стр. 16 он говорит: «С течением времени, благодаря естественно возникающему в ходе умственного развития процессу абстракции (я чуть было не сказал процессу фильтрации), из многих, более или менее ограниченных

и друг друга ограничивающих богов образовалось представление о едином боге монотеистических религий, не допускающих иных богов». В другом месте, на стр. 66, говорится о христианстве следующее: «Христианство вступило в свою последнюю стадию: оно утратило способность служить идеологическим одеянием стремлений какого-либо прогрессивного класса; оно все более и более превращалось в монопольную собственность господствующих классов, которые пользуются им просто как средством управления, с помощью которого можно сдерживать низшие классы в известных границах».

Такое отношение к христианству является явно кощунственным, почему полагал бы наложить арест на брошюру с возбуждением судебного преследования по 2-му пункту 73-й статьи уголовного уложения¹⁾.

А. ПЛЕТНЕВ

(Главное управление по делам печати, II отделение, 1915 г., д. № 84, л. 4)

В результате судебного преследования, возбужденного по книге одесским временным комитетом по делам печати, одесский окружный суд признал проявленное в ней отношение к христианству «явно кощунственным» и приговором 15 апреля 1915 г. определил уничтожить все экземпляры книги, а также стереотипы и другие принадлежности, заготовленные для ее напечатания. (Главное управление по дел. печ. II отделение, 1915 г., д. № 84.)

¹⁾ 2-й пункт 73-й статьи Уголовного уложения определял наказание за богохульство или оскорбление святых в произведениях печати.

С НАУЧНОГО ФРОНТА

О XV международном конгрессе физиологов

Недавно закончил свою работу XV международный конгресс физиологов. В Советском союзе такой конгресс состоялся впервые. Огромное значение его не только в истории физиологии, но и в истории культуры в целом является общепризнанным фактом.

В числе делегатов конгресса были наиболее авторитетные физиологи и биохимики мира: проф. Ляпик (Франция), проф. Хилл (Англия), проф. Баркрофт (Англия), проф. Эдриан (Англия), проф. Абдергальден (Германия), проф. Отто Франк (Германия), проф. Кеннон (США), проф. Карлсон (США), проф. Като (Япония), проф. Лим (Китай) и ряд других. Вся эта группа крупнейших руководителей мировой физиологической науки была возглавлена старейшим физиологом мира, нашим И. П. Павловым. Наличие среди полуторатысячной массы делегатов выдающихся ученых, которые в докладах, в конкретных демонстрациях, в личных беседах тесно соприкасались с молодыми исследователями в области физиологии, придало конгрессу особую ценность.

Основной же характерной его чертой явилось то, что собравшиеся ученые более чем 30 стран не только были заняты вопросами узко специальными, но как никогда еще на международных научных конгрессах выявили свое отношение к вопросам судеб культуры человечества, вопросам судеб истории человечества в связи с угрозой войны и фашизма. Навсегда останется в памяти участников конгресса историческое заседание в день открытия конгресса, 9 августа, во дворце Урицкого. Каждый из нас, участников этого заседания, чувствовал, что мы участвуем не на обычном заседании для обсуждения специальных научных проблем, а что перед собранием ученых всех стран мира стоят задачи единодушной борьбы против войны, против фашизма, единодушной борьбы за лучшие достижения человеческой культуры. Советскому читателю уже достаточно известны речи акад. Павлова и проф. Кеннона на открытии конгресса, а также ответы крупных участников конгресса на анкету «Известий ЦИК СССР» (см. № 188 от 12 августа 1935 г.), которые являются открытым выступлением передовых представителей современной физиологической науки против войны и фашизма, за мир, за культуру.

С напряженным вниманием в переполненном зале дворца Урицкого делегаты конгресса слушали речь представителя советского правительства И. А. Акулова. «Все наши завоевания науки и техники,—заявил тов. Акулов,—направлены не к обеспечению богатств немногих, не к эксплуатации населения, не к подготовке войны ради приобретения чужих территорий, а служат повышению материального и культурного уровня, повышению благосостояния широких народных масс, служат делу обеспечения мира между народами». А заявление акад. И. П. Павлова о том, что «война есть звериный способ решения жизненных трудностей» и что он счастлив, что правительство его могучей родины впервые в истории провоз-

гласило: «Ни одной пяди чужой земли...»,—вызвало бурю аплодисментов пленума и самый живой отклик делегатов всех стран. Лозунг нашего вождя товарища Сталина «Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому», являющийся выражением воли народов СССР, был отмечен на конгрессе восторженными отзывами самых передовых представителей современного естествознания.

«Идею «Ни одной пяди чужой земли...» ученые всего мира будут поддерживать единым фронтом»,—заявил нобелевский лауреат проф. Хилл (Англия). «Иван Петрович нашел совершенно исключительный случай для выражения замечательной мысли: «Ни одной пяди чужой земли...» Я безусловно решительный противник войны. Я буду горячим сторонником всякого государственного деятеля, который бы нашел средство остановить войну»,—заявил проф. Баркрофт (Англия). Член интернационального комитета конгресса проф. Лялик (Франция) заявил: «Я пламенно разделяю идею акад. Павлова, заявившего на конгрессе: «Ни одной пяди чужой земли...» Я счастлив, что эта идея была высказана на огромном интернациональном собрании ученых всего мира и особенно перед немцами».

И, наконец, глубочайшее впечатление произвела знаменитая речь американского проф. Кеннона, которая прозвучала на конгрессе суровым приговором капиталистической системе, ведущей мир к дикому национализму, войнам и застою культуры: «Национализм резко усилился и приобрел оттенок горечи». «...Всемирная экономическая депрессия привела к значительному уменьшению материальной поддержки научной работы; близится парез, грозит паралич. Много сделавшие ученые с мировым именем смещены и терпят лишения».

Таким образом, заседание при открытии XV международного конгресса физиологов, а также его последующая деятельность могут быть рассматриваемы как отдельное звено в цепи явлений, равноценных недавно закончившему свою работу международному конгрессу писателей в Париже.

Оценку этой стороны деятельности конгресса выразил крупнейший китайский физиолог Роберт Лим (Пекин): «Я очень счастлив, что на международном конгрессе физиологов в СССР слышу не пустые любезности. Всё—и в речи акад. И. Павлова и в речи проф. В. Кеннона—имеет глубокий смысл решительного предостережения против опасности войны. Громадное большинство участников конгресса, конечно, солидаризуется с этим лейтмотивом, сквозившим в замечательных выступлениях Павлова и Кеннона. Вместе с ними я говорю: «Я против войны». Проф. Пьерон (Франция) от имени французских делегатов конгресса внес предложение «создать «союз всеобщей солидарности для спасения культуры человечества», для борьбы с враждебными культуре силами».

Если товарищеская встреча в Этнографическом музее 8 августа оставила глубокое впечатление сердечного гостеприимства советских хозяев и величественности обстановки этой встречи, если заседание при открытии конгресса во дворце Урицкого вселило в каждого из делегатов конгресса мысль о необходимости борьбы против войны и фашизма, за культуру, то имевшие место многочисленные поездки и экскурсии по предариятиям, музеям и научным учреждениям Ленинграда, Москвы и других городов СССР дали делегатам конгресса яркое представление о великой стройке нашей страны, дали глубочайшее убеждение в том, что Советская страна является единственным местом, где наука расцветает и где ученым оказывается такой же почет, как, по выражению проф. Лялика, «прицам крови» в буржуазных странах.

Особенно памятной останется поездка делегатов конгресса в Петергоф 13 августа. Это был подлинный праздник науки. Можно без преувеличения сказать, что еще никогда в истории науки ей не уделялось такого внимания и почета, свидетелями чего были делегаты более 30 стран и трудящиеся города Ленинграда. Не менее 400 легковых машин вереницей шли по улицам Ленинграда в направлении к Петергофу, и эту вереницу автомобилей любовно провожали жители Ленинграда; причем особенно отличились наши школьники, наши пионеры. Почти часо-

вая езда сопровождалась дружескими приветствиями, и, что очень поразило многих, дети провожали уходящие машины возгласом: «Ура конгрессу!» А когда делегаты возвращались поздно ночью в Ленинград, рабочая молодежь Стрельны провожала машины песнями, возгласами приветствия и прощания на многих языках. В самом Петергофе были иллюминированы фонтаны, были открыты дворцы, пускаться фейерверк. Совершенно то же самое надо сказать о поездке в Детское село, в б. Екатерининский дворец, где происходил банкет конгресса. Мне пришлось как участнику XIV конгресса в Риме совершить аналогичную поездку из Неаполя через ряд деревень во дворец неаполитанских королей. Но разве может быть какое-нибудь сравнение с тем, что было в Ленинграде? И главное—отношение населения, отношение колхозников, детей и стариков, живущих в районе Детского села. Это отношение могло быть только в стране великого почета науки, в СССР. В довершение всего—величественный прием делегатов конгресса акад. И. П. Павловым и председателем Ленсовета тов. И. Ф. Кодацким в Тронном зале б. Екатерининского дворца как символ борьбы советской власти по превращению дворцов тунаядцев и врагов народа в дворцы науки.

Верхушка мировой физиологии—члены интернационального комитета конгрессов физиологов—была принята после закрытия конгресса председателем Совнаркома СССР тов. В. М. Молотовым, который в тот же день вечером дал прием делегатам XV международного конгресса физиологов в залах Кремлевского дворца. В речи, обращенной к делегатам, тов. Молотов сказал: «Вы, делегаты конгресса, могли сами убедиться в том, как высок авторитет науки в нашей стране, как близко принимают к сердцу интересы науки трудящиеся Советской республики, как велика вера в массах в силу науки и ее будущее. Самое отношение трудящихся к настоящему конгрессу и его деятелям является показателем того, что созданный в нашей стране союз труда и науки делает трудящимся массам СССР близкими и понятными интересы подлинно интернациональной науки. Важнейшая роль международных научных конгрессов заключается в том, что они поднимают авторитет науки в глазах народов всего мира и дают новые толчки к дальнейшему росту мировой науки на пользу всего человечества. Мы гордимся тем, что Советский союз стал великим оплотом науки и мира, что с его успехами связаны лучшие чаяния народных масс и лучших представителей науки».

И в ответ на речь главы советского правительства, в ответ на замечательный призыв пленарного заседания в день открытия конгресса 9 августа, в ответ на все виденное в Советском союзе крупнейшие ученые мира высказали свою готовность бороться за мир, высказались как друзья Советского союза.

«Мы благодарим вас,—говорил проф. Майер (Франция),—за то, что вы дали нам возможность быть свидетелями развернувшегося в вашей стране величественного исторического зрелища». «В СССР,—говорил знаменитый проф. О. Леви (Австрия),—начинается эра расцвета хозяйства, искусства, наук. Я глубоко верю в великое будущее вашей страны и вашего народа». Проф. Хилл в своей речи сказал: «Ваше правительство есть правительство, борющееся за мир. Вот почему оно делает так много для мирной физиологической науки в СССР и во всем мире, вот почему мы, делегаты физиологического конгресса, приветствуем и благодарим ваше правительство». Германский делегат проф. Эббеке в своей речи отметил: «В Ленинграде и Москве мы видели бывшие царские и княжеские дворцы. Нас самих принимали как князей науки. Но наибольшее впечатление на нас произвели современные дворцы науки, в которых работают ученые вашей страны: великий Павлов, Орбели, Ухтомский и др.» И, наконец, член Нидерландской академии наук, проф. Йордан (Голландия), свою речь, посвященную Советскому союзу как стране «замечательного строительства хозяйственного, научного, культурного», закончил уверенностью в том, что «сотни иностранных делегатов покинут пределы Советского союза как обретенные им новые и верные друзья».

18 августа делегаты конгресса были на авиационном празднике в Тушине, а с 19-го числа стали разъезжаться, причем группа иностранных делегатов предприя-

ла специальные поездки в различные районы СССР для дальнейшего ознакомления со строительством нашей страны. Советский читатель уже знаком с восторженными отзывами о поездках по СССР крупных иностранных делегатов в ответ на анкету газеты «Правда» (см. № 238 (6484) от 29 августа 1935 г.).

Советская, а также зарубежная печать уделила огромное внимание настоящему конгрессу. Следует использовать весь накопившийся в общей прессе материал (хроника поездок и путешествий делегатов конгресса, их высказывания в печати о впечатлениях о конгрессе и о СССР, фотодокументы и т. п.) и издать его в виде отдельного сборника. Несомненно, это и будет сделано в ближайшее время. Поэтому я счел возможным лишь кратко отметить выдающуюся общекультурную роль конгресса и характер условий его работы. Главная задача этой статьи—дать научное содержание работ конгресса.

* * *

За время работы конгресса в Ленинграде было заслушано более 400 докладов, главным образом в 4 аудиториях Выборгского дома культуры, который стал на короткое время местом научной работы международного конгресса. Кроме того заседания происходили в аудитории Физиологического института Военно-медицинской академии. Просторная и прекрасно оборудованная лаборатория этого Института, созданного еще Павловым, стала местом большого количества демонстраций опытов и приборов. В аудиториях была организована световая сигнализация для регламента, специальная телефонизация, сигнализирующая о том, что делается в данный момент во всех аудиториях, а сами аудитории были украшены цветами.

Огромное впечатление произвела обстановка работы пленарных заседаний во дворце Урицкого. Впервые в истории международных физиологических конгрессов имела место трансляция докладов на всех 4 принятых конгрессом языках, а также на русском языке. Участники конгресса садились, надевали наушники, включались в один из пяти штепселей в кресле и слушали доклад на своем родном или наиболее понятном языке. Это создало обстановку подлинного международного конгресса, на котором докладчики говорили на своем языке и на котором каждый слушал на языке, понятном для него. Многие крупные участники конгресса высказались за то, что этот опыт нашего конгресса должен войти в практику последующих конгрессов. На этих пленарных заседаниях были сделаны итоговые доклады, посвященные наиболее актуальным проблемам современной физиологии, такими учеными, как Баркрофт, Кеннон, Ляник, Орбели, Ухтомский. Секционная работа конгресса обнимала собой 45 заседаний, которые концентрированно были посвящены определенным проблемам. По наиболее важным, центральным проблемам конгресса был организован ряд заседаний. Тезисы всех сообщений были заранее опубликованы в особой книге на русском и иностранных языках; также заранее были опубликованы в виде отдельных брошюр пленарные доклады полностью.

Подведение итогов научной работы такой грандиозной организации, как мировой конгресс, представляется делом огромной трудности и в полной мере может быть отражено в трудах конгресса, к подготовке которых оргкомитет конгресса уже приступил. Настоящая статья представляет попытку дать предварительный обзор главнейших и наиболее существенных моментов в научной работе XV международного конгресса физиологов.

Одной из центральных проблем конгресса явилась проблема нервно-гуморальной регуляции. Не случайно этой проблеме был посвящен в своей научной части доклад проф. Кеннона при открытии конгресса, и не случайно именно эта проблема заняла в секционных заседаниях конгресса больше всего времени.

Содержание названной проблемы касается чрезвычайно актуального вопроса о том, какова природа взаимоотношений между нервной системой и остальными органами и системами организма, как осуществляется действие нервной системы

на ткани, или, еще конкретнее, что происходит в месте соединения между нервной системой и иннервируемыми ею тканями; как регулирует нервная система процессы обмена веществ в этих тканях. Эта сторона вопроса является в настоящее время наиболее полно разрабатываемой, но имеется и другая сторона, именно: какие связи существуют между так называемыми гуморальными факторами регуляции функций организма и нервными факторами этой регуляции. Или еще ясней: какая связь существует между железами внутренней секреции и нервной системой. Само собой разумеется, что внутри этих сводных вопросов есть целый ряд частных вопросов, которые и раскрываются в поисках и экспериментах, представленных вниманию конгресса.

Сравнительно недавно, почти одновременно, И. П. Павлов и английский физиолог Гаскелл, каждый на основании своих экспериментов, высказали чрезвычайно плодотворную идею об участии нервной системы в регулировании химических превращений в тканях. Так, процесс вещественного обмена в клетках, так называемые нутритивные процессы были поставлены в зависимость от нервной системы, и впервые в этих работах со всей ясностью был поставлен вопрос о трофической роли нервной системы. Непосредственным продолжателем идей Павлова и Гаскелла в этом направлении явилась школа Орбели, причем открытие и изучение физиологической стороны симпатической иннервации мышц этой школой (вошедшей в мировую литературу под названием феномена Орбели—Гинцеинского) являются, вероятно, одним из наиболее убедительных физиологических исследований о трофической роли нервной системы. Именно эта плодотворная идея легла в основу также столь широко известных опытов и обобщений школы Сперанского, которая сумела использовать факт влияния нервной системы на ход химических превращений в тканях и органах в интересах широких медицинских мероприятий и построения новых подходов к теории возникновения и лечения патологических процессов.

На конгрессе был приведен ряд данных, еще более подтверждающих основную идею о трофической роли нервной системы. Укажем, например, на доклад Н. Ф. Попова, который, применив сложную оперативную технику с выключением нервных элементов, изучил изменения химических превращений в тканях в условиях нарушения нормальной иннервации ткани. Сюда же относятся широкие исследования Альперна (Харьков), который на основании своих многолетних работ по регулированию различных сторон обмена веществ со стороны вегетативной нервной системы представил конгрессу свои новые данные о так называемых вегетативных асимметриях, как клинических, так и экспериментальных. Укажем также на доклад Н. А. Попова, который представил свои данные о большом влиянии, оказываемом на ход процессов обмена веществ (характер авитаминозов и др.) операцией удаления головного мозга у птиц. Данные о регулировании основного обмена со стороны головного мозга млекопитающих животных были приведены также лабораторией Быкова (Ленинград).

Если вся эта группа работ касается основной идеи Павлова и Гаскелла о трофической роли нервной системы в смысле регулирования основного метаболизма данной ткани, то другая группа работ касается вопроса о том, что нервная система (вегетативная в частности) в своем влиянии на клетки осуществляет образование и выработку специальных веществ высокоактивной природы (типа гормонов), которые и вызывают специфическое действие данного нерва. Эти представления покоятся на ряде ставших классическими работ некоторых исследователей, а именно: О. Леви (делегат конгресса) впервые показал, что при раздражении вегетативных нервов выделяются особые вещества, имеющие действие, аналогичное действию раздражаемого нерва: так, стало известно существование «симпатикустоф» и «вагустоф»; Габерлянд сумел показать образование в сердечной ткани во время ее деятельности особого вещества, которое вызывает деятельность другого, уже остановившегося сердца (сердечный гормон); многими авторами были поставлены опыты на многих органах, причем оказалась, что, например,

при раздражении блуждающего нерва в сердце образуются особые вещества, которые действуют на кишечник наподобие раздражения блуждающего нерва.

Возникшая таким образом идея гуморальной передачи нервного импульса через образование особых веществ в концевых аппаратах (местах соединения нерва с клеткой данной ткани) стала проникать в самые актуальные и трудные области физиологии: она проникла в такую область, как физиология нервно-мышечной системы, где более 100 лет крупнейшими учеными явление передачи возбуждения с нерва на мышцу изучалось в значительной степени под физико-химическим углом зрения. Достаточно указать при этом на огромный рост электрофизиологии именно в этой области. И невзирая на это стало кристаллизироваться представление о том, что в так называемой концевой пластинке, соединяющей нервное волокно с мышечной клеткой, под влиянием приходящего нервного импульса образуется специальное вещество, которое и осуществляет действие нерва. Исторически сложилось так, что одно из самых сильных экспериментальных доказательств химической природы передачи возбуждения с нерва на мышцу было дано столь последовательным сторонником и знатоком электрофизиологического направления, как покойный советский ученый А. Ф. Самойлов.

От мышцы перешли дальше к другим периферическим органам, в частности к железе и пигментным клеткам, причем оказалась и здесь правомерной выше-названная идея. Раздражение секреторных нервов вызывает образование особых веществ, которые сами по себе вызывают секрецию желез. Это было показано недавно Бабкиным и его сотрудниками, но особенно всесторонними являются опыты последних лет Разенкова (Москва) и его сотрудников. Разенков в сводном докладе на конгрессе дал яркое доказательство гуморальной передачи нервного раздражения в секреторных процессах поджелудочной железы.

Наконец, исключительно интересным является вопрос о том, не имеет ли место также в синапсах центральной нервной системы (местах перехода возбуждения) образование особых веществ, которые и осуществляют столь загадочные до сих пор явления в центральной нервной системе. Такая возможность пропагандировалась и получила ряд изумительных экспериментальных доказательств в трудах таких глубоких и тонких исследователей, как Шеррингтон и Самойлов. И вот все больше и больше накапливается фактов, говорящих в пользу этого предположения. Здесь прежде всего надо указать на работы молодого советского физиолога Кибякова (Казань), который представил конгрессу доклад на эту тему, ибо, по заявлению Кеннона в пленарном докладе, «первым фактом в пользу такого предположения является наблюдение Кибякова, который нашел, что питательный раствор, пропущенный через сосуды верхнего шейного узла во время раздражения шейных симпатических нервов, вызывает при его введении в сонную артерию такое же сокращение мигательной перепонки глаза, как и самое раздражение».

Здесь надо указать также на работу Фельдберга, которому удалось доказать, что из верхнего шейного узла кошки, орошаемого эзеринированной локковской жидкостью, оттекает кровь, содержащая ацетилхолин. Как мы увидим ниже, ацетилхолиноподобные вещества образуются также в нервах при их раздражении. Кеннон указывал в своем докладе, что это касается лишь узлов симпатической нервной системы и что мало еще данных о самой центральной нервной системе, где химическую природу перехода возбуждения с нейрона на нейрон со всеми вытекающими отсюда последствиями предвидел еще Шеррингтон. Однако на конгрессе был представлен ряд докладов, главным образом советских ученых, которые с очевидностью показывают, что в центральной нервной системе (головном мозгу) при нервном раздражении образуются специальные вещества, оказывающие физиологическое действие на различные органы, сходные с действием раздражаемых нервов. Здесь надо указать опыты Быкова (Ленинград) по изучению свойств крови, оттекающей из сосудов головного мозга, при раздражении симпатического и чувствующего нервов, а также перфузата изолированной головы рыбы при тех

же условиях: опыты Бабского (Москва), изучавшего свойства веществ, образующихся при сильном раздражении головного мозга, и др. Итальянец Сенезе представил доклад, в котором высказывает предположение о внутрисекреторной функции мозжечка, а также других отделов центральной нервной системы, причем он указывает, что «в мозгу должна существовать нейрогуморальная констация ядер, которая, выделяя специфические инкреты, позволяет рассмотреть с биохимической точки зрения понятия «тонуса», «силы» и «энергии» как у нормального организма, так и при ряде патологических состояний».

Особенного внимания в свете разбираемых вопросов заслуживают работы последних лет Бинэ и Минц (Франция), которые, используя спинную мышцу пивки как индикатор на ацетилхолин, доказали, что в стволе блуждающего нерва образуются вещества типа ацетилхолина. В тезисах конгресса они сообщают, что если раздражать блуждающий нерв собаки искусственно или естественно (рефлекторно) и одновременно поместить ствол раздражаемого нерва в изотоническую жидкость, то в эту жидкость диффундирует вещества, повышающие чувствительность спинной мышцы пивки к ацетилхолину. Итальянцу Калябро также удалось показать выделение нервными стволами особо активных веществ, оказывающих физиологическое действие парасимпатических и симпатических нервов на различные органы, что и послужило материалом его доклада конгрессу.

Возникает ряд самостоятельных вопросов.

Какова природа веществ, образующихся при раздражении тех или иных нервов, и являются ли они идентичными с некоторыми уже известными гормонами (или гормоноподобными веществами), действие которых синергично с действием нервного раздражения (например симпатическая нервная система и адреналин)? И вот, оказывается, что вещество, поступающее в кровоток после раздражения симпатического нерва, отлично от адреналина, выделяемого надпочечными железами. Кеннон и Бак дали этому веществу в отличие от адреналина название «симпатина», которому был, в частности, посвящен доклад Кеннона на секционном заседании. Значение дальнейших исследований по изучению физиологических свойств веществ, образующихся при раздражении нервов, тем более важно, чтобы не было ошибочного аналогизирования столь различных явлений. А известно, как широко распространено мнение об общности действия, например, симпатического нерва и адреналина. Анализ различий между адреналином и симпатином отнюдь не снимает дальнейших работ по столь плодотворной теме, как общность в функциях симпатических узлов и адреналовой системы надпочечников, имеющих общее происхождение в эмбриогенезе.

Другой вопрос: нельзя ли связать общее трофическое действие нервной системы в смысле регулирования процессов основного обмена веществ, о котором мы говорили выше (в смысле Павлова и Гаскелла), с явлениями образования особых высокоактивных веществ при нервном раздражении? В этом направлении надо указать на доклад Л. Штерн (Москва) и ее сотрудников и доклад Чукичева (Москва). Л. Штерн, подразумевая «под названием метаболитов совокупность всех веществ специфических (гормонов) и неспецифических, образующихся в процессе метаболизма и выделяющихся в оттекающую от них кровь», изучает действие этих метаболитов, выясняя их роль в нервно-гуморальной регуляции. Чукичев же, изучая действие на организм различных продуктов превращения белков, в своем докладе приходит к выводу, что действие этих продуктов совпадает с эффектом симпатических нервных влияний в организме, на основании чего высказывает рабочую гипотезу, что эти продукты белковых превращений близки к веществам, осуществляющими симпатическую трофику органов и тканей (симпатином).

Аналогичное высказывание мы видим в тезисах сообщения на тему о специфичности химических реакций различных тканей, присланных конгрессу германским ученым Бр. Киш. На основании большого экспериментального материала, приведенного в тезисах, Киш выдвигает следующее положение: «Не только изве-

стные нам гормоны, но и большинство попадающих в ток крови метаболитов и продуктов обмена служат химическими регуляторами, к присутствию которых определенные органы особенно чувствительны и реагируют изменением своего обмена и своей функцией».

Таким образом мы видим, что в одной из труднейших областей физиологического исследования, именно в области природы нервного процесса, после долгих поисков, чисто физикохимических, человеческая мысль направляется к основному характеризующему живое,—именно к обмену веществ, к специальным химическим превращениям в нервной системе.

Однако возникают вопросы: исключаются ли фактом установления химической передачи нервных импульсов классические представления о передаче электрического стимула при нервном процессе, и какое место должны занять химические факторы в этом процессе? Ответ на эти вопросы был дан в докладах конгрессу ряда ученых и, в частности, Бака и Монье (Бельгия). Пользуясь специальным веществом — пиперидинометилбензодиоксаном, они имели возможность выключать действие на гладкую мускулатуру химического фактора — адреналина — и изучать только действие раздражения симпатического нерва. Ряд исследований в этом направлении приводит Монье и Бака к следующим выводам: «В настоящее время существуют две теории для объяснения нервно-мышечной передачи. Согласно первой, ток действия нерва воздействует на волокно поперечнополосатой мышцы наподобие электрического стимула, и передача возбуждения определяется характеристикой возбудимости во времени. Эта передача облегчается при одинаковости хронаксии нерва и мышцы (Ляпик), т. е. связана с феноменом парарезонанса. Согласно второй теории, более поздней, сокращение гладкой мышцы вызывается химическим веществом, освобождаемым внутримышечными окончаниями нерва. Однако эти две теории друг друга не исключают, так как оба механизма, предполагаемые ими, могут существовать одновременно. Так например в результате предварительного введения пиперидинометилбензодиоксана мигательная перепонка кошки становится нечувствительной к последующим инъекциям адреналина, но продолжает реагировать на нервное раздражение. В этом случае нервно-мышечная передача, по видимому, не следует теории химических медиаторов; напротив, ряд фактов показывает, что она, по всей вероятности, протескает путем электрической передачи, т. е. посредством механизма, который обычно принимается для объяснения передачи возбуждения с нерва на поперечнополосатую мышцу». Далее, приводя соответствующий опытный материал, Бак и Монье выдвигают следующий тезис: «Допустимо предположить, что в нормальной мигательной перепонке существуют одновременно оба механизма передачи, причем преобладание того или другого зависит от индивидуальности. Точно так же можно допустить подобное существование с различным преобладанием их в большом числе мышц начиная от поперечнополосатой мышцы, малочувствительной к химическим раздражителям, и кончая такими, медленно сокращающимися мышцами, как мышца беременной матки, которая не отвечает на одиночное нервное раздражение, но весьма чувствительна к адреналину».

Столь важный вопрос в области физиологии, как оказывается, требует дальнейших сравнительных исследований в отношении различных возбудимых и сократимых тканей животных организмов. Эта теоретически и практически важная глава физиологии до сих пор еще не имеет глубокого исторического анализа. Между тем рядом авторов ставился прежде и повторен на конгрессе (в частности в тезисах некоторых советских докладчиков) вопрос о филогенетической древности гуморальной формы регуляции перед нервной, ставились и другие подобные вопросы. Нам представляется, что к этим вопросам надо подойти более систематично, чем подошли до настоящего времени. Необходимость дальнейших систематических сравнительных и эмбриональных исследований диктуется тем, что многие вопросы нервно-гуморальной регуляции, непонятные при опытах на взрослых высших животных, могут быть поняты при изучении явлений у более низших

животных, а также на ранних стадиях онтогенеза высших животных. Уже сейчас имеется ряд данных в этом направлении (работы Гаскелла, Паркера и др.). Систематическими сравнительными исследованиями можно обеспечить тот опытный фундамент, на котором можно строить теорию филогенеза регуляций в организме, теорию, научно освещающую вопрос о соотношении нервных и химических регуляций в организме и о природе собственно нервного действия у различных животных.

Мы сознательно так подробно остановились на проблеме нервно-гуморальной регуляции. Теперь очевидно, что она была одной из центральных проблем конгресса, что ее обсуждение на этом конгрессе было полным как никогда и что в результате работы мировой физиологии в этой области удалось в широкой перспективе видеть значение нервно-гуморальных отношений в организме.

Что касается проблемы возбуждения и возбудимости, то они обсуждались на заседаниях, посвященных нервно-мышечной физиологии, и им было посвящено последнее пленарное заседание конгресса в Москве. На предыдущих конгрессах мы имели отдельные блестящие исследования и доклады, касающиеся физиологии нервов и мышц, которые носили характер своего рода научных «сенсаций». Достаточно упомянуть доклад Лундсгарта на XII конгрессе в Стокгольме о химической динамике мышечного сокращения, разрушивший до основания существовавшие взгляды, или доклад Хилла на XIV конгрессе в Риме о блестящих достижениях в деле тончайших термометрических исследований нервов и мышц, которых добился этот крупнейший экспериментатор современности. Основные же доклады XV конгресса имели больше характер докладов, подводивших итоги и намечающих дальнейшие пути. Именно такой характер носили пленарные доклады Ляпика (Париж) и Ухтомского (Ленинград).

Ляпик в своем докладе дал исчерпывающий анализ явлению хронаксии и указал те новые перспективы, которые открываются перед учением о хронаксии. Создатель учения о хронаксии в своем докладе конгрессу так глубоко и содержательно определил общебиологическое значение хронаксии: «Чего только ни понимали под словом «хронаксия». В некоторых случаях, может быть, забывали, что пороговая длительность при удвоенной реобазе есть просто условная мера влияния времени на процесс возбуждения. Еще более забывали, что это значение времени для возбуждения есть лишь проявление хронаксии, в более широком смысле,— явление точное, но, в сущности, общее—поверхностная сумма основного свойства протоплазмы, которая в большей или меньшей степени влияет на каждый отдельный элемент времени, из которых складывается жизнь этой протоплазмы. Существуют протоплазмы медленные, которые реагируют медленно, так же медленно, как медленно они раздражаются, и которые требуют продолжительного времени, чтобы вернуться к покою; есть протоплазмы быстрые, которые быстро раздражаются, быстро реагируют и быстро успокаиваются. Это видно по длительности тока действия во всех клетках, по длительности сокращения мышц, по скорости передачи импульса в нервах, по быстроте движения у различных органов. Хронаксия дает количественный показатель этой скорости или этой медленности, составляющих основное свойство тканей».

Далее, он осветил то огромное значение, которое имеет учение о хронаксии в понимании сложнейших актов движения животных. «В каждом сегменте конечностей различные мышцы, работающие синергично и вызывающие движение в одном и том же направлении (например сгибание), имеют одну и ту же хронаксию, их антагонисты (разгибатели) также изохронны между собой, но их общая хронаксия приблизительно в два раза больше чем хронаксия сгибателей».

Большая часть доклада была посвящена вопросам субординации хронаксии (суподчинения хронаксии нервов специальным нервным центрам), вопросам, которые достаточно полно были освещены в частных докладах еще на прошлом конгрессе в Риме. «Если антагонистические нейроны имеют различную хронаксию, это не зависит от их конструкции, а является результатом действия на них высших

центров, так называемых центров субординации. Действительно, разница хронаксий исчезает в периферических нервах, отделенных от мозга перерезкой. В результате перерезок удалось установить локализацию центра субординации в основании среднего мозга: это, по видимому, — красное тело». Новыми исследованиями выясняется роль этой субординации. «Во всяком случае, важно понять, что сущность субординации заключается в ее изменчивости. Хронаксия нерва, отделенного от центров, есть величина постоянная. На нерве, находящемся в субординации, хронаксия изменчива даже в тех случаях, когда нет заметных внешних влияний». Постоянство хронаксии или исчезновение субординации хронаксии установлено также для человека во время нормального сна. Различные физиологические акты, как то: переход от темноты к свету, движение — вызывают изменение периферической хронаксии. Цифры, говорящие об изменчивости хронаксии нерва в зависимости от текущего состояния нервно-мышечного аппарата, следующие: «После препарирования икроножной мышцы и ее расслабления вследствие перерезки сухожилия хронаксия волокон седлищного нерва, иннервирующего эту мышцу, равняется 0,050 микрофаряды; после сильного растяжения мышцы эта хронаксия уменьшается до 0,030. Если нерв отделен от центров, — хронаксия будет, скажем, 0,055, и растяжение несколько не изменит ее». Таким образом, совершенно бесспорно доказана роль центральной нервной системы в текущем состоянии периферических нервных проводников, причем в учении о субординации вскрыто, какие тонкие процессы изменчивого физиологического состояния возникают в нервных волокнах под влиянием центральной нервной системы.

В связи с затронутым вопросом необходимо указать, что учениками Орбели были продемонстрированы убедительные факты о роли мозжечка в регулировании периферической хронаксии в опытах, вскрывших изменение хронаксии у безмозжечковых животных (нарушение изохронизма, колебания хронаксии).

Доклад Лялика логически ставит вопрос, какова природа тех процессов, которые создают эту постоянную, изумительную игру смены хронаксий отдельных нервных элементов, в результате которой становятся возможными сложные акты координации движения и поведения животных. А насколько это тонкая игра процессов, показывают последние опыты лаборатории Лялика, в которых отмечено изменение хронаксии нервов в опытах с условными рефlekсами. Именно по этому поводу в заключении своего пленарного доклада Лялик говорил: «В промежуток времени между безусловным и условным раздражителями хронаксия увеличена. До выработки рефlekса звонок не оказывает никакого действия на величину хронаксии». «Чрезвычайно интересно видеть, что состояние головного мозга, соответствующее условному рефlekсу, отражается на периферических хронаксиях». И именно эти последние опыты лаборатории Лялика с изучением хронаксии нервов при выработке условных рефlekсов (см. дальше опыты Шошара) и первый этап его работы, показавший роль изменчивости хронаксий при координационных актах, позволили сделать ему следующий крупный обобщающий вывод в докладе на пленуме конгресса: «Мы вправе надеяться, что воздействие высших нервных деятельностей на органы движения — проблема неразрешимая, если ее взять в формулировке философов как отношение духа к телу — будет озарено новым светом теперь, когда мы в состоянии сочетать хронаксиметрию с методом, созданным гением И. П. Павлова».

Таким образом, доклад Лялика намечает на длительный отрезок времени проблематику неврологии как изучение изменчивости хронаксии нервов под влиянием процессов, протекающих в высших сферах центральной нервной системы, для вскрытия глубоко биологической роли открытого им феномена изменчивости хронаксии в сложных актах поведения животных и, далее, вскрытие природы тех процессов, которые обуславливают эту изменчивость хронаксий. К сожалению, доклад Лялика в этой последней части является слишком недостаточным и в положительной части достаточно спорным. Снова во весь рост встает огромный вопрос о природе нервного импульса; снова встают вопросы обмена нерва в различ-

ных физиологических состояниях — вопросы, которые дебатировались несколько полней на предыдущем, римском конгрессе. Особенно интересно в этой связи отметить, что Баркрофт в своей пленарной речи «О скоростях некоторых физиологических процессов», сравнивая скорость окислительных процессов и скорость распространения нервного импульса (по данным Эдриана и Цоттермана), приходит к следующему выводу: «Мне кажется, что едва ли можно сомневаться в том, что в конечном счете химической основой для нервного импульса как и для мышечного сокращения служит окислительный процесс; поэтому весь интерес сосредоточивается на вопросе: может ли окисление идти в ногу с ритмом отдельных процессов?» Подводя общий итог сказанному выше, мы видим, как интимно сходятся глубокие вопросы трофического влияния центральной нервной системы и обмена в нервных волокнах в процессах их функционирования. Здесь уместно указать, что еще несколько лет назад Орбели и Ляпик в Париже сумели показать изменение хронаксии под влиянием раздражения симпатического нерва, трофическая роль которого становится все более ясной.

На конгрессе стало очевидно для всех, что столь прочное и стройное здание учения о хронаксии Ляпика весьма близко по содержанию к учению о лабильности, которое создал русский ученый Н. Е. Введенский в 1892 г. и которое так плодотворно развивается в настоящее время школой акад. Ухтомского в Ленинграде. Давая исторические корни учения о хронаксии, Ляпик в своем докладе заявил: «Наконец, я должен отдать справедливость, — извиняюсь, что я не сделал этого раньше, — Введенскому, понятие лабильности которого до некоторой степени было формой хронаксии. Статья, излагающая его учение о лабильности, опубликованная во французском журнале, была мной пропущена. Я благодарю моих русских коллег: Ухтомского, Аршавского, Денисова, которые в своих публикациях и беседах ознакомили меня с идеями Введенского и дали мне возможность узнать моего предшественника, до сих пор мне неизвестного». Об этом же говорил в своем докладе и акад. Ухтомский: «Степень изохронности периодов и ритмов возбуждения в последовательных звеньях проводящей цепи физиологических приборов является признаком, определяющим, получится ли в результате положительная стимуляция или торможение эффектора. Это основная теорема, руководившая исходными исследованиями нашего учителя Н. Е. Введенского и сложившаяся для него в законченной форме в 1892 году. То, что делалось у него до этого, и то, что продолжается у нас после этого, есть или преддверие или развитие этой мысли. Это основное положение нашей школы, развитое в 1892 г. его автором под именем закона относительной функциональной подвижности (лабильности) физиологических субстратов, очевидно сближает нас счастливым образом с исканиями прекрасной физиологической школы Сорбонны». Акад. Ухтомский указывал одновременно и на существующую разницу понятий хронаксии и лабильности: «Когда мы видим в текущей величине лабильности ограничивающий фактор для проведения импульсов, мы имеем в виду предельное число отдельных возбуждений, которые могут осуществиться в данном физиологическом субстрате в течение единицы времени. Эта величина переменная, характеризующая текущее функциональное состояние субстрата. При этом дело идет у нас об относительной продолжительности и изменчивости не скрытых периодов, не полезного времени стимуляции, не хронаксий, но об относительной продолжительности и изменчивости самих интервалов возбуждения. Параллельное изучение, сдвигов в величине хронаксии и величине лабильности составляет у нас очередную задачу и должно показать, насколько связаны между собой эти физиологические характеристики тканей и тканевых образований».

Как в докладе акад. Ухтомского, так и в докладах его учеников было приведено немало фактов и доводов, говорящих все о той же огромной роли в сложных рефлекторных актах животного, которую играют: текущее функциональное состояние субстрата нервных проводников (его лабильность); способность при явлениях изменяющейся лабильности на ходу текущего процесса усваивать новые

ритмы возбуждения; открытое Ухтомским свойство нервного субстрата, когда в связи со сдвигами лабильности субстрат начинает считаться уже не с частотами отдельных импульсов возбуждения, но с частотами доходящих до него импульсовых групп («ансамблей» возбуждения, по Ухтомскому, в отличие «от классических единиц возбуждения отдельных импульсов»).

Вопросу о сближении учения о хронаксии с учением Введенского — Ухтомского был посвящен доклад Магницкого (Москва).

Внимание, уделенное этому вопросу конгрессом, и сделанные им положительные выводы особенно подчеркивают значение конгресса для сближения столь родственных физиологических школ Франции и СССР и дальнейших научных поисков. Вместе с тем устанавливается высокий авторитет советской физиологической школы Введенского — Ухтомского.

Кратко резюмированные доклады школ Ляпика и Введенского — Ухтомского на конгрессе исключительно остро ставят вопрос о дальнейшем изучении собственно физиологии, биохимии и биофизики отдельных нервных волокон в различные функциональные стадии. Вот почему конгрессе также с исключительным вниманием и интересом отнесся к работам японского исследователя Като (Токио) и его учеников по вопросу о возможности изучения процессов в отдельных нервных волокнах. Демонстрация проф. Като, которому удалось изолировать отдельное нервное волокно, раздражать его и получить ответную реакцию сокращения мышцы при этом, станет большим методическим толчком к обогащению теории физиологии нерва. Лучшим доказательством этого на конгрессе явился доклад Като и его сотрудников о явлениях возбуждения и торможения рефлекса, изученного при помощи одного и того же афферентного нерва у теплокровного животного. Пользуясь своей методикой «изоляции единичного возбуждающего рефлекс и единичного тормозящего рефлекс нервного волокна у жабы, на спинномозговом препарате кошки авторы обнаружили, что одно определенное волокно, начинающееся от подошвы лапки, с одной стороны, возбуждает флексорный рефлекс одноименной стороны и в то же время тормозит имеющийся в наличии экстензорный рефлекс. Иными словами, существуют волокна, обладающие двойкой функций — возбуждающей и тормозящей. Диаметр таких волокон оказался равен 9—11 микрон».

Мне представляется, что названные три группы работ в области физиологии нервно-мышечной системы представляли собой ведущее и центральное на конгрессе в данной области. Весьма слабо освещенным оказался на этом конгрессе вопрос о хемо- и термодинамике нервов и мышц, который был центральным вопросом римского конгресса. В этом отношении надо отметить короткий доклад на секционном заседании Хилла, а также доклад Кана (Москва). Кан представил доклад, иллюстрирующий целый ряд новых фактов, касающихся особенностей обмена нерва при возбуждении, причем, введя в респирационную камеру одновременно со щелочью (для поглощения выделяемой при дыхании нерва угольной кислоты) так же кислоты, показал выделение значительных количеств аммиака при возбуждении. Дальнейшие исследования этого рода необходимы как для выяснения природы самого нервного процесса, так и для изучения природы трофического действия центральной нервной системы на периферические нервные элементы в сложных явлениях субординации.

Большое внимание на конгрессе было уделено вопросам физиологии высшей нервной деятельности и в частности физиологии головного мозга и органов чувств. Естественно, что наибольшее время в заседаниях было посвящено учению об условных рефлексах. Глубоко физиологическое учение акад. Павлова, с одной стороны, все более и более проникает в различные области теории и практики, с другой — получает подтверждение в самых различных направлениях физиологических исследований. Делегаты конгресса имели возможность ознакомиться с изданной к конгрессу сводкой последних работ школы Павлова, которые послужили И. П. Павлову основой его доклада на конгрессе неврологов в Лондоне. Помимо

того в особо изданном к конгрессу номере «Физиологического журнала СССР» была опубликована специальная статья Павлова «Условные рефлексы», являющаяся итогом работы по условным рефлексам более чем за 30 лет.

В названных работах И. П. Павлова отмечены два новых крупных момента в его исканиях в области изучения условных рефлексов. Это, во-первых, смелый и глубоко продуманный опыт применения условных рефлексов к анализу клиники отдельных расстройств высшей нервной деятельности и, во-вторых, попытка широкого биологического истолкования условных рефлексов в процессах борьбы за существование, выработка навыков, сохранение вида и т. п.

Как известно, на конгрессе не было научного доклада И. П. Павлова, но ряд вопросов, поставленных на секционных заседаниях его учениками, и специальные экскурсии делегатов конгресса на биологическую станцию в Колтуши целиком обеспечили знакомство с новыми работами павловской школы. Вопросу о роли условных рефлексов в патологии высшей нервной деятельности был посвящен доклад М. К. Петровой о случае экспериментально полученной фобии глубины. Докладчица описала результаты наблюдений за исключительно интересной собакой, которая «неожиданно начала со страхом сторониться от пролета, обходить его больше чем на половину метра, плотно прижимаясь к стене, и, будучи голодной и очень жадной, она все-таки не трогала пищи, положенной около решетки; при попытке подтянуть ее на цепи поближе к пролету, собака всеми силами противодействовала этому». Этот симптом был назван И. П. Павловым фобией глубины. Петрова в своих тезисах сообщает те экспериментальные условия чередования положительного и тормозного раздражителя в соединении с методом тренировки торможения, которые привели к возникновению патологического состояния высшей нервной деятельности подопытной собаки. В этом же направлении был доклад Н. И. Красногорского по вопросу о вызывании судорожного припадка условным раздражителем и развивающемся при этом экспериментальном психозе у собак.

Доклады ряда сотрудников И. П. Павлова (Купалов, Асратьян, Майоров и др.) продемонстрировали новые данные об условиях образования условных рефлексов (Купалов), а также о понимании механизмов возбуждения и торможения в коре головного мозга и взаимодействие этих процессов. Большое внимание привлекли опыты Денисова, ведущиеся под руководством И. П. Павлова, над обезьянами. Помимо доклада Денисова на тему об аналитической и синтетической работе больших полушарий шимпанзе были продемонстрированы также специальные фильмы, посвященные изучению поведения этих обезьян, а также самые опыты на месте, в Колтушах.

Представляется особенно важным то обстоятельство, что учение об условных рефлексах, вопреки мнению некоторых иностранных ученых, становится предметом интереса крупных европейских лабораторий. Это видно из доклада Ляпика, заключительная часть которого была приведена выше. В специальном докладе «Количественные исследования возбудимости периферических нейронов во время условных рефлексов» сотрудник Ляпика д-р А. Шошар представил детальный материал об изменениях периферической возбудимости под влиянием выработки условных рефлексов. Это очень наглядно описывается в тезисах Шошара и сотрудников: «У животных, не подвергавшихся обучению, результаты распределяются по закону случайности. Другими словами, если звонок не сочетался с определенным раздражением, он не влечет никакого изменения во взаимоотношении хронаксий антагонистических мышц. Иначе обстоит дело у обученного животного. Здесь мы имеем более или менее значительное увеличение хронаксии как для сгибателей, так и для разгибателей непосредственно перед и тотчас после условного рефлекса. Производя ряд последовательных измерений после условного рефлекса, удается обнаружить последовательное возвращение хронаксии к нормальной величине: Во время самого рефлекса получают обратные результаты: в обеих антагонистических мышечных группах хронаксия убывают». В другом докладе, «При-

менение подкожного пути для измерения возбудимости мозговой коры», Шошар сообщил о разработанной им новой методике, которая дает возможность сохранять кору мозга в нормальных физиологических условиях и исследовать ее. При этом в своих тезисах Шошар ясно пишет об огромном интересе к условным рефлексам: «Вышеописанный способ исследования позволит распространить на мозговую кору количественные исследования условных рефлексов, ведущиеся нами с Дравовичем по отношению к периферическим нейронам, и установить роль изменений хронаксии в явлениях, вскрытых замечательными работами Павлова».

Одновременно надо указать на то чрезвычайно многостороннее развитие учения об условных рефлексах как физиологии высшей нервной деятельности, которое было продемонстрировано докладами ряда учеников И. П. Павлова. Так, Протопопов (Харьков) в тезисах доклада следующим образом формулирует итоги своих опытов: «Развитие опыта в онтогенезе путем научения идет не по типу приобретения независимых, анатома-стабильных, изолированных рефлексов, а по типу организации лабильных функциональных структур, которые, в зависимости от изменений в ситуации и организме, изменяются как в рецепторной, так и в эффекторной частях... Навык не является функцией какой-либо специальной части мозга, в этом смысле он не локализован, но элементы его физиологической структуры качественно различны и локализованы». Анохин (Москва) на основании своих многочисленных нейрохирургических и эмбриологических исследований по вопросу о единстве центра и периферии в физиологии нервной деятельности приходит к следующим выводам: «Изучение эмбриогенетических предпосылок нервной деятельности и выработки координаций в условиях нервных анастомозов заставляет нас думать, что всякая функциональная система и даже всякий изолированный рефлекс образуется в процессе раннего онтогенеза по принципу совпадений двух одновременных возбуждений, т. е. по принципу условного рефлекса. Их дальнейшая автоматизация и «безусловность» зависят от неизменяемости их афферентной сигнализации (анатомический принцип)». И, исходя из этого последнего положения, Анохин проделал ряд опытов по устранению старой афферентной сигнализации и переучиванию нервных центров в связи с этим. Учение об условных рефлексах лежит также в основе поисков старейшего сотрудника Павлова-Рожанского (Ростов), который представил доклад «К вопросу о понятии и свойствах пищевого и оборонительного подкорковых центров». Фольборт (Харьков) прекрасно использовал метод условных рефлексов для изучения вопросов общей физиологии железистой клетки. Лаборатория Быкова разрабатывает вопрос по влиянию условного рефлекса на течение процессов основного обмена. Иванов-Смоленский докладывал о том, что методом условных рефлексов могут быть разработаны разнообразные вегетативные условные рефлексы (сужение и расширение зрачка, замедление и учащение сердечного ритма, изменение кровяного давления и др.) как на внешние раздражения (что было отчасти известно), так и в том случае, когда условные раздражители заменяются их словесными обозначениями (например вместо звонка применялось слово «звонок»).

На конгрессе был представлен и ряд других направлений в области изучения центральной нервной системы и поведения животных. Здесь нужно указать на доклад Беритова (Тифлис) и его учеников, посвященный проблеме характеристики и происхождения индивидуального поведения высших позвоночных животных. На основании многочисленных работ как над различными животными, так и над дефективными детьми Беритов приходит к особому пониманию индивидуального поведения животных, с которым советские физиологи уже знакомы по докладам Беритова на последних съездах физиологов в Москве и Эривани. В тезисах доклада конгрессу Беритов сообщает: «Индивидуальным поведением мы называем такую целостную реакцию организма, которая начинается, протекает и заканчивается под активным действием представления об определенном жизненно важном объекте внешней среды. Таким объектом могут являться пища, враг и представитель другого пола. Под представлением, направляющим поведе-

ние, мы понимаем воспроизведение психонервного процесса в коре большого мозга, который в каждый данный момент, с одной стороны, производит субъективные переживания, а с другой стороны — определенную внешнюю реакцию». И далее: «Каждое индивидуальное поведение, будучи повторено много раз в одной и той же внешней обстановке, перестает направляться представлением: оно автоматизируется». Доклад Беритова и Дэйзишвилл был посвящен детализации приведенных положений в отношении поведения человека.

Исключительно большой интерес представляет доклад Фультона (Нью-Хавен), главы крупной американской школы, в области изучения физиологии высшей нервной деятельности. В его докладе «О значении перекрытия соматической и автономной проекций в премоторной зоне» было показано, что в мозговой коре мартышек и шимпанзе премоторная зона имеет интимное отношение к интеграции как автономных, так и соматических реакций. Результаты многих опытов с экстирпацией этой зоны приводят Фультона к чрезвычайно важному биологическому выводу, что «автономная и соматическая проекции не локализованы в обособленных участках, но широко распространяются в пределах всей премоторной области. Факт взаимного перекрытия соматической и автономной проекции указывает на возможность одновременной интеграции соматических и автономных реакций. Это может служить механизмом для взаимного приспособления автономной и соматической сфер и указывает на возможности существования неврологического базиса для тех симпатических и парасимпатических реакций, которые возникают в связи с соматическими моторными реакциями, интегрированными на уровне коры, например слюноотделения при жевании, угнетения кишечной моторики при беге и т. д.»

Группа докладов была представлена школой Л. С. Штерн по вопросам гемато-энцефалического барьера и роли его в физиологии центральной нервной системы. Исходя из взгляда Штерн, что «спинно-мозговая жидкость представляет собой непосредственную питательную жидкость нервных элементов, аналогичную межтканевой жидкости разных органов», сотрудники ее представили экспериментальный материал, иллюстрирующий изменения состава спинно-мозговой жидкости при различных состояниях центральной нервной системы и, наоборот, изменения состояния центральной нервной системы при изменениях состава названной жидкости. Все это показывает, как велико значение изучения гемато-энцефалического барьера для изучения физиологии центральной нервной системы.

На конгрессе были представлены также доклады, касающиеся электрических явлений в коре мозга. Укажем на доклад Гиббса и Девиса (Бостон), которые посредством самозаписывающего осциллографа записывали колебания электрического потенциала мозга как у нормальных людей, так и у людей в различных опытных условиях (например потеря сознания при дыхании в атмосфере азота; во время засыпания), а также у больных (эпилепсия и др.). Доклад показывает, как широко входит в практику физиологических и клинических исследований мозга метод электроэнцефалограммы. Достижения в этой области советских ученых были доложены в сообщении Саркисова (Институт мозга в Москве) о биоэлектрических явлениях коры головного мозга.

Большой интерес вызвали новые работы лаборатории Орбели (Ленинград), посвященные изучению функции мозжечка. Эти работы выясняют, что мозжечок имеет большое значение в регулировании ряда трофических процессов на периферии, а также тонуса органов. У безмозжечковых животных резко нарушаются хронаксия нервов и мышц, термическая чувствительность, реакция на электрические раздражения, коленные рефлексы. Кроме того в них показано влияние мозжечка на тонус кишечного тракта. Все это позволяет акад. Орбели рассматривать мозжечок как высший вегетативный центр.

Исключительный интерес представил доклад А. В. Тонких, ближайшей сотрудницы акад. Орбели, об участии автономной нервной системы в явлениях так называемого «животного гипноза». В опытах на лягушках «подтверждена общая

картина «гипноза» у лягушек, описанная Heubel (1877), Данилевским (1881), Mangold и Eckstein (1919). Удаление полушарий не изменяет картины «гипноза»; после перерезки мозга в таламической области время «гипноза» удлиняется; лягушка может быть усажена в «позу Будды» на время до 1 ч. 20 м. Продолжительный «гипноз» вызывается раздражением gangl. jugulare и впрыскиванием пилокарпина. Впрыскивание адреналина прерывает «гипноз».

Два заседания были посвящены проблемам органов чувств. Физиология органов чувств представляет собой одну из наиболее интересных глав физиологии как по теоретической важности выводов из нее для проблем общефилософского характера, так и по важности практической в клинике нервных заболеваний. Заседания конгресса, посвященные физиологии органов чувств, происходили при участии и под непосредственным руководством наиболее крупных исследователей в этой области: Эдриана (Англия), Пьерона (Франция), Скрамлика (Германия) и др. Было доложено несколько узко специальных работ американской школы проф. Гехта. Некоторую дискуссию вызвал доклад германского физиолога Скрамлика об основах гаптической геометрии, в котором автор поставил ряд спорных вопросов о расхождении между пространственными представлениями, добытыми посредством зрения и осязания, причем выдвинул положение о расхождении между «зрительной» и «осязательной» геометрией. Работники лаборатории органов чувств ВИЭМ (Проппер) на основании фактического материала лаборатории и клиники указали докладчику на его основные теоретические ошибки. Особенно полно были представлены доклады из школы академика Орбели, одной из физиологических школ СССР, занимающейся проблемами физиологии органов чувств. Его сотрудники представили ряд частных докладов, касающихся самых разнообразных сторон физиологии органов чувств (зрение, слух, осязание и др.) и специально вопроса о взаимоотношениях афферентных систем. Прекрасным синтезом всех работ в этом направлении явился доклад акад. Орбели на пленуме конгресса на тему о боли и ее физиологических эффектах. Исходя не только из богатого экспериментального материала своей лаборатории по физиологии вегетативной нервной системы, по опытам, доказывающим взаимодействие афферентных систем, но и из широкого общепсихологического подхода и из данных клиники, акад. Орбели карисовал перед конгрессом свое понимание проблемы боли как проблемы физиологии органов чувств.

Большое значение приобретает организация впервые на международном конгрессе физиологов специальной секции физиологии труда. Естественно, что основная группа докладов на заседании по этому вопросу принадлежала советским ученым. О значении физиологии для правильной организации режима труда и отдыха говорил в своем пленарном докладе проф. Кеннон, об этом же в присланных конгрессу тезисах на тему «Некоторые приложения физиологии в индустрии» говорит Кроуден (Лондон). Он пишет: «Предметом индустриальной физиологии является приспособление человека к работе и к среде, направленное на поддержание изо дня в день равновесия и продуктивности цикла: работа — утомление — восстановление. Задачей индустриальной физиологии является определение наилучших физиологических условий для механизма человеческого тела как целого и для специальных органов и систем тела».

Советские физиологи труда после долгих споров и исканий пришли к чрезвычайно важному исходному пункту, именно к исследованию роли центральной нервной системы в физиологии труда человека. Это пришло своевременно на смену грубоэнергетическому подходу к этим вопросам, которым характеризовались прежние исследования в области физиологии труда. Каган (Харьков) в своем докладе «Биоэнергетика и режим труда» указывает, что «в условиях семичасового рабочего дня в СССР биоэнергетика труда не обнаруживает каких-либо закономерных изменений на протяжении рабочего дня». И далее: «Даже в условиях мышечной работы средней и значительной тяжести биоэнергетический критерий должен просматриваться не как единственно решающий, а как компонент ком-

плексной физиологической оценки». Все остальные доклады советских ученых касаются изучения роли центральной нервной системы. Доклад Шатенштейна (Москва) был посвящен вопросу о влиянии центральной нервной системы на физиологические процессы при работе. Ряд экспериментов Шатенштейна и сотрудников прекрасно показывает зависимость работоспособности и утомления от центральной нервной системы. Особенно яркими и доказательными являются опыты Немцовой, которой блестяще удалось применением гипноза доказать изменение физиологических процессов в организме человека при неизменной работе. Так например одна и та же работа при внушении, что она легкая, сопровождалась значительно более низким газообменом чем при внушении, что работа тяжелая: вентиляция в первом случае составляла 12—19 литров, во втором—50 литров. Большое значение имеют точные исследования роли проприоцептивных процессов в двигательном акте человека для научной разработки вопроса физиологии труда. Этой части вопроса о роли органов чувств в физиологии труда человека посвящен был доклад Кекчеева (Москва). Детальное исследование токов действия мышц при работе человека, исследования проприоцепторов, исследования функционального состояния органов чувств при различных видах труда легли в основу доклада Маршака (Москва), подчеркивая всю необходимость дальнейших исследований в этом направлении. Наконец, надо отметить исключительно интересный и важный доклад по вопросам физиологии и патологии движения А. Н. Бернштейна (Москва), который представил конгрессу богатый экспериментальный материал своей лаборатории и свои теоретические соображения, дающие новый и многообещающий путь для научной разработки физиологии движения и координации движения у человека как в нормальном, так и в патологическом его состоянии.

Три заседания конгресса были посвящены вопросам эндокринологии и особенно физиологии полового цикла. Намечились две основных линии разрешения этих вопросов: 1) максимально точное изучение химии гормонов (специально половых гормонов), представленное главным образом иностранными учеными, и 2) максимальное использование эндокринных факторов в целях регулирования роста и развития (в частности полового цикла) у животных, представленное докладами советских ученых. В отношении изучения природы гормонов необходимо отметить доклад из лаборатории Коллипа (Канада) об антигормонах и ряд сообщений из лаборатории Лакера (Голландия) о химии половых гормонов. В дополнение к уже известным достижениям в области выяснения химической структуры и синтеза половых гормонов, полученным за последние два—три года рядом авторов, Лакер в своих тезисах сообщил конгрессу, что наряду с до сих пор известными чистыми веществами, извлеченными из мочи (андростерон), им изготовлена чистая субстанция из семенников — тестостерон. Второй препарат действует примерно в десять раз сильнее чем первый. Лакер сообщает также данные элементарного анализа тестостерона и соображения о формуле, которая соответствует $C_{19}H_{26}O_2$, т. е. совпадает с формулой андростерона.

Советские доклады были посвящены в основном материалам и достижениям ряда лабораторий Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина. Именно из этой Академии были представлены доклады Г. Азимова, М. и Б. Завадовских, Мирской, Неймана и др. Эти доклады в основном были посвящены вопросам использования эндокринных соотношений в организме в интересах активного воздействия на организм животных для повышения их продуктивности, для регулирования их физиологических циклов, в частности полового цикла, и, наконец, для активного регулирования самого процесса размножения животных.

Используя опыт мировой науки, наши эндокринологи-зоотехники сумели добиться больших успехов на огромном материале сельскохозяйственных животных. Так, Б. Завадовскому удалось применить в широкой производственной практике опытные данные о ранней диагностике беременности у ряда сельскохозяйственных животных (лошади, свиньи, коровы). Это позволило создать свыше 30 кабинетов

в СССР по гормональной диагностике беременности сельскохозяйственных животных. Большие результаты получены по действию гормональных препаратов на течку, овуляцию и охоту сельскохозяйственных животных. Особенно показательны данные, полученные на свиньях, где в опытах на поголовье около 1000 свиноматок удалось добиться «искусственного вызова созревания фолликулов, овуляции и нормальной беременности». Лабораторией Б. Завадовского были представлены новые данные о повышении яйценоскости под влиянием различных препаратов.

Чрезвычайный интерес вызвало сообщение Неймана (ВИЖ) о результатах работ по искусственному обсеменению животных в СССР. Цифры этого доклада исключительно демонстративны: одним бараном искусственно оплодотворяется в один сезон 2500—2700 маток вместо 25—40 при естественной случке. На 2 млн. искусственно осемененных в один сезон овец получено 92% окота, а по сотням тысяч поголовья яловость выражается только в 4—5%.

Значение группы докладов, представленных Академией сельскохозяйственных наук, очень велико, ибо они показали делегатам конгресса, какие широкие перспективы по активному преобразованию животного мира открываются перед биологами в СССР и какие невиданные еще в истории науки возможности для физиологических исследований дает практика крупного социалистического животноводства.

Особенно крупное теоретическое значение, на наш взгляд, имеет доклад, представленный конгрессу одним из наиболее выдающихся молодых биологов — Нидхеймом (Англия). Нидхейм широко известен как создатель нового направления в биологии — изучения биохимии онтогенеза в широком биологическом разрезе. Это нашло отражение в его трехтомнике «Химическая эмбриология». Придавая большое значение химическим превращениям в индивидуальном развитии животных, Нидхейм со своими сотрудниками поставил себе целью выяснить химическую природу так называемых организаторов, т. е. веществ, которые принимают участие в детерминировании развития, т. е. образования специфических клеток и тканей из недифференцированных клеток ранних эмбриональных стадий. Исследования касаются свода первичной кишки зародыша, который вызывает образование из лежащей над ним эктодермы главной невральной оси зародыша (нервная трубка, протохорд, сомиты). Как известно из работ Шпемана и Мангольда, при пересадке свода первичной кишки другому зародышу под эктодерму в том месте, где эта эктодерма обычно образует вентральные покровы, пересаженный свод первичной кишки вызывает образование невральной трубки. Таким образом, речь может идти о выделении сводом первичной кишечной трубки какого-то особого активного вещества, под влиянием которого и происходит столь характерная трансформация эктодермы в невральную трубку. Из двух вопросов, которые при этом возникают, именно: 1) какова химическая природа этого активного вещества и 2) каким образом происходит его освобождение в дорзальной губе бластопора, сообщение Нидхейма разбирает второй вопрос. Само собой разумеется, что при неясности еще вопроса о химической природе организатора трудно точно нарисовать картину освобождения (выделения) клетками специфического вещества организатора. Нидхейм на основании ряда литературных данных и собственных экспериментов выдвигает гипотезу о том, что во всей эктодерме и энтодерме зародыша имеется «комплекс организатор—гликоген—белок», аналогичный ряду известных веществ, как например десмогликоген, астацин и др. Этот комплекс распадается полностью или частично только в дорзальной губе бластопора с освобождением активного организатора. В своем докладе Нидхейм привел целый ряд остроумных опытов, а также соображений, которые указывают на то, что дорзальная губа бластопора отличается сравнительно высоким напряжением процессов гликолиза, что, например, при инвагинации клеток в бластопоре происходит убыль гликогена приблизительно на 30%. Все это позволило Нидхейму и Уэлдингтону поставить опыт с действием на нормальную, но не индуцирующую эктодерму веществами, усиливающими дыхание и гликолиз, после чего эта эктодерма вызывала соответствующий

эффект при пересадке в другой зародыш. Очевидно, что это происходило при явлениях освобождения организатора из сложного комплекса: организатор — гликоген — белок — в общем процессе обмена веществ. Эти данные Нидхейма как и все его установки в области химической эмбриологии весьма своевременно ставят вопрос о глубокой взаимосвязи процессов обмена веществ со структурой, ростом и развитием организмов еще на ранних стадиях эмбриогенеза. Именно в этом огромное значение доклада Нидхейма при всей недостаточности его с химической стороны. В связи с кругом вопросов, возникающих по докладу Нидхейма, представляет определенный интерес сообщение конгрессу Данчаковой (Литва), которой удалось под действием прогестина — гормона, тождественного с женским, половым гормоном, получить инверсию пола. При этом в докладе отмечено, что названное действие гормона прогестина проявляется на зачатках мужской гонады до 4—5 дней инкубации, «пока мужская зачатковая клетка не реализовала с соматическими клетками корреляций, предписываемых ей ее генетическим детерминизмом». Мужской гормон — провирон, — введенный в ту же стадию инкубации, не вызывает инверсии пола зачатка женской гонады.

В заключение необходимо остановиться еще на одной группе докладов, объединенных в заседаниях, посвященных проблемам сравнительной, эмбриональной и эволюционной физиологии. Были представлены доклады как иностранных школ и лабораторий (Баркрофт, Нидхейм, Иордан), так и советских лабораторий (Орбели, Коштойнц). Особенно многозначительным было заседание, посвященное эмбриональной физиологии, на котором первым стоял доклад Баркрофта о дыхании плода с демонстрацией самого опыта. Вопросы и факты физиологии эмбриона привлекли к себе внимание крупнейших представителей экспериментальной физиологии. При демонстрации опыта с дыханием плода свиньи проф. Баркрофту помогали в постановке опыта такие ученые, как Кеннон, Иордан, Винтерштейн и др. Известно, что опыты Баркрофта с дыханием плода привели его к выводам, имеющим крупное теоретическое значение. Основной вывод следующий: «Причиной первого дыхания является недостаток кислорода... Вызываемое таким образом дыхательное движение напоминает предсмертный вздох при отравлении синильной кислотой; но эмбрион при своем предсмертном вздохе втягивает в легкие воздух, и это служит началом свободной жизни новорожденного животного».

Целый ряд других докладов продемонстрировал особенности физиологических процессов на различных стадиях индивидуального развития животных. Здесь надо указать на динамику изменений сосудистых реакций в онтогенезе птиц (лаборатория Орбели); изменений физиологии и биохимии мышечного сокращения в онтогенезе млекопитающих животных (лаборатория Коштойнца). Последние опыты поставили существенный вопрос о необходимости учета при эмбриофизиологических явлениях так называемой биологической хронологии онтогенеза, т. е. исследования онтогенеза той или иной функции на стадии, являющейся узловой для развития органа, с которым данная функция связана. «Биологическая хронология онтогенеза» (Коштойнц) противопоставляется календарной хронологии, которой придерживались авторы, работающие в области эмбриональной физиологии, до настоящего времени.

Ряд докладов был посвящен, собственно, сравнительным исследованиям по физиологии и биохимии различных животных. Из советских докладов надо отметить доклад Капланского (Москва), который дал ряд новых материалов по вопросу об изменчивости аминокислотного состава белков мозга позвоночных животных. Сотрудники Орбели: Кребс и Гинединский — сообщили результаты новых исследований по сравнительной физиологии и биохимии мышечного сокращения. Особенно важным является для нас то обстоятельство, что Лялик в тезисах своего доклада «Хронаксия и нервномышечный изохронизм с точки зрения сравнительной физиологии» подчеркивал: «Сравнительная физиология, изучая значительно более медленно протекающие процессы возбуждения чем физиология классическая, при-

вела к зарождению и самой идеи хронаксии. Она же дает неопровержимые аргументы для решения вышеуказанной проблемы». В этих тезисах Лялик отметил, какое огромное значение имеет для физиологии нервномышечной системы сравнительно-физиологический подход к решению ее вопросов. Совершенно так же, как выступление Баркрофта по вопросам эмбриональной физиологии, выступление Лялика с такой оценкой сравнительной физиологии имеет крупное значение для дальнейшего развития этих двух молодых ветвей физиологии.

Последнее заседание конгресса было посвящено проблемам эволюции функций. На этом заседании были представлены как доклады собственно физиологов (Иордан, Коштойяц), так и генетиков (Меллер, Левит), механиков развития (Шаксель), анатомов (Якобсон-Ласк) и эмбриологов (Нидхейм). Это позволило поднять ряд таких вопросов, как наследование физиологических признаков и роль физиологических мутаций (Меллер), как соотношение между формой и функцией (Шаксель), как вопрос об аналогии и гомологии функций в филогенезе животных (Коштойяц). Из частных физиологических моментов, стоявших в связи с общеэволюционными вопросами в докладах этого заседания, мы уже указывали на роль доклада Нидхейма. Укажем также на то, что Иордан сообщил о своих последних исследованиях по природе тонуса мышц беспозвоночных животных, а в докладе Коштойяца на основе сравнительно физиологических опытов (которые демонстрировались на конгрессе) было высказано положение о том, что полостные органы имеют большое физиологическое значение в поддержании основного тонуса туловищной мускулатуры. Исходным основанием этого положения являются, с одной стороны, опыты, доказавшие влияние лабиринта на тонус полостных органов (кишечника) всех позвоночных животных, с другой — доказанный факт о рецепторной роли плавательного пузыря рыб. Исходя из чисто сравнительно-морфологического представления о том, что легкие являются гомологами плавательного пузыря, удалось экспериментально показать аналогичную функцию и у легких: аксолотли с удаленными легкими ведут себя как рыбы с удаленным плавательным пузырем: они дискоординированы, у них резко падает тонус мышц. Помимо доклада «Об эволюции форм координации движения животных» как конкретного эволюционно-физиологического исследования Коштойяцем была опубликована на немецком языке в конгрессовском номере «Физиологического журнала СССР» специальная работа на тему «Проблемы эволюции функций», где обсуждаются общие теоретические вопросы эволюционной физиологии на основе экспериментальных работ автора и его сотрудников за последние 5 лет.

В этом обзоре мы остановились, главным образом, на чисто физиологических проблемах. Он далеко не полный, и не только потому, что не указаны работы отдельных авторов (мы все время называли лишь лаборатории и школы), но и потому, что обзор не касается ряда вопросов, обсужденных на отдельных секционных заседаниях. Однако нельзя в настоящем обзоре не указать на блестящий доклад Теорелля (Швеция) о желтом окислительном ферменте, который, по общему мнению участников конгресса, может рассматриваться как «гвоздь» конгресса. Значение доклада Теорелля, безусловно, велико: ему удалось с помощью катафореза получить в чистом виде желтый окислительный фермент и дать расчет его молекулярного веса. Больше того, Теореллю удалось получить в первые в истории энзимологии обратимое расщепление фермента на действующую группу и клялоидного носителя. Теорелль дает следующую характеристику этим двум компонентам: «Действующая группа является типичным коферментом, а белковый компонент — ферментом; желтый фермент, следовательно, представляет собой комплекс фермента с коферментом. Желтый фермент является первым, до конца распознанным ферментом». Теореллю удалось с помощью катафореза получить в чистом виде так же цитохром «С».

На конгрессе имели место также чрезвычайно важные дискуссии по отдельным проблемам биохимии, из которых упомянем дискуссию по окислительным во-

просам. В ней приняли участие всемирно известные работники в этой области: Тунберг (Швеция), Штерн (СССР), Кноп (Германия), Сен-Джорджи (Венгрия) и др.

Значительное место в работе конгресса заняли демонстрации фильмов (научных и учебных), а также специальных опытов, методик и приборов. Большой успех имели фильмы, посвященные сердечной деятельности, Винтерштейна (Турция) и Граменицкого (СССР), а также фильмы, посвященные физиологии головного мозга, изданные ВИЭМ на основании работ школ Павлова и Орбели.

Что касается демонстраций опытов, то, как мы указывали выше, центральное место заняла демонстрация опытов Като по изолированию отдельных нервных волокон. Новый метод изучения единиц нервной системы (анатомический) был продемонстрирован В. П. Воробьевым (Харьков). Ряд собак с нарушенной целостностью центральной нервной системы головного мозга и мозжечка, с интересными явлениями нарушения координации движения, а также восприятия и локализации боли демонстрировались сотрудниками Орбели и другими физиологами СССР. Привлекающие всеобщее внимание опыты Брюхоненко (СССР) по оживлению целых организмов с большим успехом демонстрировались уже в Москве, в институте самого автора методики. Тезисы о достижениях в области изучения переживания и оживления нервных центров как в изолированной голове, так и целого животного были представлены бельгийскими учеными Геймансом и Букертом. Демонстрация опыта на конгрессе не было. Авторы сообщают, что «полное восстановление работоспособности всех центров и выживания животного имеют место лишь в том случае, если явения или аноксемия, сопровождаемые функциональным исключением сердца и нервных центров, длится не более пяти минут».

К научной работе конгресса надо отнести также выпуск к конгрессу специального номера «Физиологического журнала СССР» на иностранных языках, в котором были собраны специальные статьи руководителей физиологических лабораторий различных стран, что дало возможность полного отражения проблематики физиологии к данному мировому конгрессу. Помимо того по статьям советских авторов в названном номере журнала делегаты конгресса имели возможность ознакомиться с основными течениями советской физиологии.

Наконец, огромную роль в деле ознакомления делегатов конгресса с ростом и достижениями советской физиологической науки сыграла выставка советской физиологии, организованная благодаря исключительному старанию и творчеству проф. Г. Х. Кекчева. Эта выставка поразительно наглядно дала картину роста научных институтов и лабораторий в области физиологии, биохимии и фармакологии в СССР, дала картину могучего роста кадров в этой области и ассигнований правительства на развитие науки и подготовки кадров. Специальные стенды выставки изображали конкретное содержание тематики и результатов работ отдельных лабораториях Союза: карта физиологических учреждений великого СССР, ВИЭМ, Академии наук, школа Павлова, школа Сеченова. Выставка обнаружила большой библиографический материал советской и иностранной печати о работах советских физиологов, биохимиков и фармакологов. Она демонстрировала также ценный материал по истории развития науки в России, в частности архивный материал, касающийся личности, общественной и научной деятельности «отца русской физиологии» И. М. Сеченова. В честь Сеченова была выбита медаль конгресса.

Конгресс с самого начала его организации был связан с именем этого великого ученого-материалиста. Поэтому были изданы к конгрессу избранные работы И. М. Сеченова в виде основного подарка оргкомитета конгресса участникам конгресса. И по всему миру вместе с высокохудожественно изданным томом избранных работ Ивана Михайловича Сеченова разнесут участники конгресса те основные идеи и экспериментальные поиски, которые явились питающими корнями физиологии в России и той новой, советской физиологии, с которой участники конгресса близко ознакомились, будучи гостями нашей страны.

Проф. КОШТОЯНЦ.

О Пулковской обсерватории и ее отделении в Николаеве

Задачи астрометрии в широком смысле этого слова заключаются в определении мест небесных тел и их движений. Сюда должны быть отнесены также проблемы определения времени. Едва ли можно назвать другую обсерваторию, которая по разнообразию своих астрометрических работ могла бы быть сравнена с Пулковской обсерваторией. Определение координат звезд, как фундаментальных, так и относительных; вывод точных значений основных астрономических постоянных: рефракции, абберации и нутации; наблюдения тел солнечной системы и двойных звезд; проблемы, связанные с изменением широт и долгот; служба времени — весь этот сложный комплекс задач является непосильным для обсерваторий обычного типа и, как правило, лишь частично осуществляется на каждой из них. Географическое положение Пулковской обсерватории имеет свои выгоды при постановке таких задач, как ориентировка системы положений звезд и определение астрономических постоянных. Чем севернее широта обсерватории, тем точнее выводится система положений небесных тел. тем большие возможности, в частности, открываются в отношении астрометрических наблюдений.

Пулковская обсерватория охватывает своими наблюдениями все северное полушарие и экваториальную область до 10° склонения. Отделение Пулковской обсерватории в Николаеве (широта 46°) продолжает эти наблюдения вплоть до тридцатой параллели к югу от небесного экватора. Соединенными усилиями обеих обсерваторий определяются положения основных или фундаментальных звезд, играющих роль опорных точек, на поверхности небесного свода размером в 31 000 кв. градусов, из общего числа 41 000 кв. градусов, составляющих полную его поверхность.

Наблюдения солнца и планет для определения равноденственных точек — одного из необходимых элементов для ориентировки звезд на небесном своде — производятся преимущественно в Николаевской обсерватории, где относительно высокое положение небесного экватора над горизонтом и большее количество ясных дней в течение осенних и зимних месяцев создают значительные преимущества для этих определений по сравнению с условиями наблюдений в более северных широтах.

Начинать обзор астрометрических работ естественнее всего с основных или фундаментальных наблюдений небесных тел, т. е. таких, которые по характеру своего выполнения являются по существу не зависимыми от каких-либо других наблюдений. Сверх того при обработке каждого ряда фундаментальных наблюдений все вспомогательные величины, необходимые для составления каталога точных положений небесных тел, должны быть выведены только из этих наблюдений, вне всякой зависимости от каких-либо сделанных ранее определений подобного рода. Чем полнее осуществляется этот принцип при производстве самых наблюдений и их обработке, тем большее значение имеют результаты этих наблюдений по сравнению с другими каталогами, претендующими на название фундаментальных.

Как известно, прямое восхождение и склонение светила являются основными

координатами, определяющими его место на небесной сфере, совершенно аналогично тому, как при помощи географических координат — долготы и широты — определяется положение какого-нибудь пункта на земле. Из совокупности этих координат для одной и той же группы звезд, данных в различных фундаментальных каталогах, выводится фундаментальная система звездных положений, понимаемая как система положений звезд, их собственных движений, т. е. медленных, прогрессивных смещений по небу и постоянной прецессии. Собственные движения звезд выводятся из сравнения их координат, наблюдаемых в различные эпохи.

Фундаментальные наблюдения в Пулковской и Николаевской обсерваториях производятся на двух инструментах: большом пассажном инструменте, который служит для определения прямых восхождений, и большом вертикальном круге, предназначенном для наблюдений склонений. Оба эти инструмента установлены в плоскости меридиана.

Благодаря высоким техническим качествам этих инструментов, специфическим особенностям их конструкции, соответствующей тем требованиям, которым они должны удовлетворять, оригинальности приемов редукции звездных каталогов, разработанных в процессе углубленного изучения наблюдательного материала и свойств самого инструмента, принцип независимости фундаментальных определений осуществляется в пулковских и николаевских каталогах значительно полнее по сравнению с работами этого рода в большинстве других обсерваторий.

Связь этих основных астрометрических работ с производственными процессами социалистического строительства легко уяснить из следующих положений. Как известно, географическая карта представляет основу для всевозможных обследований страны и расчетов, связанных с выполнением многих технических предприятий. Непрерывно растущий спрос на точную карту обеспечил колоссальный рост топографо-геодезических работ в нашей стране. Для составления карты какой-либо части земной поверхности необходимо иметь точные положения некоторого числа избранных на ее территории астрономо-геодезических пунктов. Положения этих пунктов, т. е. их широты и долготы, нельзя определить непосредственно из каких-либо измерительных работ на земной поверхности: для этой цели в каждом из пунктов производятся специальные астрономические наблюдения звезд, которые взяты из фундаментальных каталогов и места которых на данный год опубликовываются в астрономических календарях. Таким образом, географические положения серных бугров в Кара-Кумах, шахт Кузбасса и железных руд Магнитогорска основываются на координатах звезд, данных в этих эфемеридах.

При определении прямых восхождений задача наблюдателя сводится к тому, чтобы во время движения звезды в поле зрения передвигать с равномерной скоростью при помощи соответствующего винта связанную с последним пластинку с паутиной нитью. Это перемещение должно происходить таким образом, чтобы нить, следуя за звездой, постоянно пересекала ее изображение. Головка винта оканчивается барабаном из слоновой кости, на окружности которого имеется несколько металлических контактов. При вращении барабана контакты последовательно приходят в соприкосновение с пружиной, скользящей вдоль его поверхности, благодаря чему в эти моменты замыкается цепь одного из электромагнитов, подведенных к пружине и микрометру. Якорь электромагнита притягивается к сердечнику и увлекает за собой сифонное перо, которое чертит сигнал на бумажной ленте, приводимой в равномерное движение посредством часового механизма. Цепь электромагнита второго пера соединена с механизмом очень точных астрономических часов. При помощи специальных прерывателей ток в этой цепи периодически замыкается и размыкается, причем замыкания тока обычно происходят в начале каждой четной секунды, а размыкания — в конце ее. Таким образом второе перо записывает на ленте секунды часов. Описанный прибор для регистрации наблюдений носит название хронографа.

При помощи измерения ленты хронографа на измерительном аппарате можно с точностью до сотых долей секунды определить показания часов, соответствующие

щие моментам замыкания тока в цепи микрометра. Отсюда, зная расположение подвижной нити относительно меридиана в моменты контактов, легко вычислить точное время прохождения звезды через меридиан. Выполняя описанные операции по отношению к какому-нибудь списку звезд и принимая во внимание ошибки установки инструмента в ходе часов, можно получить отсюда непосредственно разности прямых восхождений этих звезд. Определение нуля пункта прямых восхождений производится путем аналогичных наблюдений солнца и специальной программы звезд на пассажном инструменте совместно с наблюдениями склонений солнца на вертикальном круге.

Каждое наблюдение на вертикальном круге какого-либо небесного объекта дает возможность определить его зенитное расстояние, т. е. угол между направлением на это светило и направлением в зенит места наблюдения.

Современная точность астрометрических наблюдений может считаться более или менее достаточной, чтобы установить взаимоотношения между движениями тел внутри солнечной системы, но она еще не может удовлетворить нас при переходе к изучению движений звезд, в особенности слабых из них.

С другой стороны, собственные движения являются одним из главнейших источников наших знаний о структуре и динамике звездной вселенной. Поэтому определение их для возможно большего числа звезд и уточнение уже существующих собственных движений имеют совершенно исключительное значение.

Первоначальным критерием выбора звезд для фундаментальных каталогов являлась почти исключительно их яркость. В частности, первый пулковский фундаментальный каталог содержал все звезды, от первой до четвертой величины, с прибавлением лишь небольшого числа более слабых околополярных звезд. Это имело свои основания, так как яркие звезды наблюдались несравненно чаще чем слабые и их координаты были лучше известны. Тем же принципом в основном руководствовались и при расширении списка фундаментальных звезд. Число их было доведено до 550 в зоне склонений от полюса до -10° , причем повторные наблюдения этих звезд для уточнения их координат и собственных движений производились в Пулкове каждые 15—20 лет. В настоящее время на пулковском большом пассажном инструменте заканчиваются наблюдения (Ф. Ф. Ренц и Л. Л. Маткевич) прямых восхождений этого списка, которые редуцируются на эпоху 1930.0.

Выполнение той же программы на вертикальном круге, помимо указанной цели, имело особый интерес еще в силу следующих обстоятельств. Наблюдения на этом инструменте, который с самого основания обсерватории был установлен в одной из зал ее главного здания, сильно осложнялись особенностями этой постройки. Последняя давно уже перестала удовлетворять современным требованиям, предъявляемым теперь к наблюдательным помещениям. Большие залы, несимметричные по отношению к месту установки инструментов, узкие люки, которые не в состоянии обеспечить полного выравнивания температуры воздуха внутри помещения и вне его, близость отапливаемых помещений — все это создает условия, вредно отражающиеся на результатах наблюдений и ограничивающие поле деятельности инструментов. В частности, все попытки изучения особенностей рефракции: внутри помещения для вертикального круга не приводили к удовлетворительным результатам. Становилось очевидным, что подобные инструменты нужно устанавливать в павильонах специальной конструкции (удаленных от массивных зданий), где наблюдения могли бы производиться почти в условиях свободной атмосферы. Постройка такого павильона для вертикального круга была закончена в 1928 г., после чего туда был перенесен вертикальный круг и было приступлено к наблюдениям склонений. Недавно опубликованные результаты этих наблюдений (Н. И. Днепровский) показали, что последние являются более свободными от некоторых систематических ошибок, присущих определению склонений, чем предыдущие пулковские наблюдения в старом помещении вертикального круга.

Наблюдения того фундаментального каталога в более широкой зоне склонений от $+90^\circ$ до -30° заканчиваются в настоящее время в Николаевском отделе-

нии Пулковской обсерватории (Л. И. Семенов, Г. К. Циммерман и до середины 1934 г. — И. Н. Язев).

Подготовлен к печати большой каталог прямых восхождений из предыдущих наблюдений, произведенных в том же отделении (он содержит положения около 2000 фундаментальных звезд при общем числе наблюдений свыше 30 000). Система этого каталога, выведенная П. И. Яшиновым, оказалась в точности совпадающей с системой пулковского каталога 1915 г. несмотря на различие условий наблюдений. При выводе самых мест звезд (Н. В. Циммерман) была сделана попытка отступить от трафаретных приемов редукции наблюдений и поставлена задача — изучить возможные систематические влияния в отношении суточного хода азимута инструмента, эффекта коллимации в связи с влиянием его на определение устойчивости линии мир и т. п. Было обращено также внимание на наиболее выгодное распределение наблюдений в течение суток и выдвинуты на первый план интересы фундаментального каталога, которые далеко не всегда совпадают с задачей определения поправки точки весеннего равноденствия. Результаты обработки этого каталога представляют несомненный сдвиг в смысле улучшения методики редукции фундаментальных прямых восхождений.

То обстоятельство, что система николаевского каталога представляет продолжение пулковской системы прямых восхождений на юг в довольно широкой зоне склонений (от -10° до -30°), является очень ценным, так как в этой зоне имеется, вообще говоря, гораздо меньшее число фундаментальных определений (на европейских обсерваториях эта зона почти не наблюдается).

Программа работ пассажных инструментов в Пулкове и Николаеве на ближайшие годы предусматривает наблюдения расширенного списка звезд в полярной области с целью распространить систему прямых восхождений вплоть до полюса, что до сих пор еще не осуществлено вследствие недостатка полярных звезд в фундаментальных каталогах. Упомянутая работа имеет также целью изучить личные ошибки наблюдателей в полярной области и увеличить число звезд, которые могут быть использованы для достаточно надежных определений азимутов при наблюдениях поправок часов. Последнее обстоятельство имеет большое значение для астрономо-геодезических работ прикладного характера.

В ближайшие дни выходит из печати составленный в Пулкове (Ф. Ф. Ренц) сводный каталог прямых восхождений звезд, принятых в свое время в качестве фундаментальных для фотографического каталога «Carte du ciel». Программа этого каталога была в основном разработана в Пулковской обсерватории и наблюдалась, помимо Пулкова и Николаева, в шести заграничных обсерваториях. Этот каталог содержит относительно большое число звезд в зоне склонений от $+90^\circ$ до -10° , равномерно распределенных по небу. Он, несомненно, найдет себе большое применение для работ по службе времени и по определению долгот, тем более что по своей точности он значительно превосходит каталог Эйхельбергера, на котором до сих пор основывались места звезд, публикуемых в большинстве астрономических эфемерид¹⁾. Составление подобного сводного каталога совпадает с пожеланиями комиссии времени Международного астрономического союза о принятии для всех обсерваторий единообразной системы прямых восхождений фундаментальных звезд. Работа эта была выполнена Пулковской обсерваторией при материальной поддержке Главного геолого-гидро-геодезического управления.

На последней астрометрической конференции, в 1932 г., в докладах Б. П. Герасимовича и Н. И. Днепровского был высказан ряд соображений, касающихся фундаментальных систем мест звезд и сводившихся вкратце к следующему.

В течение последних ста лет меридианная астрономия достигла значительных успехов в смысле повышения точности наблюдений. Наряду с этим звездная астро-

¹⁾ Сводный каталог склонений тех же звезд составлен несколько лет назад в Ленинградском астрономическом институте под руководством автора настоящей статьи. Каталог находит себе применение при определении широт астрономо-геодезических пунктов по методу Талокотта

номия, главным образом за последние десятилетия, сделала не меньшие успехи в деле изучения вселенной не только на основе статистической разработки собственных движений, определенных из меридианных наблюдений, но и путем применения новых фотографических, спектроскопических и фотометрических методов. Однако для продвижения вперед необходимо массовое и свободное от систематических ошибок знание собственных движений звезд и их радиальных скоростей. Все это требует прочной и удобной базы в виде вполне определенной основной координатной системы, в которой можно было бы изучить движения слабых звезд, — основной базы для астрофотографии, проникающей во вселенную гораздо дальше чем существующая система референции фундаментальных звезд. Достаточно совершенной системой такого рода являлась бы система, связанная со слабыми, внегалактическими туманностями, которые удалены на огромные расстояния и представляются звездообразными объектами, удобными для наблюдений.

Что же касается существующих координатных систем, то они в общем основываются на одних и тех же фундаментальных каталогах. Беглый взгляд на состав этих каталогов показывает, что они состоят главным образом из ярких звезд, наиболее доступных меридианным инструментам и чаще других наблюдавшихся в различных обсерваториях; распределение этих звезд по небу далеко не равномерно. Вместе с тем фундаментальные каталоги содержат большой процент звезд со значительными собственными движениями, что отзывается на точности определения постоянной прецессии из этого материала. Поэтому существующие фундаментальные системы можно рассматривать как связанные с ближайшими частями так называемой локальной системы звезд, если такая система вообще существует. С другой стороны, прогресс в изучении вселенной выдвигает необходимость в системе координат, основанной на очень отдаленных объектах, имеющих малые собственные движения. Поэтому целесообразно поставить вопрос о наблюдении достаточного числа таких звезд, возможно более слабых по яркости, но вместе с тем доступных для наблюдений на современных меридианных инструментах с достаточно светосильными объективами. Выбор звезд следует производить по определенным критериям в отношении их абсолютной величины и спектрального класса. Эти звезды должны наблюдаться как фундаментальные, с тем чтобы создать для них свою, независимую систему. Выполнение таких наблюдений в отношении склонений не связано с какими-либо принципиальными затруднениями. Наблюдения прямых восхождений должны будут осуществляться ценным способом, определяя точку весеннего равноденствия из наблюдений ярких малых планет, без прямой привязки на солнце. Подобные наблюдения целесообразно связать с одновременными наблюдениями ярких звезд обычными способами, чтобы установить связь между проектируемой и существующими фундаментальными системами и выявить в основном специфические особенности, присущие системам собственных движений ярких звезд.

Можно надеяться, что подобная система слабых звезд окажется достаточно свободной от уравнения яркости и будет удовлетворять запросам астрофотографии, особенно имея в виду применение широкоугольных камер.

В настоящее время автором данной статьи произведена работа, которая имеет целью показать практическую возможность составления в зоне склонений от $+90^\circ$ до -20° программы фундаментального каталога, удовлетворяющего поставленным выше требованиям. Звезды, входящие в этот список, принадлежат почти исключительно к гигантам и супергигантам типа $Ks-M$ и имеют яркость между 7,5 и 9,0 величины.

Собственные движения этой спектральной группы, как и следовало ожидать, в подавляющем большинстве очень малы (88% предварительных собственных движений, найденных для этих звезд, оказались менее 0,05 в год). При одной и той же визуальной величине звезды указанных спектральных классов имеют большую фотографическую величину и в отношении уравнения яркости выгоднее для привязки к слабым звездам на фотографических снимках. Как известно,

спектральные каталоги в северном полушарии могут считаться полными только до 8,25 визуальной величины. Однако и при этих условиях оказалось возможным выбрать внутри упомянутой зоны достаточное число объектов, распределенных достаточно равномерно, так, чтобы за исключением сравнительно немногих областей в среднем на каждые 25° имелось не менее одной звезды.

Аналогичные распределения звезд тех же спектральных классов, составленные для южного неба, показывают, что здесь также имеется обширный материал для выбора объектов, достаточно равномерно распределенных в зоне склонения от -20° до -90° .

Как уже было сказано выше, наблюдения фундаментальных прямых восхождений слабых звезд должны производиться методами, несколько отличными от тех, которые до сих пор применялись в Пулковской обсерватории для вывода прямых восхождений небольшого числа так называемых опорных или часовых звезд (в числе около 30), доступных благодаря своей яркости наблюдениям в дневные часы.

Поэтому на астрометрической конференции был принят разработанный П. И. Яшновым проект организации наблюдений прямых восхождений таких опорных звезд, значительно менее ярких чем классические часовые звезды. В основу этого проекта положен принцип наблюдений достаточно большого числа групп звезд цепным методом симметрично около полуночи, которые в процессе обработки будут подвергнуты внутреннему выравниванию. Посредством такого приема предполагается увеличить число опорных звезд и достигнуть достаточной симметрии и равномерности в их распределении. Опытный ряд наблюдений, имеющий целью практическое обоснование изложенной схемы увязки группы звезд, проводится уже в течение двух последних лет в Пулкове на одном из пассажных инструментов типа Бамберга (П. И. Яшнов и А. А. Немиро).

Число звезд, которые наблюдаются фундаментальными методами, по необходимости ограничено. Так как места этих звезд обладают наибольшей степенью точности, то они играют роль опорных, так называемых относительных определений. При этих наблюдениях, производимых обычно с помощью меридианных кругов, определяются разности между координатами (прямыми восхождениями и склонениями) фундаментальных звезд, принимаемые за известные, и искомыми координатами каких-нибудь других небесных объектов. Таким образом осуществляется процесс привязки последних к основным звездам, места которых выбираются в некоторой определенной системе, выведенной из фундаментальных наблюдений. Самые приемы наблюдений на меридианном круге сходны с теми, которые применяются на фундаментальных инструментах. Список основных звезд, порядка 2000, равномерно распределенных по всему небу, может считаться достаточным для выполнения всех наблюдательных и вычислительных операций, связанных с привязкой к этим опорным звездам сколь угодно большого числа небесных тел.

В результате создается возможность осуществлять относительные определения в весьма широких масштабах. Примером этого может служить определение мест всех звезд до 9-й величины в зоне склонений от северного полюса до -17° , организованное в последней трети прошлого столетия Международным астрономическим обществом. Эта работа была выполнена соединенными усилиями 17 обсерваторий, причем в общей сложности было сделано около 500 000 наблюдений по каждой координате в отдельности.

В течение последних лет был поставлен вопрос о повторных наблюдениях этих же звезд с целью вывода их собственных движений. Но теперь уже не было необходимости производить подобные массовые наблюдения на визуальных инструментах. Это гораздо проще и скорее могло быть осуществимо при помощи фотографии, получившей в течение последних десятилетий весьма широкое применение во многих областях астрономии. На сцену выступили зонные астрографы, которые в течение короткого времени покрыли снимками посредством широко-

угольных камер все северное небо и его экваториальную область. В настоящее время производятся измерения координат около $\frac{1}{4}$ миллиона звезд, изображения которых получены на этих пластинках. На долю Пулкова, которое приняло участие в этой кооперативной работе, выпало фотографирование околополюсной области неба (от полюса до 70-й параллели) посредством специально приобретенного для этой цели зонного астрографа (И. А. Балановский).

Но одни только фотографические снимки не заключают в себе все необходимое для определения координат звезд. Поэтому нужно было обеспечить полученные снимки опорными звездами в числе 12—15 на каждую пластинку, покрывающую на небе поле в 25 кв. градусов, и все измерения на пластинках вести по отношению к этим звездам. Последние в свою очередь необходимо было связать строго дифференциальным путем с определенной системой фундаментальных звезд. В результате на долю меридианных кругов выпала нелегкая задача—произвести относительные определения в общей сложности 13755 опорных звезд. В выполнении этой работы приняли участие 7 обсерваторий, обладающих достаточно совершенными астрономическими инструментами.

Из общей программы опорных звезд, как их еще называют, звезд сравнения, на пулковском меридианном круге были произведены наблюдения 3700 таких звезд по обеим координатам в зоне от 35° до 60° северного склонения (Н. В. Циммерман, А. А. Кондратьев и покойный Я. И. Беляев). Перед началом работы инструмент был значительно модернизирован, в частности, заново переточены цапфы и установлен саморегистрирующий микрометр новейшего типа. Как сами наблюдения, так и их обработка закончены и подготовлены для включения в общую сводку.

Несколько лет назад Пулковской обсерваторией был опубликован фундаментальный каталог прямых восхождений и склонений 1334 звезд из наблюдений в 1920—1926 годах.

В течение последних 20 лет наблюдений звезд этой программы в других обсерваториях почти не производилось. Между тем этими наблюдениями очень выгодно пользоваться в качестве опорных при относительных наблюдениях. По своей яркости (4—6 величины) они также очень удобны для полевых геодезических работ по определению географических координат основных пунктов. Так как в процессе сношений с геодезическими учреждениями была выяснена необходимость обеспечить точными местами все звезды северного неба по возможности до 6-й величины, то на астрономической конференции в 1932 г. Пулковская обсерватория выдвинула предложение перенаблюдать упомянутые 1334 звезды на меридианных инструментах нашего Союза.

Эта кооперативная работа выполняется в настоящее время обсерваториями в Казани (Энгельгардтовская обсерватория), Москве, Николаеве, Пулкове и Ташкенте и должна быть закончена к 1937 году. Общее руководство работой в смысле организации плана наблюдений и их обработки осуществляется Пулковской обсерваторией (Н. В. Циммерман), которая взяла на себя составление сводного каталога «геодезических» звезд из всей совокупности наблюдений. Материальная поддержка этой работе на договорных началах оказывается Всесоюзным трестом основных геодезических и гравиметрических работ (ВТОГИРП).

Некоторое время назад было выяснено огромное значение переменных звезд для определения расстояний до шаровых скоплений и отдаленных облаков Млечного пути. Существующая школа вселенной основана на этих переменных звездах и прежде всего зависит от знания абсолютных величин ближайших к нам цефеид, т. е. переменных звезд, названных по имени классического представителя звезд типа *Cephei*. Таким образом определение мест цефеид имеет для звездной астрономии очень важное значение. То же самое относится к долгопериодическим переменным и к таким особым объектам, как звезды типа *O*, недавно включенным в программу наблюдений пулковского меридианного круга. Следует отметить, что до последнего времени перечисленные объекты, за очень редкими исключениями, почти отсутствовали в рабочих списках меридианных инструментов. Кроме того

программа пулковского меридианного круга предусматривает наблюдения опорных звезд для точного определения положений планет Урана и Нептуна, полученных при помощи фотографических снимков на так называемом нормальном астрографе Пулковской обсерватории.

В текущем году приступлено к постройке павильона современного типа, куда предполагается перенести меридианный круг из центрального здания обсерватории. Проект новой установки предусматривает устройство подземных мир по типу, разработанному и осуществленному Гиллом в обсерватории на мысе Доброй Надежды. Эти работы имеют целью радикально улучшить обстановку наблюдений на меридианном круге и поставить на нем ряд новых задач, ранее недоступных для этого инструмента.

Меридианные инструменты дают точные положения только сравнительно ярких объектов (до 9-й величины) и лишь в моменты кульминации. Поэтому для наблюдений более слабых объектов или тех из них, которые проходят через меридиан в дневные часы, когда их видимая яркость сильно падает, приходится прибегать к рефрактору, труба которого может быть направлена в любую точку неба. Этот инструмент также предназначен для определения относительных координат небесных тел и снабжен микрометром с позиционным кругом.

Одна из главных работ пулковского 38-сантиметрового рефрактора заключается в наблюдениях, связанных с изучением двойных и кратных систем звезд для определения орбит и масс этих звезд (Н. В. Комендантов). Посредством микрометра и позиционного круга измеряются в угловой мере расстояния между двойными звездами и их угол положений, т. е. угол, который составляет линия, соединяющая звезды с кругом склонений, проведенным через более яркую из звезд.

В настоящее время опубликован четырехгодичный цикл наблюдений 408 двойных звезд, состоящих из: 1) звезд с заметным относительным движением, большей частью орбитальных, и 2) звезд с малым или сомнительным движением, характер которого необходимо было подвергнуть исследованию. Особенное внимание в этом цикле было обращено на изучение систематических ошибок углов положений и расстояний между составляющими. Кроме того в 1933 г. были закончены и частью опубликованы измерения второго ряда звезд (325 пар), выбор которых в основном был сделан по тому же принципу. Затем были начаты систематические измерения 770 звезд нового списка, составленного по сводному каталогу Айткена; в программу включены наиболее тесные из доступных для наблюдений на 38-сантиметровом рефракторе двойных систем, в том числе из открытых в сравнительно недавнее время. При измерении углов применяется метод реверзионной призмы, считающийся наиболее современным в настоящее время.

Если для самых тесных двойных звезд по необходимости приходится ограничиваться визуальными микрометрическими наблюдениями, то для звезд со сравнительно большим расстоянием между составляющими фотографические наблюдения на длиннофокусных инструментах имеют несомненное преимущество несмотря на большую сложность техники наблюдений и обработки последних. Поэтому наибольший рефрактор в СССР — 76-сантиметровый рефрактор Пулковской обсерватории с фокусным расстоянием в 15 метров — наряду с другими работами приспособлен с 1934 г. к фотографическим наблюдениям двойных звезд, и произведенные в этом направлении опыты дали вполне положительные результаты.

На 38-сантиметровом рефракторе определяются сверх того положения других небесных тел, в частности, комет, малых планет, главным образом тех из них, которые представляют особый интерес для теоретических исследований. В известных случаях вместо угла положения и расстояния измеряются разности прямых восхождений и склонений определенного объекта и звезды сравнения. На этом инструменте наблюдаются также и другие астрономические явления: покрытия звезд Луной, затмения и пр. Объектив 33-сантиметрового рефрактора отличается

превосходными оптическими качествами, едва ли превзойденными до сих пор, несмотря на то, что он изготовлен около ста лет назад.

В 1930—1931 гг. была организована международная кампания по наблюдениям малой планеты Эроса, которая замечательна тем, что периодически подходит к земле на очень близкие расстояния сравнительно с другими планетами. Это обстоятельство является очень выгодным для определения одной из основных астрономических единиц — расстояния земли от Солнца. В начале 1931 г. расстояние Эроса от земли было особенно близким, и около этого периода на пулковском рефракторе удалось получить сравнительно большой ряд наблюдений этой планеты (Н. В. Комендантов).

Как уже было упомянуто, одна из главных задач Пулковской обсерватории заключается в возможно точном определении основных астрономических постоянных. Постоянная рефракции выводится независимым путем из каждого ряда наблюдений фундаментальных склонений на большом вертикальном круге. Для определения постоянных нутации и абберации в Пулкове был установлен специальный пассажный инструмент, труба которого вращается в плоскости первого вертикаля. Поэтому сам инструмент носит название пассажного инструмента в первом вертикале.

Отмечая моменты прохождения звезды через восточную и западную стороны этого прохождения, можно вычислить ее склонение, считая известной высоту инструмента, или, наоборот, вывести последнюю по заданному склонению звезды. Если в течение продолжительного ряда лет производить такие наблюдения одной или нескольких звезд, то теоретически представляется возможным по наблюдаемым изменениям в склонениях этих звезд выделить влияние абберации и нутации и определить их коэффициенты. Первоначальный план наблюдений для вывода этих постоянных был осуществлен весьма неполно. Однако в известном отношении инструмент сыграл свою роль: именно значение коэффициента абберации, полученное из наблюдений 1840—1842 гг., долгое время считалось за основное и было принято в качестве такового на Парижской конференции в 1896 году. Вместе с тем различные астрономы неоднократно указывали на существование в наблюдениях на этом инструменте каких-то еще не объясненных систематических ошибок, причина которых усматривалась в особенностях его установки в главном здании обсерватории (крыша и стены последнего сильно нагреваются солнцем, особенно летом, в околополуденные часы). Частично по этой причине между отдельными рядами наблюдений на этом инструменте существовали большие перерывы и самые ряды имели нередко весьма невыдержанный характер (большие колебания в числах наблюдений по отдельным годам и т. п.). В частности, до 1917 г. не был осуществлен достаточно полный ряд наблюдений для определения коэффициента нутации.

После того как был окончательно доказан факт изменения широт, на пассажном инструменте в первом вертикале были предприняты наблюдения для изучения этого явления. Наличие упомянутых неувязок в наблюдениях на этом инструменте было одним из поводов к установке в Пулкове большого зенит-телескопа, с тем чтобы путем параллельных наблюдений с помощью последнего производить до известной степени контроль результатов, получаемых на пассажном инструменте в первом вертикале.

С 1917 г. проводится длительный ряд наблюдений по достаточно обширной программе, преследующей в основном те же задачи (А. С. Васильев). Закончена подготовка к печати наблюдений за 1918—1929 годы. План работ на текущий год предусматривает окончательную обработку цикла наблюдений 1917—1925 годов. Представлены также к печати наблюдения, произведенные в 1896—1902 годах астрономом Педашенко, которые своевременно не были опубликованы, а были лишь использованы Международным бюро градусных измерений для вывода колебаний широт. Редукция и дискуссия этих наблюдений теперь выполнены заново А. С. Васильевым.

Мы уже упоминали выше о колебании широт, которое возникает вследствие того, что мгновенная ось вращения земли не совпадает с осью ее главного момента инерции. Сохраняя в пространстве и, следовательно, по отношению к звездам положение, обусловливаемое явлениями прецессии и нутации, мгновенная ось в то же время перемещается внутри земного сфероида, описывая по его поверхности некоторую сложную кривую около точки, которая обычно называется полюсом земли. Явление происходит так, как будто земной сфероид покачивается по отношению к своей оси. Так как в течение всего этого нутационного движения мгновенная ось неизменно направлена к одной и той же точке небесного свода, то величина угла между небесным полюсом и линией отвеса места наблюдения, т. е. дополнение его геоцентрической широты до 90° , должна колебаться около некоторого среднего значения.

Движение это носит название «свободной нутации», так как оно происходит независимо от действия внешних сил. Его период был теоретически определен Эйлером в 305 дней в предположении, что земля представляет собой вполне однородный и жесткий эллипсоид вращения. Подобное допущение довольно далеко от действительности, поэтому амплитуда и период свободной нутации могли быть установлены только из астрономических наблюдений. Большую роль сыграли в этом отношении пулковские наблюдения на вертикальном круге и пассажном инструменте в первом вертикале. Уже Петерс в 40-х годах прошлого столетия пытался определить угол между мгновенной осью и осью главного момента инерции земли из наблюдений фундаментальных склонений Полярной звезды и нашел для него значение всего в 0,08. Впоследствии Нурен систематически обнаруживал периодические изменения в наблюдаемых им зенитных расстояниях звезд и высказывал предположение, что они должны быть следствием колебаний широт. Эти наблюдения, а также наблюдения для определения постоянной аберрации, произведенные Кюстнером, дали возможность последнему в 1883 г. окончательно установить явление изменения широт.

С другой стороны, Чендлер, поставив себе задачу — изучить изменение широт без какой-либо предвзятой гипотезы о величине его периода, путем дискуссии большого числа наблюдений, главным образом пулковских, нашел, что этот период значительно длиннее предсказанного Эйлером и в среднем составляет около 427 дней. Выводы Чендлера имеют большое значение не только для астрономии, но и для геофизики: они показывают, что земля не может считаться совершенно твердой, как это предсказал Эйлер, и по своей средней упругости может быть сравнена с упругостью стали.

Систематическое изучение движения полюса уже около 40 лет ведется в международном масштабе тремя—четырьмя наблюдательными станциями, расположенными на параллели $+39^\circ$, и в последние годы кроме того также двумя станциями на параллели -35° . В этих работах участвует сверх того несколько обсерваторий, расположенных на других широтах. Наблюдения ведутся посредством инструментов специального типа, так называемых зенит-телескопов, как визуальных, так и фотографических. В Пулкове для этих наблюдений с 1904 г. служит большой визуальный зенит-телескоп, построенный в мастерских обсерватории и обладающий высокими техническими качествами. Первоначально эти наблюдения велись по программе, составленной по типу международной и имеющей главным образом целью возможно точное определение амплитуды и периодов колебаний широты, годичного и Чендлера, равно как и дополнительного члена, открытого Кимурой. Подобные наблюдения производятся обычно в течение четырех часов симметрично по отношению к полудню и состоят в определении разностей зенитных расстояний пар звезд. Компоненты каждой пары выбираются так, что они кульминируют на приблизительно одинаковых расстояниях к югу и к северу от зенита при разности моментов кульминаций не более 15 минут.

Метод наблюдения на зенит-телескопе сравнительно прост: труба направляется на первую, скажем, южную звезду, и производятся отсчеты барабана микро-

метра, соответствующие установке нити микрометра на звезду. Затем, не меняя наклона трубы, поворачивают инструмент около вертикальной оси и производят аналогичные наблюдения северной звезды. Из этих отсчетов выводится непосредственно разность зенитных расстояний обеих звезд для моментов кульминации последних. Эта разность будет периодически колебаться около некоторого среднего значения в зависимости от направления смещения отвесной линии.

С целью изучения вопроса о членах короткого периода в изменениях широты, а также влияния абберации на результаты широтных наблюдений в Пулкове, по предложению Б. В. Нумерова, были с 1915 г. предприняты наблюдения по значительно более расширенной программе, охватывающей интервал времени с захода до восхода Солнца. Таким образом, продолжительность наблюдений в течение одной зимней ночи нередко доходила до 16—18 часов. Выполнение этой программы было рассчитано на длительный период, до 18 лет (период нутации). В течение этого времени был собран огромный наблюдательный материал, окончательная обработка которого должна быть закончена в возможно непродолжительный срок. Эту работу в настоящее время ведут В. Р. Берг и С. В. Романская. Следует сказать, что все предприятие в целом потребовало уже затраты большого вычислительного труда и сопряжено с выяснением многих мелких и кропотливых подробностей. Анализ цикла наблюдений 1915—1917 гг. (Н. В. Циммерман), проведенный с большой тщательностью и оригинальностью, обнаружил изменения в широте связанных с часовым углом Солнца и Луны. Особая ценность этого результата заключается в том, что он получен из первого по времени цикла наблюдений на зенит-телескопе, ставящего себе задачей изучение членов короткого периода в колебаниях широты, когда отсутствовали примеры организаций подобных наблюдений и их трактовки. Последующие циклы наблюдений, частично опубликованные, частично подготовленные к печати, подтверждают существование членов короткого периода.

Измерение времени при астрономических работах совершается при помощи наиболее совершенного типа часов, тщательно защищаемых от воздействия внешних агентов (перемен температуры, давления и т. п.). Однако каково бы ни было достоинство механизма часов, ход последних все же подвергается изменению несмотря на все меры предосторожности, имеющие целью сохранить его по возможности постоянным. Таким образом возникает необходимость в периодической проверке показаний часов. В качестве основной единицы для измерения времени принимаются так называемые звездные сутки, т. е. промежуток времени между двумя последовательными верхними кульминациями точки весеннего равноденствия (начала счета прямых восхождений). Так как момент этой кульминации совпадает с началом звездных суток, то отсюда следует, что звездное время, или интервал, протекший от начала звездных суток, есть не что иное, как ее прямое восхождение, выраженное во времени. В том случае, если последнее известно, поправка данных часов, отрегулированных на звездное время, получится непосредственно вычитанием из него показания часов в момент кульминации звезды. Обычно, для определения поправок часов наблюдаются прохождения через меридиан 10—12 звезд, прямые восхождения которых даны в фундаментальных каталогах. Самые наблюдения совершаются при помощи переносных пассажных инструментов типа Бамберга по методу, аналогичному определению прямых восхождений на большом пассажном инструменте. Особое значение в настоящее время обращено на изучение систематических ошибок определения времени, зависящих от качества самых инструментов, обстановки, в которой производятся наблюдения, приборов для регистрации последних и личных свойств наблюдателей. С этой целью наблюдения поправок часов в Пулкове производятся на инструментах, установленных в различных помещениях, иногда с переносом инструментов и обменом наблюдателей (Н. Н. Павлов и Д. Ф. Тацуля).

Звезды для вывода поправок часов выбираются в широкой зоне склонений, имея в виду изучение ошибок гидрирования и возможного эффекта боковой реф-

рации. Конструируется опытная установка для фотоэлектрической регистрации наблюдений звезд (Н. Н. Павлов). Сравнение показателей часов на различных обсерваториях производится при помощи специальных радиотелеграфных сигналов, так называемых ритмических сигналов. Это является прекрасным средством для изучения ошибок определения и сохранения времени на каждой обсерватории в отдельности. Кроме того материал, накопленный из длительного приема сигналов, дает большие возможности для изучения колебаний долгот, как периодических, так и прогрессивных. Последняя задача непосредственно связана с вопросом о возможном смещении континентов.

Радиотелеграфная служба времени в Пулковке была организована в 1920 г., и размер ее работ непрерывно возрастает. В настоящее время в Пулковке производится ежесуточный прием четырнадцати передач ритмических сигналов. Из этого числа три передачи осуществляются самой обсерваторией через мощные радиостанции СССР. Результаты приемов сигналов сообщаются в ежемесячных бюллетенях Комитета службы времени, состоящего при Пулковской обсерватории. В этих же бюллетенях публикуются так называемые сводные моменты ритмических сигналов европейских радиостанций, принимаемые в пяти советских и четырех зарубежных обсерваториях и присылаемые в Пулковку для окончательной обработки. Эти сводные моменты можно считать в значительной мере свободными от систематических и случайных ошибок, свойственных индивидуальным моментам той или иной службы времени, и представляющими ценный материал для изучения этих ошибок. Подобные исследования периодически производятся в Пулковке и публикуются в форме специальных статей¹⁾.

Практическое значение работ по службе времени огромно. Достаточно сказать, что на сводных моментах ритмических сигналов основываются астрономо-геодезические и гравиметрические работы, которые в нашем Союзе выполняются в исключительно больших масштабах. Поэтому комплекс операций, связанных со службой времени, неразрывно расширяется и совершенствуется, имея целью возможно полное удовлетворение запросов производственных ведомств и притом на уровне современных требований в отношении точности.

В тесной связи с работами по службе времени находятся определения долгот основных пунктов, которым Пулковку уделяет большое внимание. В последние годы пулковскими астрономами произведены определения разностей долгот Пулковко — Гринвич, Пулковко — Николаев, Пулковко — Москва, Пулковко — Гельсингфорс и Пулковко — Тифлис — Свердловск. Эти предприятия сыграли очень большую роль в улучшении организации и методов работ по службе времени и много способствовали разработке стандартных условий для их выполнения.

Наш краткий обзор далеко не исчерпывает всех астрометрических работ, которые ведутся или готовятся к постановке в Пулковской обсерватории и ее отделениях. Есть ряд весьма интересных и актуальных задач, на которых сосредоточено сейчас внимание специалистов в этой области астрономии. О них мы предполагаем сказать более подробно в специальной статье.

Н. Днепровский

¹⁾ Подробнее о работах по службе времени в СССР см. «Доклады советской делегации VII конференции Балтийской геодезической комиссии», выпуск III, ОНТИ НКТП СССР, 1934.

О работе Московского Марксистско-ленинского университета научных работников

Товарищ Сталин в своей речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. в одном из шести условий указал, что пролетариату как господствующему классу нужна своя собственная интеллигенция. «Нам нужны,—говорил он,—такие командные и инженерно-технические силы, которые способны понять политику рабочего класса нашей страны, способны усвоить эту политику и готовы осуществить ее на совесть».

И тогда же товарищ Сталин указывал, что необходимо «изменить отношение к инженерно-техническим силам старой школы, проявлять к ним побольше внимания и заботы, смелее привлекать их к работе».

С тех пор прошло четыре года. За это время выросли количественно и качественно кадры производственно-технической интеллигенции нашей страны. И в этом процессе особенно важен углубившийся исторический поворот старой технической интеллигенции в сторону советской власти: от неверия в силы пролетариата, в возможность построения социализма в нашей стране, от нейтральности, а иногда вредительства и пособничества ему, от надежды на восстановление старых, капиталистических порядков — к активному участию в социалистической стройке.

Поставленные во второй пятилетке задачи преодоления пережитков капитализма в экономике и сознаний людей требовали усиления и качественного улучшения работы по идейно-политическому вооружению кадров специалистов марксистско-ленинской теорией. Указание товарища Сталина о смелом привлечении кадров старых специалистов нашло горячий отклик в их среде. За эти годы наиболее передовая часть интеллигенции, активно участвуя в строительстве социализма, начала самостоятельно изучать материалистическую диалектику. Но эта самостоятельная работа не могла полностью удовлетворить выросшие запросы. Нужна была более высокая форма организации. И вот по инициативе ВАРНИТСО, МОСНР, при поддержке МК ВКП(б), при активной помощи Института философии Комкадемии создан был Марксистско-ленинский университет для научных и инженерно-технических работников.

Дело было совершенно новое. Приходилось все создавать впервые, подходить к каждому вопросу с учетом особенностей аудитории, имеющей за плечами в своей значительной части не один десяток лет преподавательской и научной деятельности. Университет учел, что пришли сюда люди очень занятые, перегруженные своей производственной работой, и нужно было, чтобы закрепить твердый состав, дать самое главное, в чем больше всего нуждается каждый научный работник. Из этого и исходили при составлении учебного плана.

В учебный план вошли следующие дисциплины:

Диалектический материализм — 24 ч. (лекции).

Диалектический материализм — 40 ч. (семинар).

Исторический материализм — 24 ч. (лекции).

Исторический материализм — 40 ч. (семинар).

История философии — 50 ч. (лекции).

Ленинизм — 20 ч. (лекции).

Политэкономия — 16 ч. (лекции).

4 темы по диалектике природы по циклам применительно к отдельным специальностям — 8 часов. Итого 222 часа.

Занятия происходят без отрыва от производства один раз в шестидневку по 4 часа.

На первом этапе прорабатываются диалектический материализм и история философии; на втором — исторический материализм, ленинизм и политэкономия и как переход к третьему этапу дается несколько лекций по диалектике природы, которые являются как бы мостом к следующему этапу работы — к углубленному научно-исследовательским специальным семинарам, где мыслится глубокая научная работа специалистов, окончивших курс Университета, над конкретными вопросами их специальности.

Учебный план целиком был одобрен слушательской массой и в практике работы себя оправдал. Подтверждением этого является глубокий интерес слушателей к Университету. Несмотря на свою загруженность производственной работой каждый стремился во что бы то ни стало попасть на занятия.

Высокая сознательность и упорство в получении необходимых знаний в Университете подтверждались борьбой слушателей на местах за разгрузку вечеров в дни занятий от всяких заседаний, собраний и поручений.

Решающим в работе Университета являются кадры лекторов и руководителей семинаров. К работе привлечены были лучшие силы квалифицированных работников философии, диалектического и исторического материализма — всего в количестве 50 человек. Этот состав в основной своей массе сумел удовлетворить интересы и запросы слушателей.

Согласно уставу, слушателями Университета могут быть высококвалифицированные специалисты: профессора, доценты, старшие научные работники, руководящий инженерно-технический персонал. За время существования Университета в нем систематически и регулярно работало 757 специалистов. Из них: профессоров — 83, доцентов — 162, ученых специалистов — 54, старших инженеров — 89; остальные — старшие научные работники и инженеры.

Университет сознательно шел на то, чтобы в первую очередь охватить кадры беспартийных специалистов (около 90% состава слушателей — беспартийные).

Особенно показателен возраст пришедших учиться в Университет. Больше 50% «студенчества» имеет свыше сорока лет. Характерно, что прослойка слушателей в возрасте до 30 лет меньше чем за пятьдесят лет, свыше 50 лет — восемьдесят девять человек.

Женщины составляют пятую часть всего состава. Это нельзя сравнить ни с каким учебным заведением, где в настоящее время процент женщин гораздо выше.

По специальностям больше всего представлены медицинские, сельскохозяйственные и инженерно-технические работники.

28 марта 1935 г. Университет выпустил первую группу специалистов в 130 человек. Часть из них переключилась на работу в научно-исследовательских семинарах по диалектике природы. Создано три цикла: инженерно-технический, биологический и по истории техники. Результатом работы научно-исследовательских семинаров должен явиться ряд интересных исследований, расширяющих и обогащающих науку.

Большинство окончивших Университет слушателей не хочет терять связи с Университетом и хочет углублять полученные знания. Выявился большой интерес к изучению марксизма-ленинизма. Например заслуженный деятель науки проф. Гапеев на выпускном вечере заявил: «У нас по Советскому союзу разбросано колоссальное количество научных учреждений и исследовательских предприятий, и в том огромном энтузиазме, который охватил всю страну, от чернорабочего до академика, особенно болезненной оказалась неподготовленность ученых. Нам не

хватало теоретической базы. Мы пришли в Марксистско-ленинский университет. Многие из нас пришли с седыми бородами. Университет дал нам огромную теоретическую базу. Университет провел нас по целому циклу философских учений, познакомил нас с теорией познания в освещении, отображающем действительность, мы изучили исторический материализм и т. д. Университет нас организовал, впряг в серьезную работу над литературой, стимулируя ее тщательную проработку. Диалектический и исторический материализм мы проработали с огромным, все возрастающим интересом, активность групп возросла в высокой степени. Та зарядка, которую мы получили в Университете, у нас останется надолго, причем не в таком виде, как мы ее получили, а мы ее увеличим в дальнейшей нашей производственно-технической работе».

Профессор животноводства Добрынин также заявил: «По мере ознакомления с учением Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, по мере того, как мы развертывали страницы классиков, нас все больше и больше охватывал интерес. Кончая Университет, мы думаем, что мы еще не кончаем учиться, что, хотя мы опять из «студентов» переходим в зрелое состояние, все-таки мы хотим учиться и углублять знания по пути дальнейшей исследовательской работы. Позвольте поблагодарить за то, что мы получили, и сказать, что мы сумеем оправдать то, что для нас сделали партия и правительство».

Созданные с первым потоком слушателей традиции целиком были восприняты новым составом, принятым осенью 1934 года. На основе полученного опыта и огромной тяги специалистов в Университет мы в более широком масштабе развернули работу. Практика подтвердила, что в одногодичный срок невозможно уложить весь учебный план. Установлен срок обучения в два года. Осенний прием изучил основательно диалектический материализм и историю философии и с будущего года будет продолжать выполнение остальной части учебного плана.

Характерной особенностью этого года является открытие филиала в Тимирязевском учебном городке. Университет разросся в крупное учреждение. Требовалась большая гибкость в руководстве, четкость расписания, контроля и учета работы. В основу работы положена была самостоятельная работа слушателей по программе Университета. Особенно большую роль в активном усвоении курса сыграли семинарские занятия. Каждый слушатель прорабатывал к семинару целый ряд материалов из классиков марксизма-ленинизма, использовал свои знания в области конкретной науки и давал этот материал в своих выступлениях. Семинарские занятия требовали активного слушания лекций. На семинаре как нигде можно было критиковать друг друга, добиваться правильности теоретических положений. Практика подтвердила всю правильность и важность семинарской работы. Успеху работы способствовал подбор групп по специальностям. В новой обстановке, после длительной непосредственной преподавательской и научной деятельности, каждому слушателю требовалось некоторое время на раскачку, и обычно первая семинарская тема — «Материалистическая диалектика как теория познания и логика» — прорабатывалась при меньшей активности. Это объясняется наряду с новизной обстановки также и трудностью материала, недостаточной выработанностью философского языка, недостаточным владением философскими терминами и т. д., что вызывало известную сдержанность на занятиях. Но дальнейшая работа приобретала более широкий разворот. От темы к теме шел качественный рост слушателей. Вторая тема — «Материя и движение», третья тема — «Законы материалистической диалектики» и особенно четвертая — «Закономерности развития объективного мира и познания» проходили при высокой активности. Интерес увеличивался особенно привлечением конкретного материала из специальных отраслей знания. Вокруг отдельных проблем происходили подчас ожесточенные и очень интересные споры, во время которых каждый специалист проверял себя, свои давно выработанные взгляды на вопросы своей специальности с точки зрения марксистско-ленинской методологии. Руководитель профессорской группы физиков тов. Егоршин, говоря о взаимоотношениях преподавателей и слу-

шателей, заявил: «Университет наш своеобразный. Слушатели своеобразные. И вопрос об отношениях точно так же должен стоять своеобразно. Слушатели имеют много лет самостоятельной научной работы. Они часто руководят исследовательской работой, имеют школы, и мне поэтому хочется вспомнить из прошлого, что поэт Жуковский, говоря о взаимоотношениях со своим учеником Пушкиным, называл Пушкина учеником-победителем, а себя — побежденным учителем. Я думаю, что в нашем Университете очень много шансов на то, что наши слушатели очень быстро обгонят своих преподавателей. Марксистско-ленинский университет и его преподаватели будут только радоваться, будут чувствовать себя в высшей степени польщенными тем, что они приложили свои небольшие силы к тому, чтобы помочь старым специалистам освободиться от старых предрассудков, которые насаивались на их работе, мешали их работе, помочь выковывать новый огромный пласт марксистов-ленинцев».

Особенно ярко характеризовал увеличивающийся интерес слушателей профессор краснознаменного ММИ Севастьянов: «Первое время мы являлись на лекции и семинары с некоторой холодной сдержанностью, которая характерна для лиц такого возраста и такого педагогического опыта. После лекций мы делились впечатлениями о форме лекций, мы были невероятно придирчивы, так как мы как лектора сами видели воочию все недостатки; но о существовании лекций мы не говорили. Но вот прошло полгода. Мы настолько уже заинтересовались существованием лекций, что отбросили форму совершенно, почти не говорили о форме чтения лекций, а говорили главным образом о сущности прочитанных нам лекций. Доклады на семинарах вызывали бурю споров и бурю выступлений. Мы были уже настолько активны, что каждый из нас чувствовал, что он много лет сбросил со своих плеч».

Университет существует уже два года и за это время полностью оправдал свое назначение. У людей, стоящих в стороне, привыкших видеть обучающейся только молодежь, никак не укладывается в голове, что здесь, в Университете, собораны специалисты и что здесь делается чрезвычайно большое и нужное дело. Те же, кто на себе испытал огромное значение Университета, смотрят совершенно по-иному. Вот старый профессор педологии Арямов говорит: «Мне хочется высказать одно сожаление. Может быть, Марксистско-ленинский университет образовался позднее, чем бы ему следовало. С одной стороны, мне приходит в голову: как жалко, что Университет не открылся лет десять назад; тогда бы мы избежали многих ошибок, которые мы в своих научных дисциплинах наделали. Во всяком случае, хорошо, что Марксистско-ленинский университет у нас есть».

Профессор ТСХА Дмитриев на итоговом вечере сказал: «Товарищи, я принадлежу к группе студентов, которым под шестьдесят, и пришел учиться «невинным» по части философии и по части марксистско-ленинской методологии. Расскажу о том, что я сейчас чувствую. Шли годы. Дисциплина становилась все более, казалось, исчерпанной интеллектом. Казалось, методы современные дали возможность улучшить все то, что можно было улучшить, и как-то внутри назревало такое отношение: сделано все, что можно было сделать; дальше, пожалуй, нечего идти. Пожалуй, что больше ничего не сделаешь. И вот пришел я в Марксистско-ленинский университет. И здесь мне открылась, в буквальном смысле слова, новая жизнь. Я несколько не преувеличиваю. Я познакомился в деталях, основательно, с таким методом познания, который мне открыл совершенно новые дали, новые горизонты и зажег меня новым интересом к жизни и к работе в своей специальности. Раньше казалось, что впереди серая стена, какая-то завеса, дальше которой нечего смотреть, все равно ничего не увидишь: жизнь кончается. Теперь я чувствую, что этой завесы нет, что впереди беспредельные горизонты, что силы вновь вернулись, что тот метод познания и та философия, которую мы сейчас начинаем осваивать (к сожалению, поздно), дают новые творческие возможности, новые творческие задачи. И несмотря на свои под шестьдесят лет чувствую и знаю, что много могу сделать в этой отрасли, которую я изучал. Некоторые новые

отрасли для меня становятся интересными, потому что возможности для творчества беспредельно расширяются. И вот за этот новый интерес к жизни, за эти новые беспредельные дали, за то, что я могу еще участвовать как молодой в создании новой жизни, — глубокое спасибо Марксистско-ленинскому университету».

Важную роль в повышении качества работы и закреплении состава слушателей сыграло социалистическое соревнование между группами и индивидуально между слушателями. При подведении итогов создавались бригады, проводилось взаимообследование. Большую помощь в налаживании всей работы Университета, в исправлении имевших место недостатков оказывали сами слушатели через свои производственные групповые совещания, через старост групп, которые выносили пожелания слушателей на учебно-методический совет Университета.

Большое значение в работе имело наличие литературы. За время существования Университета было реализовано на 15 000 руб. литературы из самых важных философских и исторических работ классиков марксизма-ленинизма. Часть литературы приобреталась самими слушателями непосредственно.

В процессе занятий слушатели были прикреплены к библиотекам Комкадемии, Института Маркса—Энгельса—Ленина и к библиотеке им. Ленина.

Как и во всяком большом новом деле, в Университете не обходилось без недостатков, тормозивших работу. Одним из недостатков является отсев слушателей. За все время существования Университета было подано заявлений и принято 1231 человек. Из них отсеялось около 400 человек. Подавляющее большинство — человек 250 — совершенно не приступало к занятиям. Эти люди, имевшие желание поступить в Университет, не сумели перестроиться в своей производственной работе и выделить время на занятия. Они видели, что Университет очень серьезно ставит работу и предъявляет требования, что нельзя формально относиться к учебе — не ходить на занятия, но числиться в списке слушателей.

Текучесть тормозила четкое организационное оформление групп в начале года: около 150 человек отсеялось в процессе учебы и главным образом выбыло не по причинам неудовлетворенности Университетом, а вследствие переброски на работу в другие города, длительных командировок, болезни и т. д. Многих нельзя считать потерянными для Университета. Например проф. Чернов уехал в заграничную командировку, вернулся в середине года и подал заявление о том, чтобы его на будущий год имели в виду.

В прошлом году человек 60 выбывших с осени вновь вступило в Университет; точно так же и в этом году часть их будет зачислена на 1935—1936 г., на I семестр. Одним из недостатков в выполнении учебного плана являлась недостаточная увязка лекций с семинарскими занятиями. Этот недостаток главным образом относился к лекциям по истории философии, которые не подкреплялись семинарской работой. В Университете не было при разработке диамата специальных тем по истории науки. Это иногда сказывалось на неудачных попытках в докладах и выступлениях связать свою специальность с методологией. Иногда факты, примеры, конкретизирующие категории материалистической диалектики, были неудачны и сводились к вульгаризации, упрощенчеству.

Практика показала, что семинарские темы были слишком перегружены материалом для проработки на конференциях.

Все эти недостатки учены преподавательским составом и дирекцией, и к будущему году уточняется учебный план.

Создан специальный научный совет по программно-методическим вопросам, который пересматривает тематику семинарских занятий в сторону увеличения количества тем и их пронизывания вопросами из специальных областей знания.

Пересматривается также и тематика лекционного курса, с тем чтобы было больше связи с семинарской работой. Особенно важным Университет считает введение с будущего года лекций по истории наук.

Намечено 3 цикла со следующей тематикой:

По циклу истории физики:

1. Возникновение механики в XVII веке.
2. Борьба направлений в механике XVIII века.
3. Закон сохранения и превращения энергии.
4. Развитие термодинамики.
5. Развитие электродинамики.
6. Кризис физики XX века.
7. Современная физика и диалектический материализм.

По циклу истории химии:

1. Атомистика Бойля и теория Флогистона.
2. Ломоносов, Лавуазье.
3. Атомистика Дальтона.
4. Возникновение и развитие органической химии в XIX веке.
5. Периодический закон.
6. Развитие физической химии и энергетика Оствальда.
7. Проблемы эволюции элементов.

По циклу истории биологии:

1. Проблема систематики в XVII и XVIII веках.
2. Механическая физиология XVII и XVIII веков.
3. Эволюционная теория Дарвина и пути развития биологии XIX века.
4. Влияние развития химии и закона сохранения энергии на развитие биологии.
5. Борьба вокруг эволюционных идей в конце XIX и в начале XX века.
6. Проблема изменчивости и наследственности и кризис буржуазной биологии эпохи империализма.
7. Кризис теоретических основ современной буржуазной биологии и неовиализм.

Учебный план, несомненно, должен быть пронизан принципом партийности философии. Наряду с проработкой курса исторического материализма будет дан факультативно цикл лекций по истории партии, чтобы еще больше обеспечить политическую заостренность марксистско-ленинского воспитания. Этот курс вводится по просьбе самих слушателей.

4 июня 1935 г. в своем докладе на итоговом вечере директор Университета проф. Вегер В. И., обобщая пройденный путь, сказал: «Вы знаете, что работа на марксистско-ленинским теоретическим вооружением кадров специалистов составляет одно из важных дел не только в Москве, но и в Ленинграде, и на Украине, и в других местах и становится не только пройденным этапом, но особенно актуальным теперь».

Переживаемый этап колоссального развития гигантов новой индустрии, создания новых промышленных центров сопровождается развертыванием новых технических школ, исследовательских институтов, где вопрос о марксистско-ленинском вооружении и перевооружении стоит во всей силе. Он не ослабляется, а приобретает чем дальше, тем большее значение. Руководящие организации других краев и республик очень остро ставят вопрос перед нами о том, что Москва должна помочь им в этой большой работе».

Эту основную установку и осуществляет Марксистско-ленинский университет.

Д. ИГНАТОВ

КРИТИКА

и БИБЛИОГРАФИЯ

В свете марксизма (Очерки). Науки физико-математические, естественные, гуманитарные (доклады, сделанные в Научной комиссии кружка новой России в 1933—1934 гг.). Введение д-ра Анри Валлона. 1935 г. Международное социальное издательство. Париж.

A la lumière du marxisme Sciences physico-mathématiques, sciences naturelles, sciences humaines (conférences faites à la commission scientifique du cercle de la Russie Neuve, en 1933—1934). Introduction du d-r Henri Wallon. 1935. Editions sociales internationales. Paris.

«После появления марксизма,— указывал Ленин в известной статье об «Исторических судьбах учения Карла Маркса»,— каждая из трех великих эпох всемирной истории приносила ему новые подтверждения и новые триумфы. Но еще больший триумф принесет марксизму, как учению пролетариата, грядущая историческая эпоха»¹⁾.

Это гениальное предвидение Ленина целиком осуществляется в наши дни, в эпоху великого Сталина. Удельный вес марксистской теории, широта ее распространения, ее влияние на трудящиеся массы неизмеримо возросли. Обострение общего кризиса капитализма и процесс фашизации буржуазной науки приводят к тому, что на позиции марксизма постепенно начинают переходить многие представители интеллигенции и мировой науки, при этом не только в пределах Советского союза, но, что особенно важно, и в капиталистических странах. К марксизму как к подлинному знамени всего лучшего в мировой науке, как к единственно подлинно научному методу начинают обращаться некоторые слои буржуазной интеллигенции в поисках выхода из капиталистического кризиса, из кризиса буржуазной науки и культуры.

Важнейшую роль в этих происходящих сдвигах играют укрепление социализма в СССР, положение и блестящие успехи советской науки. Ленин в свое время отмечал, что к коммунизму люди приходят разными путями, что, например, научные работники приходят к коммунизму, отправляясь от собственной научной области, проверяя истину марксизма на собственном научном опыте. Контраст между положением науки в капиталистических странах и пышным расцветом научного исследования в СССР постепенно убеждает многих ученых Запада в том, что советские ученые одерживают свои научные победы благодаря применению ими более совершенных научных методов. И они открыто выражают желание стать сознательными сторонниками диалектического материализма.

Об этом повороте в симпатиях и настроениях ученых Запада красноречиво говорит только что вышедший в свет сборник группы французских ученых «A la lumière du marxisme». Сборник этот составился из докладов, сделанных рядом университетских профессоров и преподавателей в «научной комиссии кружка новой России».

¹⁾ Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 333.

В предисловии к сборнику проф. Анри Валлон излагает ход теоретического развития этой группы ученых и историю создания самого сборника. После того как «Кружок новой России» способствовал рассеиванию всякого рода фантастических слухов и басен о Советском союзе, распространяемых буржуазной печатью, группа ученых, объединившихся в научной комиссии кружка, поставила своей целью получить точную информацию о материальном положении и об общем состоянии советской науки. Тщательно собранные и проверенные ими сведения находились в таком контрасте с состоянием науки в капиталистической Франции, что названные ученые предприняли новое исследование — на этот раз на тему о прославленной «независимости» французской науки, о связях, существующих между наукой и другими отраслями общественной жизни. В частности внимание их привлекла проблема взаимозависимости между наукой и техническим развитием. Отправляясь каждый от своей собственной научной отрасли, эти ученые пришли единодушно к утверждению марксизма как единственно правильного метода научного исследования.

«Каждый автор,— рассказывает проф. Валлон,— отправляясь от своего собственного опыта и анализируя его, мог подвергаться влиянию традиций и привычек своей среды в такой же мере, как и влекущей силе учения, которым советские ученые объясняют обновление науки в их стране. Доза обоих этих влияний могла быть различной в том или ином случае. Но оказалось, что наши дискуссии приводили нас каждый раз к методам исследования и объяснения, установленным Марксом, известным сейчас под именем диалектического материализма. И это в такой мере, что стала ощутимой необходимость дать прямое его изложение» (стр. 10).

На расположении статей сборника, которые явились результатом этих исследований и докладов, отразился ход теоретического развития его авторов. Первая часть их книги посвящена различным специальным научным дисциплинам, вторая дает изложение основ диалектического и исторического материализма. Что особенно заслуживает внимания, по словам проф. Валлона,— «это разнообразие отправных точек и совпадение точек зрения» (стр. 11). Авторы поставили себе целью, проходя мимо популярных и вульгарных схем изложения диалектического материализма, научиться знать его и владеть им как методом, «принципом которого является точно отразить это развитие наук и развитие вещей».

Мы должны всячески приветствовать выход в свет рецензируемого сборника. Он является ярким свидетельством глубокой дифференциации, которая сейчас обозначилась в кругах французской интеллигенции, демонстрацией тех успехов политики единого народного фронта, которые были констатированы на VII всемирном конгрессе Коминтерна. Сборник этот является показателем огромной тяги к марксизму со стороны лучших представителей науки капиталистических стран, огромного возросшего влияния советской науки, социалистического развития в СССР. Он является свидетельством того, что учение Маркса и Ленина идет все дальше вширь, овладевая трудящимися массами всего мира, переходя на наиболее высокую ступень своего развития, распространения и влияния.

Сборник к тому же имеет целый ряд положительных особенностей.

Это, прежде всего, та особая французская ясность и четкость мышления, которая так радует в работах французских материалистов XVIII в., живой, блестящий язык, понятность и доступность изложения наиболее трудных научных проблем. Нашим советским авторам не грех было бы поучиться писать у своих французских коллег...

Это, далее,— умение сочетать ясность мышления и изложения с достаточной научной глубиной, привлекая факты и примеры из своей научной области, эрудиция и серьезная научная подготовленность авторов сборника. Некоторые примеры из области истории науки и техники, приводимые в сборнике, с успехом могли бы быть использованы для наших учебников и научно-педагогической работы.

Это, наконец, большая искренность и убежденность авторов, их пылкий энтузиазм по отношению к Стране советов и к достижениям советской науки, их глубочайший интерес к нашей теоретической борьбе, их искреннее желание учиться далее марксизму и применять его в своей научной работе. Сборник французских ученых стоит в этом отношении на значительно большей теоретической высоте и отличается несравненно большим единством своих принципиальных позиций, чем, например, вышедший в прошлом году в Англии дискуссионный сборник «Aspects of Dialectical Materialism».

Приветствуя инициативу и достижения французских ученых, мы, естественно, не можем и не должны закрывать глаза и на серьезные недостатки сборника. Со всей большевистской прямотой мы считаем необходимым вскрыть и всесторонне выявить все эти недостатки, для того чтобы облегчить французским ученым путь к их преодолению и к полному усвоению ими основ марксистско-ленинского метода. Остановимся поэтому подробнее на содержании статей сборника.

Основная тема рецензируемых статей — взаимоотношения науки и техники. Попутно авторы затрагивают ряд других проблем, которые стоят особенно в центре интересов французских ученых. Таков, например, вопрос о возможности планирования научной работы. Преодолевая старые представления о пресловутой «свободе» научного исследования в капиталистических странах, они убедились в огромных преимуществах, которые дают науке Советского союза ее постоянное сотрудничество с процессом материального производства, ее тесное участие в строительстве планового хозяйства. «Очевидно, в самом деле, что если производство организовано в каждой из своих частей, следуя общему плану, то предвидение необходимых связей и последствий на долгое время вперед должно поставить перед наукой проблемы общего и теоретического порядка» (стр. 12). Использование самых различных отраслей науки для разрешения одних и тех же хозяйственных проблем приводит одновременно к наиболее плодотворному их взаимодействию.

Другая такая проблема, которую особенно стремятся осветить авторы сборника в борьбе с односторонним «экономическим материализмом», — это роль науки в общественном процессе, возможность научной антиципации, научного прогноза; это выработка правильного диалектического представления о взаимозависимости, которая существует между материальным базисом общественной жизни и идеологическими надстройками, в первую очередь наукой. Французские ученые видят в диалектическом материализме новую форму гуманизма, где человек объединяется с природой посредством своей истории, технического развития человечества. Сюда относятся также вопросы об идеологической независимости ученого, о вреде узкой специализации, являющейся продуктом капиталистических условий, и др.

Первый очерк сборника посвящен физико-математическим наукам. Его открывает статья Поля Лаберенна «Математика и техника». Автор противопоставляет мнению тех французских ученых, которые склонны приписывать математическим наукам чисто логический процесс развития, работы проф. Поля Ланжевена, Пикара и др., убедительно доказывающие связь математики с человеческой историей и общественной практикой. Как образец марксистского подхода к данному вопросу Лаберенн цитирует работы нашего советского математика, тов. Кольмана, одновременно показывая коренное отличие марксистской диалектики от гегельянской диалектики французского философа Бруншвика. Автор приводит ряд примеров из исторического развития математических наук в древности. Он справедливо считает слишком механистическими объяснения, даваемые по этому вопросу в «Теории исторического материализма» тов. Бухарина, где, например, религиозные представления о числе выводятся непосредственно из «рабско-феодалного строя». Лаберенн обращает внимание на значение первобытной магии.

Переходя к характеристике социальных причин кризиса современной бур-

жуазной математической науки, Лаберенн подробно передает содержание статьи тов. Кольман в сборнике «Science at the Cross Roads», опубликованном советской делегацией на Международном конгрессе по истории науки и техники. Целиком присоединяясь к выводам тов. Кольмана, Лаберенн заявляет:

«При капиталистическом строе математика и вообще вся наука могут быть сравнены с человеком, способным на великопепные подвиги, но который, благодаря тому, что его глаза закрыты повязкой, должен пробивать себе дорогу в дремучем лесу... В социалистическом обществе, нарождающемся в СССР, наука свободна от этой повязки: она сознательно относится к себе самой, к своим силам и к человечеству, которым она руководит». Здесь наука «прямо глядит в будущее, ...более прекрасное, чем какое только можно себе вообразить» (стр. 38).

Статья астронома Парижской обсерватории Анри Минера «Механика и астрономия» дает обширный очерк исторического развития механики и астрономической науки. Автор стремится показать теснейшую связь, существующую между развитием науки и техники и «экономическим, социальным, промышленным, политическим, религиозным развитием общества» (стр. 39). В своем систематическом изложении истории науки автор приводит ряд интересных примеров из истории Египта, древней Греции, средних веков, эпохи Возрождения, из работ Ньютона и т. д., стремясь всюду показать связь научной организации с социальной структурой. Так, интересны примеры, приводимые Минером из области истории астрономии, ясно показывающие связь этой науки с практическими нуждами мореплавания и т. д.

Минер приходит к следующему заключению по вопросу о взаимозависимости науки и техники: «...начальный толчок дает науке техника, но как только науки начали свое развитие, мы присутствуем при взаимных воздействиях науки и техники, большей или меньшей сложности... Мы видим также, что общественный строй и философские направления каждой эпохи значительным образом влияют на научные изыскания, стимулируют их или стремятся их задуть и направить по нужным каналам...» (стр. 105).

Небольшой доклад Жана Ланжевена «Наука и промышленность» имеет в виду, в частности, физические науки. Автор отталкивается от марксистского представления о науке как надстройке над материальным базисом общественной жизни, которая активно воздействует на развитие этого базиса. «По Марксу, — говорит он, — ...стремление приспособить нашу среду, внешний мир, чтобы подчинить его нашим желаниям и нуждам, одновременно вызвало развитие нашего понимания, нашего разума, нашего познания». В этом материалистическом положении Ланжевен справедливо видит твердый оплот против всяческих сомнений в существовании внешнего мира и в ценности научного познания. «Испокон века современный ученый, экспериментатор, не понимает критики философа, который считает его неспособным постигнуть «вещь в себе» (стр. 108—109).

Ланжевен отмечает, что теоретические положения не всегда сразу находят себе промышленное применение. Однако нельзя признать вполне обоснованным его утверждение, будто бы в греческой древности обширные отрасли математики развивались без всякой мысли об их практическом приложении. На самом деле, наряду с «чистой» математикой школы Платона в древней Греции шло развитие математики, которая находилась в тесной связи с практическими потребностями эпохи и подвергалась резкой критике со стороны философов-идеалистов. Точно так же соображения автора по поводу «собственной жизни» и действительной «автономии» наук могут вызвать ряд возражений.

Каждая область науки благодаря разделению труда, несомненно, получает относительную самостоятельность в процессе исторического развития, характеризуется особой внутренней логикой своего развития. Однако не следует чрезмерно преувеличивать значения этой видимой самостоятельности, этой относительной автономии научного мышления. В конечном счете, постановка и разрешение самых, казалось бы, абстрактных научных проблем имеют свои

социальные корни: в состоянии производительных сил и потребностях их дальнейшего развития, в уровне и задачах техники, в системе хозяйства и в классовой структуре общества. Энгельс был тысячу раз прав, когда говорил, что технические нужды имеют для развития науки большее значение чем десять университетов!

Зато Ланжевэн, несомненно, прав, когда предостерегает против упрощения в понимании взаимозависимости между техническим и научным развитием. Он показывает, что не всегда последнее непосредственно является результатом первого, что взаимоотношение здесь более сложное. Об этом говорит, например, история науки об электричестве, промышленное применение которого началось значительно позже научных экспериментов. Автор с полным правом цитирует известные слова Энгельса о диалектическом взаимодействии, существующем между причиной и следствием в их развитии.

Последующие очерки сборника отведены «естественным и гуманитарным наукам». Здесь мы находим прежде всего содержательный доклад проф. Сорбонны Марселя Пренана «Биологические науки и общество».

На ряде примеров проф. Пренан показывает, что биология с самого своего возникновения теснейшим образом была связана с промышленно-техническим прогрессом и что для ученых-биологов нет никакого интереса изолировать себя от живой практики. Откуда же характерное для многих биологов противодействие, нежелание сделать свою науку прикладной дисциплиной?

«Я думаю,— отвечает на этот вопрос проф. Пренан,— что оно, сознательно для одних, бессознательно для других, проистекает из того факта, что мы ведем нашу работу при капиталистическом строе, с более или менее отчетливым сознанием, что нас эксплуатируют — в условиях, когда необходимо дать немедленный полезный эффект или сузить проблему, что вызывается погоней за прибылью. Обстоятельства были бы иными при социалистическом строе, где план исследований, рассматриваемые вопросы и применяемые нами средства могли быть вполне на уровне развития общества» (стр. 120).

Социальные условия делают биологию еще молодой наукой, где сравнительно недавно начали применяться подлинно научные методы исследования. На примере исторического развития теории эволюции проф. Пренан убедительно показывает, как социальные условия мешали ученым философам открыто выразить свои симпатии эволюционной идее. Лишь в первой половине XIX в., когда буржуазия еще осуществляла свой экономический и политический подъем и когда одновременно начал крепнуть и приходить к самосознанию пролетариат, в этой обстановке появились Дарвин и его учение об естественном отборе. Влияние на Дарвина теории экономиста Мальтуса, а на последнего — учения Бюффона о борьбе за существование проф. Пренан правильно объясняет тем, что все эти теории были порождены капиталистической эпохой и отражали условия капиталистической конкуренции. В дарвинизме буржуазные теоретики стали в свою очередь искать оправдания этой конкуренции.

«В этом всеобщем смятении,— говорит проф. Пренан,— одни Маркс и Энгельс сразу увидели все значение дарвинизма для исторического материализма, и тем не менее они избежали поверхностных аналогий. Развитие жизни стало для них одним из наиболее ярких примеров диалектического развития мира. Животное происхождение человека стало отдаленной точкой отправления в развитии человеческого общества. Борьба за существование, благодаря возникновению собственности на средства техники, стала источником классовой борьбы. Нужно не только констатировать этот факт, но и, поскольку возможно, положить ему конец как пережитку животного состояния: таким путем научный социализм тройной связью связал себя с эволюционизмом Дарвина» (стр. 124).

Классовая борьба в биологии продолжается и сейчас: к 1900 г., по словам проф. Пренана, обозначился окончательный триумф как капитализма, так и трансформизма, но это означало приближение кризиса для обоих. «Пролетариат

становился опасным, и трансформизм мог стать его оружием, тем более, что Маркс подчеркивал всю его важность. Неизменность в сфере жизни стала гарантией устойчивости и в социальной области. Тогда началась атака на эволюционное учение» (стр. 125). И проф. Пренан показывает, что, по мере того как биология все более приобретает общественное значение, в буржуазной науке возникают различные «фантастические представления»: телеология, витализм и т. п. Цель этих теорий — спасти Жизнь (с прописной буквы. — И. Р.), божественную целесообразность или человеческую душу» (стр. 127).

Доклад проф. Сорбонны Анри Валлона «Психология и техника» затрагивает, однако, более широкие проблемы взаимоотношений науки, техники и общественной эпохи. Психологическая наука с самого своего возникновения находилась под влиянием общих черт идеологии и философских взглядов того или иного мыслителя (у Декарта, у Лейбница). По словам проф. Валлона, она становится в XIX в. эклектичной, и этот эклектизм в вопросах философии и психологии также представляет собой характерную черту общественной эпохи — периода экономического либерализма и буржуазного парламентаризма. «Эклектическая философия, очевидно, принадлежит к тому же историческому периоду, что и «laissez faire, laissez passer» «свободной торговли» (стр. 130). Новая эпоха, около 1900 г., отличается прагматизмом в философии и в практической политике. Это эпоха конкурирующих между собой империализмов. В эту эпоху индустриальные нужды капитализма дают толчок развитию психотехники.

Проф. Валлон полагает, что в условиях второй половины XIX в. могла создаться экспериментальная психология, которая, по его словам, не имела вначале никаких утилитарных задач и происходила лишь из распространения на психологию точных методов других наук. Но развитие экспериментальной психологии послужило подготовкой к разработке в дальнейшем психотехники.

Напоминая мысль, высказанную известным физиком Полем Ланжевром, о том, что наши современные физические доктрины тесно связаны с явлениями равновесия и движения, с нашими привычными представлениями о равновесии, Валлон указывает, что сейчас эти привычные физические представления, равно как и самые понятия пространства и времени, подвергаются решительному изменению. Так например развитие авиации приводит к изменению целого ряда наших пространственных восприятий. Проф. Валлон приходит к заключению, что нововведения техники создают для нас новые способы ощущений и вносят изменения в психологическую науку.

Краткая заметка Рене Моблана говорит о взаимозависимости между развитием техники и философией. Состояние техники, отмечает Моблан, отражается не только путем введения в философские науки новых методов (например геометрический метод Спинозы), но оно находит свое проявление также и в ряде образов, заимствуемых философами из области техники: например сравнение с театром марионеток у Платона, сравнение Лейбницем своей «предустановленной гармонии» с лавкой часовщика, сравнение животных с автоматами у Декарта, представление о разделении труда между философами и учеными у Огюста Конта по образцу капиталистического разделения труда и т. п. Следует указать, что Моблан здесь недостаточно отчетливо проводит различие между непосредственным воздействием техники и более широким воздействием экономики. Он слишком распространено понимает технику, отождествляя ее с экономикой, имея кроме того в виду и специальную технику научного исследования.

Не отрицая известного воздействия непосредственно техники и на те или иные философские образы или аналогии, мы должны, однако, со всей силой подчеркнуть, что центр тяжести марксистского исследования должен здесь лежать не в области взаимоотношения философии и техники, но во взаимозависимости, существующей между философией и экономикой той или иной эпохи. Разделение труда у Огюста Конта скопировано им с условий капиталистического разделения труда. Последнее же не есть чисто техническая, но прежде всего

экономическая категория, вытекающая из характера капиталистического способа производства. Почему мы так подчеркиваем это обстоятельство? Потому что забвение его и непосредственное отождествление экономики и техники характерны для воззрений некоторых авторов сборника. А это приводит их к забвению классовой структуры общества и происходящей в обществе классовой борьбы, которая получает свое отражение в науке и философии. Между тем, вне этой центральной проблемы марксизма нельзя правильно уяснить себе и взаимоотношение науки и техники, потому что развитие техники в классовом обществе также определяется законами классовой борьбы.

Два очерка — проф. Марселя Когена и проф. Соважо — посвящены более специальному вопросу — значению марксизма для современного языкознания. Проф. Коген подчеркивает зависимость лингвистики от социологии. Он явно некритически приписывает при этом особые заслуги в социологическом исследовании школе Дюркгейма, выражая лишь сожаление по поводу того, что Дюркгейм не пользовался марксистским методом. При этом он обходит полным молчанием идеализм и позитивизм Дюркгейма и его последователей.

Крайне ошибочно полагать, что социология Дюркгейма в какой-то мере близка к марксизму; кстати сказать, распространению такого заблуждения много способствовали французские социал-реформисты. Как раз социология Дюркгейма и развивает представление об общественном разделении труда как о совершенно необходимом «естественном» разделении профессиональных и технических функций, о котором мы сейчас упоминали, говоря об Ог. Конте. Проф. Бугле совершенно прав, когда в своей последней социологической работе («*Bilan de la sociologie française contemporaine*») утверждает ближайшее родство между Дюркгеймом и тем самым пошлым контовским позитивизмом, который встречает справедливую оценку и критику в других статьях сборника.

Более интересен доклад проф. Соважо. Последний анализирует попытки создания марксистского языкознания в СССР. Он подвергает при этом серьезной критике яфетическую теорию акад. Н. Я. Марра. Соважо считает, что теория Марра, сильная в своей критике буржуазной лингвистики, весьма слаба в своей положительной части. Он делает резкий вывод, что «если не считать нескольких более или менее удачно избранных цитат и некоторых недоказанных утверждений, то марксизма здесь нельзя найти и следа» (стр. 167).

В критике проф. Соважо чувствуются отзвуки исповедуемой им индоевропейской теории. Несомненно, необходим критический подход к теории акад. Марра, которую некоторые наши советские языковеды поспешили полностью отождествить с марксизмом. Вместе с тем несомненно и то, что Соважо явно недооценивает известных положительных сторон яфетической теории, в частности учения Марра о роли труда в развитии человеческой речи.

Интересный доклад Шарля Парэна трактует применение материалистического понимания истории к изучению античной древности. Парэн подвергает критике идеалистические и националистические взгляды буржуазных ученых — в том числе и заявления небезызвестного депутата социал-реформиста Брака, — согласно которым античная культура была надклассовой культурой, всецело проникнутой гуманизмом, и что она и поныне еще лежит в основе современной западной культуры. Парэн прямо указывает, что вся буржуазная научная литература имеет своей целью стабилизацию преимуществ буржуазии как в их собственных глазах, так и в глазах эксплуатируемых классов. Парэн указывает, что даже квази-«материалистическая» терминология такого отпетого ученого-реакционера, как белоэмигрант Ростовцев, который говорит о капитализме, о буржуазии и о пролетариате в древности, вызывает страхи у буржуазной профессуры. А между тем взгляды Ростовцева, проводящего аналогию между Римской империей и современным капитализмом, по словам Парэна, «покоятся на тех же основах, что и фашистская идеология, которая скрывает под антикапиталистической фразеологией «вою прочную привязанность к принципам капитализма» (стр. 180). Парэн под-

черкивает, что для исторического материализма основным является не борьба классов вообще, но «ряд общественных преобразований, необходимо ведущих к социалистической революции и к установлению бесклассового общества» (стр. 178).

Вторая половина сборника состоит из четырех статей, авторы которых стремятся дать положительное изложение диалектического и исторического материализма и выяснение философского генезиса марксизма.

Большой очерк Ренэ Моблана «Гегель и Маркс» ставит своей задачей выяснить взаимоотношения философии марксизма с философией Гегеля. Эта тема является новой для французской философской литературы. Буржуазные историки философии: Фулье, Лаланд и другие — даже не считают нужным упомянуть о Марксе, говоря о разложении гегелевской школы и в статьях о диалектике. Но, поставив перед собой эту ответственную и важную задачу, Моблан полностью не справился с ней и допустил ряд серьезных ошибок.

Моблан явно ошибочно отрывает — это видно и из дальнейшего его изложения — метод Гегеля от его философской системы. Он не видит коренной противоположности материалистического метода Маркса идеалистической диалектике Гегеля, хотя сам цитирует известные слова Маркса в его предисловии к «Капиталу». Возникновение марксизма — для него лишь известный «прогресс» в сравнении с Гегелем, а не качественно новая ступень научного познания. Диалектику Моблан понимает как узко логическую проблему.

Между тем материалистическая диалектика представляет собой единство мировоззрения и метода марксизма. Материалистическая диалектика, как указывает Ленин, есть одновременно и логика и теория познания: она есть учение о законах движения и развития как всего материального мира — природы и общества, так и человеческой мысли.

Огромная пропасть отделяет марксизм как высшую и совершенно новую ступень научного познания от гегелевской философии, которая могла послужить Марксу и Энгельсу лишь одним из теоретических источников в процессе исторического приготовления и развития марксизма. Говоря о философской эволюции Маркса, нельзя забывать и о других теоретических источниках марксизма: о классической политической экономии, о французских революционных материалистических учениях и о тесно связанном с этими последними французском утопическом социализме. Нельзя говорить об этой философской эволюции Маркса и Энгельса, не выявляя одновременно ее социальных корней — в развитии революционного рабочего класса. Автор не вскрывает классовых корней философии Гегеля и не показывает, как классовая грань между Марксом и Гегелем получает свое отражение и в их философии.

Характерно, что отцом диалектики Моблан считает идеалиста Платона и в то же время совершенно игнорирует элементы диалектики в логике Аристотеля, у которого он находит лишь «статическое понимание мира». Автор явно незнаком с высокой оценкой Аристотеля, как диалектика, в работах Маркса, Энгельса и Ленина. По мнению Моблана, Гегель, отправляясь от Канта, «делает обратный скачок к платоновской логике» (стр. 195). Логика Гегеля Моблан рассматривает как «новую и более обширную логику, которая, хотя этого или нет, есть логика всей современной философии» (стр. 198). Говоря об идеализме Гегеля, Моблан считает, что этот идеализм не является нематериалистическим (*immaterialiste*) на том-де основании, что идеализм Гегеля признает существование внешнего мира! Автор явно не понимает, что объективный идеализм Гегеля хотя и признает мир независимым от единичного человеческого субъекта, но зато делает его инобытием абсолютного духа. В этом отношении идеализм Гегеля остается столь же противоположным и враждебным материализму, как и субъективный идеализм.

Отсюда явно ошибочен и заключительный вывод Моблана: «Гегельянство было диалектическим идеализмом. Оно содержало два элемента: плодотворный метод

диалектики и бесплодную систему идеализма. Марксизм сохраняет диалектику и отбрасывает идеализм, который он заменяет материализмом» (стр. 227). На деле марксизм не просто сохраняет гегелевскую диалектику, но подвергает ее глубочайшей критике и коренному преобразованию. Марксизм материалистически перерабатывает диалектику Гегеля: он ставит ее «с голозы на ноги» (Маркс). Толкование же, которое Моблан дает философской эволюции Маркса, идет по той же линии, которую развивали в пределах Советского союза представители меньшевистствующего идеализма.

Значительно выше по теоретическому уровню статья Поля Лаберенна «Диалектический материализм и наука». Автор противопоставляет философские позиции марксизма механистическому материализму, позитивизму, эмпириокритицизму Маха. Он доказывает, что ход развития всего современного естествознания целиком подтверждает диалектический материализм. В отличие от Моблана, находящего у Огюста Конта «замечательные формулы», Лаберенн является решительным противником позитивизма, в частности в его контистской форме. Он критически относится к работам Плеханова и Бухарина, указывая, что оба эти автора часто отходят от подлинно марксистской позиции; он цитирует работы Ленина как наиболее правильное выражение марксизма.

Лаберенн подвергает критике старый, механистический материализм: он показывает, что диалектический материализм совершенно по-иному разрешает вопрос о свободе человеческой воли, о взаимоотношении причин и следствий. В позитивизме Лаберенн видит новую форму механицизма: он напоминает позитивистам известную ленинскую критику объективизма, отрыва научной теории от практики, данную Лениным еще в «Экономическом содержании народничества». Автор указывает также на коренное отличие марксизма от эмпириокритицизма Маха, от прагматизма В. Джемса. Новейшие достижения математики и физики, по словам Лаберенна, окончательно разрушают старые, механистические представления о причинности, пространстве, времени и т. д. Работы Эйнштейна, Гейзенберга и других, несмотря на наличие в них идеалистических и реакционных тенденций, будят диалектическую мысль, выдвигают ряд проблем диалектики. Лаберенн весьма удачно цитирует замечательное место в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленина, где Ленин показывает, как новейшие физические открытия — невесомость эфира, отсутствие у электрона иной массы, кроме электромагнитной, и т. д. — только подтверждают истину диалектического материализма.

Следует отметить одну ошибку Лаберенна. По его мнению, новейшая теория пространства и времени Эйнштейна противоречит тому, что писали о пространстве и времени Энгельс и Ленин. Он находит утешение в том, что взгляды Энгельса и Ленина отражали состояние науки их времени и что в этих их положениях «нет ничего абсолютного». Здесь явное недоразумение! Никогда и нигде Энгельс и Ленин не защищали старых, механистических взглядов Ньютона на пространство и время. Единственное, что они утверждали, — это независимость пространства и времени от человеческого сознания, от субъекта. Автор явно смешивает здесь диалектический характер естественно-научных теорий Эйнштейна и имеющиеся в его работах, а в особенности у его последователей, явные элементы махистского идеализма.

Мы отмечаем эту ошибку, которая, если она вовремя не будет выявлена и исправлена, может привести французских ученых к целому ряду ошибочных выводов. Противоречия между Энгельсом и Лениным и теоретиками новейшего естествознания начинаются отнюдь не там, где эти теоретики проводят диалектический взгляд на причинность, пространство и время в противоположность старому, механистическому естествознанию. Противоречия начинаются лишь там, где эти современные теоретики объявляют относительный характер пространства и времени зависящим от наших субъективных представлений, скатываясь таким путем к физическому идеализму. Нужно поэтому уметь отделить в их физических теориях рациональное зерно, не забывая ни на минуту об идеалистических тенденциях этих тео-

рий и критически перерабатывая их научные достижения в свете диалектического материализма.

В последней части своей статьи Лаберенн кратко останавливается на взаимоотношениях диалектического материализма и других наук в Советском союзе. Он рассказывает о борьбе, которую марксизму пришлось выдержать с многочисленными уклонами, с механицизмом Бухарина, «политически принадлежавшим к правому уклону», с идеалистическими, меньшевистскими тенденциями, гегельянскими и кантианскими (Рубин), — о той роли, которую в этой борьбе сыграли теоретические дискуссии. Лаберенн останавливается особенно подробно на известной статье тов. Стецкого в «Правде» от 4 июня 1932 г., подчеркивая ту огромную роль, которую эта статья сыграла в борьбе с якобы «диалектической» схоластикой и для развертывания подлинно научного исследования в Советском союзе. В противоположность мнению реакционного ученого Ружье, который сделал из статьи тов. Стецкого вывод о печальном состоянии советской науки (см. «Revue de Paris» от 1 апреля 1934 г.), Лаберенн утверждает, что систематическая борьба с теоретическими уклонами лишь способствовала углублению марксистской теории, которая стала «истинным руководителем новой мысли, рождающейся в Советском союзе» (стр. 238).

Лаберенн приходит к выводу, что диалектический материализм представляет собой «продукт самого научного развития», что он «живет одновременно и в теории и в конкретной действительности», что усвоение марксистского метода может помочь любому профессору математики не только лучше понять современную теорию, но и принять практическое участие в общественной жизни. Цель диалектического материализма — не только объяснить мир, но, следуя знаменитому выражению Маркса, преобразовать его.

Очерк Жоржа Фридмана также в основном направлен против механистического мировоззрения и против попыток ревизии марксизма со стороны социал-реформистов. Он сосредоточивает внимание читателей на специальном вопросе — «Взаимодействие в диалектическом материализме». Фридман справедливо подчеркивает, что мы нередко имеем дело с односторонним, неверным пониманием марксизма как «экономического материализма». Он прослеживает проблему причинности в истории философии — механическое ее понимание у Спинозы, антиномии Канта, диалектико-идеалистическое понимание ее у Гегеля, наконец, учение Маркса — Энгельса — Ленина о взаимозависимости и универсальной связи всех вещей. Важная проблема исторического материализма, интересующая Фридмана, — вопрос о значении человеческой воли в историческом развитии общества. Автор правильно указывает, что, выделяя производственные отношения, как определяющие все прочие общественные отношения, марксизм в то же время видит в воле человека важнейший исторический фактор, без которого немислимо само историческое развитие, — что «люди делают свою историю». Необходимость в пределах классового общества, отмечает Фридман, есть необходимость, которая определяется господствующим классом. При историческом исследовании мы должны все время иметь в виду это взаимодействие человека и условий его существования.

Правильно в основном освещая эти вопросы, Фридман позволяет себе некоторые сомнительные утверждения. Эти ошибки проистекают, на наш взгляд, из-за недостаточного глубокого понимания автором диалектического закона единства противоположностей. Фридман, видимо, отождествляет этот основной закон диалектики с другим законом — с отрицанием отрицания. С другой стороны, он склонен изображать единство и борьбу противоположностей в духе гегелевской триады — как смену тезиса, антитезиса и как синтез противоречащих положений. «Тезису, — пишет Фридман, — противопоставляется антитезис. Но как только этот последний находит свое осуществление, он воздействует в свою очередь на тезис и принуждает его к превращению в синтез».

В своем замечательном отрывке «К вопросу о диалектике» Ленин дал глубокое, исчерпывающее объяснение того, в чем заключается «суть» диалектики в отли-

чие от вульгарной концепции эволюции. Эту «суть» диалектики Ленин видит в раздвоении единого, во взаимном проникновении противоположных сторон, частей, моментов единого и одновременно в их взаимном исключении в борьбе, происходящей между ними. Взаимопроникновение сторон, их взаимные переходы, их единство, подчеркивает Ленин, временно, условно, относительно; борьба же противоречащих сторон абсолютна, как абсолютно самое движение. Результатом борьбы противоположностей — борьбы содержания и формы, производительных сил и производственных отношений, буржуазии и пролетариата и т. д. — должно явиться новое качество, новое единство противоположностей, а не простое «синтетическое» примирение обеих противоположностей.

Между тем противоположности выступают у Фридмана не как различие внутри единства, а как своего рода сменяющие одна другую ступени развития; при этом им недостаточно подчеркивается борьба противоположностей, важность чего особенно отмечал Ленин.

Отсюда, быть может, чрезмерный релятивизм автора, недостаточное понимание им основы, на которой протекает взаимодействие. Так например выражение «условия» у Маркса он противопоставляет причинной связи явлений. Между тем марксизм, не ограничивая универсальной связи явлений одной категорией причинности, вместе с тем подчеркивает все огромное значение причинной связи. Автор также слишком доверчиво относится к географическому материализму Плеханова; он явно преувеличивает влияние Спинозы на марксизм, следуя здесь также взглядам Плеханова, Деборина и Тальгеймера (см. его ссылки на стр. 264).

Брошюра Плеханова «Основные вопросы марксизма», на которую ссылается Фридман, особенно ясно обнаруживает географический «уклон» Плеханова: его стремление поставить развитие производительных сил общества, развитие внутренних закономерностей общественной жизни в зависимость от свойств внешней географической среды. Такой взгляд Плеханова ведет к тому, что общество превращается в пассивный придаток слепых сил природы и предаются забвению качественные особенности каждой ступени общественного развития — капитализма, социализма — и их активное воздействие на ход дальнейшего развития общества. Плеханов же склонен был рассматривать марксизм как новейшую форму спинозизма, проводя взгляды Спинозы в своем учении о всеобщей одушевленности материи и т. п.

В своей оценке Спинозы марксисты Советского союза отнюдь не следуют взглядам Плеханова. Отмечая все выдающееся значение Спинозы в истории материализма, марксизм-ленинизм в противоположность меньшевистствующим идеалистам подчеркивает всю историческую ограниченность взглядов Спинозы и их механистический характер.

Заключительный очерк сборника, принадлежащий Жану Баби, отведен историческому материализму. К сожалению, автор предпочел здесь дать обширные выписки из Маркса, Энгельса, Ленина и в гораздо меньшей степени свою собственную теоретическую аргументацию. Баби определяет исторический материализм как научное понимание истории. В чем же научность метода исследования исторического материализма? В том, отвечает Баби, что исторический материализм отправляется от наиболее простых отношений — отношений производства, находимых и в абстракции и в самой действительности, и изучает действительное развитие этих отношений. Ссылаясь на «Немецкую идеологию» и «Капитал», Баби показывает, что отличие человеческого общества от животного мира заключается в процессе труда, в процессе производства. Общественное разделение труда, указывает Баби, кладет начало частной собственности и появлению классов. Далее, автор переходит к диалектике общественного развития, показывает, как нарастает конфликт между производственными отношениями и производительными силами. «Эти производительные силы суть вначале сами люди, затем их орудия, позже машины, домашние животные, наконец, разделение труда, которое увеличивает его производительность и действует так же, как производительная сила» (стр. 295).

Баби доказывает дальше, что концепция Маркса отнюдь не является односторонним экономическим материализмом, и подвергает по этому вопросу контр-критике взгляды французского историка Анри Сэ, одного из новейших противников и «критиков» исторического материализма. Далее, автор чрезмерно кратко говорит о теории классовой борьбы, об историческом материализме, «рассматриваемом как революционная практическая деятельность». На базе исторического материализма, говорит Баби, Маркс «выявил принципы организации бесклассового общества и формы правления, необходимые тотчас же после свержения буржуазии, — именно диктатуру пролетариата. Это научное понятие исторической необходимости диктатуры пролетариата как переходной формы государства для осуществления перехода от буржуазного общества к обществу без классов есть одно из важнейших открытий Маркса, вытекающее из последовательного применения исторического материализма. В противоречии с наглой фальсификацией Каутского фундаментальная идея диктатуры пролетариата проходит через все работы Маркса и Энгельса» (стр. 309). Этим и объясняются недоверие, отрицание, враждебность буржуазной науки и культуры к историческому материализму. «Как могло быть иначе!» — восклицает Баби.

Следует отметить, что в своей характеристике исторического материализма Баби совершенно обходит молчанием важнейшее понятие исторического материализма — понятие общественно-экономической формации, без которого не может быть правильного понимания общества в его конкретном историческом развитии, без которого не может быть проведена борьба с буржуазной абстрактной социологией и с эмпиризмом буржуазных историков. Точно так же никакого внимания Баби не уделяет таким важным проблемам материалистического понимания истории, как роль личности в истории, формы классовой борьбы, классовая природа идеологии, вопрос о самостоятельности их развития, проблема стихийности и сознательности в историческом развитии рабочего класса, роль революционной партии в этом историческом развитии. Совершенно очевидно, что несмотря на благие намерения автора и его заключительные положения о связи исторического материализма с революционной практикой изложение Баби носит у него весьма «академический» и далеко не полный характер.

Здесь мы возвращаемся к общей оценке сборника. Дело не только в значительном налете академизма, присущего большинству статей рецензируемого сборника, — явление до известной степени естественное, поскольку мы имеем дело с учеными, только еще подходящими к марксизму и к тому же ставящими перед собой специальные научные проблемы. Усвоив себе общий подход к марксистско-ленинской философии как к материалистическому учению о развитии, авторы сборника сделали только первый шаг. У них, как мы видели, еще отсутствуют достаточный учет и понимание роли и значения целого ряда основных проблем марксистско-ленинской теории отражения, закона единства противоположностей как сути диалектики, проблемы качества, взаимоотношения экономики и техники, роли классовой борьбы в историческом развитии общества, науки и философии. Что особенно существенно, у авторов сборника, как правило, еще отсутствует отчетливое понимание неразрывной связи, существующей между революционной теорией и революционной практикой пролетарской борьбы, отсутствует понимание того, что главным в марксизме является учение о диктатуре пролетариата.

Марксизм вконец преодолевает старый порок буржуазного общества — отрыв теории от практики. Марксизм есть живое единство революционной научной теории и революционной практики международного рабочего класса, соединение самой строгой научности с самой последовательной революционностью. Ярким выражением этого единства теории и практики является то, что марксизм открыто подчеркивает партийность своей научной теории.

«Теория, — говорит товарищ Сталин, — есть опыт рабочего движения всех стран, взятый в его общем виде. Конечно, теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно так же, как и практика

становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией. Но теория может превратиться в величайшую силу рабочего движения, если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой, ибо она, и только она, может дать движению уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий, ибо она, и только она, может помочь практике понять не только то, как и куда двигаются классы в настоящем, но и то, как и куда должны двинуться они в ближайшем будущем» (Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 13. 10-е изд.

Партийность марксистской теории, таким образом, отнюдь не противоречит ее строгой научности, но, наоборот, является прямым логическим выводом из научного изучения исторического развития общества. Вот почему важнейшим вопросом теории марксизма является вопрос о диктатуре пролетариата как основном содержании пролетарской революции. Ленин указывал, что одного признания классовой борьбы еще не достаточно для того, чтобы быть марксистом: марксист — лишь тот, кто доводит признание классовой борьбы до диктатуры пролетариата. Учение о диктатуре пролетариата, об условиях ее революционной подготовки, равно как и весь научный коммунизм, логически вытекает из философских основ марксизма. Под этим углом зрения только и возможны правильное усвоение и освещение всех сторон диалектического материализма как мировоззрения и метода рабочего класса.

В предисловии к сборнику содержится признание, что на авторах его наряду с тягой к марксизму могло сказаться также влияние традиций и привычек прошлого, что уже это одно могло приводить их к известным отклонениям от правильной интерпретации марксизма. Наличие не изжитых еще до конца иллюзий и навыков мышления о «независимости» науки, боязнь показаться слишком «односторонними», укоренившееся почтение к позитивизму, столь характерному для буржуазной науки, и т. п. и, в целом, недостаточная связь научной теории с практикой революционной борьбы — такова причина серьезных недостатков воззрений целого ряда представленных в настоящем сборнике авторов.

Авторы сборника в основном уже преодолели старые идеалистические, механистические и позитивистские навыки мышления. Но в своих рассуждениях о взаимодействии, о значении человеческой воли и т. п., утверждая истину марксизма, они скорее как бы «оправдываются», обороняются от буржуазных «критиков» марксизма, нежели переходят в революционное наступление на форпосты буржуазной науки и культуры. Призван неизбежный крах капиталистической системы и неспособность ее дать что-либо в дальнейшем для научного развития, обратив свои надежды к стране строящегося социализма, они еще не связали этих надежд с борющимся французским рабочим классом, с его коммунистической партией, с Коммунистическим интернационалом. Вот почему проблемы классовой борьбы, вопросы государства и диктатуры пролетариата занимают такое ничтожное место в сборнике. Целый ряд основных вопросов: проблема партии рабочего класса и отношение к ней научной интеллигенции, задачи и цели политической борьбы, утверждение партийности науки и научной работы — все эти вопросы обходятся авторами сборника и, во всяком случае, не поднимаются в данной книге.

Теоретически углубить свое понимание марксизма, придать ему должную политическую заостренность, начать непримиримую борьбу с буржуазными теориями, каждый в своей специальной области, — таковы основные задачи, стоящие перед данной группой французских ученых.

Недостаточно полное и глубокое знание марксизма — другая, не менее существенная причина этих ошибок. Не овладев еще полностью революционной, творческой сущностью марксизма, французские ученые склонны рассматривать марксизм как нечто раз навсегда данное, изложенное в работах Маркса и Энгельса. Они еще не видят в нем живого, развивающегося учения, не видят основных этапов в развитии марксизма, которые имеют свои корни в историческом развитии рабочего класса и в переходе капитализма на его высшую ступень — ступень импе-

риализма и пролетарских революций. Некоторые из названных авторов цитируют работы Ленина, но и в этом случае они не обнаруживают достаточного понимания ленинизма как новой и высшей ступени в развитии марксизма вообще и марксистской философии в частности. У них нет еще всей полноты знания марксизма, нет еще ясного представления о всех богатствах теоретической сокровищницы марксизма, о том новом и особом, которое вносят в теоретическую сокровищницу марксизма работы Ленина и Сталина. Даже с работами Маркса и Энгельса не все из названных авторов знакомы в оригинале; нередко цитируют их по исследованиям Мейерсона и других буржуазных авторов! Авторы явно незнакомы и с новейшей марксистской литературой, выходящей в СССР.

Важнейшая и тяжелейшая задача, стоящая перед французскими учеными, — это целиком овладеть учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина из его первоисточников, получить отчетливое представление об исторических этапах развития марксизма, об его актуальных задачах и проблемах, понять и освоить его как марксизм-ленинизм.

Мы не сомневаемся в том, что рецензируемый сборник является только началом, что большинство его авторов, как мы надеемся, сумеет быстро исправить свои ошибки, перестроиться и еще теснее сомкнуться с советской марксистско-ленинской наукой. Руководящие товарищи из французской компартии должны всемерно придти к ним в этом отношении на помощь.

И. РАЗУМОВСКИЙ.

А. Д. Сперанский.—Элементы построения теории медицины. М. Изд. ВИЭМ. 1935 г.

Вопросы нервного трофизма приобрели огромный интерес не только для медиков, но и для широких кругов биологов.

Вокруг вопросов нервного трофизма в связи с публичными и печатными выступлениями А. Д. Сперанского разворачиваются горячие споры, как это показала конференция патологов в 1934 году. Эта тема находит большой отклик на научных съездах, конференциях, при этом многие решительно возражают против введения в монистический принцип учения о нервном трофизме. Сразу следует признать, что разбираемая нами книга решительно и принципиально отличается от обычных медицинских изданий, хотя бы и трактующих общие проблемы медицины. Это отличие идет по следующим направлениям: во-первых, в книге отображен и систематизирован огромный экспериментальный и клинический материал по вопросам нервного трофизма, накапливавшийся в течение более десяти лет и проводимый иногда в условиях сложной экспериментальной техники; во-вторых, в книге заострены основные современные проблемы теории медицины, как то: проблема локализации, проблема специфичности в медицине, проблема части и целого, проблема болезни, проблема причинности, времени и пространства, проблема специфической и неспецифической терапии болезни и т. д.; в-третьих, автор не только не уклоняется, а, наоборот, во всей остроте ставит вышеперечисленные вопросы, которые далеко выходят за пределы теоретических проблем медицины и смыкаются с общепhilosophическими проблемами. Достаточно, к примеру, указать, что уже с первых строк в предисловии к книге автор ставит проблему исторического и логического в эксперименте.

Сочетание всех этих черт, объединенных к тому же не механически, а составляющих определенное единство экспериментальных фактов и теоретических проблем как вытекающих из эксперимента, так и определяющих эксперимент,—все это вместе взятое представляет огромный интерес не только для медика, биолога, но и философа.

Первые работы Сперанского были начаты в лаборатории академика И. П. Павлова на собаках, у которых производились различные оперативные вмешательства на нервной системе, в результате которых некоторая часть собак страдала судорожными явлениями типа эпилептических припадков, наблюдаемых у людей.

Для того чтобы выяснить, какую роль играет нервная система в разворачивании этих судорожных состояний, требовалось не только изучить тех животных, у которых эти судорожные приступы наступали как те или другие осложнения операций, но и воспроизвести по усмотрению экспериментатора эти состояния на предмет их изучения. В этих целях Сперанский предложил метод замораживания с помощью углекислоты коры головного мозга, результатом чего являлись судороги у собак, продолжавшиеся по нескольку часов подряд и оканчивавшиеся в некоторых случаях смертельным исходом. Эта работа поставила целый ряд вопросов об экспериментальной эпилепсии и ее нервном механизме, а также о роли отдельных частей нервной системы и нервной системы в целом в разворачивании этих состояний. Самый механизм разворачивания судорожных состояний понимается как

снижение тонуса подкорковых отделов мозга, лишившихся постоянного нормального раздражения со стороны корковых клеток, разрушенных замораживанием. В результате этого снижения и наступают судорожные состояния. Таким образом, в этом частном вопросе — патогенезе эпилепсии — был вскрыт нервный механизм как решающий.

Далее, подвергался большой экспериментальной разработке вопрос о роли церебральной жидкости в генезисе некоторых форм энцефалита, с выяснением вопроса о токсичности цереброспинальной жидкости. Но этот вопрос повел за собою большую экспериментальную разработку вопроса о циркуляции цереброспинальной жидкости в мозгу и в его подбололочечных пространствах.

Этими работами были показаны пути циркуляции жидкости и связь их с лимфатической системой. Таким образом было прослежено то ложе, по которому движется тот или иной инфект или токсин извне к нервной системе, и этим было показано, что любая инфекция или токсин, попавши в организм через любые входные ворота, попадает в эти каналы и по ним доносится к нервной системе.

Как определенный логический вывод из этих работ была поставлена целая серия экспериментов для выяснения вопроса о роли нервной системы в патогенезе некоторых инфекций, как например бешенства, дифтерии, столбняка, дизентерии, скарлатины, кори и т. д. Различно варьируя эксперименты и применяя противинфекционную сыворотку у животных, был выяснен вопрос, что при данных инфекциях в основном дело идет о свойствах реагирующего объекта, т. е. что специфичность действия от данной инфекции связана с характером реагирования на нее нервной системы.

Уже в результате этих исследований Сперанский утверждает, что «наши представления об инфекционных и токсических процессах, как о процессах от начала до конца специфических, неверны». «Во всех этих случаях специфический агент только начинает процесс. Дальнейшее его развитие подчиняется другим условиям, устранить которые специфическая сыворотка не может» (стр. 115).

Эти исследования наряду с проблемой специфичности поставили вопрос о локализации процессов и о так называемых отраженных симптомах во время болезни. В организме нервная система всегда проявляет себя в связи с функциями других органов, и поэтому если внутри нее происходят изменения, то они найдут отображение и на периферии. Реакции, имеющие в нормальных условиях определенный цикл течения, меняются. При этом иногда отраженные симптомы могут выступать как решающие. Вот почему прежние представления о локус морби должны быть пересмотрены в сторону наличия так называемых реперкуссивных (отраженных) феноменов. С этой точки зрения автор справедливо объясняет и некоторые методы вмешательства в патологические процессы, которые построены на том же реперкуссивном принципе (в частности метод спинномозгового прокола, названный автором буксацией).

Строго местных процессов, ограничивающихся узкоместными поражениями, как правило, не бывает. Все процессы являются общими, поскольку они возникли после приложения раздражителя, и делаются известными нервной системе, а она дает на них те или другие реакции, иногда на большом отдалении от первоначального местного очага.

Как дальнейшее экспериментальное доказательство этих положений было развернуто интересное и сложное по техническому выполнению вмешательство с наложением восковых или стеклянных шариков на область промежуточного мозга. Цель этих экспериментов была направлена к тому, чтобы показать, какие дистрофические процессы в организме наступают в результате этого раздражения, а тем самым еще раз в свете новых данных поставить проблему локализации процесса и проблему специфичности его. С одной стороны, всякий местный процесс, как это было показано предыдущими работами, сводящийся иногда к повреждению периферических нервов, не только ограничивается раздражением на перифе-

рий, но создает определенный болезненный очаг в центре, и раздражение центрального конца пострадавшего нерва может положить начало всему процессу. А с другой стороны, как это показал опыт с шариками, дистрофия начинается с глубоких частей и постепенно достигает поверхности, доходя иногда до состояния глубоких незаживающих язв, причем эти дистрофические состояния весьма переменны; начиная от воспаления слизистых оболочек носа, глаза и кончая разными формами воспалений, вплоть до гангренозных процессов в легких, в желудочно-кишечном тракте, образования всякого рода трофических язв конечностей, образования водяного рака и т. д. Интересно также отметить, как это выяснено экспериментом, что первоначальный раздражитель, даже если он устранен вскоре после его нанесения, играет роль лишь первого удара по нервной системе, а весь дальнейший процесс разворачивается в нервной системе. Поэтому, если раздражение, исходившее из пострадавшего участка, достигало какой-то определенной силы, то остановить его нельзя было даже при условии удаления раздражителя, т. е. тем самым была лишняя раз подчеркнута решающая роль нервной системы в организации патологического процесса. Степень разворачивания дистрофического процесса, прослеженного экспериментально, такова, что некоторый период времени дистрофия может выступать в форме так называемого скрытого поражения, т. е. тогда, когда еще вовне себя процесс не выявил то, что в медицине применительно к инфекционным болезням называется инкубационным периодом. Но оказывается, что этот скрытый период есть не что иное, как определенное состояние еще не развернутого вовне раздражения нервной системы, которое затем выявляется вовне в зависимости от степени реагирования нервной системы на дачный вид раздражителя, причем степень реагирования зависит не столько от природы внешнего раздражителя, сколько от состояния реагента. Приведенные морфологические данные изменения нервных клеток при разных дистрофических процессах как иллюстрируют, что иногда слабая концентрация одного и того же вещества дает более резкие морфологические изменения нежели сильная. Поэтому Сперанский, пользуясь этими данными, утверждает, что в течении процесса играет роль не столько непосредственный раздражитель, сколько сам акт раздражения и состояние реагента, т. е. нервной системы, в каждый данный момент.

Здесь можно спорить о том, в какой мере справедливо устранять какую бы то ни было роль внешнего раздражителя в степени организации процесса. Может быть, в целях наибольшего подчеркивания роли нервной системы в организации патологического процесса в связи с той недооценкой, которая существовала в патологии, и автор и правильно делает, когда весь акцент ставит на нервной системе, и даже больше того: когда исключительно весь патологический процесс связывается только с характером реагирования на раздражитель нервной системы. Но, тем не менее, никак нельзя устранить в разворачивании патологического процесса и природу внешнего раздражителя. Несомненно, что разность природы внешнего раздражителя при всем значении нервной системы все же так или иначе скажется на течении патологического процесса. Правда, автор и сам в одном месте говорит, что свойства самого раздражителя играют несомненную роль. Тем не менее нервной системе нужно отвести роль организатора процесса. Сперанский говорит: «Сила раздражителя есть степень раздражения. Степень же раздражения есть сумма многих процессов, разворачивающихся последовательно, и учет ее должен вестись до конца, т. е. до момента действительного угасания всех явлений. Тогда легко может оказаться, что вредность слабого по первоначальной реакции раздражителя не меньше или даже больше чем сильного» (стр. 179).

Большое внимание было уделено вопросам воспалений и роли нервной системы в этом процессе. Вся сумма предыдущих экспериментов показала, что воспалительный процесс в тканях вызывает внутри нервной сети дистрофические явления и через эти явления процесс возвращается на периферию в виде разного рода

местных изменений. «Основной причиной их образования является нарушение нормальных нервных отношений в определенном участке тканей, связанном через цепь нервных звеньев с родоначальником всего процесса, т. е. с очагом первичным» (стр. 191). Таким образом, весь процесс может быть схематически представлен как движение от первичного очага к нервной системе и от нее на периферический очаг, т. е. таким образом судьба первичного процесса, как справедливо говорит Сперанский, перестает быть замкнутой в круг местных условий и частных закономерностей, ибо наступает общая реакция нервной системы. Свообразие реактивной способности данного места зависит от своеобразия его нервных отношений, поэтому, изменяя их, можно получить другой ответ со стороны нервной системы. Течение местных воспалительных очагов стоит в непосредственной зависимости от того, в какой форме и степени вовлечена в процесс нервная система. Изменение нервных отношений внутри данного органа при известных условиях может содействовать повороту воспалительного процесса в благоприятную сторону.

Отсюда напрашивается необходимость разработки вопросов терапии при разных воспалительных состояниях. В связи с изучением местных воспалительных очагов экспериментально был проверен вопрос местной иммунизации. При этом показано, что в выработке местной иммунизации решающая роль также принадлежит нервной системе, ибо денервация той или другой ткани не ведет к выработке местного иммунитета.*

Наряду с многочисленными экспериментами приведены и клинические факты различных дистрофических состояний и инфекций, при которых производилось вмешательство на нервной системе или методом буксации или методом новокаинового блока, который вел к изменению патологических процессов и вне всякой, так называемой специфической терапии мог давать положительный эффект. Эти клинические иллюстрации являются лишним доказательством основных теоретических положений о решающей роли нервной системы в организации патологического процесса путем нанесения тех или иных раздражений за нервную систему, в результате которых могло измениться и течение патологического процесса. Совершенно неправильным поэтому является то представление у некоторой группы врачей, которая связывает учение о нервной трофике Сперанского с так называемым новокаиновым блоком (вливание 4-процентного новокаинового раствора в область надпочечной капсулы). Новокаиновый блок является лишь одним из многих возможных приемов воздействия в условиях патологического процесса на нервную систему, в результате которого должно наступить изменение патологического процесса.

Приведенные клинические факты, с одной стороны, показывают роль нервной системы в организации на первый взгляд принципиально различных клинических форм, а по существу имеющих в основе своей единый нервный механизм; с другой стороны, показывают, что правильный подбор тех или иных методов воздействия на нервную систему может оказаться решающим для благоприятного течения заболевания.

Для того чтобы уяснить всю ценность этих работ, необходимо указать их историю вопроса о нервном трофизме. Еще более ста лет назад Мажанди, повреждая внутричерепные части тройничного нерва у кроликов, отмечал у них последовательные заболевания глаз в форме кератита. Опыты эти были повторены Самюэлем, Мейснером, Шифом и др. Французский невропатолог Шарко утверждал, что «в патологии нет ничего столь же плохо установленного, как трофические расстройства на почве повреждения нервных центров или нервов». Важным этапом в разработке проблемы нервного трофизма являются диссертации Разумовского об «атрофических процессах в костях после перерезки нервов» и И. П. Павлова «об усиливающих нервах сердца». Далее, целая серия работ Шписа по экспериментально-клиническим исследованиям применения анестезирующих веществ для лечения некоторых патологических процессов стоит в той же связи. Разработка проблем

нервного трофизма производилась также Гаскелом, Ланглеем и Шерингтоном, разрабатывавшими проблему вегетативной нервной системы, а также Леришем, который методом оперативного вмешательства на вегетативной нервной системе вочью показал трофические функции этой части нервной системы. Целый ряд ученых нашей страны и Европы в течение ряда лет разрабатывал проблему нервного трофизма или под углом зрения выяснения роли нервной системы в тканевом обмене или под углом зрения выяснения роли вегетативной нервной системы, связанной со всем многообразием секреторных функций в организме.

Некоторые пытались свести всю нервную трофику только к вегетативной нервной системе. Другие, наоборот, как во время Самюэля, так и в настоящее время, выступая против понятия нервного трофизма, утверждают, что эти функции нельзя физиологически показать так же, как нельзя продемонстрировать морфологический субстрат этой трофики. Но все дело при подобных утверждениях состоит в том, что в понимании нервной трофики исходят из прежних узко локальных и сугубо аналитических представлений. Так например принято считать, что для осуществления чувствительных функций нервная система имеет свои проводящие пути или что двигательная функция осуществляется через систему двигательных нервных проводников, и таким образом по аналогии с этой дифференциацией нервной системы ставится вопрос — показать, где же те нервные волокна, которые ведают функциями трофики, и затем показать эту трофику в условиях физиологического эксперимента.

А. Д. Сперанский совершенно справедливо замечает, в соответствии с прежде высказанным мнением акад. Павлова: считается установленным, что для доказательства некоторых функций не только уместно, но и необходимо прибегать к патологии и что, в частности, доказательство нервного трофизма вытекает из экспериментальных и клинических патологических фактов. Далее, А. Д. Сперанский на основе своих многочисленных и многогранных экспериментов показывает, что трофическая функция есть не что иное, как вся совокупность жизнедеятельности физико-химических реакций во всех тканях и органах и что функция эта осуществляется не какой-либо одной частью нервной системы, а всей нервной системой. Клиническая неврология этому знает немало примеров. Вот почему совершенно справедливым является замечание Сперанского, что «нерв только потому и секреторный, что он трофический. Одно без другого существовать не может» (стр. 274). Это положение можно распространить и далее, сказав, что нерв только потому и двигательен и особенно чувствителен, что он одновременно трофичен. Поэтому, говоря о любой функции любого органа и организма в целом, мы тем самым говорим о нервно-трофической функции как о цементирующем моменте в этой функции. Если к этому вспомнить, что вопрос о влиянии нервной системы на течение физико-химических процессов в организме решен положительно, то тогда не подлежит никакому сомнению правильность подобного утверждения о понимании нервной трофики, выдвигаемого Сперанским. Трофическая функция, безусловно, относится ко всей нервной системе и к ее любому пункту. «Любой нервный пункт, не исключая и периферических нервных образований, входит в состав трофической нервной системы и активно связан с процессами нервной трофики». Заслуга Сперанского заключается в том, что он подошел к пониманию нервной трофики не с какой-либо узкой позиции, а с учетом состояния исследований в этом направлении, определяя самое понятие нервной трофики как общую нервную форму управления физико-химическими явлениями в сложном организме. К этим обобщениям Сперанский пришел не только на основании более чем десятилетнего изучения вопросов нервного трофизма, но главным образом на основании своих многочисленных экспериментальных данных, проверенных и проверяемых в условиях человеческой патологии.

В развитии патологического процесса автором очень большое внимание уделяется фактору времени. Если пространственные представления в патологическом процессе ограничены тождеством нервных образований, то временной фактор,

т. е. тот или другой отрезок времени в развертывании дистрофического процесса от момента первичного раздражения, играет решающую роль, поскольку одно и то же пространственное выражение, т. е. одна и та же сумма морфологических нервных элементов, может развертывать процесс в каждый данный отрезок времени по-разному.

В отличие от всех прежних абстрактных решений проблемы болезни она решается тов. Сперанским на анализе ведущего звена в патогенезе патологических состояний.

Книга содержит огромный, тщательно разработанный конкретный экспериментальный и клинический материал, над которым нужно тщательно поработать объединенными силами врачей, биологов и философов. Сам автор призывает широкие круги к тщательному обсуждению и экспериментальной и клинической проверке его теоретических положений. Как показано в последних главах книги, автор стоит на правильной позиции в смысле единства теории и практики и связан с широкими кругами практических врачей, которые в условиях повседневной практики проверяют его теоретические положения и постоянно держат его в курсе своих практических успехов и неудач, дающих возможность дальнейшей экспериментальной проверки теоретических положений с учетом данных широкой практики.

Н. ПРОППЕР.

О П Е Ч А Т К И

В № 3 журнала:

на стр. 99 напечатано: $\frac{dK}{dS}$; следует читать: $\frac{dK}{dS} > 0$.

В № 4 журнала:

на стр. 163 напечатано: $mC \approx nD$; следует читать: $mC > nD$.

Редакционная коллегия
журнала "ПЗМ"

В. В. Адоратский, М. Б. Митин, Э. Кольман, П. Ф. Юдин, А. А. Максимов, А. М. Деборин, А. К. Тимирязев.

Адрес редакции: Москва, 19, Волконка, дом 14, комната 328. Здание Комкадемии.
Тел. 1-24-27

Список книг по философии, поступивших в редакцию журнала „Под знаменем марксизма“ для рецензий:

- АНТ. Прологомень. С предисл. Сараджева. 1934.
- БРУНО Д. О причине, начале и едином. С предисл. Дынника. Соцэкгиз. 1934.
- ГАМПАНЕЛЛА Ф. Город солнца. С предисл. Волгина. Изд. «Academia». 1934.
- ГЕГЕЛЬ. Сочинения. Т. II. «Философия природы». Со вступительной статьей Максимова. 1934.
- ГЕГЕЛЬ. Сочинения. Т. VII. «Философия права». 1934.
- МАРКС и ЭНГЕЛЬС. Письма. Тома XXV, XXVI, XXVII. 1935.
- ПЛЕХАНОВ Г. В. Литературное наследие Г. В. Плеханова. Под редакцией П. Юдина и др.; сборники 1-й и 2-й. Соцэкгиз.
- СЕРИЯ Л. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. Партиздат. 1935.
- ТИДРО Дени. Собрание сочинений в 10 томах. Под редакцией Луппола. Тома I и II. Изд. «Academia». 1935.
- МОРГАН Л. Древнее общество. 1935.
- ТЕККЕЛЬ. Мировые загадки. Изд. «Гудок». 1935.
- ТЕБОРИН А. Новое учение о языке и диалектический материализм. Изд. Академии наук СССР. 1935.
- ДЕМОКРИТ. Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности. Под ред. и с комментариями Баммеля. 1935.
- СПИНОЗА. Богословско-политический трактат. С предисл. Тьямского. Гаиз. 1935.
- ЭКОН Ф. Новый органон. Со вступительной статьей Тьямского. Соцэкгиз. 1935.
- АРИСТОТЕЛЬ. Метафизика. Перев. Кубицкого. Соцэкгиз. 1935.
- АНТИЧНЫЕ ФИЛОСОФЫ (тексты). Изд. Московского историко-философского литературного института. 1935.
- РУССО Ж.-Ж. Исповедь. В 2 томах. «Academia». 1935.
- СПОКОЙНЫЙ Л. Философия Лейбница. Соцэкгиз. 1935.
- ФИХТЕ. Назначение ученого. Соцэкгиз. 1935.
- ГЕГЕЛЬ. Сочинения. Т. XI. Лекции по истории философии со вступительной статьей М. Митина «История философии Гегеля». 1935.
- ЛУППОЛ И. Историко-философские этюды. Соцэкгиз. 1935.
- ГЕНРИ Г. Теория развития Гегеля и марксизм-ленинизм. Изд. Арменгиза. 1935.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1936 ГОД
НА ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

15-й ГОД ИЗДАНИЯ

Журнал выходит под редакцией Адоратского В. В., Митина М. Б., Кольмана Э., Юдина П. Ф., Максимова А. А., Деборина А. М., Тимирязева А. К.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» — боевой орган марксизма-ленинизма — ведет решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии.

В области философии журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» ведет неуклонную борьбу на два фронта: с механистической ревизией марксизма, с меньшевистствующим идеализмом и со всякого рода вульгаризаторством и упрощенчеством в марксистской теории.

Важнейшей задачей «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» являются действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, освежение материалистической диалектики в работах товарища Сталина, беспощадная критика всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они ни маскировались.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» разрабатывает теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революцией.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» объединяет для выполнения этих задач воинствующих материалистов-диалектиков, систематически выращивая большевистски выдержанные философские кадры.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, материалистическая диалектика, исторический материализм, история материализма, история социализма, критика фашизма, критика буржуазных теорий, отдел теоретической экономики, теории советского хозяйства, естествознания и техники, литературы и искусства, психологии антирелигиозный отдел, дискуссионный отдел, отдел работы семинаров ИКП; критика и библиография; отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, научных работников общественно-экономических и естественных дисциплин, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием, и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1936 ГОД:

на 1 год — 18 руб., на 6 мес. — 9 руб., на 2 мес. — 3 руб.

Цена отдельной книжки 3 руб.

Подписка принимается «Союзпечатью», почтой, письмомносками и организаторами подписки на предприятиях и в учреждениях.